

Истории из предыстории

Истории из Предыстории

СКАЗКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Карло Эмилио Гадда

Луиджи Малерба

Серджо Дзаволи

Альберто Моравиа

Стефано

Примо Леви

Марчелло Джрджилли

Мария Корти

Бенни

Джанни Родари

Итало Кальвино

Гuido Рокка

Тонино

Рене Реджани

Рафаэле Лакаприа

Карло Бернари

Эрманно Либенди

Дино Буццати

Джузеппе Понтиджа

Джузеппе Брунамонтини

Джузеппе Бонавири

Мы часто шутим,
чтоб не сойти с ума.

Чаплин

Storie della preistoria

FIABE ITALIANE
PER
GLI ADULTI

ИСТОРИИ ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ

СКАЗКИ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ

Перевод с итальянского

МОСКВА
«РАДУГА»
1990

ББК 84.4Ит
И89

Составитель и автор предисловия Лев Вершинин
Оформление Юлия Боярского
Рисунки Валерия Смирнова
Редактор И. Заславская

Истории из предыстории: Сборник сказок для
И89 взрослых: Пер. с итал./ Составл. и Предисл. Л. Вершинина.— М.: Радуга, 1990.— 511 с.

В сборник включены произведения, принадлежащие перу известных итальянских писателей (А. Моравиа, И. Кальвино, Л. Малерба, Дж. Родари и др.), написанные в жанре притчи, сказки, аллегории с философским и социально-психологическим подтекстом.

И 4703010100-226 45-90
030(01)-90

ISBN 5-05-002565-6

© Составление, предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга»,
1990

В стране волшебников и чудаков

Еще со времен средневековья сказка и басня в равной мере считались в Италии, да и в других европейских странах, жанром второстепенным, низким. Это снисходительное отношение к сказке, как народной, так и литературной, сохранилось до наших дней. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на такого знатока итальянского фольклора и классической традиции, как Луиджи Малерба. Вот что он пишет в своем предисловии к сборнику басен «Бестиарио» Леонардо да Винчи: «Сказка и сейчас представляется многим как второстепенный жанр, игнорируемый академиями и выброшенный из истории литературы. Ее отдали на откуп мифологам и антропологам, сунув в корзину, где уже лежали останки древних ископаемых, копий и стрел. Сказка, как и эти примитивные предметы, служила лесным народам и охотникам, чтобы облегчить и скрасить бесконечные темные ночи, а затем ее ограничили сферой детского чтения».

На это можно было бы возразить, что сам великий Леонардо все-таки писал сказки и басни и во многих новеллах бессмертного «Декамерона» Джованни Боккаччо нетрудно найти сказочные сюжеты. Более того, в XVII веке Джамбаттиста Базиле создал удивительный сборник сказок «Пентамерон». И нет никакого преувеличения в словах советского литературоведа Р. Хлодовского, что Базиле «был не только одним из оригинальнейших рассказчиков, но и одним из самых крупных писателей не только итальянского, но и евро-

пейского барокко». Далее, однако, Хлодовский уточняет: «До статьи и перевода Бенедетто Кроче («Пентамерона». — Л. В.) литературные сказки интересовали лишь знатоков фольклора, таких, как Витторио Имбриани, этнографов и странных типов, «эрудитов», любителей литературных раритетов и антиквариата».

Леонардо да Винчи, Боккаччо, Базиле критики прощают их «нелепую» любовь к сказкам. Что ж, причуды гениев, им многое позволено. Но уж другим — увольте!

И все же в прошлом веке усилиями Витторио Имбриани и Никколó Томмазо, а уже в нашем благодаря долголетнему труду Итало Кальвино, отстоявшего литературное достоинство итальянской народной сказки, этот жанр завоевал место под солнцем. Не сразу и довольно неохотно критика признала, что классическая итальянская литература многое почерпнула из фольклора, народных преданий и мифов. Прежде всего из мифов. Хотя бы уже потому, что сказка, в сущности, неотделима от мифа. На эту прямую, нередко нерасторжимую связь сказки и мифа указывал В. Пропп в своей известной книге «Исторические корни волшебной сказки»: «Миф не может быть отличаем от сказки формально. Сказка и миф (в особенности мифы доклассовых народов) иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называются сказками». При этом Пропп дает свое объяснение мифа: «Под мифом будет пониматься рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит». Очень важное и, главное, актуальное, на мой взгляд, замечание.

В последнее время у нас в стране стало прямо-таки модой объявлять мифотворчество вредным, ведущим к забвению разума. В пример приводятся миф о гениальности, провидческом даре и непогрешимости Сталина, миф о чистоте расы и, отсюда, о закономерном превосходстве арийцев над всеми остальными народами, столь удачно внедренный в умы немцев Гитлером. Казалось бы, эти два примера убеждают в очевидности и бесспорности утверждений противников

мифотворчества. Вот только забывают при этом, что мифы вредоносны не сами по себе. Все зависит от того, с какой целью и кем создан миф и поверил ли в него народ. Как это ни печально, в миф о сверхъестественной природе Сталина народ на определенном историческом этапе поверил. И даже не заметил, что налицо явная инверсия. В популярной песне сталинских времен утверждалось без тени сомнения: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» А на деле сделали быль сказкой. Тоскливейшую быль — веселенькой сказкой, вернее, даже байкой.

Нечто похожее происходило и в Италии в черное муссолиниевское двадцатилетие. Дуче, воспетый и обожествленный продажными историками-сказочниками, якобы привел страну к величию и славе, накормил бедных и обуздал богатых.

В таких условиях литературная сказка могла быть либо обращена исключительно в далекое прошлое, либо носить обличительный характер. С той незначительной особенностью, что обличать разрешалось лишь чужих, врагов и недоумков, почему-то не понимавших всю грандиозность и неповторимость времени, в котором им выпало счастье жить.

Замечательный детский писатель Самуил Маршак очень талантливо высмеивал и разоблачал американского расиста мистера Твистера, не замечая ни шовинизма, ни национализма в своей собственной стране. В Италии же Сальватор Готта сочинял трогательные героические сказки о балллах — юных фашистах, готовых ради дуче не задумываясь пойти на смерть.

Ну а в сфере устного народного творчества процветал анекдот — единственно возможная реакция на громогласную фашистскую риторику. После падения фашизма он вошел неотъемлемой частью в итальянскую литературную сказку, особенно в сказки Малербы, и на то были свои исторические причины.

Когда в результате второй мировой войны и немецкий и итальянский фашизм были разгромлены и на смену им в Германии и в Италии пришли демократические режимы,

наступил, как это часто бывает после времени бесправия и безгласности, период эйфории. Народ ждал и верил, что теперь-то настанет царство полной социальной справедливости и равноправия (убедительное доказательство неистребимой живучести мифов). На этот раз, правда, некоторые ожидания сбылись. Итальянцы обрели три основные свободы: печати, слова, собраний. Их жизнь со временем стала много богаче и комфортабельнее. Однако вместе с достатком и комфортом в полной мере проявила себя и социальная индифферентность — феномен, описанный Альберто Моравиа в романе «Равнодушные», что во время создания романа (1929 год) требовало от писателя немалой смелости. Но если бы восторжествовало только это совсем не евангельское безразличие к ближнему!

Новая государственная власть очень быстро бюрократилась, свои собственные интересы стала отождествлять с общенациональными, подчинила все логике обогащения, нередко ценой компромиссов с совестью.

В этих условиях писатели, сохранившие верность вековым понятиям о морали и евангельскому принципу изначального равенства людей, обратились к сатире. Они решили обо всем «говорить прямо». Критик Паоло Маури в своей монографии «Луиджи Малерба» пишет, что «в сказках Малербы эта суровая откровенность родилась из возмущения, а также из чувства бессилия гражданина перед лицом общественных властей или, вернее, намеренной бездеятельности этих последних».

Конечно, свой гнев, разочарование и растерянность перед разительным несоответствием послевоенной итальянской действительности чаяниям тех, кто сражался против фашизма, полно и сильно отразила литература неореализма — такие писатели, как Васко Пратолини, Карло Бернари, Доменико Реа, Анна Мария Ортезе, Рената Виганó. Но литература эта оказалась слишком документальной и фотографичной, чтобы передать реальность новой Италии во всей ее многогранности и парадоксальности. Пренебрежение сатирой, парадоксами вполне устраивало власти пре-

держат, которые неореализм, казалось бы, яростно клеймил. Так, Паоло Маури пишет: «Катастрофа, видимо, заключается именно в априорном запрещении парадокса во имя защиты существующего порядка. Не случайно в тридцать второй главе «Пиноккио» деревянного человечка снова приводят домой два стражника». Да-да, еще Карло Коллоди в своем искрометном «Пиноккио» с горькой улыбкой незаметно подводит нас к мысли, что общество ничего так не боится, как необычности, оригинальности суждений, не совпадающих с общепринятым здравым смыслом.

Где можно легче и удачнее всего передать мудрость шута, честность плута, искренность фантазера, как не в сказке?

Вполне закономерно, что в конце 60-х — начале 70-х годов крупнейшие итальянские писатели Альберто Моравиа, Карло Бернари, Итало Кальвино, Луиджи Малерба, Мария Корти, Джованни Арпино, Гуидо Рокка, Либерио Биджаретти стали писать сказки «для взрослых и детей», а Джанни Родари, Рене Реджани, Эрмано Либенци — «для детей и взрослых».

Грань между детской и взрослой литературами была ими стерта с умыслом. Они убедились сами и постарались убедить нас в том, что ставшая расхожей максима «Устами младенца глаголет истина» содержит в себе немалую долю яда для людей здравомыслящих и потому полных самомнения и горделивого сознания своей непогрешимости.

Карло Эмилио Гадда, удивительный писатель, любивший повторять, что больше всего на свете он боится общих мест и прописных истин, в своих «Коротких баснях» с их совершенно ошеломляющей моралью, пожалуй, первый поставил все с ног на голову.

Малерба стал достойным продолжателем этой традиции. Впрочем, в отрицании житейского здравого смысла и логики обывателя он пошел еще дальше. В сборнике сказок «Башковитые курицы» он доводит ситуации до абсурда, ведь, по словам Итало Кальвино, «для Малербы наблюдать за курицами означает установить прямую связь с абсурдом и в то же

время изучить людскую душу в ее куриных проявлениях». Мир XX века — огромный курятник, где «башковитых» куриц не так уж много. Абсурдна сама реальность, нас окружающая, оттого так трудно подчас определить, «что такое хорошо и что такое плохо». Для В. Маяковского в его прекрасном, несмотря на некоторую дидактичность, стихотворении все было слишком ясно и понятно. Не потому ли ему потом очень многое стало казаться непонятным, странным и даже диким? Плюрализм суждений и восприятия одних и тех же событий не менее, а возможно, и более важен, чем плюрализм политический. Самое главное — не надевать на человека намордник, как это сделал человек со своим верным другом собакой, чтобы та ненароком его не укусила.

Об этом Малерба рассказал в другой своей сказке — «Как собака стала другом человека», — язвительной, беспощадной, что вообще свойственно этому писателю, и не только его сказкам, но и романам «Змея», «Сальто-мортале», «Голубая планета».

В отличие от Малербы Альберто Моравиа предпочитает в своем сборнике «Истории из предыстории» мягко подтрунивать над человеческими слабостями, персонифицированными строго в соответствии с канонами классической сказки о диких и домашних животных. И Малерба, и Моравиа одинаково владеют «культурой смеха», но природа смеха у них сильно разнится. Смех Малербы не только ядовит, но и очень социален, привязан к реальности Италии наших дней.

Это отчетливо проявляется в сборниках сказок «Маленькие истории» и «Карманные истории». Прочтите сказки «Грязное небо», «Экскурсовод из Рима», «Дядюшка в аду», и вы убедитесь, что это сказки чисто итальянские. Возникает вопрос, является ли такая привязанность к месту, такая «итальянскость» этих сказок достоинством или недостатком.

В данном случае это, безусловно, не обогатило палитру писателя. Малербу отличает необычайно яркий языковой колорит — причудливое сочетание разговорного языка с учено-латинизированным, риторические вопросы, намеренные

повторы, игра слов, использование газетных клише, обнаруживающие в контексте всю свою тривиальность научные термины с ироничной окраской и рекламные призывы с их гиперболическим восхвалением навязываемого вам чуда техники и прогресса. Причудливый этот сплав в произведениях Малербы почти всегда очень органичен. Здесь же Малерба-публицист, пусть даже острый, метко-наблюдательный, явно затмевает Малербу — сочинителя и творца.

Альберто Моравиа в своих сказках более универсален, и преобладают в них не сатира, сопряженная с гомерическим хохотом, как у Малербы, а легкая усмешка, сопряженная с сатирой. Это вовсе не значит, что в «Историях из предыстории» Моравиа предстает этаким добрым дедушкой, который щедро дарит нам свое остроумие. Когда он высмеивает самого-самого — к примеру, самого могучего, смелого и умелого Дино Завра («Прыжок Дино Завра»), — его талант сатирика проявляется в полной мере. И тут присутствует у писателя мрачная метафора власти, незыблемо уверенной, будто она всегда и во всем самая первая, правая, мощная. Для Моравиа вообще не существует внутренних табу. Недаром же в сказке «Вселенский потоп, конец света и так далее» он добродушно, но не без сарказма подшучивает над Вс. Е. Вышним. Бог у него с характером — обидчивый и подчас капризный. Такое вольнодумство атеистического толка вполне в русле традиций итальянского фольклора и новеллистики Возрождения. Данте Алигьери, Джованни Боккаччо, а позднее Маттео Банделло и Джамбаттиста Базиле были людьми глубоко и искренне верующими. Это не помешало им, однако, вывести в своих новеллах и сказках алчных, похотливых, лживых монахов и весьма равнодушных к мужскому полу монахинь. Противоречие тут чисто внешнее: все четверо проводили четкую грань между религией и верой.

XX век, полный событий невиданного трагизма, лишь обострил эту несоразмерность между верой и ее церковным воплощением. В этом убежден Джузеппе Бонавири, своеобразный писатель, воссоздающий в «Сарадинских новеллах»

сказочную историю родной Сицилии на литературном языке, сквозь который проступает сицилийский диалект. У Бонавири в новелле «Сын портного» священник предстает подлинно гнусной личностью, Всевышний же, изображенный в других рассказах, приобретает сарацинские черты. Бонавири верен народной традиции многострадальной Сицилии, испытавшей нашествие сарацин и норманнов, французов и испанцев (а злые языки добавляют: «...и итальянцев с Севера»).

Между тем новеллы Бонавири по сути своей предельно религиозны. Христос в новеллах цикла «Иисус и Джуфá» не столько утешает страждущих и обиженных, защищает гонимых, сколько сам страдает и спасается от обидчиков.

Страстное стремление к справедливости и духовной свободе — один из главенствующих мотивов всей европейской народной сказки, во многом черпавшей свои сюжеты из Библии и других священных книг, культовых обрядов и религиозных обычаев.

В. Пропп в упомянутом труде отмечает: «Уже давно замечено, что сказка имеет какую-то связь с областью культов, с религией... Сказка сохранила следы очень многих обрядов и обычаев: многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение».

Мария Корти в сказке «Почему закат багровый», взяв отправной точкой старинный обычай паломничества и сбора монахами пожертвований, поднимается до серьезнейших социальных обобщений и моральных истоков истинного, а не показного, благочестия.

Оставим в стороне слово «милосердие», которое от злоупотребления потускнело, как рифма «любовь — кровь» в иронично-грустной сказке Джанни Родари «Война поэтов». До милосердия ли в наше-то время, когда люди научились прощать другому малейшую, подлинную или мнимую, оплошность! Но Мария Корти с математической, если угодно, ясностью ученого-структуралиста видит исторические корни несоответствия между словом и делом. Ее сказка

тоже парадоксальна, и кричащее противоречие в поступках священнослужителей она находит в отсутствии истинной веры как раз у них, слуг божьих. Причина в том, что они наделены чрезмерной, бесконтрольной властью, которая развращает морально и физически. Совсем неважно, какая это власть — светская или церковная, — она одинаково безнравственна, если ее носители на Земле не соблюдают библейские и евангельские заветы (а их и атеист вполне может принимать как свод нравственных норм в душе своей), иными словами, если они фарисействуют.

В этой назидательной сказке Корти подлинно религиозные ценности несет в себе бунтарь и еретик Аничето, искренне верящий в то, что «скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый попадет в рай». Убежденность в том, что истинная доброта не вывеска, а содержимое человека, стала для Аничето жизненным кредо. Неимоверно тяжки вериги доброты и правды, но они-то и приносят человеку желанную духовную свободу и от властей держащих, и от лицемерных доброхотов всех рангов и мастей.

Вековечная мечта о свободе, естественно, не могла не стать одним из сюжетов итальянской сказки. И прежде всего того ее направления, которое критики определяют как новеллистическую сказку. Следует, правда, отметить, что уже в 50-е годы один из зачинателей итальянской авторской сказки известный драматург и прозаик Гуидо Рокка сделал вывод, что подлинная свобода в нашем жестоком мире — почти несбыточная фантазия. Но он был добрым человеком и, в полном согласии с древней традицией волшебной сказки, завершил своего «Фазана Гаэтана» счастливым концом.

Как в жизни, так и в творчестве у Гуидо Рокки сочетались по-детски наивная мечтательность с суровым и трезвым взглядом на окружающую действительность. Он по опыту знал, что власть в руках тех, кто держит нож и винтовку. В извечном поединке охотника и дичи последняя всегда обречена на гибель. Но сказка уводит нас в мир вол-

шебников и чудаков. Таким чудачком и неисправимым фантазером и был Гаэтан — фазан с лазурным оперением, умевший мыслить и верить в невероятное. Гаэтана не прельщает пессимизм старого фазана, упрямо твердящего одну и ту же фразу: «Я довольно пожил на свете и теперь желаю приятного аппетита тому, кто будет меня есть». Нет, Гаэтан безумец, свободная, счастливая жизнь для него дороже всего.

«Надуманно счастливая жизнь», — скажет, верно, умудренный опытом читатель. Возразить ему нечего. Разве что вспомнить Антона Павловича Чехова: «Мы увидим небо в алмазах».

Мы всё продолжаем верить и надеяться: вера, как выяснилось, самый надежный элемент в нашем зыбком мире. Незатейливая эта сказка с большим подтекстом наводит на еще одну тревожную мысль: а не создаем ли мы и теперь мифы о всемогуществе «охотников», носителей безраздельной власти, к примеру миф о пугале?

Именно огородное пугало, устрашающее и безмозглое, Рене Реджани в своей сказке сделала символом власти над нами стереотипов мышления, трепетного страха перед сильными мира.

Грозный тиран оказывается жалкой тряпичной куклой, поставленной для запугивания легковерных. Несвобода в нас самих, приверженность вековой житейской мудрости, которая на поверку часто оказывается мудростью трусов и приспособленцев, — таков смысл «назидательной» сказки Рене Реджани. С некоторых пор слово «назидательность» стало чуть ли не ругательным. Но, право же, если она подается не навязчиво, не лобово, то, как в сказке, так и в жизни, это совсем не лишнее.

В наш век иронии и скептицизма подвергаются переосмыслению и античные мифы. Как, например, в сказке Джанни Родари «Чью нить прядут три старушки?». На основе мифа, в котором действуют Геркулес и царь Фессалийский Адмет, Родари сочиняет невероятную, парадоксальную трагикомическую историю. В позднем творчестве он писал именно

трагикомические истории, противоречивые и неоднозначные, как сама жизнь: всегда на изломе, всегда на грани абсурда.

Незадолго до смерти писателя вышла его книга-исследование «Грамматика фантазии», где он пытается проанализировать природу творчества и, разумеется, столь близкой ему сказки. Бывшему школьному учителю, который постоянно находился в гуще событий, видел, как меняются, часто к худшему, люди, их нравы, привычки, моральные устои, стало ясно, что литературная сказка неизбежно должна стать иной. Наступило время «сказки, где темы и образы прошлого из вневременных эмпирей спускаются на грешную землю». На этой грешной земле появились тем временем новые маги и божества — радио, кино, телевидение. Ушли в прошлое добрая фея с голубыми волосами, мудрые гномы, Красная Шапочка, Мальчик с Пальчик, а на их месте появились существа столь же неправдоподобные, как для нас черти, упыри, домовые, Баба-Яга, крылатый конь, избушка на курьих ножках. Кроме уже названного телевизора (сказка-повесть Родари так и называется — «Джип в телевизоре»), это мотоцикл, стиральная машина, холодильник.

Холодильник новейшей марки становится персонажем сказки другого замечательного писателя и публициста, Примо Леви, «Спящая красавица в холодильнике». Действие происходит в Германии 19 декабря 2115 года. В доме вполне благопристойного семейства Тёрл собираются гости, чтобы отметить день рождения Патриции, замороженной красавицы, которую размораживают на короткое время всего несколько раз в году. Никакого злодейского умысла, никаких интриг — Патриция сама согласилась жить в холодильнике ради сохранения вечной молодости и красоты. Фаусту пришлось продать для этого душу дьяволу, Патриции — всего лишь пройти специальную физиологическую подготовку и курс инъекций. Однако по ходу действия выясняется, что в обмен на вечную молодость Патриция утратила лучшие женские качества: скромность, бескорыстие, нежность. Безусловно, на взгляд высокопрофессиональных западных про-

ститутков, наших интердевочек и пламенных сторонниц свободной любви, это сущий пустяк, но в сказке, даже ультрасовременной, своя точка отсчета.

Мораль сей сказки, которую можно назвать научно-фантастической (жанр доселе сказке неведомый), достаточно горька: чем качественнее, точнее, элегантнее техника, тем больше ценнейших нравственных качеств утрачивает человек. Он подчинил себе технику и сам стал ее рабом.

Раз уж разговор зашел о научно-техническом прогрессе, надо сказать, что именно он породил другую разновидность сказки — экологическую.

Спустившись с небес, писатели, обратившиеся к жанру литературной сказки, вдруг обнаружили, что прежние сюжеты — а профессор Р. Волков, знаток русского фольклора, только для фантастической сказки насчитал их целых пятнадцать — устарели.

Когда Итало Кальвино в 60-е годы издал большой сборник итальянских народных сказок всех областей и провинций страны, он проделал титанический труд, переведя эти сказки с диалектов на литературный язык. Одновременно для придания этим сказкам, существовавшим прежде всего в изустной форме или в нескольких вариантах, литературной формы он был вынужден обработать либо переработать многие сюжеты.

Вдохновленный успехом своего нелегкого труда, Кальвино вскоре и сам решил создать цикл новеллистических сказок о Марковальдо. Но для этого ему потребовались совершенно иные сюжетные ходы и новая тематика. Такой темой, давно уже волновавшей Кальвино, стало одиночество сельского жителя Марковальдо, волей судьбы очутившегося в огромном безликом городе. В наш сборник вошли только три сказки из цикла «Марковальдо, или Времена года в городе». Это, разумеется, мало, если учесть, что у автора их двадцать — по пять на каждое время года. И все-таки достаточно, чтобы у читателя возникло ощущение душевного дискомфорта, который испытывает Марковальдо, насильственно отъединенный от природы и не способный приноровиться

к асфальтовым полянам, цементному лесу и озеру в зале ресторана. Герой оказывается в положении тех самых «неистовых котов», которых «домовые пираты» (так итальянская печать называет владельцев строительных фирм) хотят выгнать из последней уцелевшей в городе полусгнившей, заброшенной виллы с заросшим сорняками садиком. И, подобно котам, Марковальдо борется: он ворует кролика из больницы лабораторией, не зная, что тот заражен опасной болезнью, пытается разводить пчел, которые потом устремляются в погоню за ним и за случайными прохожими. Это тоже своего рода «подвиги Геракла», только в стиле печальной буффонады. Город-гигант превратился для Марковальдо в огромную клетку, из которой ему уже не вырваться. Конечно, он может вернуться в родную деревню, но не случится ли с ним тогда то же самое, что с одряхлевшим львом из сказки «Лев с седой бородой»?.. Поначалу вполне реалистическая история Тонино Гуэрры имеет фантазмагорический финал, который, пожалуй, мог бы ожидать и Марковальдо, ведь он за столько лет городской жизни и от ворон отстал, и к павам не пристал...

Кальвино один из первых среди итальянских писателей диагностировал тяжелую болезнь нашей железобетонной эпохи — отчужденность человека, его гнетущее одиночество в городах-мегаполисах. Это относится в равной мере и к вчерашним крестьянам, и к исконным горожанам.

Серджо Дзаволи с присущей ему репортерской остротой зрения (в молодости он был репортером радио и телевидения) в сказке «Тише едешь...» выхватил, словно при вспышке блица, современный муравейник — нескончаемые вереницы машин на дорогах. Есть, правда, и определенная разница: в отличие от муравьев владельцы машин не ползают, а с бешеной скоростью носятся по шоссе. Им бы на минуту притормозить у обочины, выйти из кабины и полюбоваться рощицей на лесной опушке, лугом, проплывающими облаками. Где там! Их бог — скорость, а время — деньги в прямом и переносном смысле слова. И владеет ими безраздельно желание во что бы то ни стало обогнать летящую впереди ма-

шину. Обогнать любой ценой, даже ценой собственной жизни.

Человеческая жизнь имеет цену — это государство, во всяком случае итальянское, поняло уже давно. Ведь при автомобильной катастрофе можно в одно мгновение потерять классного специалиста, менеджера, предпринимателя, столяра, каменщика. Или — что еще хуже — человек на всю жизнь останется инвалидом, а государство плати ему потом пенсию. Нерационально, да и неэкономно.

В эпоху людей предприимчивых, жаждущих опередить соперника старинные неторопливость, обстоятельность, способность наслаждаться природой превратились в анахронизм — вот невеселый итог экологической сказки Дзаволи.

А у Марчелло Арджили звери из зоопарка наслаждаются природой и радостями вольной жизни, сидя перед телеэкраном. Изобретательный директор создал для них специальные программы, в которых пропагандируются все прелести жизни в зоопарке. Жаль, что телевидение не додумалось демонстрировать и людям, как великолепно проводить отпуск перед телевизором, глядя, как счастливички плавают в чистом море, загорают на чистом песке, собирают в лесу грибы. Но это была бы уже не сказка, а ненаучная фантастика, куда более невероятная, чем объявление из другой миниатюры Марчелло Арджили: «ОЧЕНЬ ДЕШЕВО — ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР!!! Художник, временно находящийся в стесненных обстоятельствах, предлагает услуги на дому: раскрашивание черно-белых телепередач за умеренную плату».

К великому нашему несчастью, и магический ящик не спасает от одиночества, а лишь на время его приглушает. Люди утратили вкус к простому, душевному человеческому общению. Семья уже не ячейка общества и не союз близких по духу и устремлениям людей, а абстрактная цифра. Скажем, семья из трех человек, то есть семья, где есть один ребенок. А что этот единственный ребенок нуждается не столько в большом количестве одежек и игрушек, а в тепле, ласке, внимании, мы часто не задумываемся.

Сказки Джузеппе Понтиджи «Убежище» и Рафаэле Ла Каприа «Гоме» не случайно помещены в сборнике рядом: они почти что близнецы. И в той, и в другой мальчишки из обеспеченных семей имеют все, кроме любви и внимания, а потому остро чувствуют свое одиночество и ищут спасения в фантазии, игре. Но взрослые, как всегда, умудряются разрушить игру в сказку — либо грубым окриком, либо беспощадной логикой...

В нашем сборнике игра в сказку, притчу, басню завершается историей Джузеппе Брунамонтини «Спонсоры». На первый взгляд это даже и не сказка, а просто новелла с необычным сюжетом. В наши дни ради получения прибыли люди действительно способны на многое — скажем, выпустить из корзины гадюк, чтобы потом разрекламировать изготовленное ими противоядие. Ситуация вполне возможная, хотя и может показаться невероятной. Так вот, сочетание правды с вымыслом и является определяющим моментом сказки. Когда наше телевидение рекламирует одежду фирмы «Диор» и духи «Шанель», разве это не сказка с несколько издевательским оттенком? Ну, в лучшем случае недомысле... Так что «очевидное — невероятное» случается увидеть не только в популярной телепередаче.

Впрочем, это уже тема для другого предисловия к другой книге.

Л. Вершинин

Карло Эмилио Гадда

Короткие басни

Один литературный критик, увидев, как белокурая красавица причесывается перед зеркалом, попросил у нее волосок.

— Ах, зачем он вам?— кокетливо спросила красавица.

— Чтоб рассечь его на четыре части,— ответил критик.

* * *

Старый мудрый осел бранил сына за непристойное поведение и ставил ему в пример кухонный стол:

— Учись, негодяй, у этого мирного четвероногого. Уж он-то не будет, как ты, болтаться где попало.

Мораль проста: благопристойность не чужда и неодушевленным предметам.

* * *

Клоп, обнюхав ломбардскую булку, поморщившись, изрек:

— Ну и болваны эти ломбардцы.

Мораль: даже клоп выбирает себе еду по вкусу!

* * *

Орел, похитив стройного, мускулистого Ганимеда, подумал: до чего же симпатичный цыпленок.

* * *

Старый попугай, чувствуя приближение смерти, пожелал записать две фразы, которые он повторял каждый день всем, кто проходил мимо клетки. Так родилось полное собрание сочинений попугая.

* * *

Однажды критик сказал именитому писателю:

— Вы тоже должны внести свой ценный вклад в нашу антологию.

— Высоко ценю ваши добрые слова,— ответил писатель.

Это и был самый ценный его вклад в литературу.

* * *

Две горлинки увидели плодовитого поэта, брившего перед окном бороду. Приняв его за Франциска Ассизского, они сели к нему на подоконник и принялись неж-

но ворковать. Тут их и настиг удар тупым орудием.

Мораль очевидна: отличать святых от рифмоплетов гор-
линкам не дано.

* * *

Тянулся по пустыне караван.

Это басня о верблюдах, мулах, альпийских стрелках
и муравьях.

Жльберто Моравиа

Когда К. Ит был маленьким-маленьким

Миллиард лет тому назад в крошечном озерке среди глухих джунглей жил-поживал один К. Ит. Был он не больше обыкновенной пиявки, но такой резвый, ловкий, подвижный, верткий — не рыбка, а бесенок; да вот беда — слишком уж маленький. И нередко можно было услышать, как он сокрушается: «Все, ну все на свете больше меня. До чего же плохо быть маленьким».

А на берегу росло дерево, на котором свил себе гнездо некий А. Ист. Этот А. Ист не спускал глаз с озера. Стоило какой-нибудь рыбе высунуться, чтоб подышать свежим воздухом, как А. Ист камнем падал вниз, хватал ее своим длинным клювом и мгновенно проглатывал.

Однажды на поверхности озера показался К. Ит: он хотел поймать стрекозу, которая в свою очередь охотилась за мухой, пытавшейся сцапать какую-то мошку.

А. Ист молниеносно сорвался с гнезда, схватил К. Ита и унес к себе наверх, чтобы спокойно перекусить.

Расположившись поудобнее, он сказал:

— Сейчас я тебя съем, но прежде скажи, как тебя зовут, кто ты и чем занимаешься. Какой интерес есть что-то, когда не знаешь, что это такое?

К. Ит с отчаяния закричал:

— Зовут меня К. Ит. Чем занимаюсь? Умираю с голоду. Кто я? Самая несчастная рыба на свете!

А. Ист спросил:

— Почему ты самая несчастная рыба на свете?

— А потому,— сказал К. Ит,— что я родился и вырос здесь, в этом жалком озерке, в этой вот луже. Ничего-то в жизни не видел, а почему? Да потому что я такой маленький. Сейчас ты меня съешь, и конец. Сам посуди, можно ли быть несчастнее?

А. Ист, растроганный таким искренним страданием, спросил:

— А что бы ты стал делать, если бы я сохранил тебе жизнь?

К. Ит ответил:

— Я сделал бы все возможное, чтобы стать большим и толстым.

— Как это? Вдвое больше, чем сейчас?

— Нет, еще больше. В сто тысяч раз больше.

— Зачем?

— А вот затем.

Услышав такое, А. Ист озадаченно заметил:

— Сдается мне, ты такой маленький потому, что родился на мелководье. В мелкой воде и рыба мелкая. А я во время своих путешествий видел одно громаднейшее озеро, которое зовется морем. Вот если бы ты мог добраться до этого самого озера, которое зовется морем, то уж там наверняка стал бы большим, большущим, огромным, потому что озеро, которое зовется морем, большое так уж большое.

— Как это? В два раза больше нашего?

— В два? Да ты что! В сто тысяч раз.

— Ну,— сказал К. Ит,— давай ешь меня. Мне ведь все равно никогда не увидеть озера, которое зовется морем. Ешь поскорей, и покончим с этим.

— Нет,— возразил А. Ист,— ты не простая рыба, и есть я тебя не стану. Так уж и быть, возьму тебя в клюв и отнесу к озеру, которое зовется морем.

А К. Ит ему:

— Нет, только не в клюв. Вдруг во время полета ты проголодаешься и, чего доброго, проглотишь меня, чтоб подкрепиться. Уж лучше я пойду пешком, а ты лети надо мной и указывай дорогу.

Чтобы вы поняли, откуда столь странная для рыбы идея, скажу, что в те времена у всех рыб, в том числе и у К. Ита, были ноги — две такие черненькие лапки, напоминавшие гусиные, и росли они по бокам — одна справа, другая слева. На этих лапках К. Ит, когда ему нечем было заняться, гулял по суше.

Сказано — сделано: отправляется наша парочка в путь. Резвый, ловкий, подвижный К. Ит шагает по лесам, лугам, полям, буеракам и долинам, а сверху А. Ист, приравливая свой полет к шагу К. Ита, указывает ему дорогу. Вот так, один пешком, другой на крыльях, добрались-таки А. Ист и К. Ит до высокого лесистого мыса, вдававшегося в безбрежную голубую гладь океана.

Над спокойным, приветливым морем-океаном сияло солнце, миллионы маленьких шаловливых волн сверкали под его лучами. Тут А. Ист опустился на дерево и сказал:

— Ну вот мы на месте. Это и есть озеро, которое зовется морем. Теперь ныряй и расти себе на здоровье! Дважды в тысячелетие я буду пролетать над этим мысом. Если захочешь что-нибудь мне сказать, приплывай сюда и жди; я сразу тебя узнаю, и мы потолкуем.

— Как же ты сможешь меня разглядеть, ведь я малюсенький? — возразил К. Ит.

А тот в ответ:

— Не бойся, разгляжу, ведь ты скоро станешь таким большим, что тебя можно будет увидеть даже издалека. Но на всякий случай помни, что у тебя есть ноги, если море тебе наскучит, можешь в любой момент вернуться пешком домой, в наше озеро.

— Да кому она нужна, эта несчастная лужа?! — презрительно воскликнул К. Ит.

Ну ладно. А. Ист улетел, К. Ит бултыхнулся в море и от

великой радости, что для него теперь наступило такое раздолье, сразу вырос вдвое. Довольный и счастливый, принялся он плавать; море было действительно безбрежным, и чем больше К. Ит плавал, тем больше рос. Короче говоря, через какой-нибудь миллион лет он стал большущей, огромной, колоссальной рыбицей. Весил что-то около сотни тонн, в длину достиг по меньшей мере ста метров, питался же мелкой рыбешкой — по тонне за один присест.

Все шло прекрасно на протяжении двухсот или трехсот миллионов лет; потом помаленьку начали давать себя знать неудобства жизни в озере, которое зовется морем. Главное из них, как ни странно, заключалось в том, что пища здесь была слишком обильной и доступной, можно сказать, сама шла в рот. В своем родном озерке К. Ит едва мог прокормиться, бывало, целыми днями искал, чем бы заморить червячка. Здесь же ему только и нужно было, слегка покачиваясь на волнах, раскрывать свою огромную пасть: миллионы рыбешек заплывали к нему прямо в желудок, считая, что это подводный грот. Ввиду отсутствия стимула, так сказать, К. Ит вообще перестал двигаться и отдался на волю морских течений. А поскольку ел он слишком много, то страдал плохим пищеварением и постоянно был вялым и сонливым. Все тело его заплыло жиром, особенно голова, превратившаяся в настоящую гору сала. Жир этот проник даже в мозг, отчего у К. Ита начались сильные головные боли. Он только и делал, что ел да спал, и совсем перестал соображать.

В конце концов К. Ит испугался и решил обратиться к врачам. На консилиум собралась четверка знаменитых докторов: У. Горь, О'Мар, Го Лубь и Че Ре Паха.

После тщательного осмотра доктора пришли к следующему заключению:

— Пациент слишком разжирел. Необходимо принять самые энергичные меры для похудения. Поэтому мы рекомендуем ему есть побольше.

Вы спросите: возможно ли, чтоб доктора сами себе противоречили? Что вам сказать — подобные вещи иногда случаются.

Дошло до того, что К. Ит стал все чаще с тоской вспоминать об озере, где он родился и рос таким жизнерадостным, подвижным, вертким, блестящим. Ах, как было хорошо, когда было плохо! К. Ит решил: поплыву-ка я к мысу, дождусь, когда над ним будет пролетать А. Ист, а потом пешком, как в тот раз, отправлюсь в обратный путь, к моему милому озеру. В мелкой воде и рыба мелкая. Там-то я быстро сброшу весь этот жир.

Поплыл К. Ит к мысу и стал дожидаться А. Иста. Ждать пришлось недолго — веков пять, не больше. Вот в небе появилась черная точка; приближаясь, она все увеличивалась и наконец приобрела очертания птицы с большим клювом и длинными ногами. Это был А. Ист. Едва завидев огромную спину К. Ита, возвышавшуюся над водой, словно диковинный остров, он спустился к нему и крикнул:

— Привет, К. Ит, что стряслось?

— А то, — ответил К. Ит, — что море мне не нравится, и еще мне не нравится быть большим. В общем, я хочу вернуться в озеро и снова стать маленьким, как обыкновенная пиявка.

— Нет ничего проще, — сказал А. Ист. — Выходи на сушу и шагай следом за мной на своих гусиных лапках. Я, как и в тот раз, буду указывать тебе дорогу. Между прочим, ты прав. Лучше быть маленьким и умным в озере, чем большим и глупым в море.

К. Ит обрадовался, подплыл к положому берегу, откуда начиналась тропа, и попытался выйти из воды. Увы! К великому своему огорчению, К. Ит обнаружил, что ног у него больше нет. Вернее, ноги-то были, но их так затянуло жиром, что снаружи ничего не осталось. К. Ит в отчаянии закричал:

— Горе мне! У меня нет больше ног. А. Ист, дорогой мой А. Ист, возьми меня в клюв и отнеси в озеро. Век буду тебе благодарен.

Тут А. Ист давай смеяться.

— Видно, жир и впрямь ударил тебе в голову, и ты совсем утратил способность мыслить реально. Ну как я, по-

твоему, возьму в клюв такую тушу? Да в тебе не меньше ста тонн одного сала.

С этими словами А. Ист улетел, а К. Ит остался качаться на волнах океана и заглатывать без всякого удовольствия миллионы рыбешек. Время от времени К. Ит выбрасывает вверх струю воды — это он так сморкается, когда плачет. Ну да, ведь он только и знает, что плачет и ест, ест и плачет от великой тоски по тем счастливым временам, когда был маленьким.

Вот почему и в наши дни киты иногда выбрасываются на сушу и умирают на песке. Они тоскуют о своем малом росте, пытаются выпростать ноги из жира, но не могут и подышают с горя. Потом приходят рыбаки, разрубают китов на части, чтобы вынуть жир, обнаруживают у них две лапки и удивляются: «И зачем киту ноги?» Не ведают рыбаки, что ноги нужны были китам, чтобы вернуться в озеро и снова стать умными и счастливыми.

Хороший муравей императорского трона стоит

Миллиард лет тому назад некий Мур Ав Ед, субъект необщительный и надменный, бродил неторопливо по бразильским джунглям в поисках своего обычного первого завтрака — какой-нибудь муравейник с тысячью муравьев был для него все равно что для нас чашка кофе с молоком. Вдруг кто-то его окликнул:

— Мур, а Мур!

Поглядев вниз, он увидел муравья: взобравшись на стебелек травы, тот махал ему лапкой. Мур Ав Ед угрюмо проворчал:

— Для кого Мур, а для кого Мур Ав Ед. Между прочим, мне по праву полагается титул графа Муравского, князя Муравьиного и барона Муравейникова. Так что называй меня Вашим Превосходительством.

Муравей тотчас закричал:

— Ваше Превосходительство Мур Ав Ед! Мы тут собрались и решили провозгласить вас царем.

— Царем чего?

— Царем муравейников.

— Царем? И только?

— Ну, пусть императором.

— Императором? Всего лишь императором?

Муравей подумал, подумал и сказал:

— Ладно, тогда — архиимператором. Согласны?

Чтоб вы поняли, что все это значит, скажу, что Мур Ав Ед был злейшим врагом муравейников. Выбросив свой язык — такой длинный, что его приходилось держать во рту в свернутом виде, как портновский метр, — он мог одним махом слизнуть добрый миллион муравьев. Доведенные до отчаяния муравьи после долгих дебатов пришли к мудрому решению: «Надо провозгласить Мур Ав Еда царем муравейников, и он перестанет нас есть. Виданное ли дело, чтобы царь поедал собственных подданных?»

Мур Ав Ед, как вы уже, должно быть, догадались, был невероятно тщеславен. Перспектива стать архиимператором показалась ему заманчивой. Однако он поинтересовался:

— Допустим, я соглашусь быть вашим архиимператором и, естественно, перестану вас есть. Но как же я буду жить? Чем питаться?

Муравей заверил его:

— Мы сами позаботимся об этом и ежедневно будем доставлять тебе целую кучу ягод, корешков, зеленых побегов, клубней и тому подобного. Вот увидишь, какие они питательные!

— Выходит, — недовольным тоном сказал Мур Ав Ед, — вы из меня вегетарианца хотите сделать!

— Ну и что? Подумай, польза-то какая! Прежде всего тебе станет легче опорожнять кишечник. Всем ведь известно, какие у тебя запоры. Когда ты ходишь в уборную, от твоих стонов и кряхтения весь лес содрогается.

Мур Ав Ед сделал вид, будто он не слышал этих слов, и ответил:

— Ладно, согласен. Но имейте в виду: ягоды и корешки должны доставляться регулярно и своевременно.

— Не сомневайся. Можешь на нас положиться.

— А когда состоится церемония коронации?

— Очень скоро. Как только мы закончим необходимые приготовления.

И вот в один прекрасный день, когда Мур Ав Ед, набив брюхо ягодами и корешками, дремал в своем логове, до его слуха донесся чей-то ехидный смех. Смех был странный; Мур Ав Ед догадался, что насмеваются над ним. Он огляделся по сторонам. На поляне, где находилось его логово, не было ни души. Лишь среди травинок сновали туда-сюда муравьи, провозгласившие его архиимператором и чувствовавшие себя теперь в безопасности. Мур Ав Ед спросил:

— Кто тут смеется надо мной?

Ехидный голосок отозвался:

— Я.

— Кто это — я?

— Твой двоюродный братец, личинка Муравьиного Льва.

Мур Ав Еда покорило. Ему было прекрасно известно, кто такой Муравьиный Лев: личинка этого ничтожного насекомого пряталась обычно в песчаной норке. Когда в эту норку падал какой-нибудь муравьишка, личинка Муравьиного Льва хватала его и тут же пожирала. Мур Ав Ед презирал Муравьиного Льва: сколько всяческих ухищрений и терпенья ему надо, чтобы сцапать какую-нибудь дюжину муравьев за день, тогда как он, Мур Ав Ед, выбросив свой длинный язык, за один только раз мог слизнуть их целую тысячу. И он буркнул раздраженно:

— Между прочим, никакие мы не двоюродные. И вообще, над кем ты смеешься?

— Я смеюсь над тобой, — ответил тот. — Ради какого-то дурацкого титула ты отказался от самого лучшего, что есть на свете. Знаешь песенку?

— Не знаю и знать не хочу.

— А все-таки послушай:

Мур Ав Ед в сердцах воскликнул:

— Кто такую глупость сказал?

— Неужели ты сам не понимаешь, до чего хорош муравей? Ты только подумай: жареный, пареный, в горшочке, запеченный на углях... Да и сырой неплох, особенно с оливковым маслом и лимончиком. Так-таки и не понимаешь?

Мур Ав Ед в ярости выбросил язык, чтобы слизнуть Муравьиного Льва, да не тут-то было: хитрец успел зарыться в свою норку. А у Мур Ав Еда на языке только песок остался.

Наконец наступил день коронации, и Мур Ав Ед уселся на трон, выгрызенный в стволе дерева и устланный мхом. Тут вперед выступил главный церемониймейстер.

— Ваше Величество,— воскликнул он,— сейчас мы вам торжественно представим обитателей всего нашего Муравейника. Парад откроют министры, являющиеся, как известно, первыми гражданами после архиимператора.

Церемониймейстер сделал шаг в сторону, и к трону с поклоном подошли министры. Мур Ав Еда поразило их количество: целых тридцать! Министры были самые разные: путей сообщения (муравьи ведь только и делают, что переправляют с места на место всякие грузы); жилых помещений и коридоров (в муравейниках всегда много клетушек и внутренних ходов); экономии (муравьи, как известно, очень скупы и бережливы); поставок (в муравейниках хранится огромное количество всяких припасов); военный министр (муравьи — народец очень воинственный) и так далее и тому подобное. Был там, представьте себе, даже министр по связям с Мур Ав Едом — должность в данной ситуации весьма важная. Мур Ав Ед посмотрел на них и подумал: к чему мне все эти министры? Мне лично необходим только министр поставок. Все остальные мне совершенно не нужны, а потому не лучше ли их съесть? Подумать это, молниеносно выбросить язык и сразу же слизнуть всех министров, кроме одного, было для Мур Ав Еда секундным делом. Ах, что за

прелесть! Мур Ав Ед прищелкнул языком и воскликнул:

— Ну, теперь давайте остальных!

На глазах у церемониймейстера во рту Мур Ав Еда исчез весь совет министров. Но церемониймейстер — это, что ни говорите, церемониймейстер, его долг — выполнять свои функции, и потому он продолжал:

— А вот, Ваше Величество, ваша личная гвардия.

Под барабанную дробь вперед выступила сотня отборных солдат. Мур Ав Ед подумал: и зачем мне эта личная гвардия? Я и сам за себя постоять могу. В крайнем случае пусть останется барабанщик: будет возвещать барабанной дробью о моем появлении. Всех остальных мне на один хороший глоток хватит. Сказано — сделано. Мур Ав Ед выбросил язык и в два приема всосал в рот всю свою личную гвардию. Церемониймейстер едва не лишился чувств. Он даже многозначительно кашлянул, желая намекнуть архиимператору, что так дальше продолжаться не может. Пустое! Мур Ав Ед облизнулся и, потеряв всякий стыд, стал мурлыкать песенку:

Вперед, вперед, вперед!
Сожру весь мой народ.

Церемониймейстер едва выдавил из себя:

— Ваше Величество, позвольте вам представить вашу непобедимую, доблестную армию!

С другого конца поляны плотными рядами под развевающимися знаменами выступила муравьиная армия. Тут были все рода войск: танки, пехота, артиллерия, авиация, морской флот и так далее и тому подобное. Мур Ав Ед залеп глухим басом:

Я — пацифист,
желаю мира всем,
поэтому всю армию
без промедленья съем!

Произнеся эти слова, он в три хорошо рассчитанных приема схрумкал муравьиную армию. Спасся один только муравьишка, рядовой, да и то потому, что пообещал каждое

утро кончиком штыка хорошенько чесать пятки Мур Ав Еду. Церемониймейстер хотел было предупредить муравьиный народец, чтоб он бежал, если не хочет оказаться в желудке Мур Ав Еда. Но, увы, поздно спохватился! Муравьям не терпелось поглядеть на своего владыку вблизи, приветствовать его, и они, все как один, высыпали из муравейника на поляну. Мур Ав Еду только это и надо было. Слез он с трона и давай работать языком. Потом, насытившись, вновь расселся на троне и приказал церемониймейстеру:

— Зубочистку!

Бедный церемониймейстер поспешил выполнить приказание. Мур Ав Ед выковырнул из зубов двух или трех застрявших там муравьишек, потянулся и изрек:

— По-моему, церемония коронации прошла прекрасно.

Удрученный церемониймейстер ответил:

— Увы, Ваше Величество, вы правы. Вот только одна небольшая неувязка...

— Какая же?

— Муравьев не осталось. Вы — архиимператор, но все ваши подданные — это церемониймейстер, барабанщик, министр поставок и рядовой муравьишка.

— Ну и что?

— А то, что какой же вы архиимператор без народа и без армии, которая помогает им управлять?

Мур Ав Ед заорал:

— Ах так! Тогда я сейчас съем и тебя, и твоих друзей и снова стану тем, кем был всегда.

Сказано — сделано: он выбросил язык в сторону церемониймейстера и других оставшихся в живых муравьев и в мгновение ока разделался со всеми, можно сказать, подчистую.

С тех пор муравьеды бродят по бразильским джунглям и, завидев муравейник, подкрадываются к нему и тихо спрашивают:

— Вам случайно не нужен император? Или царь? Или хотя бы президент республики?

Муравьи, хорошо зная, что кроется за этим вопросом, отвечают:

— Ишь чего захотел!

И тогда муравьед пытается подобрать языком в траве тех муравьишек, которые, замешкавшись, не успели добежать до муравейника. Знаете пословицу:

Лучше один муравей сегодня,
чем целый муравейник завтра.
Но лучше муравейник завтра,
чем коренья и ягоды сегодня.

Когда мысли замерзали в воздухе

Надо вам сказать, что миллион лет тому назад на полюсе было куда холоднее, чем теперь. Температура там запросто доходила до миллиарда градусов. При таком холоде замерзало все, хотите — верьте, хотите — нет, даже мысли. Стоило кому-нибудь подумать, например: какой собачий холод! — и над его головой тут же появлялось этакое облачко пара, внутри которого длинненькие, ледяные, похожие на сосульки, буквы складывались в слова: «Какой собачий холод!»

Из-за того, что мысли замерзали и, значит, становились видимыми, на полюсе никто, понятное дело, не осмеливался вообще о чем-нибудь думать. Каждый боялся, как бы другие не прочитали его мысли.

Вот так и получилось, что медведи, пингвины, тюлени, собаки, эскимосы — в общем, все — совершенно ни о чем не думали. И был полюс страной глупцов. Но глупцов вовсе не по причине полной неспособности думать, а из-за всеобщей вежливости и душевной чуткости.

В один прекрасный век (в те времена один век был все равно что для нас один день) некий М. Орж лежал себе на льдине и наслаждался холодом; лежал он неподвижно, жмурясь от удовольствия, и в мозгу у него не было ни единой мысли, кроме коротенького «м-да». И это составленное из ледяных букв «м-да» каждый мог прочесть у него над головой.

Поди догадайся, что именно он хотел выразить своим «м-да».

Вдруг из воды высунулся У. Горь — такой живой, вертлявый — и закричал:

— Эй, М. Орж, послушай-ка!

М. Орж побормотал:

— Чего тебе, У. Горь?

А тот в ответ:

— Ты только послушай, что со мной приключилось во время последнего путешествия. Представляешь, я побывал в краю, который называется Тро Пики. А жара там, ну, скажу тебе, и жара!.. И знаешь, в Тро Пиках этих мысли не замерзают.

— Не может быть!

— Истинная правда. Вот, например, кто-то посмотрит на тебя и подумает: до чего же у М. Оржа толстый зад! А ты этой мысли не узнаешь, потому что из-за жары мысли там не замерзают и, понятное дело, остаются невидимыми.

— Это кто же считает, что у меня толстый зад? — проворчал М. Орж обиженно.

— Да я просто так, для примера. Послушай, почему бы нам не смотаться с полюса? Здесь же невозможно ни о чем подумать, чтобы об этом сразу не узнали все. Что, если нам отправиться в край Тро Пиков? Если б ты знал, как это приятно — думать совершенно свободно и ничего не бояться! Я просто объедался мыслями в этих Тро Пиках.

— О чем же ты думал?

— Да как тебе сказать... О многом, об очень-очень многом!

— Ну например?

— Да о чем хочешь. К примеру: солнце зеленое. Или: дважды два — пять.

— Но солнце не зеленое! И дважды два будет четыре.

— Ну да, да, конечно. В этом-то вся прелесть: можешь думать, что твоей душе угодно, и никто об этом не узнает.

В общем, У. Горь столько рассказывал и так убеждал М. Оржа, что тот все же согласился отправиться с ним

в край Тро Пиков. Возможно, он и не поддался бы так легко на уговоры, если б как раз в тот момент к льдине не пристала лодка и из нее не вышли три человека в меховых одеждах и с палками в руках. На полюсе все привыкли поглядывать вверх, не вырисовывается ли на фоне неба какая-нибудь обледеневшая мысль; и вот М. Орж, поглядев поверх голов той вооруженной палками тройцы, с ужасом прочел: «Сейчас мы начнем бить этих глупых животных палками по морде, прикончим штук сто и понаделаем из них уйму всяких сумочек и сапог». Едва увидев эти слова, вибрировавшие и подтаивавшие в воздухе, М. Орж тотчас соскользнул со своей льдины. У. Горь поплыл впереди, а М. Орж следом за ним, то выгибаясь колесом, то работая ластами.

Долго ли, коротко ли они плыли, но только температура воды поднялась с миллиарда градусов ниже нуля до миллиарда градусов выше нуля. Мама родная, до чего стало жарко! М. Орж пока ни о чем не думал. Его мозг, привыкший за миллион лет не думать, был еще как бы парализован. Однако, продолжая плыть, он время от времени спрашивал У. Гря:

— У. Горь, любезный мой У. Горь, скажи, ты уже думаешь?

— Еще как,— отвечал тот.

— А что ты думаешь?

— Много чего, и все про тебя.

— Что же именно?

— Ну, этого я тебе не скажу, а то еще обидишься.

М. Оржу стало не по себе. На полюсе, как мы уже говорили, никто ни о ком ничего не думал. А вот теперь какой-то У. Горь, воспользовавшись тем, что в Тро Пиках мысли остаются невидимыми, думал о нем бог знает что. Сплетник, дурак, лицемер! Тут М. Орж вдруг заметил, что сам думает об У. Гре, и думает очень плохо; ясно, что и У. Горь со своей стороны так же плохо думает о нем. Впрочем, то же самое происходило у него в Тро Пиках с каждым, кого он встречал на своем пути. Все рассыпались перед М. Оржом в любезностях: «Добро пожаловать к нам, да какой ты красивый, да

какая у тебя умная морда, какие выразительные глаза, какие роскошные усы» и т. д. и т. п. Но М. Орж был уверен, даже больше чем уверен, что, будь это на полюсе, он смог бы прочитать в воздухе ледяные слова: «Только его здесь и не хватало, этого уroda. Ну что за харя, что за пороссячи глазки, что за обвислые усы» и т. д. и т. п. Уверенность, что в Тро Пиках все думают прямо противоположное тому, что говорят, отравляла М. Оржу жизнь на новом месте.

Однажды он увидел, как посреди Гвинейского залива под жарким, раскаленным до полутора миллиардов градусов солнцем какой-то темнокожий тип по имени Аф Риканец, сидя в лодке с женой и детьми, пел песенку для У. Гря, а тот слушал, разинув рот от восторга:

У. Горь, У. Горь, миленький,
до чего ты жиренький!
Жирный и игривый
У. Горь наш красивый!

У. Горь, очарованный столь любезными словами, позабыл, должно быть, о том, что в Тро Пиках говорят одно, а думают другое, и приблизился к лодке. Тогда Аф Риканец ловко забросил невод, и в мгновение ока бедный У. Горь был пойман, разделан, обвален в сухарях, поджарен и проглочен. И все это на глазах у потрясенного М. Оржа.

Уплывая, он думал: вот ужас! Какие же мы, обитатели полюса, молодцы: никогда ни о чем не думаем, а если и думаем, то каждый может узнать, о чем именно.

И все же, в какой-то мере из-за приятной новизны мест и обычаев, а возможно, из-за лени, М. Орж не спешил вернуться на полюс. К тому же — с этим нельзя не согласиться — очень уж была соблазнительной сама возможность думать так, чтобы другие не могли прочесть твоих мыслей, а главное — думать совершенно противоположное тому, что ты говоришь и делаешь. Вот М. Орж и остался в Тро Пиках и перенял местные обычаи. Конечно, это был не тот честный и открытый мир, в котором он жил на полюсе, зато возможность думать что угодно без всякого контроля со стороны позволила ему сделать неожиданные успехи в общем раз-

вити. Думал, думал М. Орж и додумался, например, до мыслей очень высоких, прямо-таки философских, ну, например, таких: кто мы? откуда мы взялись? каково наше предназначение? почему мы живем? к чему придем?

В общем, он задавал себе все те вопросы, над которыми задумываются, когда живут не для того, чтобы есть, а едят для того, чтобы жить. Ответы же были такими: мы все М. Оржи; взялись мы с полюса; наше предназначение — есть рыбу; живем мы потому, что нас создало по образу и подобию своему некое высшее существо, этакий гигантский М. Орж; в конце концов мы покинем край Тро Пиков, где все такие лживые и лицемерные, и вернемся в места, где царят честность и правдивость, то есть на полюс.

Тут-то и наступил конец путешествию М. Оржа в Тро Пики. В один прекрасный день, когда ему надоело думать одно, а говорить другое, М. Орж поплыл к полюсу. Да, думал он, какое блаженство ни о чем больше не думать, лежать-полеживать себе бездумно, без всяких этих мыслей еще какой-нибудь миллиончик лет!

Как же он заблуждался! Добравшись до полюса и расположившись на своей старой льдине, М. Орж заметил, что дурная привычка оказалась прилипчивой, и как он ни старался, а не думать уже не мог. При этом мысли его, конечно, тотчас же начинали реять у него над головой, складываясь в слова из сверкающих и прозрачных ледяных букв. Медведи, пингины, тюлени, рыбы и рыбешки при виде этих замерзших мыслей, обгоняя друг друга, бежали прочь, подальше от М. Оржа. Ну да, потому что думать в те времена на полюсе считалось по меньшей мере неприличным — все равно как у нас разгуливать нагишом по улице.

А бедный М. Орж, заметив, что прежние друзья теперь избегают его, не мог не думать о них все хуже и хуже. И эти его дурные мысли сразу же превращались в облачка, полные замерзших оскорблений и ругательств, отчего пропасть между М. Оржом и остальным населением полюса все углублялась, становясь непреодолимой. Вскоре М. Орж остался на своей льдине один, совсем один. Навсегда.

С того времени температура на полюсе повысилась настолько, что мысли там больше не замерзают, и теперь их уже не увидишь. Но, несмотря на это, М. Орж, привыкший жить один, ни с кем больше не желает иметь дела. Лежит в одиночестве на своей льдине и думает. О чем? С тоской думает он о временах, когда никто не думал, потому что каждый мог прочесть его мысли.

Славные, бездумные были времена. Только холодные!

Зря бедный Пин Гвин надеялся на лед

Этак полмиллиарда лет тому назад преподаватель географии Пин Гвин сидел на большой льдине, поджидая учеников. До начала урока оставалось всего пять минут, но никто почему-то не шел. Пин Гвин, правда, не очень беспокоился: на полюсе, да при таком-то холоде, детям, понятно, неохота вылезать из дома.

Пин Гвин слыл хорошим семьянином, была у него жена Пин Гвиниха и всего-навсего тридцать шесть детишек. Звали их всех одинаково — Пин Гвиняга, а отличались они один от другого лишь порядковым номером: Пин Гвиненок Первый, Пин Гвиненок Второй, Пин Гвиненок Третий и так далее, вплоть до Пин Гвиненка Тридцать Шестого. Жил Пин Гвин на ледяном острове, который с незапамятных времен возвышался посреди одного из фьордов. Фьорд — это такой глубокий, длинный и узкий морской залив, стиснутый заснеженными горами. Так вот, именно в глубине такого фьорда и находился ледяной остров нашего Пин Гвина.

На этом острове Пин Гвин построил из ледяных блоков дом для себя и для своей семьи, школу и еще маленькое круглое помещение, служившее уборной. Ученики приходили к нему с заснеженных гор, которые со всех сторон подступали к фьорду. Это были дети зажиточных Пин Гвинов, Тю Леней, белых Мед Ведей, М. Оржей. Попадались также Ки

Теньши и Ка Ша Лотики. Школа Пин Гвина считалась престижной, а сам он пользовался репутацией опытного и серьезного учителя.

Урок должен был начаться, как обычно, ровно в девять. Но вот уже прошло девять, прошло девять часов пять минут, прошло девять часов десять минут, прошло девять часов пятнадцать минут, а никто так и не появился. Разгневанный Пин Гвин поглядывал то на совершенно пустынные воды фьорда, то на стрелки часов. Что же это такое? Чем объяснить, что его воспитанные и прилежные ученики так опаздывают?

Потом, оглядевшись по сторонам, Пин Гвин вдруг заметил, что его ледяной остров за ночь стронулся с места! Он ведь всегда находился в глубине фьорда, а теперь оказался у самого его устья. Да-да, между двумя заснеженными горами впереди виднелось теперь открытое море. Так вот чем объяснялось отсутствие учеников! Они отправились в школу на урок, но не нашли острова, на котором жил их учитель.

Пин Гвин поглядел на горы, потом — на море. Видел его он впервые, ибо, хотя и был учителем географии, сам никогда своего фьорда не покидал. Море — безграничное, темно-синее, почти даже черное — произвело на него очень сильное впечатление. Его спокойная и гладкая, как стекло, поверхность была усеяна множеством ледяных островков, очень похожих на его собственный. Увидев их, Пин Гвин немного успокоился. Очевидно, ночью его остров слегка переместился. Надо срочно предупредить об этом учеников, и все устроится само собой.

А пока приободрившийся Пин Гвин решил вернуться домой, где его ждали всякие дела. Между прочим, он работал еще над научным трактатом, в котором доказывал, что лед — строительный материал, не уступающий по прочности железу или камню, что он так же не поддается износу и практически вечен, как они. Но тут раздался незнакомый голос, да так неожиданно, что Пин Гвин вздрогнул. Кто-то насмешливо пел:

Пин Гвин, Пин Гвин,
Твои уроки — срунда:
Нету проку ото льда!
Пин Гвин, Пин Гвин,
Лед ведь скользкий, берегись
И гляди не перевершись!

Характер у Пин Гвина был вообще-то спокойный, уравновешенный, но тут он вспылал. Пин Гвину показалось, что над ним насмеваются, и он сердито крикнул:

— Ты кто?

Голос ответил:

— Я.

— Кто — я?

— Я, Каль Мар.

Это действительно был Каль Мар, субъект весьма странный: любил всем резать правду-матку в глаза, только смелым его никак нельзя было назвать. Выпалив то, что он думает, Каль Мар тут же выпускал густое облако чернил и скрывался из виду. Раздраженный Пин Гвин не отставал:

— Что значит «нету проку ото льда»? Что ты этим хотел сказать?

А коварный Каль Мар крикнул только:

— Чао, Пин Гвин! И помни: береженого бог бережет!

Разъяренный Пин Гвин рванулся к морю, хотел схватить Каль Мара и преподать ему хороший урок. Не географии, конечно. Какое там! Каль Мар уже скрылся в своих чернилах. В том месте, где только что торчала его округлая головка, в морской воде уже расплзлось большое темное пятно.

Пин Гвин немного остыл и вновь огляделся по сторонам. Все было на месте, все было как всегда; вон горы, вон фьорд, а вон — открытое море, до самого горизонта усеянное такими же ледяными островами, как и его собственный. И вон, наконец, солнце, которое сверкает, не грея, потому что на полюсе, как вы сами понимаете, всегда царит зверский холод. Пин Гвин решил, что занятия можно перенести на завтра. Этот урок он считал очень важным, ибо тема его совпала с темой трактата: лед вечен и ни в чем не уступает камню. Поскольку на сегодня занятия отменялись, Пин Гвин

решил немного отвлечься от своих забот. Но как? Подумав, он пришел к выводу, что лучше всего будет хорошенько подзаправиться. Ну можно ли найти занятие интереснее, чем набивать себе брюхо? Пин Гвин вернулся домой и крикнул жене:

— Поставь на огонь самую большую кастрюлю! Сегодня у нас тройная порция рыбы!

В общем, в тот день Пин Гвин, чтобы развеяться, съел рыбы в три раза больше, чем обычно. Столько же съели Пин Гвиниха и все тридцать шесть Пин Гвинят. Господи, что это была за обжираловка! После обеда семейство Пин Гвинов одолел сон; все улеглись спать и проспали двадцать часов кряду. В восемь часов Пин Гвин проснулся и сказал жене:

— Я иду на занятия. Вернусь как всегда.

Пин Гвиниха спросила:

— Опять тройную порцию приготовить?

— Нет, сегодня — обычную.

Пин Гвин вышел из дому, огляделся и даже глаза протер плавником.

— Уж не галлюцинация ли это?

Все вокруг было совсем другим: исчезли две заснеженные горы в устье фьорда, да и сам фьорд исчез! А куда подевалось множество ледяных островков, плававших накануне в открытом море? Они тоже исчезли! Над спокойным и совершенно пустынным морем сияло солнце. Пин Гвин помогал головой, надеясь, что все это ему померещилось, и снова посмотрел вокруг вытаращенными глазами. Нет, все было именно так: его остров оказался на открытой воде и плыл один-одинешенек по безбрежным синим просторам, а вместе с ним и три ледяных строения — школа, дом и уборная. Пин Гвин подошел к краю, посмотрел на воду и убедился, что его остров действительно плывет, и притом довольно быстро, со скоростью, как показалось ему, не меньше ста километров в час.

Пин Гвин не издал ни звука, возвратился домой и отыскал бочонок с крепким напитком под названием «Полярный нектар». Вместе с женой стали они его пить — и вы-

пили столько, что в бочонке не осталось ни капли. Прикончив весь нектар в полночь, они вышли из дома. Кругом было светло как днем, потому что на севере солнце светит и ночью. Пин Гвин и Пин Гвиниха обхватили друг друга плавниками и стали плясать в свете полуночного солнца, а остров между тем стремительно несся по морю. Танцуя, они еще и подпевали себе:

Нет, нам нечего бояться!
Лед не должен растворяться!
И пока лед есть,
будем пить, плясать и есть.
Нет причин для огорченья,
просим к нам на угощенье.

В ту ночь Пин Гвин и Пин Гвиниха спали как убитые; еще бы, после такой выпивки! На следующее утро Пин Гвин проснулся позже обычного и вышел из дома. Голова у него раскальвалась, ноги заплетались. И тут он — невероятно, но факт! — убедился, что остров, все так же резво бежавший по воде, заметно уменьшился. Дом, который накануне стоял на приличном расстоянии от берега, сейчас держался на самой кромке.

Больше того — у школы не стало целого крыла, того самого, где помещалась библиотека. Ну а строеньице, приспособленное под уборную, и вовсе исчезло. Куда же все это подевалось? Ясное дело: рухнуло в море. Но почему? Вот в этом-то и была загвоздка. Пин Гвин всегда утверждал, что лед не может растаять, что он ни в чем не уступит камню, и теперь ему никак не хотелось признавать своей ошибки. Да и вообще, рассуждал он, с чего бы это лед стал вдруг таять? Почему же все изменилось? Дело в том, что Пин Гвин не заметил одной очень простой вещи: остров-то двигался к югу, и солнце, естественно, начинало пригревать все сильнее.

Пин Гвин, сделав основательный глоток «Полярного нектара», отправился домой и заперся в своем кабинете, сложенном из крепких ледяных блоков. Здесь, отгородившись от внешнего мира с его сюрпризами, он весь ушел в работу

над чрезвычайно важной книгой под названием «Лед не тает». Прошло несколько дней. Пин Гвин все писал, писал и писал, не покидая своего сложенного из ледяных блоков кабинета, температура в котором держалась на уровне сотни градусов ниже нуля. Чтобы утолять голод, он прихватил с собой провиант — целую кучу заледеневших и твердых, как подметка, мелких рыбешек. Время от времени он клал рыбку в рот и хрумкал, не переставая писать. Рукопись книги «Лед не тает» разбухла, в ней было уже страниц триста. Пин Гвин продолжал отстаивать свою теорию: лед как строительный материал ни в чем не уступает камню, то есть он так же прочен и долговечен.

Пин Гвин все писал и писал и однажды, поставив наконец точку, протянул плавник, чтобы взять последнюю рыбешку. И дернул же его черт это сделать! Рыбка, которая, судя по всему, уже разморозилась, с яростью впилась ему в плавник. Пин Гвин взвыл от боли, посмотрел себе под ноги и увидел, что ледяной пол его кабинета почти совсем растаял и в нем появилась здоровенная дыра, через которую виднелись морские волны. В этой дыре торчала голова рыбки, укусившей Пин Гвина. Рыбка заговорила:

Пин Гвин, Пин Гвин,
что ты там сидишь один?
Нынче всем уж не до льдин!
Так что брось свою науку
и учись нырять, Пин Гвин!

Произнеся это, рыбка исчезла, и тогда Пин Гвин выскок из своего кабинета. От того, что он увидел, у него отвисла челюсть. Ледяного острова, можно сказать, больше не существовало. Школа исчезла совсем, от дома остался только кабинет, на крыше которого сгрудились испуганные на смерть Пин Гвиниха и тридцать шесть Пин Гвинят. А вокруг остатков льдины дымилось, кипело и сверкало на обжигающе горячем солнце море экватора. Пин Гвиниха закричала: — Что же теперь делать, Пин Гвин?

Муж ничего ей не ответил: он озирался по сторонам и, что делать, сам не знал. Да, он видел, что его ледяной остров

растаял, но не хотел признаться в своей ошибке. Выход из положения нашел один из Пин Гвинят, а именно Пин Гвиненок Восемнадцатый. Хоть малыш и не слышал совета бывшей замороженной рыбки, он вдруг весело закричал:

— Папа, мне очень жарко, я сейчас прыгну в воду и искупаюсь.

Сказал — и прыгнул. Все остальные Пин Гвинята последовали его примеру. Следом за детьми прыгнула мама. Наконец прыгнул в море и сам Пин Гвин, решивший, что не след уступать инициативу мальчишке. Впрочем, льдина превратилась уже в прозрачную скорлупку, и, если бы Пин Гвин не прыгнул, он все равно очутился бы в воде.

Как Пин Гвин, Пин Гвиниха и тридцать шесть Пин Гвинят возвратились всплавь на полюс — это уже совсем другая история. Мне же остается только сообщить вам, что сегодня у них все как прежде: семейство Пин Гвинов живет на ледяном острове, Пин Гвин преподает географию. Но тема его лекций изменилась. Теперь они называются так: «Лед не вечен. Причины и следствия». Совсем как в поговорке:

Поверишь морозам —
останешься с носом.
Зима не вечна —
простите сердечно!

Не пристало Фи Лину любить Жу Равку

Несколько миллиардов лет тому назад жил у себя в гнезде один старикашка Фи Лин, слывший ужасным мизантропом. Гнездо его было устроено в пещере, а сама пещера находилась на отвесном склоне горы, вершина которой дырявила небо, а подошва терялась в бездонной пропасти. У входа в пещеру торчал скалистый выступ, и каждую ночь Фи Лин слетал с него вниз, отправляясь на охоту за мышами, чтобы было чем пообедать на следующий день. Фи Лин ни за что не хотел жениться; нашли дурака, думал он. С какой

это стати я приведу к себе в дом какую-то чужую птицу? Домашнее хозяйство вел у него добрый и преданный слуга по имени Нето Пырь, у которого была, однако, дурная привычка вечно висеть вниз головой, уцепившись коготками за потолок. Эта привычка, по мнению Фи Лина, влияла — да и могло ли быть иначе? — на образ мыслей Нето Пыря.

— У того, кто висит вниз головой, — говаривал Фи Лин, — и мысли в конце концов переворачиваются вверх тормашками.

Слова эти довольно скоро нашли свое подтверждение. Однажды, ближе к вечеру, Фи Лин, собираясь на охоту за мышами, присел на свой скалистый выступ, как вдруг далеко-далеко в чистом вечернем небе он увидел что-то вроде белого извивающегося шлейфа, который двигался по направлению к его горе, то укорачиваясь, то вытягиваясь. Что бы это могло быть? Фи Лин пригляделся к шлейфу и наконец понял, что это огромная стая Жу Равлей, летевшая, как и каждую осень, зимовать на Юг.

Фи Лин терпеть не мог Жу Равлей, взбалмошных птиц, которым почему-то не сидится на месте: то они устраивают гнезда где-нибудь на поле в Германии, то разгуливают под баобабам в Африке.

— Я же, — говорил Фи Лин, — не эмигрирую, не бросаю все свои дела и не мчусь на какое-то там озеро Чад!

Вот почему и в тот вечер Фи Лин, как всегда, забился поглубже в свою пещеру и сидел в темноте неподвижно, широко раскрыв свои желтые глаза и дожидаясь, когда стая пролетит мимо.

Но Жу Равли все летели и летели; их были сотни, и шум от них стоял ужасный, так как птицы эти любят поболтать и даже в полете ни на минуту не перестают обмениваться новостями. Фи Лин смотрел, как мимо его пещеры течет эта река из белых перьев, и от великого отвращения только хлопал своими фосфоресцирующими глазами, словно от оплеух. Наконец пролетели последние отставшие птицы, и шум, слава богу, стих.

Фи Лин облегченно вздохнул, подождал еще немного и,

как только убедился, что стая уже далеко, вышел из пещеры. Но в тот самый момент, когда он уже собирался слететь вниз, что-то обрушилось на него с такой силой, что он едва не перевернулся. Придя в себя, он увидел, что упавший на него болид — это всего-навсего маленькая, совсем молоденькая и очень испуганная Жу Равка. Едва переведя дух, она спросила:

— Где она? Куда она девалась?

— Кто?

— Да моя стая! Стая Жу Равлей!

— Ну, спохватилась. Да она уже с час как пролетела.

Вы когда-нибудь видели, как плачут Жу Равли? Я — нет. Но представить себе это могу прекрасно. Маленькая Жу Равка разразилась слезами и совсем пала духом. Всхлипывая, она рассказывала, какая с ней приключилась история: летя вместе с заботливыми папой, мамой и пятью братьями и сестрами, Журка (так ласково называли малышку) сделала неосторожное движение и вывихнула себе крыло. Вот почему она отстала — и-и-и! — и если бы на ее пути не оказался этот благословенный скалистый выступ — о-о-о! — она, конечно же, рухнула бы на землю и ее сожрали бы — у-у-у! — ужасные звери, которые обожают — ох-ох-ох — охотиться на Жу Равлей.

Из этого рассказа Фи Лин понял только одно: Жу Равка не сможет лететь дальше и на какое-то время должна остаться в пещере, что, естественно, нарушит милое его сердцу уединение. И он уже хотел было сказать: «А я-то тут при чем? Почему бы тебе не поискать приюта у своих многочисленных родственников, например у дядюшки Мара Бу или кузена А. Иста? У них большие гнезда, а у меня, сама видишь, одна только эта жалкая каморка, которую я к тому же делю с Нето Пырем». Но тут из глубины пещеры до него донесся голос самого Нето Пыря:

— Фи Лин, не глупи! Это единственная в твоей жизни счастливая возможность, не упускай ее.

— Какая еще возможность?

— Возможность раз и навсегда покончить с одиноче-

ством и мизантропией, приняв в своей пещере юное, светлое существо, этакий лучик солнечного света.

— Но я же веду ночной образ жизни, а в моем возрасте не меняют своих привычек.

— Ничего, Фи Лин, можно их изменить.

— Ты говоришь так потому, что висишь головой вниз.

— Лучше висеть головой вниз, чем быть вовсе без головы, Фи Лин.

Короче говоря, Журка осталась в пещере до выздоровления, а Фи Лин, как и предвидел Нето Пырь, изменил свои привычки. Он летал уже не по ночам при свете луны и звезд, а днем под ярким солнцем, охотился не на грязных черных мохнатых мышей, а на чистеньких серебристых рыбок. Даже речь у него стала совсем другой — не хрипло бормочущей, а приятно шепчущей. Что же определило столь резкую перемену? Да просто любовь. Фи Лин влюбился в Журку и не отходил от нее ни на минуту. Так что теперь их всегда можно было видеть вместе на берегу ручьев и озер — в излюбленных местах Журки. Она — белая, жеманная и такая элегантная со своим длинным клювом и тонкими стройными ножками; и он — темный, коренастый, круглый, как шар, с кривым клювом и в огромных, как у нотариуса, очках.

Но Фи Лина, хоть и влюбленного, не покидал страх; в минуты, когда Журка его не слышала, он признавался своему верному Нето Пырю:

— Сдается мне, что наша Журка отъявленная плутовка: ей перышка в рот не клади — полкрыла отхватит.

На что Нето Пырь отвечал:

— Да ей все крыло отдать — мало будет.

Фи Лин ворчал:

— Ну да, ты так думаешь потому, что болтаешься вниз головой и все тебе видится вверх ногами.

— Хорошо бы тебе самому, — возражал Нето Пырь, — хоть разок увидеть все вверх ногами.

Между тем Журка не только выздоровела, но выросла и похорошела. Она все еще жила в пещере Фи Лина, но часто отлучалась по каким-то своим тайным делам, так что Фи

Лин, охваченный ревностью, стал за ней шпионить и очень скоро установил, что его возлюбленная наносила визиты славившемуся своими похождениями закоренелому донжуану Жу Равчику. Фи Лин решил упрекнуть ее, но лучше бы уж было ему промолчать, ибо в ответ он услышал:

— С кем хочю, с тем и встречаюсь, а ты заткни клюв!

Оскорбленный в своих лучших чувствах Фи Лин опять пожаловался Нето Пырю, но в ответ услышал:

— С моей точки зрения, то есть с точки зрения существа, висящего вниз головой, ты просто счастливчик. Ну изменяет тебе Жу Равка, так что? Даже это лучше, чем ничего.

Привыкнув к мысли, что все, даже предательство, лучше, чем ничего, Фи Лин в конце концов согласился построить гнездо, в котором Журка могла бы растить своих и Жу Равчика птенцов. Все видели, как бедный старик летает взад-вперед, принося в клюве клочки сена, обрывки бумаги, пушинки, ветки, тряпочки — в общем, все, что могло служить материалом для укрепления и обустройства гнезда для чужих детей. Но Нето Пырь упорно продолжал твердить свое:

— Нечего жаловаться. По крайней мере так ты хоть чувствуешь, что живешь. Раньше ты кем был? Живым трупом.

И вот на краю все того же скалистого выступа в неустойчивом равновесии над пропастью замерло огромное гнездо. А когда пятеро Жу Равлят вылупились из яиц и подняли страшный галдеж, раскрывая протянутые вверх клювы и требуя пищи, кто, по-вашему, разбивался в лепешку, чтобы добывать им всевозможных червей, улиток и насекомых? Конечно же, наш старый бедный Фи Лин. Но Нето Пырь не сдавал своих позиций.

— Вот видишь, — говорил он, — теперь у тебя самая настоящая семья. Чего тебе еще надо? Да таких счастливчиков, как ты, днем с огнем не сыщешь!

Дело кончилось тем, что в один прекрасный день Журка заявила нашему счастливчику Фи Лину как бы между прочим:

— Ну, мой милый Фи Лин, пришла пора нам расстаться. Какой-то странный зуд ощущаю я в крыльях, какое-

то беспокойство в ногах, какой-то трепет в груди. По всему чувствую: пора мне и моим детям пускаться в путь. А что собираешься делать ты? Полетишь с нами или останешься?

Фи Лин растерялся.

— Как? Ты хочешь меня покинуть?

— Конечно. Это же естественно. Ничто меня больше здесь не держит.

— Даже... я не говорю — любовь, но хотя бы чувство благодарности?

— Единственное чувство, которым я сейчас охвачена, — это неодолимое желание как можно скорее улететь отсюда.

— А ты возьми себя в крылья.

— Невозможно. Это сильнее меня.

Фи Лин в отчаянии пытался ей что-то доказать:

— Но куда же ты? Ты хоть знаешь, куда лететь?

Журка обиженно ответила:

— Мы, Жу Равли, никогда не знаем наперед, куда летим. Надо лететь — мы летим, вот и все.

— Но Жу Равли, которые возвращались, рассказывали же тебе, наверно, где они были?

Ответ Журки был уклончивым:

— Говорят, что где-то очень далеко есть огромное озеро, залитое ярким солнечным светом. На озере этом множество птиц: они летают над водой, выхватывая из нее вот такущих рыбин, отряхиваются от блох, загорают. В общем, блаженствуют.

— Как по-твоему, я тоже мог бы там блаженствовать?

— По-моему, ты можешь блаженствовать только в темноте, ночью. Ты счастлив, когда охотишься за мышами, приносишь в свою пещеру жирную добычу и Нето Пырь готовит ее тебе на обед.

Что делать? Нето Пырь, к которому Фи Лин, как всегда, обратился за советом, изрек следующее:

— Лучше один день прожить Жу Равлем, чем сто лет Фи Лином.

Журка уже всю готовилась к отлету. И тогда Фи Лин решил и сказал, что полетит вместе с ней. Улетели на рас-

свете. Первой со скалистого выступа сорвалась Журка. За ней последовали пятеро ее детей, а за ними — Фи Лин. Нето Пырь же остался в пещере, но обещал присоединиться к ним, как только получит от них весточку. Под конец он не удержался и крикнул вслед Фи Лину, продолжая висеть вниз головой:

— Правильно сделал, что решился. Жизнь дается только раз!

Летели они, летели, и вдруг Фи Лин стал замечать, что полет этот ему не под силу. У Журки были длинные крылья, а у него — короткие; у нее были хорошо развитые легкие, а у него — маленькие и слабые; у нее зрение было прекрасное, а его солнечный свет слепил. Однажды утром, когда они летели над бескрайним морем, вся поверхность которого так и сверкала на солнце, Фи Лин заметил внизу островок и взмолился:

— Давайте присядем на этой скале и передохнем немного.

Журка ответила:

— Садись ты, а мы летим дальше.

— Но я устал.

— Тем хуже для тебя.

Жестокосердие Журки положило конец терпению Фи Лина. Ни с кем не попрощавшись, он опустился на островок, посидел там один-одинешенек несколько часов, печально глядя на воду, а потом полетел. На этот раз — в противоположную сторону, то есть в сторону своей пещеры.

Там все было по-прежнему. Нето Пырь, продолжавший висеть вниз головой, сразу же закричал:

— Всю жизнь теперь будешь жалеть, что не долетел до озера.

Фи Лин ничего ему не ответил, обшарил пещеру и нашел длинное белое перо — очевидно, выпавшее из крыла Журки. Взяв перо в клюв, он вышел на скалистый выступ. А вот и гнездо — целое и невредимое, огромное, устланное пухом и сеном. Фи Лин раскрыл клюв, и белое перо, кружась, стало опускаться в пропасть. Пришел черед гнезда; Фи Лин под-

толкнул его плечом, гнездо несколько секунд покачалось на краю уступа, потом полетело кувырком вниз и пропало из виду.

Взошла луна. В ее серебристом свете хорошо просматривалась вся огромная долина, куда Фи Лин обычно летал на охоту. Он сказал:

— Слетаю, пожалуй, поймаю на завтра мышь.

Нето Пырь, висая вниз головой, крикнул ему вдогонку:

— А как мы ее приготовим?

Фи Лин ответил:

— Запечем в духовке.

И улетел.

Вселенский Потоп, конец света и так далее...

Три миллиарда лет тому назад некий Бронто Завр, известный нытик и пессимист, заметив сгущающиеся на небе тучи, проворчал:

— Однако, быть дождю! Надо захватить зонтик.

Представьте, на этот раз он не ошибся. Вс. Е. Вышнему надоел мир, созданный, между прочим, им же самим; вот он и решил полностью его уничтожить, а потом сотворить новый — отвечающий требованиям дня, то есть более современный. Для уничтожения мира у Вс. Е. Вышнего было два средства — вода и огонь. Водой он мог все затопить, огнем — все сжечь. Результат был бы один и тот же: на Земле не уцелело бы ровным счетом ничего.

Вс. Е. Вышний вообще-то отличался нерешительностью. Он долго взвешивал все «за» и «против», но так и не сумел выбрать, что лучше. Тогда он призвал на помощь своего тайного советника по имени Слу Чай, и тот дал ему очень дельный совет:

— Такой вопрос надо решать просто: орел или решка.

Вс. Е. Вышнему совет пришелся по душе, он подбросил монету; выпал «орел», что по уговору означало воду. Вс. Е. Вышний тотчас схватил шланг, из которого обычно поливал свой сад, и изрек:

— Буду держать его над Землей, пока рука не устанет,—хоть сорок тысяч лет. Сорок тысяч лет на Земле будет идти дождь под названием Вселенский Потоп, в общем, как говорят, разверзнутся хляби небесные.

И действительно, дождь шел и шел на протяжении сорока тысяч лет — приличный был дождичек — и затопил всю Землю: под водой оказались растения, звери, Че Ло Веки. Потонул даже Бронто Завр, несмотря на то что при нем был его красно-синий зонтик.

Через сорок тысяч лет у Вс. Е. Вышнего занемела рука, он опустил ее, и Вселенский Потоп прекратился. Но что делать с таким количеством воды? Вс. Е. Вышнего вдруг осенило: надо развести в ней рыб. Сказано — сделано. Рыб он творил так: выпускал их изо рта, словно облачка пара, и, подхватив на лету, говорил каждой:

- Ты будешь тунцом.
- Ты будешь угрем.
- Ты будешь камбалой.
- Ты будешь треской.
- Ты будешь кефалью,—и так далее.

Сотворив рыб, Вс. Е. Вышний, отличавшийся, как вы уже догадались, нравом переменчивым и капризным, утратил всякий интерес к Земле и переключился на что-то другое.

Прошло несколько миллиардов лет. Мир оставался сплошным морем, а море кишело рыбой. Рыбы били хвостами, плавали, пожирали друг друга — в общем, делали все, что полагается делать рыбам. Одни рыбы были очень большими, например К. Ит; другие — очень маленькими, например Сар Дина. Рыбы, как известно, существа тупые, бессловесные, лишенные воображения, короче говоря — скучные. Но даже этим скучным существам надоело быть рыбами, и они надумали отправить к Вс. Е. Вышнему делегацию. Тот, как водится, помариновал их немножко — мил-

лион-другой лет — в приемной, потом все-таки вызвал.

— Ну, что там у вас?

— У нас? У нас скучно.

— Вам скучно потому, что сами вы нудные.

— Нет, нам скучно потому, что мы все время под водой.

— А чем вас не устраивает вода?

— Ну, во-первых, она мокрая: в воде ужасно сыро. Кроме того, там темно — так темно, что мы даже друг друга не видим и постоянно сталкиваемся. И, наконец, там холодно, просто околеть можно. К. Ит — он ведь плавает с высунутой головой — рассказывал, что над морем есть небо, а в небе солнце, и оно теплое, светлое и сухое. В общем, мы хотим солнца.

Вс. Е. Вышний поскреб в затылке, вздохнул, подумал и изрек:

— Будь по-вашему. Солнце выпарит половину воды, и на поверхности моря появятся материки. Кто хочет остаться в воде, пусть по-прежнему зовется рыбой. Кто решит жить и в воде, и на суше, пусть называется земноводным, а кто поселится на земле, станет млекопитающим. Идет? Ну а теперь проваливайте. Я не желаю слышать никаких разговоров о Земле по крайней мере еще миллиард лет.

Все так и было. Солнце выпарило половину моря, из воды выступили материки, многие рыбы переселились на сушу, многие остались в воде, многие могли жить и здесь, и там. Среди тех, кто обосновался на земле, были существа, звавшиеся Че Ло Веки. Их Вс. Е. Вышний создал почему-то голыми. Да-да, они были голыми, словно какие-нибудь черви.

Че Ло Векам в конце концов надоело ходить голышом, и они тоже отправили к Вс. Е. Вышнему свою делегацию. Разговор получился такой:

— Мы мерзнем. Покрой наше тело чешуей, как у земноводных, или дай шкуру, как другим млекопитающим.

— Нет. Голыми я вас создал, голыми вы и останетесь.

— Но почему же?

— Никаких «почему». Я сказал, значит, все.

— Тогда пусть хотя бы солнце греет сильнее.

Это требование Вс. Е. Вышний счел разумным. Он про-сунул свою огромную длань за солнечный диск и повернул заводной ключ, и солнце начало греть вдвое сильнее. Стало так жарко, что вблизи экватора погибли все животные и растения, образовались пустыни, то есть огромные пространства раскаленного песка, где не осталось ничего живого, кроме Г. Адов, С. Корпионов и, естественно, Че Ло Веков.

Прошло еще несколько миллиардов лет, и Че Ло Веки отрядили к Вс. Е. Вышнему новую делегацию, которую тот принял весьма невежливо:

— Ну что вам еще?

— Дай нам еще солнца!

— Как, вам его опять не хватает?

— Дело в том, что в пустынях его с избытком, а вот на полюсах можно окочуриться от холода. Мы хотим, чтобы солнце было везде.

Однако на этот раз Вс. Е. Вышний не пошел им навстречу. Он намеренно создал Землю с полюсами и менять своих решений не собирался. Так и объявил:

— В мире все поделено по справедливости: и вода, и земля, и лед. Так что никакого солнца вам больше не полагается.

— Ради бога, Вс. Е. Вышний, дай нам его еще немного.

— Нет и нет. Если я пойду вам на уступки, могут запротестовать другие планеты. Вы, между прочим, не одни во Вселенной.

— Что же нам делать?

— А это уже ваша забота.

Тут Вс. Е. Вышнего вызвали по очень срочному делу: с небосклона сорвалась и начала падать маленькая планета — Плу Тон. Куда ей падать? — спросите вы. А куда падают плоды с дерева? Вниз, естественно. Ее надо было подхватить и водворить на место. Вс. Е. Вышний выбежал, а делегация осталась. И тогда глава делегации сказал:

— Знаете что, пока Вс. Е. Вышнего нет, давайте зайдем за солнце, чуть-чуть повернем ключик и смоемся. Он

ничего не заметит, а у нас будет побольше тепла.

Так и сделали. Зашли за солнце и повернули ключ на пол-оборота. На беду, была среди них некая особа по имени Жен Щина. Она жила на Северном полюсе и завидовала Жен Щинам с экватора, которые всегда могли разгуливать нагишом, потому что солнца у них было больше чем достаточно. Жен Щина подумала: мы лишь слегка повернули ключ. Этого мало: все равно мне придется носить одежду, хоть и легкую. А как хочется разгуливать голой, совсем голой. Я красива и хочу, чтобы все мной любовались. И вот, когда делегация направилась к выходу, Жен Щина потихоньку возвратилась назад, повернула ключ сначала один раз, но, решив, что этого недостаточно, сделала еще пол-оборота. После чего, довольная, побежала догонять остальных.

Тут из солнца вырвался необычайно жгучий луч, похожий на длинную огненную стрелу. В мгновение ока он достиг Земли и уничтожил на ней воду, льды, почву, растения, животных, рыб, земноводных — в общем, все живое и неживое. Даже воздух. И Земля превратилась в черный спекшийся камень. Вы спросите: а как же Че Ло Веки? Они тоже погибли, а с ними и Жен Щина, чья суетность стала причиной этой страшной катастрофы.

Вс. Е. Вышний, вернувшись домой, посмотрел вниз и увидел, что Земля вся почернела, как головешка. Он заглянул за солнце и обнаружил, что ключ был повернут дважды. Какое безумие! И сказал Вс. Е. Вышний:

— Так. С Землей покончено. Че Ло Веки превратили ее в спекшийся камень, пусть им и останется.

Но потом смягчился: все-таки слишком хороша она была, эта Земля, чтобы не стоило труда ее воссоздать. И тогда он взял в руки шланг...

И снова был Вселенский Потоп, и Земля зашипела и задымилась, как опущенный в воду раскаленный кусок железа. Через некоторое время всю ее затопило море. А в море появились рыбы.

Через миллиард лет рыбам надоело быть рыбами, и они

отрядили делегацию к Вс. Е. Вышнему: пусть узнает, что им скучно в воде и хочется солнца. Вс. Е. Вышний сказал:

— Вам скучно, потому что сами вы скучные.

Остальное вы уже знаете. Спокойной ночи, приятных снов.

Чудища из матушкиных снов

Несколько миллиардов лет тому назад все было куда проще, чем сегодня: вы могли, например, пойти к матушке При Роде и высказать ей свои обиды на несправедливость создаваемого ею мира. Матушка При Рода была настоящей великаншей, такой огромной, что, скажем, став ей на макушку, вы даже через сильную подзорную трубу не смогли бы увидеть ее ног. Возлежала она на бескрайней равнине, вместо подушки подложив под голову гору, — постелью служила ей пустыня, — и творила во сне мир. Грезы При Роды совсем не походили на те сны, которые видим мы с вами и, проснувшись, тут же забываем. Ее сны немедленно превращались в явь. Ну, например: в один прекрасный день ей приснилось весьма странное существо — нечто похожее на зонтик с четырьмя лапами, да еще с головой и хвостом. И вот вам пожалуйста, на лоне матушки При Роды уже ковыляет, с трудом переставляя лапы, смешная и нелепая Че Ре Паха. Хотите знать, почему ей приснился именно такой сон? Оказывается, кто-то сказал ей, что неплохо бы создать животное, которому во время дождика не надо было бы искать какое-нибудь укрытие или навес.

Это я к тому, чтобы вы поняли, какая добрая и заботливая была матушка При Рода. Собственно, именно такой и должна быть каждая мать.

Ну ладно. Однажды делегация Поро Сят, проделав немалый путь, вскарабкалась на вершину горы, служившей подушкой матушке При Роде. Глава делегации, приблизившись к ее огромному уху, заорал что было мочи:

— Мама! Мама! Мама!

Матушка При Рода приоткрыла один глаз — веко у нее было величиной с огромный купол, отороченный ресницами, каждая как здоровенное бревно, а зрачок похож на зелено-вато-синее озеро — и томно спросила:

— Ты что, милый? Скажи своей мамочке, что тебе надо?

На столь ласковый вопрос Поро Сенек ответил:

— Как тебе известно, мы, Поро Сята, народец мирный, у всех у нас равные права и обязанности. Но с некоторых пор стало твориться что-то непонятное.

— А именно?

— А именно некоторые из нас, то ли по твоему желанию, то ли по воле случая, очень изменились, и, как это ни прискорбно, в худшую сторону: их нежная розовая кожа покрылась черной щетиной; изо рта стали выпирать острые кривые зубы, просто даже не зубы, а клыки. Эти типы, которые самовольно назвались Ка Банами, злые и деспотичные существа и благодаря своим клыкам установили самую настоящую тиранию: они, видите ли, командуют, а мы должны подчиняться. Матушка При Рода, хоть ты призови их к порядку!

Матушка При Рода ответила:

— Подумать только, а я ведь создала вас всех одинаковыми. Что это еще за новости? Может, вы неправду говорите?

Поро Сята хором заверили ее, что говорят чистую правду. Матушка При Рода подумала и, вздохнув, сказала:

— Что касается этих, как вы говорите, клыков, то они, наверно, привиделись мне во сне, в дурном сне, я бы даже назвала его кошмаром. Бывает, что, заснув после плотного ужина, я вижу во сне всяких чудищ. Как еще, если не чудищем, прикажете назвать Поро Сенка, у которого изо рта торчат клыки?

— Вот и мы так думаем,— ответили Поро Сята.

— К тому же,— продолжала матушка При Рода,— такие деспотичные и кровожадные существа совершенно не вяжутся с моим представлением о Вселенной, где,

я считаю, должен царить только здравый смысл.

Поро Сята никогда еще не слышали о здоровом смысле. И потому хором спросили:

— Здравый смысл? А что это такое?

Матушка При Рода ответила:

— Это такая вещь... ну, например, как соль в пище. Я обычно стараюсь вложить хоть щепотку его в каждое живое существо, которое мне доводится увидеть во сне. Теперь то, очевидно, придется раздавать его целыми горстями. Между прочим, с некоторых пор у меня появилось какое-то безотчетное желание создать одно довольно сложное существо, которое имело бы гораздо больше здравого смысла, чем остальные. Сегодня я постараюсь ограничиться легким ужином, потом хорошенько посплю и, сдастся мне, на этот раз увижу во сне вполне разумное живое существо; оно, кстати, и спасет вас от этих злодеев Ка Банов. Так что, дорогие мои Поро Сята, не теряйте надежды и возвращайтесь домой, ваша любящая мама о вас позаботится. Вот увидите, как хорошо все получится.

Поро Сята, преисполненные благодарности и священного трепета, поспешили убраться восвояси, поскольку в те далекие времена матушка При Рода очень легко выходила из себя. Известно, например, что однажды, разозлившись на огромных животных, называвшихся Дино Заврами и слишком часто досаждавших ей своими жалобами (они просили сделать их не такими большими и не такими глупыми), она просто истребила их всех до единого: им удалось протянуть на этом свете всего каких-нибудь сто пятьдесят миллионов лет.

Поро Сята ушли, и после этого какое-то время — ну, скажем, семьсот или восемьсот миллионов лет — все оставалось как было. Матушка При Рода сдержала слово и во время ужина постаралась не перегружать свой желудок: проглотила всего парочку вулканов вместе с лавой, запила их рекой средней величины — и теперь крепко спала. Лишь раз в два-три века она глубоко вздыхала во сне или поворачивалась на другой бок. Но что значит быть матушкой При Родой! От

этих вздохов поднимались ветры, которые дуют и до сих пор, а когда она поворачивалась, всякий раз происходило землетрясение, кое-где совершенно изменявшее лицо Земли.

Наконец наступил день пробуждения. Это был чудесный день. С раннего утра небо сияло синевой и кое-где по краям отсвечивало розовым; ветры улеглись, и солнце распространило приятное тепло и яркий свет, деревья никогда еще не были такими зелеными, а цветы — такими ослепительно прекрасными. Матушка При Рода проснулась, приподнялась на локте и успела увидеть в самом конце пустыни, служившей ей ложем, две фигурки, которые удалялись, доверчиво держась за руки: то были Муж Чина и Жен Щина. Передвигались они на двух конечностях. Матушка При Рода подумала, что наконец-то ей удалось создать свой шедевр. С чувством удовлетворения она следила за тем, как залитые светом фигурки уходят все дальше, пока и вовсе на скрылись из виду. Тогда она завалилась на бок и снова заснула.

На этот раз спала она недолго, с миллиард лет, не больше. А открыв глаза, услышала взволнованные голоса и повернулась: оказывается, к подножию горы, служившей ей подушкой, снова явилась делегация Поро Сят. Матушка При Рода протянула руку, ухватила одного из них пальцами, поднесла к глазам и спросила:

— Ну как?

— У тебя получились совсем такие же Поро Сята, как мы: розовые, мягкие, добрые и беззащитные; вся разница в том, что мы ходим на четырех ногах, а эти — на двух. Они упрятали нас подальше от отвратительных Ка Банов и содержат в замечательном месте, где есть все, абсолютно все, что необходимо для счастья.

— Что же это за место? — полюбопытствовала матушка При Рода.

— Там такие большие одноэтажные строения со множеством загончиков, в которых помещается сразу целая семья. Двунogie Поро Сята заботятся о том, чтобы у нас было все необходимое. Через определенные промежутки времени они дают нам вкуснейшую еду, состоящую из отрубей и желу-

дей, и замечательную похлебку, в которой много гнилых яблок и подпорченного картофеля. А потом они нас всех хорошенько моют водой из шланга. В общем, проявляют всяческую заботу; все у нас сверкает чистотой. Представляешь, выпуская нас подышать свежим воздухом, они заботятся, чтобы мы не скользили копытцами по ступенькам, и сделали для нас специальный наклонный настил.

Матушка При Рода удовлетворенно заметила:

— Хорошо, хорошо, похоже, что на этот раз я во сне произвела на свет самое разумное животное из всех, какие у меня получались. А теперь, дети мои, меня клонит ко сну, вздремну-ка я еще немного. Но я хочу, чтобы вы держали меня в курсе дела. Жду вас еще через тыщонку лет. Спокойной ночи.

Прошла тысяча лет. Матушка При Рода проснулась, потянулась и вдруг увидела у себя под носом... Поро Сенка, который кричал не своим голосом:

— Мама! Мама! Нас предали, предали! Эти существа, которых мы называли двуногими Поро Сятами, оказались чудовищами, ужасными чудовищами! Да, они обращаются с нами хорошо, чистят, холят, откармливают. Но знаешь — для чего?

— Нет. А для чего?

— Для того, чтобы потом нас съесть. Когда мы набираем нужный вес, нас — подумать страшно! — привязывают к какой-то движущейся и ужасно лязгающей цепи и быстренько перерезают нам глотку, спускают кровь, разделяют, рубают на куски. Не стану описывать, что с этими кусками делают потом. Достаточно сказать, что они превращают нас во всякие штуковины, которые называются у них, если не ошибаюсь, сосисками, ветчиной, зельцем, колбасой и так далее — в зависимости от части туши, которая пошла в работу. Ужас, ужас, ужас! Ты обещала, что увидишь во сне самое разумное на всем белом свете животное. А оно, увы, использует свой разум для того, чтобы поедать нас! Да еще при нашем же сотрудничестве! Эх, мама, ты сама нас предала!

Наверняка сейчас кто-нибудь поинтересуется, что отве-

тила матушка При Рода на эти душераздирающие, отчаянные упреки. Вы можете не поверить, но она не ответила ничего. Взяла двумя пальцами Поро Сенка и осторожно поставила его на землю. Потом улеглась на бок и снова заснула.

Как бравых пожарников сон сморил

Миллиард лет тому назад в бразильских джунглях, где очень часто случались пожары (в конце концов, разве джунгли не огромный дровяной склад?), была создана пожарная команда. Брандмейстером поставили некоего Ле Нивца, а рядовыми пожарниками назначили всяких там Сур Ков, Бар Суков, Кро Тов, Хо Мяков и прочих животных, известных своей неповоротливостью и не дураков поспать. Вы только не спрашивайте у меня, почему именно их назначили пожарниками, а не подобрали команду из множества других, куда более прытких и шустрых животных; признаться честно, я и сам этого не знаю. Миллиард лет — довольно приличный отрезок времени: кто может сказать с уверенностью, как именно обстояли дела в тот период?

Так вот. Однажды вечером Ле Нивец, бывший, как мы уже сказали, брандмейстером, собрался хорошенько соснуть. Он, бедняжка, проспал в тот день всего двадцать часов, и у него просто глаза слипались. Тут нужно заметить, что у Ле Нивца была весьма необычная, прямо-таки чудная манера отходить ко сну: уцепившись когтями всех четырех лап за какую-нибудь ветку поближе к вершине дерева, он так и засыпал, болтаясь на ней спиной вниз, брюхом кверху. В таком положении Ле Нивец спал обычно по двадцать три часа в сутки. Без перерыва. А единственный час, когда Ле Нивец не спал, он ел, обрывая цветы и листья с дерева, служившего ему постелью. Правда, при этом ему нередко так хотелось спать, что он погружался в дрему, даже не дожидаясь оставшуюся во рту зелень.

Почему в эту ночь Ле Нивец спал меньше обычного? Потому что его команду вызывали тушить пожар. Кто-то громко окликнул его — правда, один только раз, — потом наступила тишина. Ле Нивец подумал сначала, что его подвел слух. Он подождал целых три часа — вдруг кто-нибудь крикнет опять, — но никто больше его не звал. Наконец Ле Нивец решил, что над ним подшутили (даже в бразильских джунглях водятся бездельники, устраивающие ложные вызовы пожарных — без всякой причины, просто чтобы полюбоваться, как те несутся на вызов), и принял свою излюбленную позу: повис кверху лапами и вниз головой. Вдруг дерево, на котором он висел, стало раскачиваться, как от землетрясения, и кто-то гулким, как из бочки, голосом позвал:

— Ле Нивец! Ле Нивец!

Ле Нивец по голосу узнал Бари Бала — довольно крупного медведя, выполнявшего в джунглях весьма ответственную роль вестового пожарной команды, то есть, по существу, функции нашего номера «01».

Бари Бал был типом, мягко говоря, флегматичным: примерно в октябре он впадал в спячку и просыпался только к апрелю, что, естественно, не могло не сказываться отрицательно на его деятельности. Тут опять сам собой напрашивается вопрос: зачем поручать дело, требующее особой быстроты реакции и находчивости, типу, который крепко спит целых полгода? Пожалуй, придется мне ответить, как и в первый раз: дело-то было миллиард лет назад, поди узнай теперь — зачем.

Ле Нивец, разгневанный тем, что его оторвали от столь важного дела, как отход ко сну, откликнулся не очень вежливо:

— Хотел бы я знать, Бари Бал, что у тебя там стряслось? От твоего крика я чуть с ветки не свалился!

— В «Блаженных снах» случился ужасный пожар!

Ле Нивец хотел было проворчать: «А я-то здесь при чем?», да вовремя вспомнил, что он брандмейстер, и потому спросил:

— В «Блаженных снах»? А это что такое?

— Да ты сам прекрасно знаешь: шикарный мотель с бассейном, площадкой для игры в гольф, кегельбаном, манежем, танцевальным залом и так далее и тому подобное.

— Скажи, пожалуйста, не ты ли окликнул меня три часа назад?

— Да, я.

— А почему же сразу замолчал?

Бари Бал смущенно ответил:

— Понимаешь, меня вдруг сон сморил. Жарища-то какая стоит. Вот я и вздремнул немножко.

— Кстати, кто тебе сообщил о пожаре? Не говори только, что ты сам был в «Блаженных снах», все равно не поверю.

— Я действительно там не был. Мне сказал Гама Дрил.

— Гама Дрил? Он видел пожар собственными глазами?

— Думаю, да.

— А где он сейчас?

— Скорее всего, спать пошел.

Ле Нивец задумался. С одной стороны, голос совести и чувство долга повелевали ему отправиться на место происшествия. С другой... Ну а с другой стороны, у него уже глаза начали слипаться, до того спать хотелось. Наконец чувство долга пересилило, и Ле Нивец сказал:

— Выходит, надо спешить. Сколько километров до «Блаженных снов»?

— С сотню будет.

— Ничего себе!

И вот после долгих сомнений и раскачки пожарная команда отправилась тушить пожар, охвативший самый шикарный в бразильских джунглях мотель. По пути, как обычно бывает, когда пожарные мчатся на пожар, к ним примыкали выскакивавшие из кустов Кро Ты, Сур Ки, Хомя Ки, Бел Ки и другие животные, тоже любители поспать, но почему-то включенные в пожарную команду, хотя следовало бы назначить туда других, более подходящих для этого дела. Время от времени пожарная команда в полном составе останавливалась на какой-нибудь поляне и дружно засыпала. Ле

Нивец, у которого чувство долга боролось с неодолимой тягой ко сну, пытался подбодрить своих подчиненных такими речами:

— Ребята, неужели вы не понимаете, что сейчас не спать надо, а делом заниматься? Ведь пожары нас не ждут, а вспыхивают, где и когда им заблагорассудится! Отныне нам придется практически не смыкать глаз! Так что давайте все хором крикнем: «Да здравствует бодрствование, долой спячку!»

Начал-то он эту фразу громко и четко, но из-за навалившегося на него сна проглотил половину слова «бодрствование», успел вымолвить только «бодрст» и сразу заснул, свесившись с парапета трибуны, откуда он произносил свою речь. Увидев своего командира, который, можно сказать, стоя спал, все пожарники незамедлительно последовали его примеру. Вот что значит дисциплина!

Проспали они так парочку недель, а потом снова отправились к месту пожара. Каждый день они останавливались на основательную сиесту, которая в конце концов перестала уступать по продолжительности ночному сну, так что на дороге им оставалось что-то около часа в день. Конечно, одни спали больше, другие меньше. Некоторые спали вполглаза, а кое-кто ухитрялся даже спать на ходу. Ле Нивец же, тот и вовсе придумал особый способ спанья: по частям. Иными словами, он позволял погружаться в сон какой-нибудь одной части тела, все остальные в это время бодрствовали. Так, например, у него спали поочередно одна нога, уши, хвост, шея, спина, живот. Я уже слышу чей-то вопрос: «А как же мозг?» Ну что тут скажешь? Дать вам точный ответ не могу. Как я уже отмечал, дело происходило миллиард лет тому назад. Да и вообще, кто знает, что творится в мозгу такого сони, как Ле Нивец, даже сегодня, не то что в далеком прошлом?

Ну ладно. Спустя примерно месяц после начала похода, во время которого к экспедиции присоединилось еще много других Сур Ков, Бар Суков и Кро Тов, Ле Нивец и его друзья на одной из полян встретили... кого бы вы думали? Да того самого Гама Дрила, который якобы собственными гла-

зами видел ужасный пожар в «Блаженных снах». Все, естественно, сгрудились вокруг него и давай расспрашивать:

— Гама Дрил, а Гама Дрил, как же дело-то было? Все-все расскажи нам, Гама Дрил!

Гама Дрил как ни в чем не бывало отвечал:

— По правде говоря, сам я в «Блаженных снах» не был. А о пожаре мне сказала У Литка.

Тут, признаться, все приуныли. У Литка, как известно, существо невероятно медлительное, и ей, наверно, понадобилось по меньшей мере несколько лет, чтобы проделать сто километров, отделявших пожарников от «Блаженных снов». В общем, всем стало ясно, что пожарная команда Ле Нивца, скорее всего, явится на место происшествия не только когда пожар закончится, а, возможно, даже когда о нем и думать забудут. И все-таки, решил Ле Нивец, идти туда надо.

— Хотя бы для того, — сказал он, — чтобы выразить этим несчастным, оставшимся без крыши над головой погорельцам нашу солидарность.

Таким образом, все снова двинулись в путь, а я, чтобы не занимать вас лишними подробностями, скажу лишь, что через несколько месяцев после встречи с Гама Дрилом пожарная команда прибыла наконец в «Блаженные сны». Все рассчитывали увидеть удручающую картину сплошного пожара, но были до крайности удивлены, не обнаружив даже малейших следов бедствия. Площадка, на которой некогда стояли многочисленные красивые бунгало дорогого мотеля, была теперь обнесена сплошной стеной без окон и дверей и со сторожевыми башнями по углам. Ни одной живой души не встретили пожарники, ни звука не услышали. Ле Нивец подумал даже, что прежние обитатели мотеля сами заточили себя внутри огромного четырехугольника. Но с уверенностью утверждать это он никак не мог.

Пытаясь найти выход из затруднительного положения, Ле Нивец сказал:

— Прошло ведь лет пять, и хозяева, конечно, восстановили свой мотель.

Бари Бал добавил:

— Только получилось у них не так уж ладно. Раньше, держу пари, было много лучше.

Один из Бар Суков тоже вставил слово:

— Раньше тут были блаженные сны, а теперь, по-моему, кошмарные.

Гама Дрил сказал примирительно:

— И все-таки это лучше, чем ничего.

После чего Ле Нивец подвел итог:

— Пожар тут, оказывается, уже потушен, и даже помещения отстроены заново, хотя и в современном стиле, который не всем, вероятно, по душе. Но пословица гласит, что о вкусах не спорят. В общем, если хозяева довольны, нам остается только смириться.

Тут вдруг пискнул Хо Мячок:

— А кто сказал, что они довольны? Вы спрашивали у тех, кто там живет?

Замечание сочли вполне справедливым. Тут же снарядили гонцов — обойти со всех сторон это сооружение и расспросить, если представится возможность, местных жителей. На это ушло несколько дней, ибо, как рассказывали потом сами гонцы, от представившейся их взору однообразной картины они не раз засыпали на ходу. Но, как бы то ни было, все пришли к единодушному выводу: ни за одной из четырех стен ни единой живой души обнаружить не удалось. Если кто там и жил, то все они хорошо спрятались за стенами. Хотелось бы только знать: как они туда попали?

Ле Нивец поскреб в затылке и изрек:

— По-моему, они сами себя замуровали. Представьте себе портного, который шьет костюм прямо на заказчике!

Тут в нашей истории начинается путаница. Еще бы! Ведь все это случилось миллиард лет тому назад! Одни говорят, что пожарная команда распалась и ее участники возвратились в джунгли — досыпать. Другие считают, что Ле Нивец остался в «Блаженных снах»: повис себе на одном из деревьев, со всех сторон обступивших ограду. Пребывая в глубоком сне, он, говорят, ждет, когда замурованный мотель все-

таки загорится. Конечно! Не может же такого быть, чтобы когда-нибудь там не вспыхнул пожар. Вот тогда уж он не станет Ле Нивца врасплох.

Ну и лодыри были эти А. Дам и Е. Ва

Миллиард лет тому назад некий И. С. Куситель, прозванный за свое нахальство и велеречивость Адвокатом, прогуливался с озабоченным видом вдоль прекрасного ручейка с прозрачной, как стекло, водой. Какие же заботы одолевали И. С. Кусителя? Оказывается, некий огородник по имени Ие Гова попросил этого знаменитого красноречивого помочь ему в одном сложном деле. И он уже почти согласился, но сразу же пожалел об этом и теперь придумывал, как бы ему отвертеться: хуже нет вступать во всякие крестьянские дразни. Но Ие Гова посулил ему корзинку винных ягод, свеженьких, прямо с дерева, и И. С. Куситель, невероятно охочий до винных ягод, особенно свежих, был просто не в силах отказаться от такого гонорара. Вот задача!

Но в какое же дело Ие Гова просил вмешаться И. С. Кусителя? А вот в какое: когда-то Ие Гове пришла в голову злополучная мысль пригласить пару знакомых — А. Даму и Е. Ву — в свое прекрасное имение, которое называлось Эдемом, чтобы они провели там в тиши и покое несколько дней. Почему он их пригласил? Да потому что чувствовал себя ужасно одиноким, ужасно, ужасно одиноким. Он говорил: «Я» — и ни от кого не слышал в ответ: «Ты». Поразмыслив, Ие Гова решил, что эта парочка, славящаяся своим веселым нравом, может составить ему компанию.

Только не учел Ие Гова того обстоятельства, что у А. Дамы и Е. Ву не было ни кола ни двора, что они бродили по белу свету да знай себе танцевали, пели, играли на гитаре и курили травку. Увидев замечательный сад Ие Говы, эти ребята, естественно, тотчас решили остаться в нем навсегда.

Прошло уже два миллиона лет (время мчалось тогда с поразительной скоростью), а они все не убирались из сада. Что они там делали? Да ничего, совершенно ничего, а вернее, играли на гитаре, пели, танцевали, сплетали себе венки из прекрасных цветов Эдема и, конечно, курили травку. Иногда, совсем уже потеряв совесть, они затевали игру в полицейских и воров: он прятался, она искала, или она пряталась, искал он.

Ну ладно. Когда беспардонность гостей перешла всякие границы и заканчивался уже пятнадцатый миллион лет их гостеванья в Эдеме, Ие Гова сначала намеками, потом все решительнее стал выражать свое неудовольствие и доказывать этой парочке, что дальнейшее их пребывание в саду больше нежелательно. Особенно его возмущало, что гости всячески выражали свое презрение к труду. Сам Ие Гова был великим тружеником, о чем свидетельствовал хотя бы его сад с пышными грядками, цветами, деревьями, плодами: все это наш садовник вырастил собственными руками, можно сказать, на голом месте. Понятно, что, когда в Эдем явились гости, он предложил и им немного поработать. Ие Гова думал, что они с радостью согласятся — ведь сад им так понравился, — но ошибся, в чем очень скоро ему пришлось убедиться.

— Работать? Нам? А зачем? Мы привыкли наслаждаться жизнью. Работай сам, если тебе охота! — заявили они.

— Но вы ведь живете в саду и восхищаетесь им, так помогите мне сделать его еще прекраснее! — пояснил он.

— Ишь чего захотел! Каждый волен делать, что его душе угодно. Тебе нравится работать? Работай. А нам нравится играть на гитаре, петь, танцевать и курить травку. Вот мы играем, поем, танцуем и курим.

— Но кто не работает, тот не ест!

— А что значит «ест»?

Чтобы вам стал ясен смысл этого вопроса, должен заметить, что в те времена ели все, кроме А. Дама и Е. Вы. Ели амев, ели насекомых, ели рыб, ели рептилий, ели млекопи-

тающих. Только А. Дам и Е. Ва не ели ничего и даже не знали, что значит «есть». Никто их этому не научил, и вообще, все дело ведь в привычке, а они привыкли играть на гитаре, петь, танцевать и курить травку. Привычки есть у них не было.

И когда Е. Ва спросила: «А что значит „есть“?», Ие Гова прикусил язык и смущенно пробормотал:

— Просто так говорят. И ничего это не значит, ровным счетом ничего. Посмотрите лучше, какая травка: совсем свеженькая, я срезал ее утром специально для вас.

Нашей парочке только этого и надо было. Они взяли травку и удалились, забыв о своих вопросах. Так прошло еще два миллиона лет. Вот тогда-то, доведенный до отчаяния непонятливостью своих гостей, Ие Гова и обратился за помощью к И. С. Кусителю, славившемуся, как мы уже говорили, своим красноречием и умением приводить убедительные аргументы. Пришел Ие Гова к нему и все рассказал. А под конец добавил:

— При нынешних обстоятельствах у меня нет предложения, чтобы прогнать их. Вообще-то ведут они себя неплохо. Какая беда в том, что они играют на гитаре, поют, танцуют и курят травку? Ты должен убедить их совершить что-нибудь запретное — вот тогда у меня появится предлог, и я смогу их изгнать.

И. С. Куситель кончиком хвоста почесал в затылке и говорит:

— А. Дам и Е. Ва единственные во всем нашем животном мире не только не едят, но и не знают даже, что такое «есть». Пожалуй, я подучу их съесть что-нибудь, ну, например, вон то висящее на дереве красивое красное яблоко. Ты придешь, пересчитаешь яблоки и одного, висевшего на самом видном месте, недосчитаешься. Думаю, дело стоящее.

— Ты гений! — воскликнул Ие Гова. — И как это мне самому в голову не пришло? Вот всегда так: решение проблемы, можно сказать, у тебя под носом, а ты его не видишь. Значит, договорились?

— Договорились. Плата, включая всякие непредвиден-

ные расходы,— корзинка свежих, только что сорванных, винных ягод. Хорошо?

— Прекрасно!

Все это предшествовало прогулке озабоченного И. С. Кусителя вдоль ручья. Итак, И. С. Куситель предавался размышлениям о том, как бы ему отвертеться от утомительного и малоинтересного путешествия в Эдем, и вдруг увидел в прозрачном ручье Ми Ногу, которая, виляя хвостом, вертелась среди стеблей кувшинок в поисках улиток и прочих съедобных тварей. И. С. Куситель подумал: мы с Ми ногой похожи как две капли воды: у обоих нет ни рук, ни ног, оба мы передвигаемся одинаково — я, извиваясь, ползаю по земле, Ми Нога, извиваясь, плавает в воде, — спутать нас очень просто. Кроме того, Ие Гова в последнее время заметно сдал, но, как все старики, не желает в этом признаваться и, хотя почти совсем ослеп, очков не носит. Так что, увидев вместо меня Ми Ногу, обмана не заметит. Ми Нога объяснит А. Даму и Е. Ве, что значит «есть», те съедят яблоко, и у Ие Говы появится предлог, чтобы изгнать их из Эдема. Потом, когда дело будет сделано, я преспокойно явлюсь за своей корзинкой винных ягод. Что до Ми Ноги, то ей я дам кулек головастиков, и она будет счастлива.

— Эй, Ми Нога! Я к тебе обращаюсь!

Ми Нога, услышав его голос, сразу высунула голову из воды.

— Ты меня?

— Да, дорогая моя Ми Нога. Хочу попросить тебя об одном одолжении.

— Я вся внимание.

— Тогда слушай...

Тут И. С. Куситель все быстренько ей растолковал: умение растолковывать было его коньком. Но Ми Ногу эта история смутила.

— Я... Я ведь очень застенчива, говорить-то как следует не умею, тем более — убеждать...

— Неважно. Надо только сказать: «Эй, ребята, послушайте-ка! Вы когда-нибудь пробовали есть?» Потом вкратце

объяснишь им, как это делается, и укажешь на какой-нибудь плод, ну, например, на яблоко. У Ие Говы есть яблоня, на которой растет не меньше сотни яблок. Больше от тебя ничего не требуется. Потом, когда все свершится, то есть когда яблоко будет съедено, появлюсь я и преспокойно все улажу. А тебе за услугу подарю целый кулек жареных головастика. Что ты на это скажешь?

Ми Нога была робкой, но обожала головастика и, хорошенько подумав, решила, что, несмотря на свою робость, сказать «Эй, ребята, послушайте! Вам когда-нибудь доводилось как следует пожрать?» все-таки сумеет. Ну да, конечно, ведь, как и все животные, Ми Нога была охоча до еды, и поесть, по ее мнению, значило нажраться до отвала. Именно нажраться.

В общем, сговорилась Ми Нога с И. С. Кусителем и поплыла вверх по ручью к садам Эдема — чудесному созданию Ие Говы. О том, что начался Эдем, стало ясно по изменившемуся пейзажу. Прежде вокруг виднелись самые обыкновенные поля, теперь же она вдруг увидела усеянные цветами кусты, какие-то пышные растения, деревья, сгибающиеся под тяжестью невиданных плодов. Ми Нога подумала: «Должно быть, этот Ие Гова — замечательный садовник, садовник что надо». Так размышляя, восхищенная Ми Нога все плыла, плыла и доплыла наконец до того места, где ручей впадал в поразительной красоты озерцо с кристально чистой водой, круглое и голубое, словно драгоценный камень; по берегам его виднелись ласкающие взор рощицы. Ие Гова колдовал в одной из теплиц над своими кактусовыми. Ми Нога, подражая И. С. Кусителю, прошипела:

— А вот и я. Где наша парочка?

Ие Гова обернулся на голос, но поскольку он был без очков, то, как и предполагалось, принял Ми Ногу за И. С. Кусителя и ответил:

— Ах, дорогуша И. С. Куситель, наконец-то я тебя дождался! Сейчас они в зеленом гроте, там, внизу, по другую сторону озера. Играют, наверно, как всегда, на гитаре. Отправляйся туда. Желаю успеха.

Ми Нога снова нырнула в воду, поплыла к противоположному берегу, выбралась на сушу и заглянула в зеленый грот. А. Дам и Е. Ва не играли на гитаре, как полагал Ие Гова, а спали. В прохладной тени, под звуки нежной тихой музыки (да-да, в Эдеме была даже музыка), крепко обнявшись, они храпели. Храпели оба, хотя и по-разному: А. Дам громко, я бы даже сказал, свирепо, Е. Ва послабее, едва слышно. Ми Нога посмотрела на них — очень уж ей не хотелось будить эту парочку, до того сладко они спали. Наконец она решила разбудить только Е. Ву, кроткий вид которой придал ей храбрости. Она уже хотела осторожненько — осторожность вообще была свойственна Ми Ноге — пощекотать своим хвостом за левым ухом Е. Вы, как та вдруг сама проснулась и, увидев Ми Ногу, спросила:

— Привет, Ми Нога, каким ветром тебя сюда занесло?

Ми Нога заторопилась:

— Да все как-то случайно получилось: догоняла одну знакомую лягушку, за которой я гоняюсь, можно сказать, постоянно. Да, кстати, раз уж разговор зашел об охоте и лягушках, вам обоим доводилось когда-нибудь нажираться до отвала?

Она сказала именно «нажираться», а не «есть». Из-за такой чепуховой ошибки, объяснявшейся тем, что Ми Нога не была И. С. Кусителем и не знала различия между этими двумя словами, как раз и случилась беда. Е. Ва вытаращила глаза и сразу же с любопытством спросила, что такое «нажираться». Ми Нога объяснила, что это значит набивать живот едой под завязку. Потом, сославшись на важные дела, попрощалась и со словами:

— Пока! Жрите теперь на здоровье! — нырнула в озеро. Доплыв до теплицы с кактусовыми, Ми Нога торопливо сообщила Ие Гове: — Задание выполнено. Можешь не сомневаться, еще до наступления ночи яблоко будет съедено. И тогда ты выгонишь их на полном основании.

Ие Гова ответил:

— Спасибо, И. С. Куситель. Но с винными ягодами

придется подождать, я их еще не собрал. Загляни за ними через миллиончик лет.

Дело в том, что Ие Гова хорошо знал И. С. Кусителя и не очень ему доверял: ради винных ягод тот за готовую выдаст работу, которой даже не начинал. Представляете, в каком положении оказалась Ми Нога. Она помышляла лишь о том, как бы поскорее убраться восвояси, а до винных ягод ей и дела не было. Зато как же ей хотелось заполучить поскорее свой кулек с жареными головастиками! Бросив уже на ходу:

— О чем речь! Подумаешь, миллион лет. А хоть бы и полтора! Ладно, мне некогда, пока! — она вильнула хвостом и ушла под воду.

Ми Нога доплыла вверх по ручью до того места, где у нее было назначено свидание с И. С. Кусителем, и подробно описала ему обстановку, сложившуюся в Эдеме после ее посещения. Но, то ли по забывчивости, то ли уже догадываясь о своей ошибке, она не сказала, что в попытках заменила глагол «есть» глаголом «нажираться». И. С. Куситель на радостях вручил ей обещанную награду — полную сковородку только что приготовленных, можно сказать — с пылу с жару, головастиков. Ми Нога набросилась на еду и нажралась так уж нажралась. Сожрала она столько, что стала походить скорее на обжору Пи Тона, чем на тощего, поджарого И. С. Кусителя. После чего она сказала:

— Спасибо. Отвела душу. Нажралась под завязку. А теперь опущусь-ка я на дно, в свою норку — надо же перевернуть съеденное... Бывай здоров!

И. С. Куситель не стал задерживаться с явкой за незаслуженной платой. Едва истекла последняя секунда последней минуты последнего часа последнего дня последнего месяца последнего года установленного срока, как он помчался в Эдем, рассчитывая немедленно получить корзинку винных ягод. Да не тут-то было! Когда он вполз на главную аллею Эдема, его взору представилась картина ужасного запустения: там, где были лозы, отягощенные гроздьями белого

и черного винограда, торчали лишь голые перекрученные опоры; вместо фруктовых деревьев — какие-то метлы: одни листья, и никаких тебе фруктов. Хлебные поля напоминали чье-то небритое, заросшее желтой колючей щетиной, лицо; среди пожухлой зелени кое-где змеились длинные вялые плети, но никаких арбузов, никаких огурцов, никаких дынь на них не было. А что сказать о салате, то есть о латуке, и прочих видах? О луке, чесноке и о корнеплодах — картошке, моркови, свекле, репе? Все исчезло, все пропало, все было разорено! И. С. Куситель сразу же сообразил, что произошла какая-то катастрофа; он тотчас мысленно попрощался со своими винными ягодами и попытался поскорее улизнуть. Но не успел. Внезапно из своей теплицы с кактусовыми (единственным, что осталось в целостности и сохранности) выглянул Ие Гова. На этот раз он был в очках, а в правой руке держал палку.

— А-а, это ты! — закричал он. — У тебя еще хватает наглости показываться мне на глаза? Ты еще ждешь плату за свое предательство, да?!

— Но я...

— Ты сказал: они съедят одно яблоко, одно только яблоко. И это послужит предлогом для изгнания из Эдема. А они по твоему наущению съели весь мой сад! Ты за своими винными ягодами явился, да? Поди спроси с них, с этой парочки, устроившей тут настоящую обжираловку! Да-да, обжираловку. Е. Ва — она попроще — призналась мне: «Явилась, — говорит, — Ми Нога и спрашивает: вы пробовали когда-нибудь жрать под завязку?» И тогда я узнал, что помимо прочего ты даже не пожелал явиться сюда лично. Подло воспользовавшись моей близорукостью, ты подослал вместо себя эту безмозглую Ми Ногу!

— Но я...

— Ты лжец, мошенник, вор! И как лжеца, мошенника и вора я вместо А. Дама и Е. Вы выгоню сейчас из моего Эдема тебя! Из моего Эдема, бывшего когда-то самым настоящим раем, а теперь превратившегося в пригородную свалку. Вон отсюда! Вон, вон!

С этими словами Ие Гова набросился на И. С. Кусителя и стал его избивать. Избитому в кровь, полуживому змею едва удалось уползти от разбушевавшегося Ие Говы. Еще хорошо, что у взбешенного старика слетели с носа очки, не то бы он его добил. Воспользовавшись минуткой, когда Ие Гова нашаривал свои очки, И. С. Куситель улизнул через дырку в ограде Эдема, и с тех пор никто никогда его больше не видел. Говорят, он скрылся под землей, уполз в свою нору и там корчится в бессильном гневе и никак не может прийти в себя. Еще бы, такая травма!

Что до Ие Говы, то в тот же день он погрузил все свои вещи и садовый инвентарь на большую арбу, запряженную двумя волами, и все бормотал:

— Или я, или они. Или я, или они,— явно имея в виду А. Дама и Е. Ву.

С этими словами он и покинул свой Эдем. Говорят, что, уходя, он бросил своим гостям фразу, не вполне ясную по смыслу, но безусловно презрительную:

— Эй вы, прощайте. А... дам... вам возможность, устраивайте свой собственный мир.

На что Е. Ва не очень вежливо откликнулась:

— Нельзя ли пояснее?

А он ей в ответ:

— Не твое дело! Е... ва чего захотела!

За оградой Эдема Ие Гова увидел в поле двух сыночков нашей обожравшейся пары — Ка Ина и Аве Ля,— которые почем зря тузили друг друга. Ие Гова посмотрел на них, посмотрел, печально покачал головой, подхлестнул кнутом своих волов и пошел дальше.

Куда подевался Ие Гова после изгнания И. С. Кусителя из Эдема — никому не известно. Одни говорят, что он сменил имя, зовется теперь Вс. Е. Вышним и уже под этим именем, будучи опытным садовником, создал сад в тысячу раз прекраснее старого Эдема. Другие же утверждают, что по прошествии времени он согласился вернуться в Эдем, воспользовавшись приглашением раскаявшихся А. Дама и Е. Вы, и тихо доживает свои дни в шалашике неподалеку от

теплицы с кактусовыми. Но все это предположения, ибо никто и никогда его больше не видел. О нем можно сказать, как говорят об арабской птице-феникс:

То, что есть она, знает всякий,
где искать — не знает никто.

Беда, коль Вс. Е. Вышний проснется

Во время оно, иными словами, еще до начала истории, то есть в эпоху доисторическую, мир был совершенно неправильным. Некий Вс. Е. Вышний (странное имя, ничего не означающее, неизвестно откуда взявшееся, во всяком случае — не нашенское), специалист по планетам и вселенным, за семь дней сотворил мир, в котором мы теперь живем. И хотя в своем деле он был мастак (говорят, таких миров у него на счету три миллиарда, а может, даже пять), он все-все перепутал. Представьте себе, что земли было очень мало — какие-то жалкие островки, а все остальное место занимало море, так что животные буквально друг у дружки на голове сидели, как в автобусе в часы пик. Представьте себе, что на этих островках непрерывно шел дождь, а если не дождь, то снег, а когда снег не шел, все равно была плохая погода. Представьте себе, наконец, что эти маленькие клочки земли то и дело содрогались и вибрировали по причине постоянных землетрясений, а на огромных водных пространствах гуляли шторма, поднимая волны высотой с дом.

О небе и говорить не приходится: тучи, молнии, гром, ни единого солнечного денька, ни единого просвета в облаках. С тех пор как раз и повелась поговорка:

Какие новости у нас бывают?
То дождь польет,
то снег пойдет,
а то опять кого-то отпевают.

А уж где Вс. Е. Вышний и вовсе напортачил — все, совершенно все перепутал, — так это в мире животных. Несмотря на то что на островках, из которых состояла земная твердь, места было так мало, он всех животных сотворил огромными, колоссальными, гигантскими. Например, Вош Ки, существа сегодня настолько крошечные, что, даже если у вас их заведется целых два десятка, вы и то можете не заметить, — да, вот эти самые Вош Ки в те времена были такими большими, что как-то одну из них даже спутали с исхлестанным дождями и ветром островком и некоторые животные нашли на ней приют, пока ей это не надоело и она им не сказала:

— Я не остров. Я — Вош Ка. Так что мотайте отсюда и оставьте меня в покое.

Если уж Вош Ка была такой огромной, представляете, какие были С. Л. Он, К. Ит, Кро Ко Дил, Пи Тон и прочие животные, считающиеся у нас самыми крупными? Но неудобства, связанные с большими размерами, еще не самое страшное. Главное, что все эти животные были неправильными. Каждому чего-нибудь не хватало, и, удивительное дело, именно то, чего не хватало, всегда оказывалось самым важным. У Дро Ма Дера не было горба, у С. Л. Она — носа, у Жи Рафы — шеи, А. Ист передвигался на воробьиных лапках, О'Сел хлопал малюсенькими ушами, Ли Са оказалась без хвоста, а Нос О'Рог и вовсе без рога.

Конечно, животные были ужасно недовольны, и если бы не трепет перед грозным голосом, здоровенными ручищами и глазами Вс. Е. Вышнего, от одного вида которого все сразу же скисали и поджимали хвост (если таковой у них был, разумеется), то, скажу я вам, они вполне могли бы устроить переворот. Зато они вымещали на нем свое недовольство, распуская всякие ехидные остроты и каламбуры. Например, такие:

Ну и планету,
на удивленье свету,
сотворил ты, Боже!
На что она похожа?
Уж чересчур мала

и даже не кругла!
Ну и планета! Как с того света!

А вот эпиграмма, которую приписывают одной Ло Шадди:

На что мне солнце,
звезды и луна!
Мне б дали хвост,
чтоб мух гонять могла!..

А вот и другая, еще похлеще:

Ты, как блины, выпекаешь по вселенной в день,
а в минуту — по целой планете.
Спешить неужто тебе не лень?
Ведь знают и дети —
кошка спешила,
слепых котят родила.

Вам, конечно, хочется спросить, понимал ли сам Вс. Е. Вышний, что он натворил. Пожалуй, и понимал, и не понимал. Скорее всего, понимал, но был до того самолюбив, что не хотел в этом признаться. К тому же хлопот у него был полон рот: приходилось сотворять по планете если и не через каждую минуту, то, уж во всяком случае, через каждые несколько часов. В общем, были у него заботы поважнее, чем нос для С. Л. Она и горб для Дро Ма Дера.

Но эпиграмма насчет блинов совершенно вывела Вс. Е. Вышнего из себя. Он как раз занимался сотворением очередной планеты, а именно Сатурна. Очень хотелось ему сделать шар, а вокруг него много колец, и чтобы шар вращался в одну сторону, а кольца — в другую, в общем, замыслил он что-то вроде вселенского волчка, и даже, если получится, музыкального. Он уже сотворил первое кольцо, но тут как раз донеслась до него с Земли эта эпиграмма, и он, озяв, схватил еще не совсем готовый Сатурн и зашвырнул его в небо, где тот находится и посейчас — без всякой музыки и с одним только кольцом. Потом глянул на Землю и заорал:

— Хватит с меня ваших эпиграмм! Сейчас я вами займусь, только от вас потребуются терпение. Много терпения.

Я сотворил мир за семь дней — и, судя по всему, сделал много ошибок. Теперь я их исправляю. Но предупреждаю, дело это долгое, потому что вас много, а торопиться я больше не намерен. На все про все мне нужно будет миллиарда полтора лет. Согласны?

Животные ответили, что согласны, и тотчас же выстроились в длинную-предлинную очередь, которая, протянувшись через оба полюса, обогнула весь земной шар.

Вс. Е. Вышний устроился в теплом местечке — на экваторе — и, когда подходила очередь какого-нибудь животного, расспрашивал его, узнавал, что да как, все обдумывал. Под рукой у него были большая грифельная доска, мел и тряпка. Он рисовал животное таким, каким ему следовало быть, стирал, исправлял, спорил... В общем, работал терпеливо и обстоятельно. Дело в том, что он не хотел снова ошибиться. Ни в коем случае.

В результате операция эта очень затянулась, животные просто изнемогали от усталости. Представляете, на то, чтобы понять, например, что у С. Л. Она должны быть огромные уши, очень длинный нос и малюсенькие глазки, Вс. Е. Вышний ухлопал ровным счетом триста лет. И мог бы даже ухлопать вдвое больше, если бы решительно не отказался изменить С. Л. Ону цвет кожи. С. Л. Ону хотелось чего-нибудь этакого, например красного в голубой цветочек. Но после нескольких примерок и поправок Вс. Е. Вышний заявил:

— Останешься серым. И никаких цветочков. С этим вопросом все. Кто здесь главный, вы или я?

В конце концов каждый получил почти все, что хотел. Жи Рафа — длинную-предлинную шею; О'Сел — большие уши; Ли Са — пушистый хвост; Чере Паха — панцирь; Буй Вол — рога; Дро Ма Дер — горб; Лео Пард — шкуру в крапчатку; Кен Гуру — живот с хозяйственной сумкой и т. д. и т. п. Иные животные претендовали на нечто совсем уж экстравагантное — взять хотя бы желание С. Л. Она быть в голубой цветочек, — но Вс. Е. Вышний не стал их даже слушать.

— Кто здесь главный, вы или я?! — кричал он. И недовольные сразу замолкали.

Вс. Е. Вышний всех сделал поменьше ростом. Гиганты стали животными средней величины, животные средней величины — маленькими. Блестящим было решение проблемы о непомерной величине Вош Ки. Хорошенько поразмыслив, Вс. Е. Вышний схватил ее обеими руками и швырнул оземь с такой силой, что она разлетелась на тысячи мельчайших кусочков, каждый из которых стал крошечной ее копией; у кого водились Вош Ки — знает, какие они теперь маленькие.

И вот прошло полтора миллиарда лет, кончился срок, назначенный Вс. Е. Вышним. Очередь животных иссякла. Довольные и счастливые, возвратились они к себе: кто в джунгли, кто в горы, кто на равнину. До смерти уставший Вс. Е. Вышний потер руки, зевнул и сказал себе: «Лягу сейчас в постель и посплю миллиончик лет. Пусть только попробуют меня разбудить!»

Так надо же, чтобы именно в этот момент появилась Обез Яна, странное такое существо, которое большую часть своей жизни проводило, перепрыгивая с ветки на ветку, и теперь решило стать в очередь из одной только страсти к подражанию. Явилась эта самая Обез Яна и закричала:

— А я? А мне? Ничего у меня не изменишь? Где уверенность, что, создавая меня, ты не натворил ошибок, как с другими?

Вс. Е. Вышний поскреб, как водится, в затылке и говорит:

— По-моему, ты хороша и такая. Но не хочу быть несправедливым. Скажи, что тебе нужно, и я постараюсь удовлетворить твою просьбу.

А Обез Яна в ответ:

— Я сама не знаю, чего мне хочется. Просто чувствую какую-то неудовлетворенность, какое-то внутреннее беспокойство. Чего-то мне все-таки не хватает. Но чего именно — не знаю!

— Неудовлетворенность, недовольство, беспокойство? А что это, — спрашивает Вс. Е. Вышний, — такое? Что все это

означает? Проси что-нибудь определенное, конкретное, как все остальные! Хочешь хвост подлиннее? Хочешь рога? Хочешь большие уши? Если тебе хочется, чтобы я тебя как-то изменил, скажи, но не морочь голову всякими историями о внутреннем беспокойстве. Надо все-таки знать, чего ты хочешь.

А Обез Яна ему:

— И все-таки именно это я чувствую, именно это: меня что-то беспокоит, но ничего определенного я не хочу. Вернее... мне хотелось бы...

Вс. Е. Вышний обрадовался:

— Ну-ка, ну-ка!

— Пожалуй, мне хотелось бы изменить свое имя. «Обез Яна» мне не нравится.

— А как бы ты хотела называться?

— Я хотела бы, чтобы меня называли Че Ло Век.

— Че Ло Век? Что это означает? И почему именно Че Ло Век?

— Потому что я совершенно точно знаю: стоит мне изменить имя, как изменюсь я сама. Тем и объясняется беспокойство, что я чувствую: назови меня Че Ло Веком, и я смогу стать лучше, развитее, умнее, добрее, способнее.

У Вс. Е. Вышнего уже глаза слипались, и он воскликнул:

— Ладно, будь по-твоему! Отныне ты будешь называться не Обез Яной, а... как ты сказала?

— Че Ло Веком.

— Да, Че Ло Веком. И развивайся себе сколько угодно. Ничего дурного в прогрессе не вижу. Ну а теперь, прошу прощения, я иду спать. Увидимся, когда проснусь. Скажем, через полмиллиона лет. Чао, и желаю тебе успеха в твоём развитии.

Вс. Е. Вышний ушел спать, а хозяйкой положения сделалась Обез Яна, которая, оставаясь все такой же неудовлетворенной и беспокойной, стала зваться Че Ло Веком и под этим именем чего только не натворила.

Под самый конец она, между прочим, задалась целью уничтожить знаменитую Землю, сотворенную Вс. Е. Выш-

ним за семь дней, и уверена, что скоро, очень скоро превратит ее в груды развалин. Ведь известно, что обезьяны легко раздражаются, любят делать назло, ломать, пачкать, разрушать.

А Вс. Е. Вышний между тем все спит и спит. Проснись он, вероятно, еще можно бы остановить Обез Яну, предотвратить катастрофу. Но ничего не поделаешь, он сказал, что проспит полмиллиона лет, значит, так и будет.

А когда он наконец проснется, посмотрит на мир, то, увидев, что он превратился в сплошную помойку, схватится за голову и воскликнет:

— Какой ужас! Что произошло, хотел бы я знать?!

Пристыженная Обез Яна, вернее, ЧеЛо Век, смущенно ответит:

— Не знаю. Я чувствовала какую-то неудовлетворенность, внутреннее беспокойство и попыталась изменить мир к лучшему, но что-то у меня не получилось.

Вс. Е. Вышний не станет тратить время на пустые разговоры. Он возьмет нашу планету, наподдаст ее ногой и зашвырнет куда-нибудь подальше.

Потом скажет:

— Я сотворю все заново, от начала до конца. Но без всяких обезьян. Это будет самый прекрасный мир из всех, какие я когда-либо сотворял. И на сей раз исполню любые капризы животных, даже С. Л. Она сделаю красным в голубой цветочек! Но что касается имени, то тут уж дудки. Имена менять не буду. С. Л. Он ты есть, С. Л. Оно и останется!

Происшествие с Нос О'Рогом

В давние-предавние времена Земля представляла собой огромную равнину без конца и края, и жили на ней только Че Ре Пахи. Одни лежали неподвижно, другие ползали —

когда скопом, когда поодиночке. Соберутся вместе, а потом разбредаются — каждая по своим делам. Куда ни глянь — всюду Че Ре Пахи. Мир был плоским, однообразным и унылым, ведь населявшие его Че Ре Пахи — самые медлительные и скучные из всех земных тварей. Основная черта в характере Че Ре Пахи — осторожность. Все новое, необычное ее настораживает; другой бы пригляделся повнимательнее, а Че Ре Паха сразу прячет голову под панцирь и до тех пор не высунет, пока не убедится, что незнакомый ей предмет тоже совершенно неподвижен и, значит, неопасен. Че Ре Пахи терпеливы и нелюбопытны: чем выяснять, что происходит, лучше уж спрятаться и выждать, пока все кончится, считают они.

И вот в один прекрасный век (тогда говорили именно так, потому что век был равен нашему дню) на равнине появился некто Нос О'Рог. Правда, все звали его Един О'Рог, так как на лбу у него красовался длинный, точеный и острый белоснежный рог. А сам он был резвый и стройный, как жеребенок. До него таких животных на Земле еще не водилось: это был, что называется, прототип. Вс. Е. Вышнему надоело видеть сверху одних черепах и захотелось чего-нибудь новенького. Вот он и решил поставить эксперимент: если удастся, тогда он размножит эту особь, а нет — тоже не велика беда.

Нос О'Рог, хотя и очутился один-одинешенек среди миллионов Че Ре Пах, не растерялся. Ловкий, непоседливый, неутомимый, веселый, он быстро отыскал себе зеленые пастбища, ручьи с прозрачной водой и удобную пещеру для ночлега. Почти все время Нос О'Рог бегал и резвился.

Что, так один и резвился? Ну почему же один! Он играл с цветами, плодами, камнями, водой, пылью — со всем, что попадает на пути. Но особенно ему нравилось играть с Че Ре Пахами.

А как же играл он с этими пугливыми существами? Да очень просто. То перевернет Че Ре Паху на спину и смотрит, как она барахтается, то коснется рогом ее носа или хвоста, и Че Ре Паха тут же вся уходит в панцирь. А еще любил пры-

гать, кувыркаться вокруг Че Ре Пах. Беспонятливая Че Ре Паха, как всегда, пугалась, втягивала голову и хвост и могла пролежать камнем целый век, а то и два.

В общем, Нос О'Рог веселился от души. Вс. Е. Вышний уже решил было, что опыт удался и надо постепенно заменить Че Ре Пах Един О'Рогами, как вдруг появился Пи Тон и все испортил. Пи Тон был завистлив, коварен и осторожен, даже осторожнее Че Ре Пах. К тому же он был большой консерватор.

Однажды Пи Тон подкрался к спящему Нос О'Рогу и елевым голосом произнес:

— Послушай, Нос О'Рог, я хочу дать тебе дружеский совет.

Нос О'Рог проснулся, огляделся, никого не увидел и уже собрался снова задремать, но Пи Тон крикнул ему в самое ухо:

— Я здесь, на твоём роге!

Нос О'Рог долго таращил глаза и чуть не окосел, пока наконец не увидел, что Пи Тон и в самом деле обвился вокруг его рога.

— Да я как-то не привык доверять советам незнакомцев,— сказал он.

— Но я тебя отлично знаю!— воскликнул Пи Тон.— Давно уж за тобой слежу. Так что послушай моего совета: берегись!

— Беречься?— удивился Нос О'Рог.

— Да, берегись. Ты хоть раз слышал, что говорят о тебе Че Ре Пахи, когда ты, как несмышлениш, вертишься вокруг них колесом?

— Нет.

— Так вот они обзывают тебя болваном, невежей, уродом, наглецом, идиотом, бездельником, скотиной и так далее и тому подобное.

— А что значит «и так далее и тому подобное»?— растерянно переспросил Нос О'Рог.

— Это значит, что у меня язык не поворачивается повторить, как они тебя поносят.

— Понятно. И что же из этого следует?

— А то, что однажды ты окажешься в полном одиночестве. И тогда несладко тебе придется.

— Но я и так в одиночестве. Других Нос О'Рогов на Земле нет!

— Верно. Только ты этого пока не ощущаешь. А когда это случится, знаешь что будет?..

— Что?

— Убедишься, что ты не такой, как все. Поверь, это самое страшное. Тебе станет стыдно, и ты захочешь быть похожим на других.

Нос О'Рог озадаченно почесал рогом спину.

— А кто эти остальные?

— Как кто— Че Ре Пахи!

— Что же мне теперь делать?

— До сих пор не понял? Надо перемениться. Ведь мир для того и создан, чтобы все были одинаковыми. Поэтому ты должен превратиться если не в Че Ре Паху, то по крайней мере во что-то похожее.

— А как это сделать?

— Ну, это проще простого! Запишись на прием к Вс. Е. Вышнему, и он живо тебя превратит в кого захочешь.

На этот раз Пи Тон не лгал. В те века Вс. Е. Вышний каждый четверг с восьми утра и до полудня принимал по личным вопросам.

Свою приемную он устроил в чаще леса, у ручья.

— Вот ты не веришь, а я прежде тоже был другим,— продолжал Пи Тон.— Я был сороконожкой. Каково каждый вечер снимать двадцать пар ботинок. Сдохнуть можно! Подумал я, подумал — да и записался на прием к Вс. Е. Вышнему, попросил, чтоб он сделал меня вовсе безногим. И, как видишь, он исполнил мою просьбу.

— Да, но разве ползать по земле так уж приятно?

Пи Тон пропустил его слова мимо ушей.

— Вот что, завтра как раз четверг. Я пойду с тобой и по-

могу изложить Вс. Е. Вышнему твоё прошение. Он не откажет, будь спокоен.

Наутро Пи Тон и Нос О'Рог пришли в чащу леса. Приемная, как всегда, была полна посетителей, то есть Че Ре Пах. Вс. Е. Вышний удобно устроился под деревом, держа на коленях папку с бумагами. Прочитав очередное прошение, он подзывал к себе просителя. А жалоб было тьма-тьмушая, ведь Че Ре Пахи ворчливы и вечно чем-нибудь недовольны. Наконец дошла очередь и до Нос О'Рога. Тот сразу оробел, повтому вперед выступил Пи Тон:

— Обращаюсь к тебе от имени Нос О'Рога. Мы, как известно, живем в мире Че Ре Пах, и Нос О'Рогу среди них, мягко говоря, неуютно. Много ли ему радости от того, что он ловкий, быстрый, стройный? Все на него косятся, всех он раздражает, всем не ко двору. Короче говоря, Нос О'Рог хотел бы чуть больше походить на остальных — на Че Ре Пах то есть. Не то чтобы совсем Че Ре Пахой стать, но хотя бы не так сильно выделяться.

— Да чем же ему сейчас плохо? — расстроился Вс. Е. Вышний. — В кои-то веки я так славно потрудился — и нате вам, опять не угодил! Взять хоть этот рог на лбу — ну разве не превосходно придумано?

— Рог на месте, — заторопился Пи Тон, — его убирать не надо, а только сделать помощнее. А заодно и все остальное.

— Но помни, меняться можно только один раз, — предупредил Вс. Е. Вышний Нос О'Рога. — Потом навечно таким останешься. Согласен?

Нос О'Рог нерешительно взглянул на Пи Тона. Тот кивнул, и тогда Нос О'Рог чуть слышно прошептал:

— Согласен.

Вс. Е. Вышний на целую неделю приковал Нос О'Рога к пещере, а когда бедняга поднялся, то обнаружил, что за это время сильно отяжелел и огрубел. Шкура, прежде тонкая и блестящая, превратилась в жесткий, шершавый панцирь, ноги и рог стали короче и толще, а маленьких глазок теперь было почти не видно среди морщин. Куда там прыгать, ку-

вырваться. Отныне Нос О'Рог словно парализованный стоял на лугу, не зная, что ему делать со своим неповоротливым телом.

Но хуже всего, что это превращение вовсе не умиротворило Че Ре Пах, которые, если уж на то пошло, и были во всем виноваты.

— Боже, какой урод! — отозвалась одна из них.

— Что это с ним стряслось? — удивилась другая.

— И кто же его так отделал? — подхватила третья.

— Видели вы когда-нибудь подобное чудовище? — воскликнула четвертая.

И так далее и тому подобное.

Нос О'Рог вне себя от гнева кинулся искать этого гнусного подстрекателя, Пи Тона, чтоб за все с ним расквитаться. Но не тут-то было. Сделав свое черное дело, лишив Нос О'Рога завидной стройности и красоты, Пи Тон уполз на свое постоянное местожительство — под землю.

И тут в довершение всех неприятностей Нос О'Рога в мир Че Ре Пах вторглись табуны Ло Шадей. Вс. Е. Вышний решил повторить свой опыт — правда, с некоторыми изменениями. Миллионы стройных, быстроногих творений резвились, скакали и без усталости носились по Земле. А Нос О'Рог, огромный, неуклюжий, в своем шершавом панцире, со своими крохотными подслеповатыми глазками, казался на их фоне каменной глыбой, олицетворяющей отчаяние, сожаление, тоску.

Если вы когда-нибудь увидите в африканской саванне могучее, неподвижно застывшее животное с одним рогом промеж глаз, знайте: оно вспоминает о тех днях, когда звалось Един О'Рогом и было быстрым и ловким. Оно стоит опустив голову и плачет. И слезы, падая, превращаются в камни. У Нос О'Рога теперь все тяжелое, даже слезы.

Прыжок Дино Завра

Подхалимы звали Дино Завра королем болот. И был у этого болотного короля один недостаток — тщеславие. Он до того обожал лесть, что, если никого из льстецов рядом не оказывалось, Дино Завр льстил сам себе. И как-то раз, когда он был один и по обыкновению жаждал лести, не выдержав, высунулся из болотной тины, выпрямился во весь свой огромный рост и громко, с вызовом крикнул:

— Росту во мне тридцать метров, а весу — десять тонн. Кто на свете больше, тяжелее и сильнее меня?

Услыхала его слова некая Бло Ха, которая пряталась, как она сама утверждала, в лесной чаще, а на самом деле — в волосатой правой ноздре Дино Завра, вылезла из этих зарослей, в два прыжка очутилась у Дино Завра на носу и крикнула что было мочи:

— Не спорю, ты самый большой, тяжелый и сильный, зато я прыгаю выше тебя.

Дино Завр, понятно, не мог ее разглядеть и спросил крайне раздраженно:

— Кто это — я?

— Я — Бло Ха.

— Это еще что такое?

— Насекомое. Я живу в твоей волосатой правой ноздре. А вот сейчас, только чтобы поговорить с тобой, я не поленилась запрыгнуть тебе на кончик носа.

Дино Завр стал усердно созерцать кончик своего носа, едва не ослеп от напряжения, но так ничего и не увидел.

— Я не вижу никакого на... насе...

— ...когого. Ну еще бы! Ведь я самое маленькое существо в мире. И все-таки прыгаю выше тебя.

— Но я вообще не прыгаю, — проворчал Дино Завр. — Почему, собственно, я должен прыгать?

— Потому что должен.

— Кто это сказал?

— Никто. Но ты должен прыгать хоть тресни. А я, дорогой мой Дино, все равно прыгаю выше тебя.

Дино Завр крепко задумался.

— Могу я по крайней мере узнать, как высоко ты прыгаешь? — спросил он наконец.

— В сто раз выше себя.

Дино Завр молчал долго, несколько минут. Своим скудным умом он пытался решить сложную задачу. Если в нем росту тридцать метров, то на сколько надо прыгнуть, чтобы в сто раз перекрыть эту высоту?

От напряжения извилин Дино Завр без привычки чуть не упал в обморок. Все же после длительных раздумий он вычислил:

— Если я стану прыгать, то при моем росте прыгну на три тысячи метров. А тебя даже не разглядишь толком — на сколько ж ты можешь прыгнуть? В лучшем случае сантиметров на десять. Вот и ответ: что такое десять сантиметров по сравнению с тремя тысячами метров? Мелочь, пустяк, ничто!

— Пока ты еще и на миллиметр не прыгнул! — воскликнула Бло Ха. — А что такое миллиметр по сравнению с десятью сантиметрами? Мелочь, пустяк, ничто!

Дино Завр сердито запыхтел.

— Да почему, почему я обязан прыгать? Я и так точно знаю, что я бы прыгнул на целых три тысячи метров. Царь болот не унизится до каких-то там прыжков. Ему достаточно уверенности, что при желании он может прыгнуть.

— Враки! — заявила Бло Ха. — Ты просто боишься прыгать, вот и все.

Тут уж Дино Завр разозлился не на шутку.

— Ах так! Ну тогда я прыгну и докажу, что не тебе со мной тягаться.

С этими словами он уперся гигантскими ножищами в дно болота, присел, напряжился, издал боевой клич и... прыгнул.

Но из-за своей тяжести не смог оторваться от земли больше чем на полметра, или даже сантиметров на тридцать и тут же плюхнулся обратно в грязь. Вода выплеснулась из болота и с грохотом обрушилась на беднягу Дино Завра. Когда все утихло, Бло Ха увидела, что Дино Завр застыл

посреди болота. Он был мертв. Несчастный с размаху ударился задом о дно, раскололся надвое, словно спелый арбуз.

С той поры и живет в народе пословица: «Лучше Бло Ха сегодня, чем Дино Завр завтра». А еще говорят: «Всем Дино Завр хорош: задница велика, да ума ни на грош».

А Бло Ха?.. Что с нею стало? Она спокойно перебралась из ноздри Дино Завра в здоровенный хобот Сло На. Но это уже другая история.

Рога Вер Блюда

О'Лень вечно грустил и стеснялся — ведь у него был такой заурядный, даже простоватый вид. Что отличает его от другого четвероногого с хвостом? Да ничего. Окраска и та какая-то унылая, бурая, словно у бродячей собаки.

Однажды в лесу устроили грандиозный бал рогатых зверей. О'Леню тоже хотелось пойти на бал: но кто его туда пустит, без единого-то рога на лбу? Если б не высокий рост, его вполне можно было принять за обыкновенную овцу. А вот у Вер Блюда, да будет вам известно, в довершение к экстравагантной внешности в те времена были чудесные ветвистые рога.

Но Вер Блюд, увы, не мог пойти на бал рогатых — он накануне простудил передний горб. О'Лень пришел к нему и честно признался:

— Мне очень хочется на бал, но у меня, к несчастью, нет рогов. Одолжи мне до завтра свои. Утром я их тебе верну, клянусь честью жвачного животного.

Вер Блюд был из тех, кто ни за что и ничем не поделится с ближним — скорее лопнет, и потому он отрезал:

— Еще чего! Рога мне самому нужны.

— А может, дашь напрокат? Я с тобой расплачусь стогом отменного сена.

— И не проси. Уважающий себя Вер Блюд не дает напрокат рога!

— Но ты же не идешь на бал! Зачем они тебе?

— А я живот ими чешу. Знаешь, как это приятно?
— Ну почешу один раз копытом. А рога одолжи мне.
— Ишь ты какой! Рога не одалживают! Надо свои иметь, а не имешь — обходись без них.

О'Лень понял, что просьбами ничего не добьется. И решил изменить тактику, памятуя о том, что Вер Блюд не только эгоистичен, но и тщеславен.

— Да зачем тебе рога? — вкрадчиво произнес О'Лень. — Ведь ты и так самый интересный зверь — уж не знаю, говорили тебе об этом или нет. У тебя два горба — на зависть твоему одногорбому брату. Твои тонкие ноги крепко держат огромный живот и вышеупомянутые горбы. А глаза — просто загляденье! — томные, задумчивые, под длинными густыми ресницами, которые кажутся накладными. И на хвосте у тебя красивая кисточка, и ноздри такие широкие, что в каждую можно засунуть яблоко. Наконец, роскошная шерсть, одно слово — верблюжья. А кто еще из зверей, перед тем как пуститься в долгий путь по великой пустыне, становится на колени и молит Вс.Е.Вышнего послать ему удачу?! Словом, ты и без рогов самый необычный зверь в мире. А я?.. У меня ничего нет, даже пары простеньких, банальных рогов.

— Что верно, то верно. Но рога придают красоту моей голове, — ответил Вер Блюд. — Без них она сильно проигрывает.

— Это как взглянуть, — возразил О'Лень, — я лично не уверен, что рога так уж украшают твою голову. А даже если и так, то смотри, как они деформируют твоё тело: вон шея выпнулась под их тяжестью и похожа на букву «т» или, если угодно, на змею. А едва ты их снимешь, шея сразу распрямится, станет величественной, как у гордого скакуна!

— Ну, еще не известно, пойдет ли мне это, — усомнился Вер Блюд. — Такие вещи нельзя себе представить — можно лишь проверить на опыте. Вдруг без рогов я стану похож на Че Ре Паху, которая, как известно, самая безобразная тварь на земле?

— При чем тут Че Ре Паха? — удивился О'Лень.

— Это я так, к слову.

— Вот и я к слову скажу, что ты только выиграешь от такой перемены. К тому же я ведь рога прошу не насовсем, а лишь на время.

— А как же я потом получу их обратно?

— Очень просто! На другой день после бала встретимся на водопое, и я там, на берегу, отдам тебе твои рога в целости и сохранности. А если я немного опоздаю, ты уж подожди: знаешь, после ночного веселья немудрено проспать.

И так О'Лень его уговаривал, что в конце концов Вер Блюд снял рога и отдал ему. О'Лень нацепил их на голову, повертелся перед зеркалом — рога сидели как влитые — и, довольный, поскакал на бал. А празднество удалось на славу — все до одного рогатые собрались. И каких только рогов тут не было — больших и маленьких, ветвистых и острокопечных. Но самыми красивыми, бесспорно, были рога О'Леня. Стоит ли удивляться, что при виде этих несравненных рогов некая Анти Лопя безумно в него влюбилась. Весь вечер они танцевали только друг с другом: их рога появлялись на пару то в буфете, то в парадном зале, то в саду, то на лестницах и, наконец, в спальне той огромной виллы, где происходил бал. А потом Анти Лопя заявила, что если они немедленно не поженятся, то она покончит с собой. О'Лень же и сам успел влюбиться в Анти Лопю, поэтому с радостью согласился жениться. И вот прямо с бала, не заходя домой, они отправились в церковь, где преподобный Ма Рал их и обвенчал.

Новобрачные поселились в уютном домике. Казалось бы, что еще нужно для счастья! Но О'Леня мучила мысль о том, что надо вернуть Вер Блуду рога сразу после бала. Что же делать?! С одной стороны, он был связан обещанием, а с другой — как на это посмотрит Анти Лопя? Ведь из-за этих рогов она и влюбилась в него с первого взгляда. О'Лень думал-думал и решил не возвращать рога законному владельцу. Так Вер Блюд лишился рогов.

Быть может, поэтому он так много времени проводит на водопое и беспрестанно оглядывается — видно, все еще тешит себя надеждой, что О'Лень появится и вернет ему рога.

Как При Рода передельвала мир

Миллиард лет тому назад на острове Гала Пагос жили-были муж да жена. Ее звали При Рода, а его — Эво Люций. При Рода была крупная, дородная, но в отличие от женщин такой комплекции нрав имела беспокойный. В общем, была она сварливой, капризной, ветреной, невыдержанной и склонной к меланхолии. Муж, Эво, был полной ее противоположностью: небольшого росточка, худой, сутулый, в очках, но лицо его светилось умом и добротой.

При Рода не работала (сейчас бы ее назвали домохозяйкой), а Эво целыми днями корпел над книгами и благодаря своей учености сделался даже волшебником.

Надо вам заметить, что во времена, когда происходили события, о которых пойдет речь, остров Гала Пагос был совсем не таким, как теперь. Я имею в виду не его внешний вид — голым и скалистым был он тогда, голым и скалистым остается и сегодня, — а фауну. В те времена его населяли одни только гигантские рептилии, причем в огромном количестве. Среди скал, в долинах, на вершинах гор, в бухтах и вокруг мысов кишмя кишели чудовища — одно страшнее другого. Повсюду бродили, тяжело волоча по земле свои тела, колоссальные Дино Завры — звери с длиннющим хвостом и такой же шеей, с крошечной головкой и круглым, как бочка, туловищем. Были они разной величины, разных видов, но все как один омерзительные. К тому же чудовища поднимали ужасный шум, так как вечно дрались между собой. Плотоядные типа Тиранно Завров пожирали травоядных типа Дипло Доков; но Дипло Доки вовсе не хотели, чтобы их пожирали, и отчаянно сопротивлялись, так что между ними постоянно происходили страшные схватки с ревом, рыком и воплями, долетавшими до неба. Кроме того, чудовища со-

вершенно не заботились о личной гигиене, и остров походил, мягко говоря, на сплошную выгребную яму. Кости, падаль, всевозможные объедки покрывали всю его территорию и отравляли воздух миазмами.

При Рода очень страдала от того, что ее остров пришел в такое состояние. Вонь, грязь, неумолчная грызня раздражали ее, выводили из себя. Но ничего поделать она не могла, ибо этот населенный чудовищами мир был создан по ее собственному заказу. Несколькими миллиардами лет раньше никаких рептилий здесь не было, мир представлял собой сплошное море, над которым там и сям возвышались прекрасные цветущие зеленые островки. И был этот мир тихим, спокойным, безмятежным. Но капризной и непостоянной При такой идеальный мир очень скоро наскучил, и она стала приставать к Эво, создавшему всю эту красоту по ее же заказу:

— Послушай, избавь меня от своего отвратительного мира, не то я просто взбешусь с тоски.

Эво тогда возразил ей:

— Но ведь ты сама хотела, чтобы он был таким.

— Да, хотела, ну и что?

— Что же тебе нужно теперь?

— Мне хотелось бы чего-нибудь более фантастического, более необычного, исполненного драматизма. Хватит с меня этих волн, целующих берега, ветра, ласкающего траву, цветов, поднимающих свои венчики к солнцу. Хватит с меня всей этой патоки! Пусть мир будет ужасным, лишь бы он мог меня встряхнуть! Согласна даже на чудовищ! Да, я и чудовищам буду рада, только бы они избавили меня от этой тоски зеленой!

Эво был на все согласен:

— Хочешь чудовищ? Ты их получишь.

Вот почему вскоре (всего через миллион лет) весь остров заполнили рептилии — столь же колоссальные, сколь и уродливые.

А теперь ветреная и капризная При оплакивала прежний мир — такой скучный, зато такой спокойный. Целыми днями сидела она в доме, зажав уши руками, чтобы не слы-

шать рева, воплей, рычания и прочих отвратительных звуков, с утра до ночи оглашавших остров.

Время от времени При выкрикивала:

— Все, все, все! Я схожу с ума, да, я схожу с ума!

Но Эво не обращал на это внимания: он уже привык к капризам жены и знал, что ее надо, как говорится, хорошенько ткнуть носом в реальную действительность, а не то через какой-нибудь миллион лет ей, чего доброго, взбредет в голову что-нибудь еще. При сама пожелала иметь чудовищ, да к тому же самых страшных и самых горластых. Пусть теперь радуется.

Всему свой черед. Когда Эво убедился, что При уже достаточно наказана за свои капризы, он сказал:

— Послушай, При, я больше не могу видеть твои страдания, и, думаю, пора положить им конец. Ты не хочешь мира, населенного чудовищами. Будь по-твоему. Только скажи, что именно тебе нужно. Изменить мир — дело очень непростое, и я боюсь в чем-нибудь ошибиться. Поэтому лучше будет все обговорить заранее.

При подумала-подумала и воскликнула:

— Хочу, чтобы мир стал другим, совершенно не таким, как этот, а красивым!

— Хорошо, пусть красивым. Но каким именно?

— Легким, легким, легким.

— Ну, легким. И это все?

— Я не хочу ничего ползающего, ковыляющего, извивающегося.

— Так, ничего ползающего. Дальше?

— Я не хочу этих отвратительных красок цвета грязи, желчи, навоза, дегтя, гнили. Мне нужен мир сверкающий и многоцветный, как радуга.

— Хорошо. Что еще?

— Я не хочу, — сказала При, закрыв глаза, — слышать воплей, рычания, воя, рева. Пусть все вокруг говорит, поет, шепчет, журчит — мелодично, гармонично, нежно.

— Как тут с тобой не согласиться. И это все?

— Минуточку, сейчас я скажу самое главное. Я хочу, чтобы все, что сейчас пресмыкается, летало, летало, летало!— С каждым следующим словом «летало» голос При слегка повышался.— Да, летало, улетало и, возможно, даже никогда не возвращалось.

Эво кивнул.

— Значит, тебе нужны живые существа легкие, разноцветные, говорящие и летающие. Так-так. Прежде всего им нужно подобрать название. Подберешь название — считай, полдела сделал. «Поющелетающие» или «летающегоразговаривающие» тебе подходят?

— Что ты имеешь в виду?

— Что они летают и в то же время поют или говорят.

— Слишком сложно.

— Тогда «порхающие».

— А это еще что?

— Раз есть «пресмыкающиеся», могут быть и «порхающие». Чем плохо?

— Нет, мне не нравится.

Эво почесал в затылке и сказал:

— Пожалуй, я составляю это слово из двух коротеньких слогов, звучащих ласково и уменьшительно: «пти» и «чки», в общем — птички.

— А что, неплохо, — ответила При, — пусть будут птички.

Но оставался нерешенным вопрос: что делать с чудовищами? Максималистка При требовала разом их уничтожить:

— Я хочу, чтобы они подошли, все-все — от жажды, голода, холода, огня, землетрясения, грома, молнии, извержения вулкана. Послушай, давай поднимем огромную волну, которая обрушится на остров и затопит его хотя бы на десять минут. Ну пожалуйста, сделаем это поскорее.

Но Эво придерживался иного взгляда:

— Зачем их убивать, зачем приканчивать? Все нужно делать постепенно, без катаклизмов, не нарушая естественного хода вещей. Мы не станем истреблять чудовищ, пусть они сами вымрут от бесплодия.

— Интересно, как ты этого добьешься, если они плодovиты, словно кролики?

— Я придумую одно небольшое симпатичное животное, которое назову «собака» и которому придется по вкусу яйца чудовищ. Тогда чудовища умрут естественной смертью и не оставят никакого потомства.

— Обо всем-то ты умеешь позаботиться,— сказала При, успокаиваясь.— А теперь поговорим о птичках. Как ты думаешь их делать?

— Для этого тоже понадобится время — скажем, сколько-то миллионов лет. У многих мелких рептилий, как тебе известно, на панцире есть очень мягкие и пластичные чешуйки. Немного терпения, и лет этак через триста миллионов мне, думаю, удастся превратить чешуйки в нечто более легкое, пушистое и гибкое. Я назову это перьями. Передние конечности, покрытые перьями, станут крыльями, и птички смогут на них летать.

При от радости захлопала в ладоши.

— Какая прелесть!

Так все и было. Собака съела яйца чудовищ; чудовища умерли от старости, не оставив на земле потомства; остров усеяли гигантские белые скелеты. В мире воцарилась тишина, и можно было слышать, как Эво говорит супруге:

— Терпение. Еще немного терпения. Тише едешь — дальше будешь. Скоро я покажу тебе первую птичку. Вот увидишь, какая она будет красивая!

— Когда это — скоро?

— Да не позднее чем через пятьдесят миллионов лет.

Наконец долгожданный день наступил. Эво пришел к жене, а на плече у него сидела первая созданная им птичка — вся в разноцветных перышках, говорящая. В общем, попугай. Эво сказал:

— Ну, вот тебе Попка. Попка, скажи что-нибудь своей хозяйке.

Попугай встрепенулся, привстал на лапках, напыжился и крикнул прямо в лицо При:

— Старая карга!

Это было концом супружества При и Эво. Думая, что муж подучил попугая, оскорбленная При ушла от Эво, предоставив ему возможность на свободе совершенствовать своих птичек. И теперь птицы, как известно, не говорят, а поют: Эво не стал повторять однажды допущенной ошибки. Но что будет, если супруги помирятся? Не взбредет ли в голову капризной При Роде что-нибудь еще? Не захочется ли ей снова изменить мир?

Луиджи Малерба

Был когда-то на свете город Луни

Норманны жили в верхней части географической карты, в северной стране, где всегда было холодно, где даже летом, случалось, шел снег. Там, наверху, бывали такие лютые морозы, что стоило какому-нибудь норманну плюнуть, как плевок его, не успев долететь до земли, превращался в ледышку. В учебниках по истории рассказывается множество всяких легенд о норманнах, об их пиратских подвигах и о том, что именно побуждало этот народ совершать набеги на города и селения других народов и разорять их. По правде говоря, объяснить столь порочную практику довольно просто, если учесть, что норманны совершали свои пиратские набеги на южные, то есть на теплые страны. Просто им надоедало постоянно жить в холоде, и, едва представлялась возможность, они — совсем как нынешние туристы — отправлялись искать более теплые места (не забывайте, что тогда не было ни печек, ни парового отопления).

Некоторые племена норманнов, например, вообще перебрались в ту часть Франции, которая впоследствии стала называться Нормандией, а другие, еще большие мерзляки, обосновались на Сицилии.

Как-то прослышали норманны про Рим. Они знали, что

в Риме тепло, что там даже зимой можно ходить без пальто и меховой шубы (в те времена меховые шубы носили не только женщины, но и мужчины), и решили нанести удар по столице Римской империи.

Рим всегда был столицей чего-нибудь: сначала области Лацио, потом — республики, потом — Римской империи, потом — папского государства. Он и теперь, спустя много веков, столица Итальянской республики.

Надо вам сказать, что норманны обожали не только солнечное тепло, но и пламя пожаров. Хорошенький пожар был для них увлекательным зрелищем — ну как для нас кино. А поскольку кино у них не было (тогда его еще не изобрели), они поджигали что ни попадя. К Риму же они вообще испытывали откровенную антипатию, поскольку римское войско завоевало полмира и поднялось чуть не до самой северной части географической карты, то есть до того места, где обитали норманны. И вот они снарядили дюжину кораблей и поплыли на юг, по направлению к Риму.

Плыли они, плыли и доплыли наконец до Гибралтарского пролива, а пройдя его, оказались в Средиземном море. Когда дул ветер, норманны поднимали паруса, а в штиль им приходилось налегать на весла. Гребля — дело очень трудное, но норманны не жалели сил, так как до них дошли слухи, что Рим — богатейший город и в его дворцах полно серебра и золота.

Римские генералы и министры были настоящими бандитами (совсем как в наше время), они ухитрялись грабить все страны, в которые их заносило со своим войском, и потому в Риме накопились несметные богатства.

Никто из норманнов, участвовавших в этом походе, лично в Риме никогда не бывал. Однако им попадались монеты с изображением самого большого в мире стадиона, который назывался Колизеем. Но римляне-язычники, вместо того чтобы устраивать там футбольные матчи, как это делается на стадионах сегодня, на потеху себе заставляли римлян-христиан вступать в схватку со львами.

Зрелище сие было довольно однообразным, поскольку

всегда кончалось одинаково: львы пожирали христиан. Не было такого случая, чтобы какому-нибудь христианину удалось сожрать льва, но зрителей, судя по всему, это устраивало.

Норманны, завязтые мореходы, не знали дороги в Рим, но были уверены, что рано или поздно обязательно туда попадут, потому что даже до них дошла поговорка: «Все дороги ведут в Рим». Так и плыли они дни и ночи. Погода все время стояла ясная, днем светило солнце, ночью — луна, Средиземное море было тихим и спокойным, даже слишком: ведь для того, чтобы идти под парусом, нужен ветер, а так приходилось работать веслами, что, естественно, труднее.

Время от времени норманны надевали плавки и укладывались на палубе: очень уж им хотелось вернуться домой бронзовыми от загара. По пути они ловили рыбу и жарили ее на сковородах в китовом жире, который прихватили из дому. Всю дорогу норманны просто объедались тресочкой, морскими полипами, камбалой, красноперками. Но они уже начали уставать от плавания, им не терпелось поскорее добраться до Рима, захватить все золото и серебро, а потом устроить хороший пожарчик.

Наконец вдали показался итальянский берег, и норманны поплыли вдоль него, так как слышали, что Рим можно увидеть с моря. Итальянский берег в те времена весь был покрыт лесами — пинии сбегали к самой воде, а кое-где в промежутках виднелись чистейшие пляжи или высокие скалы, о которые, брызжа пеной, разбивались волны.

Дело было давно, и на берегах Италии не было еще огромных зданий, гостиниц и вилл, понастроенных нынешними акулами-спекулянтами. Тогда акулы водились только в море, а сегодня они строят себе виллы в самых живописных местах на самом берегу моря. Время от времени норманны отряжали на сушу двух-трех человек, и те доставляли на лодках дикий цикорий и другие съедобные растения, которые служили гарниром к рыбе.

В один прекрасный день матрос, несший вахту на самой высокой мачте флагманского судна, вдруг закричал: «Рим!

Рим!» Остальные норманны, глянув на берег, тоже закричали в один голос на своем родном языке: «Рим! Рим!» На берегу действительно виднелся город. Он был окружен высокими стенами с башнями и находился не у самой воды, а чуть поодаль, а на берегу раскинулся порт, забитый множеством судов и лодок. У норманнов даже глаза разгорелись и руки зачесались от одной только мысли, сколько сокровищ можно захватить в столице Римской империи. И еще они представили себе, какой столб огня и дыма взметнется в небо, когда они закончат свой набег.

Не теряя времени, норманны направили свою эскадру прямехонько на римский порт. Богатый опыт подсказывал им, что в подобных случаях нельзя терять время — внезапность иногда важнее силы: захваченные врасплох римляне не успеют организовать оборону своего города.

И действительно, норманны вошли в порт, не встретив никакого сопротивления. Больше того, солдаты, которых они увидели в порту, бросились бежать, укрылись за стенами и заперли городские ворота на ключ. Дело в том, что в давние времена у городов были ворота, совсем как двери у наших домов, и запирались они на огромные засовы, чтобы враг, осадивший город, не мог в него проникнуть, — так сегодня мы с вами запираем двери, чтобы в дом не залезли воры.

Но норманны и не думали проходить в город через ворота. Они пустили в дело привезенные с собой длинные веревочные лестницы с железными крючьями, которые можно было закидывать на городские стены, и очень ловко поднялись по ним: ведь точно по таким лестницам они карабкались на мачты, чтобы ставить паруса. В мгновение ока норманны перелезли через стены и ворвались в город. Осажденные попытались было отбиться камнями, но очень скоро им пришлось сдаться.

Вся норманнская солдатня предалась буйству грабежа. Пиками и алебардами выламывали норманны двери и окна и волокли из домов все, что попадалось под руку. Если хозяева оказывали сопротивление, они обрушивали те же пики

и алебарды на их головы, оставляя на своем пути тела убитых и раненых.

Однако, как ни странно, сокровищ оказалось меньше, чем думали пираты. В самых богатых домах они находили серебряные столовые приборы (то есть одни только ложки, так как вилок тогда еще не изобрели), какие-то статуэтки и ниточку-другую серебряных или золотых бус — в общем, сущую ерунду, хотя захватили они столицу великой империи, город, на весь мир славившийся своими богатствами.

Но самым странным было то, что никто из них не смог отыскать Колизей. Да, какой-то амфитеатр под открытым небом они нашли, но ни по форме, ни по величине он никак не мог быть самым знаменитым стадионом мира. Пробовали норманны справляться о Колизее у прохожих, но никто не понимал их языка, а они не понимали латыни. Вот когда пришлось им пожалеть, что в школе у них не преподавали латынь.

В норманнских школах преподавали искусство управлять парусниками и основы металлургии — в пределах, позволяющих во время набегов отличить серебро и золото от других металлов, — и никакой тебе латыни. Плохо и в малом объеме преподавали у них также историю и географию, из-за чего возникало еще больше трудностей.

Другой странностью этой экспедиции было то, что норманнам все никак не удавалось найти ни императорского дворца, ни самого императора. Ну, император еще мог спрятаться или уехать на дачу. Но дворец? Жаль, они ведь так рассчитывали привезти домой золотую, усыпанную брильянтами императорскую корону, которую он, конечно же, как и все прочие императоры на свете, никогда не снимал с головы. Как бы там ни было, между делом норманны набивали свои мешки всем, что блестело, хотя не брезгали и свиными окороками, кругами сыра и множеством каштанов и винных ягод, до которых были очень охочи.

К вечеру они возвратились на свои суда, предварительно подпалив все дома Рима. Выйдя в открытое море, прежде чем отправиться в обратный путь, они издали любовались

грандиозным пожаром: языки пламени взмывали чуть не до неба, а столб черного дыма был так высок, что затмил луну.

Через много месяцев норманны возвратились домой и поведали родным и близким о том, как они разграбили и подожгли Рим.

А в итальянских селениях между тем распространялась весть о том, что норманнские пираты разорили и сожгли город Луни — центр Луниджаны (являющейся ныне частью Тосканы). Что же все-таки произошло?

А то, что норманны перепутали города и разорили Луни, полагая, что это Рим (факт исторический, засвидетельствованный в документах).

Из-за своего невежества и слабого знания географии они совершили роковую ошибку, за которую дорого поплатился город Луни и благодаря которой был спасен Рим со всеми его богатствами.

К тому же норманны плохо знали не только географию, но и историю. Дело в том, что во время их пиратской экспедиции, имевшей место примерно в тысячном году нашей эры, Римской империи давно уже не существовало: она распалась лет за пятьсот до описываемого события.

Бедным жителям Луни оказалось не под силу отстроить свой город заново. Где когда-то стояли дома, сегодня простираются луга и огороды, на которых выращивают морковь, лук, петрушку и помидоры. Встречаются там и фиговые деревья: из их плодов крестьяне делают прекрасный сухой инжир и экспортируют его во многие страны мира, в том числе и в северные, те, что мы видим у самой верхней кромки географической карты. Фиги в тех краях не растут: очень уж суровый там климат.

Дела давние, дела славные

История на речной акватории

Сын царя Филиппа Македонского Александр вошел в историю как Александр Magnus, по-латыни это означает Великий. Не потому, что он был велик ростом и дороден (он и ел-то немного, правда, выпить был мастак). Признаться, не совсем понятно, почему македонцу, то есть греку, дали вдруг латинское прозвище; уж правильнее было бы назвать его не Magnus, а Mega (от греческого mégas — великий). Но теперь уж что поделаешь? Как бы там ни было, а Александр, отличавшийся вдобавок необычайным честолюбием, решил оставить о себе память в веках. Для этого ему нужно было совершить что-нибудь из ряда вон выходящее. У царей и генералов выдающиеся дела — не изобретение чего-то полезного, а чаще всего захват чужих территорий.

По соседству с Македонией находилось Персидское царство, вот его Александр и решил завоевать. В один прекрасный день он поднял свое войско и двинулся в поход, прихватив поэтов и летописцев, которые должны были воспевать его подвиги, а если таковых не окажется, придумывать их. О делах, не украшавших Александра Великого, следовало помалкивать, ибо он, как и все цари и генералы, был очень тщеславен и самолично проверял каждое написанное о нем слово. Точнее говоря, подвергал все цензуре.

Но, несмотря на цензуру Александра Великого, о некоторых не очень славных его делах рассказывали солдаты, которым посчастливилось после войны вернуться домой живыми. Рассказы эти переходили из уст в уста, из города в город, из века в век, а некоторые из них дошли даже до нас. Вот как этот, например.

Когда царю персов Дарию стало известно, что Александр намеревается захватить его земли, он снарядил войско и послал его навстречу неприятелю на берег реки Граник, то

есть на границу с Македонией. Войско Дария состояло из кавалерии — двадцати тысяч персов (и, следовательно, двадцати тысяч коней) — и из двадцати тысяч наемных солдат, передвигавшихся пешком. Для этих последних воевать было таким же обычным занятием, как для других ковать железо или плотничать. Царь Дарий был очень богат и хорошо платил своим наемникам.

В самом центре лагеря персов на берегу Граника для Дария разбили шатер, хотя сам он отсиживался в безопасности в одном из своих вавилонских дворцов. Время от времени его военачальники заходили в этот шатер — вроде бы для доклада царю. Но, судя по доносившимся оттуда звукам и вони, занимались они в шатре не разработкой боевых операций, а совсем другими делами. Все, конечно, понимали, что без этого на удачу тоже рассчитывать не приходится, и терпели вонь и прочее.

Во главе персидского войска стояли генералы Спитридат и Арсит, наемниками командовал генерал Мемнон. Эти три генерала с такими некрасивыми именами не ладили между собой, постоянно ссорились, а главное — не могли решить вопрос, следует ли персам самим напасть на Македонию, коль скоро Александр пошел войной на их царя, или лучше сидеть на месте, а когда Александр явится, хорошенько его потрепать. В конце концов они бросили жребий, и вопрос был решен: судьба повелела ждать Александра на берегу Граника.

Долго, однако, ждать не пришлось. Приведя свое войско, Александр построил его на противоположном берегу реки: вперед выдвинул конницу; за ней поставил легкую пехоту, пелтастов, оснащенных пелтами, то есть щитами, обтянутыми кожей; в третьем ряду — гоплитов, пехотинцев в таких тяжелых доспехах, что беднякам было даже трудно передвигаться.

Итак, обе армии стояли лицом к лицу, но на противоположных берегах Граника. В небе, ожидая поживы, кружили

стаи воронья. Известно, что вороны очень охочи до мертвечины, но солдаты, вместо того чтобы сразу кинуться в смертельную схватку, почему-то смотрели друг на друга через реку и издавали губами непристойные звуки. Военачальники обеих армий поощряли такое поведение своих солдат, ибо считали, что это способствует поднятию боевого духа и, когда наступит решающий момент, все будут драться с особым ожесточением.

Непристойные звуки сопровождались еще и оскорбительными выкриками — опять-таки к удовольствию военачальников, которые все никак не решались отдать приказ об атаке. Генералы Дария не находили нужным проявлять инициативу: раз Александр объявил войну Персии, пусть сам и начинает. Но Александр тоже не хотел атаковать первым, так как его солдатам пришлось бы войти в реку и находившиеся на берегу персы легко могли бы отбиться от них ногами. Македонское войско по численности уступало персидскому, и проиграть первый же бой для Александра было бы равносильно катастрофе: прощай завоевание Персидского царства, прощай слава. Но была еще одна причина, по которой Александр не желал начинать битву первым: он не умел плавать.

Воронье продолжало описывать в небе круги, птиц над Граником собралось несметное множество, временами они, словно туча, даже солнце затмевали. Под аккомпанемент их яростного карканья солдаты Александра и Дария продолжали переругиваться через реку.

Македонцы кричали персам:

- Лопоухие!
- Пожиратели саранчи!
- Полоротые!
- Слабаки!

Нужно сказать, однако, что оскорбления македонцев не очень-то задевали персов, поскольку те не знали греческого. Зато греческие наемники прекрасно все понимали и, стоя позади своих персидских соратников, животики надрывали со смеху. Правда, смех поутих, когда македонцы добрались

и до наемников и начали награждать их такими нелестными эпитетами:

— Чумазые!

— Неряхи!

— Предатели!

За персами и греческими наемниками тоже дело не стало.

— Пастушье племя! — кричали они солдатам Александра.

— Темнота!

— Размазни!

— Сыроеды!

Но поскольку персы ругались по-персидски, македонцы их не понимали. Зато они понимали греческие ругательства наемников, голоса которых, однако, перекрывали и заглушали голоса персидских солдат и карканье воронья, пришедшего в неопишное волнение: птицы решили, что эта перепалка — предвестница битвы. Но вороны ошибались. Ладно, ничего не поделаешь.

Солдаты обеих армий продолжали надрывать глотки и осыпать друг друга самыми страшными оскорблениями, но с места никто не двигался. Придумывать все новые ругательства стало своего рода развлечением, помогавшим убивать время и разгонять тоску, царившую на Гранике.

Берег, где стояли персы, был выжжен солнцем: сплошные камни и ни единого кустика. Таким образом, персидскому войнству приходилось справлять нужду на виду у всех — к великому удовольствию солдат противника, свистевших и улюлюкавших с другого берега. Персидские военачальники, имевшие в своем распоряжении шатер Дария, приказали врыть в землю столбы и натянуть между ними полотнища — этакие ширмы. Солдаты уходили за них и там спускали свои широченные в сборку штаны.

Десять дней прошло в лагере македонцев и столько же — в лагере персов. На одиннадцатый оба войска накрыл такой

густой туман, что с одного берега невозможно было разглядеть другой. Целый день дозорные с обеих сторон стояли в воде и следили за тем, что происходит в стане противника. Потом опустилась ночь, и вести взаимную слежку стало совсем невозможно.

Александр, а он был хитроумный, приказал вылить из кожаных мехов питьевую воду и наполнить их горячим воздухом. Еще с вечера он велел командирам привести свои отряды в полную боевую готовность.

Приказ вступил в силу с наступлением темноты, но речь в нем шла не об атаке, которой так ждали воины, нет. Оказывается, предстояло сделать марш-бросок по берегу против течения реки и прийти... Куда? Вот этого как раз никто и не знал. Что поделаешь, солдаты должны выполнять приказы, не задавая вопросов. А главное — следовало соблюдать полную тишину: командиры пригрозили проткнуть мечом каждого, кто издаст хоть звук.

Солдаты шли на цыпочках, плотно сжав губы. Было запрещено разговаривать, и еще было запрещено спотыкаться — опять-таки чтобы не нарушить тишину. Наконец все войско добралось до брода — его Александр нашел еще накануне, — возле которого он повелел врыть столбы, чтобы в темноте не проскочить мимо.

Первыми перешли реку вброд гоплиты, то есть тяжелая пехота. По двое входили они в воду, цепляясь за надутый мех. Таким образом они могли держаться на воде даже в самых глубоких местах. Мехи были связаны цепочкой, как сосиски, и когда первый отряд гоплитов вышел на берег, двое из них вернулись назад, волоча за собой всю связку: с ее помощью должна была переправиться следующая партия. В общем, переправа произошла без чрезвычайных происшествий: ни один из гоплитов не утонул, хотя многие из них не умели плавать.

После гоплитов, опять же с помощью надутых мехов, переправлялась также легкая пехота, пелтасты. Туман был таким густым, а ночная темень такой непроглядной, что солдаты наступали друг другу на пятки и стукались головами,

но никто не смел пожаловаться или зажечь факел, чтобы не всполошить персов.

После гоплитов и пелтастов через реку переправилась конница, а самым последним — обоз с запасами продовольствия и оружия. Александр был во главе конницы. Он крепко держался за седло, чтобы невзначай не свалиться в воду.

Переправа длилась почти всю ночь.

На рассвете туман стал понемногу рассеиваться, и Александр изготовил свое войско к бою. Впереди стояли основные силы конницы, затем — гоплиты, а в арьергарде — пелтасты и небольшой отряд кавалерии. Александр был уверен, что столь неожиданный маневр вызовет сумятицу в рядах противника, совершенно не готового к одновременному удару с фланга и с тыла. Стаи воронья взволнованно носились в небе, надеясь, что наконец-то произойдет сражение и можно будет вволю попить.

Александр дал своему войску приказ двинуться вдоль берега, сблизиться с вражескими силами и вступить с ними в бой. Македонцы проделали несколько миль, отделявших их от лагеря персов, и пришли к месту, где им предстояло сразиться с врагом. Туман таял, видимость сделалась вполне приличной, но лагерь, в котором еще вчера было столько персов, сейчас, к великому удивлению македонцев, оказался совершенно безлюдным. Там и сям виднелись следы солдатского бивака: валявшиеся на земле объедки, колышки от палаток, полные пепла походные кухни, столбы с полотнищами для отхожих мест, но не было ни единого солдата.

Александр устроил короткое совещание со своими генералами и решил пройти еще несколько миль вдоль Граника. Было ясно, что под покровом ночи персидская армия снялась с места и куда-то перебазировалась. Александр был вне себя от такой неприятной неожиданности и, носясь на коне вдоль берега, изрыгал проклятия.

Высланная вперед разведка видела колеи от колес и кучи навоза, оставленные вражеской конницей. Вдруг разведчики

остановились, а следом за ними остановилось и все войско. Следы персидской армии пропали: колеи вели в реку. Что же случилось?

А случилось то, что генералов Дария осенила та же идея, что и Александра. Воспользовавшись туманом и теменью, персы снялись с места, всем войском двинулись вниз по течению и тоже переправились вброд через Граник, чтобы захватить македонцев врасплох.

Когда к полудню туман наконец совсем рассеялся, обе армии вновь оказались лицом к лицу и опять на разных берегах: и те и другие заняли прежнюю стоянку противника. Солдаты молча воззрились через реку друг на друга. Ну что тут скажешь?

Ничего, конечно. Генералы были в ярости: все их труды пошли прахом и планы битвы растаяли вместе с туманом.

Александр разъярился больше всех и в тот же день, пока персы устраивались в новом лагере, перевел свое войско через Граник и атаковал противника с такой силой, что разбил его наголову и расчистил себе путь к завоеванию Персидского царства.

Поэты и летописцы, следовавшие за македонской армией, описали битву при Гранике и события, следовавшие за ней, но по приказу сверху умолчали обо всем, что произошло в ту туманную ночь. Солдаты же передавали эту малоприятную для Александра историю из уст в уста, и так, переходя от человека к человеку, из города в город, из века в век, она достигла наших ушей.

История другая, акватория морская

Древние персы умели ферментировать сливы, груши, яблоки, виноград и делать из них самые различные вина и настойки — сладкие и не очень, более или менее терпкие,

крепкие и послабее. После захвата Вавилонии Александр Македонский хорошенько напробовался этих вин и вообще спиртного, хранившегося в огромных царских подвалах. От выпитого у него, естественно, сразу улучшалось настроение, вот он и стал напиваться допьяна. Каждый вечер он сваливался под стол, и каждый вечер верные соратники вытаскивали его оттуда и укладывали спать в походной палатке.

Из-за этого вина Александр стал ужасным соней. Он больше не просыпался чуть свет, а взял за привычку подниматься, когда солнце стояло уже высоко.

Войско Александра теряло из-за этого уйму времени, и Атарксеркс, новый после Дария царь персов, уходил все дальше. Александр спал, а Атарксеркс убегал.

У пьяного Александра все в голове перепуталось: рассвет с закатом, дождь с ветром, вино с водой, небо с землей, черное с белым, луна с солнцем, хвост с головой.

Путать хвост с головой человеку, ведущему войну и командующему армией, никак нельзя — это чревато неприятностями. И действительно, однажды Александр поставил свою конницу задом наперед, и его войско, вместо того чтобы преследовать Атарксеркса, проделало несколько миль в противоположном направлении.

Есть у военачальников такая слабость: время от времени приговаривать кого-нибудь к смертной казни — «чтоб другим неповадно было», говорят они. Однажды, накачавшись вином сильнее обычного, Александр без суда и следствия приговорил к смертной казни коня, перебежавшего ему дорогу. К счастью, он спутал голову с хвостом, и коню вместо головы отрубили хвост, так что жизнь его была спасена.

Когда Александр сообразил, что Атарксерксу удалось от него уйти, он с отчаяния стал биться головой о стену. Хорошо, что стены его палатки были из овечьих шкур, и голова Александра не пострадала. К этому времени он уже завоевал почти половину огромного Персидского царства — и все благодаря быстроте передвижения и внезапности нападения. Войско, стремящееся уйти от столкновения, предрасположено к бегству. И верно, всякий раз, когда Александру

удавалось нагнать Атарксеркса, среди персидских солдат начиналась паника, они сразу же пускались наутек, да в такой сумятице, что нередко по ошибке убивали друг друга.

В конце концов у Атарксеркса осталась горстка солдат, немного коней и оружия, так что ему приходилось всячески уклоняться от боя на открытом месте. Вот он и отступал, стремясь добраться до какого-нибудь укрепленного города и занять там оборонительную позицию. Как раз этого и не хотел допустить Александр. Но он понимал, что если будет по-прежнему спать по утрам допоздна, то упустит самые удобные для преследования врага утренние часы, пока солнце не раскалило землю.

В те далекие времена еще не были изобретены будильники, а Александр не мог допустить, чтобы такому выдающемуся военачальнику, как он, побудку устраивали солдаты. Тогда-то он и придумал использовать для этой цели козла.

Известно, что козлы просыпаются очень рано, на рассвете, чтобы пощипать свежей, еще влажной от ночной росы травки. Александр приказал двум своим верным служивым, каждый вечер укладывавшим его в постель, привязать к его щиколотке веревку, а другой ее конец — к ноге козла, оставив животное, разумеется, снаружи (известно ведь, что от козлов воняет даже больше, чем от человека).

Козел оказался надежнее всяких часов. Каждое утро при восходе солнца он вскакивал, чтобы попасться, и, натянув веревку, будил Александра. Таким манером Александру удалось немного наверстать упущенное, но нагнать армию Атарксеркса, продолжавшую улепетывать сломя голову, он так и не смог.

В один прекрасный день македонские передовые посты увидели наконец в глубине долины густое облако пыли: Александр, приказав своей коннице дать врагу бой, заняв место во главе первого эскадрона и помчался вперед. К сожалению, облако пыли было поднято вовсе не вражеской армией, а стадом овец. Подумать только! Александр Великий — и какое-то стадо.

Убитых овец зажарили на вертеле и раздали солдатам,

которые наелись до отвала. Правда, поэтам и летописцам, сопровождавшим Александра, было приказано ни словом не упоминать об этом инциденте. Если бы историки, посвятившие позднее целые тома славным делам Александра Великого, узнали о таком конфузе, они, возможно, не только не назвали бы его Великим, а еще и посмеялись бы над ним от души.

Пехота все шагала и шагала, всадники все скакали и скакали, и вот однажды войска Александра увидели бескрайнее водное пространство. В те далекие времена люди не пользовались географическими картами — по той простой причине, что тогда и бумаги-то еще не изобрели.

В общем, взяли солдаты в плен двух пастухов-персов, чтобы узнать от них, что это за море — уж не Индийский ли океан? Надо вам сказать, что захват Индии был навязчивой идеей Александра. После Персии он намеревался покорить Индию, и море, которое он увидел, по его мнению, было как раз Индийским океаном.

Но что могли знать пастухи об океане? Главная их забота — овцы и пастбища, и когда они сказали Александру, что перед ним озеро, он решил это дело проверить. Зачерпнул воды и попробовал на вкус. Вода была соленая! Выходит, пастухи его обманули! И он приказал высечь их, стадо отнять, а войску стать лагерем на берегу. Александр был совершенно уверен, что дошел до самого Индийского океана.

Поскольку Александр был великим стратегом, он задумал морским путем добраться до Индии, а на обратном пути завоевать остаток Персидского царства. Конницу он пошлет по берегу, и таким образом Атарксеркс окажется в тисках между конницей с одной стороны и пехотой — с другой. Окончательно добив Атарксеркса и его армию, Александр сможет вновь заняться завоеванием Индии.

Плавание по морю имело еще одно преимущество: у пехотинцев, пелтастов и гоплитов от долгих переходов отекали и ослабели ноги, и морское путешествие помогло бы им вос-

становить силы. Особенно гоплитам, которые просто изнемогали под тяжестью своего снаряжения.

Конница пустилась по следу Атарксеркса, а плотники, двигавшиеся вместе с войском Александра, принялись за дело и начали строить корабли для пехоты. Кто рубил высокие кедры — их в тех местах росло множество, — кто вил пеньковые канаты для парусов, кто ткал сами паруса. Кузнецы стали ковать якоря, цепи, скобы и другие железные детали для кораблей. Александр приказал, чтобы корабли были вместительными, так как на них вместе с войском надо было перевести большие запасы оружия и провианта.

Через месяц суда уже можно было спускать на воду. За это время маркитанты приготовили все, что было нужно: живых овец и кур, сушеные бобы, муку, сало, солонину, множество мехов с пресной водой и изрядное количество вин и спиртного для Александра. Было решено, что сначала от овец будут получать свежее молоко, а от кур — яйца, а потом и тех и других пустят на мясо.

Наконец корабли были спущены на воду. Они прекрасно держались на плаву, и всем рабочим Александр велел передать благодарность. Как мы уже говорили, плавать он не умел, а потому поднялся на самое большое и самое надежное судно, оснащенное спасательными лодками и пробковыми кругами. Он решил не очень удаляться от берега, чтобы время от времени можно было посылать туда людей — обследовать новые земли и запасать свежую зелень для салата.

Итак, небольшая флотилия пустилась в путь, не упуская из виду берега, как и приказал Александр, который ужасно боялся воды и постоянно для храбрости накачивался вином. Довольно долго они плыли на север, рассчитывая, что берег скоро начнет поворачивать на восток. Через неделю генералы стали беспокоиться и отправились со своими сомнениями к Александру. Было решено бросить якорь в открытом море и выслать к берегу два баркаса, чтобы обследовать этот рай-

он, разузнать новости и собрать немного свежей зелени.

От того, что увидели македонцы, высадившись на берег, у них рты поразинулись. Перед ними лежала бескрайняя песчаная, прилизанная ветром равнина, и по ней на огромной скорости в облаках пыли двигались стада, сопровождаемые пастухами. Казалось, пастухи летят по воздуху вместе с большими шарами легчайших сухих растений, за которые они цеплялись длинными палками с крючками на конце.

Сначала македонцы даже не осмелились приблизиться к летящим шарам, но потом изловчились и поймали на лету двух пастухов. Да только старания их были тщетными, ибо пастухи не могли сказать, откуда и куда они идут: просто передвигаются, куда ветер дует, и останавливаются лишь там, где находят зеленые пастбища для своих овец. Так и живут. Об Индийском океане они никогда не слышали, и вообще им нет никакого дела до каких-то океанов. Если солдаты хотят узнать об Индийском океане, пусть обратятся к рыбакам, а не к пастухам.

И вернулись македонцы на свои суда с пучками жесткой и пыльной травы, несколькими кругами сыра, полученными в дар от пастухов, и без всяких сведений об Индийском океане и о том, как добраться до восточных границ Персидского царства.

Александр отдал приказ продолжать плавание, и флотилия, подняв паруса, двинулась дальше вдоль берега, который почему-то стал поворачивать к западу. Получалось, что суда, все время шедшие к северу, теперь вроде бы возвращались назад.

Наверно, это какой-то мыс, говорили генералы Александру, который из-за вина то и дело путал восток с западом. Ну да, говорили генералы, находившиеся на флагманском судне, раз это Индийский океан, рано или поздно мы найдем проход в Индию. То, что это именно Индийский океан, они, по правде говоря, придумали сами, потому что те пастухи — их еще потом выпороли — утверждали обратное. Люди, как известно, склонны считать правдой именно то, что отвечает их желаниям. А Александр и его генералы

желали плыть на восток и потому были уверены, что это им удастся, хотя их суда явно плыли на запад.

Пройдя еще порядочное расстояние на запад, генералы, к удивлению своему, были вынуждены признать, что теперь берег, вместо того чтобы свернуть на восток, повернул прямехонько на юг. Это их очень встревожило, но Александр приказал плыть дальше. Разыгрался небольшой шторм, и флотилии пришлось укрыться в какой-то бухте, ибо пехота на судах стала проявлять признаки беспокойства. Людей, не привыкших к морским путешествиям, легко укачивает, к тому же помимо неприятных ощущений и страха была угроза прямого ущерба: жаль было выкинуть в море только что съеденную драгоценную пищу — запасы продовольствия уже подходили к концу.

Однажды утром генералы, находившиеся на судне Александра, поглядели друг на друга, потом на берег, потом снова друг на друга. Но высказать свои мысли вслух пока не осмелились: они узнали берег, от которого их флотилия отчалила два месяца назад.

Но вот бросили якоря, и вся пехота сошла на сушу. Солдаты нашли обрезки кедров, оставшиеся при строительстве судов, колышки от палаток, сложенные из камней очаги походных кухонь и кузнечных горнов. Александр сообразил, что правы были пастухи: океан оказался озером. Но тогда почему вода в нем соленая? Очевидно, это большое озеро, которое сейчас именуется Каспийским морем, в давние времена соединялось с Понтом Эвксинским, нынешним Черным морем, а потом неизвестно почему от него отделилось. Может, по причине какого-то катаклизма? Впрочем, большое озеро или маленькое море — какая разница? Главное, что из него не было выхода на восток.

Так македонская флотилия совершила круговое плавание по большому соленому озеру и под конец вернулась к исходному пункту. Александр сделал вид, будто его это совершенно не удивляет, и даже сказал, что наконец-то его армия

немного отдохнула. Теперь она с новыми силами сможет продолжить преследование армии Атарксеркса. Он вновь стал привязывать к своей ноге будильник — козла, и каждое утро с самого рассвета его войско ускоренным маршем двигалось на восток.

Наконец македонские передовые посты углядели свою конницу, после чего воссоединившееся войско Александра продолжило победоносную войну, разбило наголову Атарксеркса и захватило все огромное Персидское царство.

И об этой не очень славной истории с соленым озером, то бишь с нынешним Каспийским морем, мы узнали не от поэтов и летописцев Александра. Кто-то из солдат, вернувшихся домой с персидской войны, рассказал ее своим родным и друзьям, а те своим родным и друзьям, так, от отца к сыну, дошла она и до нас.

Как собака стала другом человека

Много-много тысяч лет тому назад один человек встретил в дремучем лесу собаку. В те времена все собаки были бродячими и не имели хозяина, который бы их кормил. Поэтому им приходилось охотиться. Даже овчаркам, колли, сторожевым и болонкам.

В лесах водились зайцы, дикие коты, мыши, птицы, лягушки — словом, всевозможная съедобная живность. Если собакам не удавалось поймать на обед зайца, дикого кота, мышшь, птицу или лягушку, они довольствовались улитками. А когда и улиток не находили — жевали сочную траву. Однако после такого вегетарианского обеда испытывали прямо-таки собачий голод.

Человек в те далекие времена тоже бродил по лесам и тоже охотился на диких зверей. Кроме собаки, ягуара, гиены, шакала, льва, тигра и гремучей змеи, он ел всех подряд.

включая маринованного угря, зайца в сметане, тушеного фазана и кабана в кисло-сладком соусе. А еще трюфели, картофель, морковку, репу и тыкву. Все это он варил, жарил, тушил, обязательно добавляя зубчик чеснока и два листика петрушки.

И вот однажды бродяга человек встретил в лесу бродячую собаку.

— Кто ты такая? Как тебя зовут? — спросил человек.

— Я собака, — ответила собака.

— А имя и фамилия у тебя есть?

— Имя мне ни к чему, ведь меня некому окликать. Ну а фамилия — тем более, не то, чего доброго, заставят платить собачий налог.

Человек и собака стали приюживаться друг к другу: они были чертовски голодны, потому что целую неделю ничего не ели.

— Как жаль, что твое мясо мне не по вкусу! — сказал человек.

— А мне твое и подавно. Иначе бы я тебя уже съела, — сказала собака.

— Значит, мы квиты.

Человек в глубине души оскорбился, оттого что его мясо сочли невкусным, но вступать с собакой в перебранку ему сейчас не хотелось. Вон какие у нее клыки, подумал он. Лучше с ней не связываться, а то на куски разорвет.

Ну а собака подумала: с этим спорить опасно, ведь у него две руки, которыми он вполне может схватить дубинку и меня отдубасить.

— Вообще-то я людей никогда не ела, — заметила собака. — Но говорят, что мясо у вас сладковатое и отдает чем-то христианским.

— Каким еще христианским, когда Христос еще не родился? — удивленно спросил человек.

— Ну, не знаю, я слышала именно так: оно воняет чем-то христианским.

— А я слышал, что у собак мясо твердое, как задубелая кожа.

— Ну что ж,— сказала собака,— раз мы друг другу не подходим — расстанемся мирно, и каждый пусть идет своей дорогой.

— Я тоже так думаю,— сказал человек.

Но ни тот, ни другой не сдвинулись с места. Человек подобрал с земли камень и стал подбрасывать его на ладони. Собака не сводила с него глаз. Потом подползла к человеку и принялась лизать ему руку, а тот ей не мешал.

— Смотри только не съешь ее ненароком,— сказал он.

— Сколько раз тебе надо повторять, что человечье мясо мне не нравится?!

— Так что же нам теперь делать?

— Хочешь, будем друзьями, хочешь — врагами,— предложила собака.

— Как это понимать?!

— Если ты не против, мы можем вместе бродить по лесу.

— Однако для собаки ты говоришь очень даже складно,— заметил человек.

— Я слыхала, что люди всегда не прочь поболтать, даже когда голодны.

— Что верно, то верно, язык у нас подвешен лучше, чем у вас, собак.

— Зато у нас нюх тоньше.

— А у нас десять пальцев, и мы можем сотворить ими все что угодно.

— А у нас четыре сильные лапы — попробуй догони!

— А мы ходим на двух ногах и дальше видим.

— А у нас хвост, и мы умеем им вилять.

— А у нас голова, чтобы думать.

— Думать?! А это что такое? — поразилась собака.

— Я тебе потом объясню.

— Съедобное?

— Да нет, не совсем.

Человек стал гладить собаку по шерсти. Собака радостно завилала хвостом.

— Когда я виляю хвостом, значит, мне хорошо,— объяснила она.— Мы хвостом выражаем свои чувства.

— К сожалению, у меня нет хвоста,— вздохнул человек.

— Ничего, когда захочешь повилать перед кем-нибудь, я тебе одолжу свой,— утешила его собака.

Они еще долго стояли на полянке и беседовали друг с другом. И у обоих брюхо подвело от голода. Мимо проползла гремучая змея, но ни человеку, ни собаке она не показалась аппетитной.

— Пусть себе ползет с миром.

— Давай-ка поищем вместе что-нибудь съестное,— предложил человек.

— Верно,— согласилась собака.— Раз уж мы не хотим есть друг друга, вдвоем будет веселей.

Так человек и собака стали друзьями.

С того дня человек многому научился. К примеру, петь, танцевать, писать, плакать, повелевать, любить, ненавидеть, чистить ногти, сморкаться.

И еще своей головой он додумался до всяких удивительных вещей. Изобрел колесо, медную кастрюлю, свечу, лодку, ружье, громоотвод, шерстяное одеяло, руль велосипеда, электрическую лампочку, пишущую машинку, телевизор с дистанционным управлением. Скрестив коня с ослицей, он изобрел и новое животное — мула. А поскольку мясо у мула чересчур жесткое, изобрел еще ливерную колбасу.

Собаке же так ничего и не довелось изобрести. Ведь за нее думал и изобретал человек.

Дружба человека и собаки с годами все крепла, но иногда они ссорились, что случается и доньне. Однажды собака так рассердилась, что чуть не откусила человеку руку. Но это лишь от злости: есть ее она бы все равно не стала. А человек, чтобы собака больше его не кусала, изобрел намордник.

Так они до сих пор и ходят гулять: впереди человек, а сзади собака в наморднике.

Черви в Сеттекамини

экологическая сказка

Первыми явились долгоносики — черные и желтые. Я не знаю, как они передвигаются — летают или ползают, — знаю лишь, что добрались они первыми. На листьях яблонь образовались зеленые наросты, потом они лопнули, и вся крона покрылась белым пухом, похожим на хлопок или клочки шерсти. Эти клочки постепенно разрастались, пока не превратились в паутину, только без паука. Я попытался осторожно снять паутину, но вместе с ней отлетали и листья: яблони вскоре оголились, как в январе.

В книге написано, долгоносик кровавый (хотя почему, собственно, кровавый, он же черный или желтый) был завезен в Европу из Северной Америки в конце восемнадцатого века, но не указано, кем именно. А я хочу знать имя и фамилию того негодяя, которому мы обязаны этой напастью.

После долгоносика яблочного, как я и ожидал, появился долгоносик грушевый. Он до того мал, что почти невидим, но это не мешает ему проворно вгрызаться в листья, отчего они сморщиваются и покрываются какой-то пылью. В книге этот вредитель назван темно-синей копотью, хотя на самом деле никакой он не темно-синий, а серый. Вечно в этих научных книгах путают цвета!

Грушевый долгоносик уничтожил все листья до единого, а потом принялся за кору на самых тонких ветках. И когда погибли листья и ветки, погибло и само грушевое дерево.

После долгоносиков появились в Сеттекамини кошенили — сотни, тысячи кошенилей. Персиковые кошенили поедают сначала цветы, затем листья, и дерево засыхает. Разновидностей этих вредителей столько, сколько фруктовых деревьев. Но, к счастью, они не в ладах с долгоносиками и охотно их пожирают.

Паразиты все прибывали, в одиночку или гуськом, и были они самых разных цветов: розовые, черные, зеленые, коричневые, полосатые. Я видел, как они полчищами нагрянули

к нам с полей Боттино и, словно договорившись, тут же расползлись по деревьям: одни на персики, другие на вишню, третьи на орех, четвертые на инжир. Остальные углубились в землю, поедая корни и корнеплоды — морковь, картофель, репу. А некоторые из них атаковали виноградники. Причем все держались подальше от кур и индюков, которые могли склюнуть их в мгновение ока.

Весной и летом с неба спускаются черви. Смотришь вверх и говоришь: «Какая красота! Сколько разноцветных бабочек!» А бабочки-то они всего на месяц — потом из них выходит новое поколение червей.

И в довершение всего появился в саду красный яблоневый паук. Бедная яблоня! Если пройдет по ней этот паук, то уж ни одного яблока на дереве не родится. На яблони все насекомые-паразиты особенно падки.

Но хотел бы я знать: почему этот красный яблоневый паук и другие вредители минуют Боттино? Ведь и там тоже яблони растут. И не только яблони, но и груши, персики, вишни, инжир, виноград. Значит, есть какая-то причина, почему все эти паразиты устремляются именно в Сеттекамини. Вы думаете, из уважения к хозяину Боттино, знаменитому профессору? Нет, едва ли, насекомым на наши титулы наплевать. Вы посмотрите в других усадьбах вокруг — ни одного паразита! Так вот, я вам открою секрет: деревья в Сеттекамини не опрыснуты ядом.

Мои соседи обработали химикатами листья, ветви и даже землю отравили, каждый квадратный сантиметр. Все как один, включая епископов и приходских священников. А я отказался, и вот результат — все черви перебрались ко мне в Сеттекамини. Да, интересно, кто ж это им сообщил?

Я вызвал агронома из областного центра. Он обошел сад и осмотрел все плодовые деревья. Каждая болезнь, объяснил он мне, вызывается определенным насекомым. Это вот виноградная чесотка, а это грушевая оспа — видите, вся кожура в дырочках-оспинах. А вот это — деформирующая листовая проказа, удивительная, крайне редкая болезнь. Какая прелесть, восхищался агроном, такого ни в одной лаборато-

рии не увидишь, это скоротечный рахит, он немного напоминает грипп, но тяжелее. А это перфорирующая ржавчина! Вот бы собрать здесь студентов сельскохозяйственного факультета и прочитать им наглядную лекцию по вредителям!

Да, да, конечно, кивал я, но вообще-то мне это было совсем не по душе. Если так будет продолжаться, то скоро в Сеттекамини не останется и травинки, как после набега варварских племен.

Посмотрел я вокруг: насекомые все прибывают — летят, ползут, скачут по обочинам дорог, по уже вспаханным полям и лугам. Воистину Сеттекамини становится прибежищем всех окрестных паразитов. Тогда надо запретить опылять растения не только крестьянам, но и епископу с приходскими священниками. Недавно я увидел в соседнем лесу деревья с прибитыми табличками: «Осторожно, лес отравлен!» Дожили! Во время дождей все распыленные по земле яды отравляют реки, озера, море, а ядовитые испарения впитываются в облака: значит, и дожди отравлены. Да, ядовитый круговорот! Читали в газетах? Мальчик шел босиком по траве и вдруг свалился как подкошенный. Его отвезли в больницу и там еле выходили.

Ну а куда делись зайцы и фазаны? Погибли, а может, спаслись бегством? Ежей, лисиц и барсуков в наших краях водилось великое множество, а где они теперь? Миллион тому, кто покажет мне ежа! Из всего живого уцелели только черви, долгоносики, кошенили и другие вредители. Они плодятся с невероятной быстротой, а к ядам у них со временем выработался почти что иммунитет. Но вот прошел слух, что в Сеттекамини ни одно растение не отравлено, и они все ринулись сюда. Птицы пытались их поклевать и сами сдохли от отравления. Добрались до меня и полевые тараканы, которых даже и насекомыми-то назвать трудно. С виду они похожи на кошенилей, только больше, крепче — ну прямо танки, закованные в черную броню! Они ползут нескончаемой вереницей по тропинкам и лугам и, обглодав все растения вдоль дороги, ищут, чем бы еще поживиться.

Я твердо решил: в Сеттекамини не будет никаких ядов —

ни наших, ни заграничных. И все же было бы справедливо распределить вредных насекомых между всеми землевладельцами. Пусть каждый, в том числе и епископ, терпит своих червей, а не пытается их изгнать с помощью ядов.

Агроном предлагает мне превратить Сеттекамини в концлагерь для насекомых и одним ударом освободить всю усадьбу.

Слыхали, до чего договорился? Концлагерь!.. Ну уж нет, господин агроном! Хватит с меня этрусских захоронений, вы, наверно, читали у Паллоттино о некрополе Сеттекамини. Так вот, с меня довольно! И так уже по трупам хожу.

Если вы позволите провести здесь ликвидацию, то все эти насекомые станут хорошим удобрением, убеждал меня агроном. Он произносил названия всевозможных инсектицидов, как будто часослов читал: хостаквик, вердассан, кепферкальк, аркалон, купренокс. Какие дикие названия, не правда ли? Дитекс, туцедал, перенокс, ферназан! Они звучат словно имена убийц! Их нужно запретить, как, например, в Швеции и других цивилизованных странах! Что же молчит наш министр сельского хозяйства? Он явно решил умыть руки. Агроном сказал, что есть еще более сильнодействующие средства. Например, коллоидная сера. Браво, господин агроном, эта сера убивает и насекомых, и человека — двойной эффект! Убирайся прочь, уж лучше терпеть вредоносных насекомых, чем тебя с твоими ядохимикатами. Глаза б мои на тебя не глядели!

Вскоре после отъезда агронома нагрянули жуки-скарабеи. Они так припозднились, потому что очень медлительны: хоть у них и есть крылья, но летать они не умеют. К тому же они почти слепые: ходят везде кругами и никак не могут найти то, что им нужно. Колонны возглавлял большой рогатый жук. Я его раздавил. Жаль, конечно, беднягу, но должен же я хоть как-то защищаться.

Потом разжег костры у дорог и полей. Скарабеи лопались в огне, словно каштаны в жаровне. Тогда уцелевшие принялись рыть в земле ямки. В книге сказано, что за день они могут углубиться в землю на метр. Теперь все корни со-

жрут! Пройдет еще несколько лет, и Сеттекамини превратится в бесплодную Сахару, и насекомые расползутся по другим усадьбам, где к тому времени ядохимикаты будут запрещены. А пока ползите сюда, паразиты! В худшем случае я вас раздавлю ботинком или спалю на огне.

Скарабеи гибнут на костре или зарываются глубже в землю. Зато с полей, дорог и с неба прибывают все новые вредители. И нашествию этому не видно конца.

Башковитые курицы

1

Узнав, что Земля круглая, как шар, и очень быстро вращается в пространстве, курицы всполошились, и у них началось сильное головокружение. Шли они по лугам, качаясь как пьяные, и для верности держались друг за дружку. Наконец самая находчивая из них предложила поискать место поспокойнее и по возможности квадратное.

2

Одна башковитая курица забила в угол курятника и лапой чесала себе голову. До того дочесалась, что облысела. Как-то раз подошла к ней подружка и спросила, что ее так заботит.

— Лысина, — ответила башковитая курица.

3

Одна курица из Умбрии была уверена, что у нее этрусский профиль. Она все время поворачивала голову так, чтобы все могли полюбоваться этим профилем. Кончилось тем, что голова у нее скосбочилась, из-за чего курица упала однажды в яму и сломала ногу. После падения голова курицы выпрямилась, но сама она навсегда охромела.

4

Одна бродячая курица случайно очутилась в скопище людей и коней, и ее чуть не раздавили, но в конце концов ей удалось выбраться и спрятаться в кустах. Когда она рассказала об этом происшествии, ей объяснили, что она попала на поле битвы при Ватерлоо, где Наполеон потерпел окончательное поражение. И бродячая курица очень возгордилась оттого, что стала свидетельницей великого исторического события.

5

Воскресным утром курицы вышли из курятника и отправились на поиски зернышек и червячков. Одна из них подошла к крольчатнику и спросила кролика:

— У вас тоже сегодня воскресенье?

Кролик ответил утвердительно, и курица помчалась сообщать эту новость подругам. Петух задумался и изрек:

— Странно.

6

Одна очень набожная курица каждое воскресенье ходила к мессе и кудахтала в лад церковному хору. Священнику это надоело, и он пожаловался ее хозяйке. А набожная курица только этого и добивалась: она мечтала умереть на костре, как Жанна д'Арк. Правда, в костер ее не бросили, а изжирили на решетке, как святого Лоренцо.

7

Одна курица пыталась втолковать подругам теорему Пифагора, но те никак не могли ее усвоить. И тогда она нашла весьма остроумное объяснение. Встав посреди курятника, она объявила:

— Курица, нарисованная на гипотенузе прямоугольного треугольника, равна сумме куриц, нарисованных на двух катетах.

С того дня теорема Пифагора стала неотъемлемой частью культурного наследия курятника.

8

Одна прожорливая курица увидела в луже солнце и приняла его за пиццу. Оглядевшись, не видит ли кто, она клюнула пиццу и пустилась бежать: а то, чего доброго, другие курицы заметят и отберут добычу. На краю луга остановилась и осознала, что в клюве-то у нее пусто. Тогда она вернулась назад, отыскала пиццу и склевала ее всю целиком.

9

Одна курица, несколько неуверенная в себе, все бродила по курятнику, бормоча:

— Кто я такая? Кто я такая?

Подруги забеспокоились: уж не сошла ли она часом с ума. Наконец другая курица не выдержала и ответила:

— Ты дура!

И неуверенная в себе курица сразу перестала мудрствовать лукаво.

10

Одна курица-астроном сделала открытие, что все небесные галактики есть не что иное, как клубы пыли, поднимаемые курицей, которая роется в глубинах мироздания.

— А за этими галактиками что? — спросили ее подруги.

— Приглядитесь хорошенько, и вы увидите там, в самом низу, лапы курицы, которая подняла всю эту пыль.

11

Одна тщеславная курица утверждала, будто она из рода Теодолинды, королевы лангобардов, и потому подруги должны называть ее принцессой.

Как-то раз на гумне ей преградила путь соперница, заявив, что она происходит от викингов и среди ее предков была королева Тови Венди, дочь принца Мистивоя и жена короля Гаральда Вендландского, сына Горма Победоносного. Услышав такое, тщеславная курица спряталась в кустах и трое суток не показывалась в курятнике.

12

Одна оголодавшая курица увидела клопа и собралась было его склевать, да так и осталась с разинутым клювом — очень уж противно от клопа воняло.

— Гнусная вонючка! — в сердцах сказала курица и, зажмурившись от омерзения, клонула его и целиком проглотила.

13

Одна хвастливая курица встретила в огороде жабу. Жаба тут же стала раздуваться, раздуваться чтоб сравняться ростом с курицей.

— Гляди, — предупредила ее курица, — как бы с тобой не случилось того же, что с лягушкой, которая хотела дорастить до вола.

— Ничего, — ответила жаба, — ты ведь не вол, а я не лягушка. — И продолжала раздуваться, пока не стала даже больше курицы.

14

Однажды на рассвете к дверям курятника подошла утка и во всеуслышание заявила, что знаменитое колумбово яйцо было вовсе не куриным, а утиным. И тут же пустилась наутек, а все курицы бросились за ней вдогонку. Хорошо еще, что утки умеют плавать, а на пути попался пруд, иначе туго бы ей пришлось.

15

Одна косоглазая курица видела мир словно в кривом зеркале и была уверена, что он и в самом деле кривой. Все ей казались кривыми — и остальные курицы, и сам петух. Ходила она все время бочком и часто натыкалась на стены. Однажды ветреным днем она шла с подругами мимо Пизанской башни.

— Смотрите, как ветер клонит башню! — воскликнули курицы.

Косоглазая курица тоже взглянула, и ей башня показалась абсолютно прямой. Она не стала спорить с другими, но про себя подумала: видно, они косоглазые.

16

Одна легкомысленная курица зашла далеко от курятника и встретила фазана. Она безумно в него влюбилась, но это была несчастная любовь, потому что фазан по близорукости принял ее за крольчиху. Впрочем, даже если б фазан и понял, что перед ним курица, он бы вряд ли ответил на ее любовь.

17

Одна курица-поджигательница бродила повсюду со спичкой в клюве.

— Все могу сжечь дотла! — грозилась она. — А вот не сжигаю, потому что я курица культурная.

В конце концов подруги приперли ее к стене, и она призналась, что ничего бы не могла спалить, так как не умеет зажигать спички.

18

Одна экстравагантная курица становилась посреди гумна, прятала лапу под крыло и застывала так надолго в надежде, что подруги примут ее за цаплю. Но они никак не хотели принимать ее за цаплю. А утки и вовсе ее жалели, считая калекой. Индюк же долго кружил вокруг, а потом воскликнул:

— Глядите на эту дурочку цаплю, которая притворяется курицей!

19

У одной очень чувствительной курицы всякий раз, когда мимо проходил петух, мурашки начинали бегать по коже — ну в точности как у гусей. Остальные курицы, узнав об этом, обругали ее и пригрозили, что выгонят вон из курятника. Гуси же предложили ей присоединиться к их стае. Курица

предпочла остаться в курятнике, но, когда по коже у нее бежали мурашки, старалась не подавать вида, надеясь, что подруги ничего не заметят.

20

У одной курицы была мания: ей казалось, что она — автомобиль. Подруги не стали ее разубеждать, но предупредили, чтоб не вздумала заводить мотор ночью, когда они спят.

21

На общем собрании курятника было решено сделать праздничным днем не воскресенье, а пятницу, поскольку в пятницу люди не едят мяса. Но курица-скептик не преминула заметить:

— Да, но куриные яйца-то они едят!

22

Одна курица взяла моду навешивать на себя индюшачьи, фазаньи и даже павлиньи перья, которые подбирала, где только могла. Она казалась себе очень элегантной и все время твердила, что одевается в стиле либерти. Остальные курицы не знали, как расценить ее причуды, и решили не выносить приговора, пока не составят окончательного суждения о своей подруге.

23

Одна курица-спортсменка очень хотела научиться ездить на трехколесном велосипеде, но отказалась от этого намерения, когда, сосчитав свои лапы, убедилась, что их всего две. Она думала, что управлять трехколесным велосипедом можно, лишь если у тебя три лапы.

24

Одна безумная курица считала себя Жанной д'Арк, а подруги ей говорили:

— Ну ладно, пожалуйста, Жанна д'Арк так Жанна д'Арк.

Но вскоре курице надоело быть Жанной д'Арк, и она решила стать Наполеоном.

— Но это невозможно,— возразили подруги,— ведь Наполеон — мужчина.

Но безумная курица ответила, что раз она безумна, то может быть кем угодно.

— Вот захочу и буду бронзовым памятником Наполеону.

На это уж подругам нечего было возразить, и с тех пор безумная курица целыми днями неподвижно стояла посреди гумна, воображая себя бронзовым памятником Наполеону.

25

Один петух, страдавший манией величия, вбил себе в голову, что он — царь зверей. Цари нынче не в моде, сказали ему, теперь везде республики, но петух не успокоился и стал рыскать по лугам в надежде встретить льва, чтоб показать ему фигу. Льва он не нашел, поэтому петушиной фигуры так никто и не увидел.

26

Одна неграмотная курица мечтала научиться ставить подпись. Наконец она отыскала другую курицу, умевшую читать и писать, и та согласилась давать ей уроки. Но неграмотная курица вдруг хлопнула себя лапой по лбу и воскликнула:

— Да ведь я не знаю, как меня зовут!

27

Робкая курица однажды закудаhtала на лугу, неподалеку от залежей туфа. И эхо откликнулось ей. Курица снова закудаhtала и услышала такое же кудаhtанье в ответ. Курица решила, что наконец-то нашла себе подружку; та, видно, тоже робкая: отвечает, а показаться стесняется. И каждый день

робкая курица стала приходить на луг поболтать со своей застенчивой подружкой.

28

В стародавние времена одна взбалмошная курица проповедовала Несторову ересь, вернее, распространяла слух, будто она еретичка, даже не понимая, что это значит. Но ей очень хотелось привлечь к себе внимание. И в конце концов она в этом преуспела. Ее схватили, свернули шею, ощипали и разрезали на куски.

29

Нсвежественная курица услышала разговор о латыни и решила, что латынь — это новый корм. Она сообщила об этом подругам, но те не поверили. Одна курица, считавшая себя самой умной, заявила:

— Дуры, латынь — это не корм, а домашнее животное. — И с видом знатока добавила: — Она похожа на свинью, только еще чумазей.

30

Один ненормальный петух надеялся, что рано или поздно ему удастся снести яйцо. Он забивался в угол курятника и сидел там часами, но, несмотря на все старания, ни одного яйца так и не снес. Вот несправедливость, думал он, преглупые курицы и те яйца несут, а мне не удастся хоть тресни.

31

С тех пор как человек стал есть плевелы, считая, что они полезны для здоровья, курицы ждут не дождутся, когда он станет носить им взамен бисквиты и булки.

32

— Чтобы стать философом, — говорила одна старая курица, возомнившая себя очень мудрой, — не обязательно думать о чем-то, можно думать ни о чем.

Вот она становилась в уголке и думала ни о чем. Именно так, а не иначе, по ее словам, она и стала философом.

33

Одна курица по ошибке угодила лапой в мышеловку. Мышь свалилась в навозную жижу и чуть не утонула. Свинья съела куриное перо и потом кашляла до захода солнца. Бык сломал рог, ударившись о столб. Кот, греясь у камина, подпалил усы. Собака вошла в курятник и съела все яйца. А к вечеру пошел проливной дождь и затопил курятник. Ну и денек выдался!

34

Одна брезгливая курица терпеть не могла червей. Она была охоча до конопляных зерен, а еще клевала ракушечник, чтобы скорлупа яиц была крепкой. Когда же находила червя, то завязывала его узлом и бросала. А если попадался червь подлиннее, завязывала его на два узла.

35

Одна курица-швейцарка мечтала нести шоколадные яйца. Она плитками поглощала шоколад и спустя несколько месяцев, на Пасху, умудрилась снести коричневатое яйцо — только и всего! Курица так расстроилась, что решила отказаться от швейцарского гражданства.

36

Одна курица, перешедшая в буддийскую веру, говорила, что ищет пустоту, отсутствие материи. Вот если мне удастся достичь того, что лиса перестанет быть лисой, а кролик — кроликом, думала она, то на меня снизойдет озарение. Однажды, когда она пребывала в медитации на опушке леса и, прежде чем на нее снизошло озарение, подросла лиса и съела ее, другая курица, увидев разбросанные по земле перья, воскликнула:

— Ну вот, курица перестала быть курицей!

37

Одна курица, мечтавшая попасть в Китай, услышала, что в ту далекую страну надо добираться через все части света и двигаться все время на восток. Курица стала искать восток по лугам и лесам, но так и не нашла. Искала она и в зарослях кустарника, и в ямах, и на обочинах дорог, и в обрывах, однако даже тени востока нигде не было видно. Так и пришлось ей отказаться от путешествия в Китай.

38

Заносчивая курица решила написать трактат.

— О чем? — спросили ее подруги.

— Обо всем, — ответила она.

Подружки фыркнули: обо всем — это, пожалуй, чересчур. Заносчивая курица уточнила свою идею и сказала, что напишет трактат почти обо всем.

39

Одна курица-спиритуалистка слышала, что после двух тысяч глубоких вдохов появляются видения и ты впадаешь в экстаз. Она встала в тень бузины и принялась делать вдохи. На тысяча девятисотом ее и впрямь посетило видение: женщина в цветастом платье подошла к ней и схватила за горло. В итоге курица очутилась на сковородке, будучи уверенной, что наконец достигла эйфории.

40

Год выдался неурожайный; куры голодали. Горсть проса да горсть кукурузы — вот и вся еда на целый курятник. Днем курицы охотились за червяками и глотали ракушечник. Одна курица, считавшая себя умнее всех, искала обрывки газет и тайком от подруг склевывала все буквы «о», принимая их за просяные зерна.

41

Одна высокомерная курица набрела однажды на жабу и стала над ней насмехаться — ведь у той нет ни клюва, ни крыльев. А жаба ответила:

— Зато у меня есть нечто, чего у куриц не было и нет, — слюна.

И плюнула высокомерной курице прямо в глаза, а потом вприпрыжку удалилась, даже не оглянувшись.

42

Одна курица-декадентка как-то вечером залюбовалась на закат и потом, вернувшись в курятник, произнесла ставшую знаменитой фразу:

— Ах, до чего красив закат!

43

Курица дзэнбуддистка все ходила и у всех допытывалась: как там живет в яйце?

Куры отвечали по-разному, но ни один из ответов дзэнбуддистку не удовлетворял. Собственно, она и не искала ответа, а хотела пробудить в курах самосознание. Когда они это поняли, то, сговорившись между собой, стали неизменно отвечать ей:

— Дай нам пожить спокойно.

Но дзэнбуддистка как ни в чем не бывало продолжала задавать все тот же вопрос.

44

Одна бабочка-лимонница очень досаждала курице: стоило той выйти из курятника, начинала кружить над ней или садилась на гребешок. Курица от ярости даже ночью заснуть не могла. Как-то утром она вышла на дорогу и сказала, что идет к карабинерам с жалобой на лимонницу. Но тут подруга ей объяснила, что бабочка, видимо, принимает ее за цветок. Курица вернулась в курятник и уж больше не злилась, когда над ней кружила бабочка-лимонница.

45

Одна юная, неопытная курица влюбилась в кролика. Она хранила свою любовь в тайне, даже с лучшими подругами не поделилась. Каждый день она проходила мимо крольчатника и украдкой поглядывала на своего возлюбленного. Но кролик не ответил ей взаимностью, поэтому и рассказывать тут, собственно, не о чем.

46

Как-то раз гадюка подползла к курице, которая рылась в земле под кустарником, и хотела ужалить ее в лапу. Но лапа оказалась такая твердая, что гадюка не смогла ее прокусить. Курица искоса взглянула на гадюку, а та стала оправдываться: это, мол, просто шутка.

— Знаешь басню про лису и виноград? — спросила курица.

Гадюка такой басни не слыхала.

— Мало того что ты злая, так еще ты и невежественная, — сказала курица и сильно клюнула ее в шею.

Гадюка, скособочив шею, убралась восвояси с жалобными стонами.

47

Одна курица все время рассуждала о мироздании — это была ее излюбленная тема. Но на все вопросы отвечала очень приблизительно.

— А велико оно, твое мироздание?

— Почти бесконечно.

— А сколько ему лет?

— Оно почти вечно, — говорила курица.

48

Однажды весь курятник обсуждал, как лучше проводить свободное время. Многие предложения были отвергнуты как совершенно неприемлемые. Наконец одна курица опрометчиво предложила сыграть в «гуси-лебеди», но это было

встречено общим возмущением: о гусях куры и слышать не хотели.

49

Ничем не примечательная курица в поисках корма добрела до шоссе. И там вместо корма нашла монету. В денежных вопросах она не разбиралась и потому решила, что, если склюнет эту монету, сразу разбогатеет. Но при всем желании проглотить эту монету она не смогла. С тех пор и пошла поговорка «Денег куры не клюют».

50

Одна высокообразованная курица решила научить по-другому счету и сложению. На стене курятника она написала цифры от 1 до 9 и объяснила, что, сложив эти цифры вместе, можно получить большие величины. А на другой стене показала, как складывать: $1 + 1 = 11$, $2 + 2 = 22$, $3 + 3 = 33$ —и так до $9 + 9 = 99$. Курицы быстро научились сложению и пришли к выводу, что это им очень пригодится.

51

Одна гоночная курица никогда не сбавляла скорость на поворотах. Как-то раз она даже сделала сальто-мортале, но все обошлось. Но в другой раз ее занесло на обочину, и она сильно повредила «обшивку». Подругам, навестившим ее после аварии, она сказала:

— Хорошо еще, что не загорелась.

52

Одна очень манерная курица, обнюхивая полевые цветы, принялась летать от цветка к цветку, как бабочка. И до того всяких запахов нанюхалась, что у нее голова разболелась; и пришлось ей для исцеления зарываться головой в навозную кучу.

53

Гуси хвастались перед курами, что их предки Рим спасли — подняли тревогу на Капитолийском холме, увидев, что «галльские петухи» подступают к крепостным стенам. Одна курица заметила, что, будь на месте гусей куры, они бы впустили захватчиков и тогда Рим наверняка превратился бы в огромный курятник.

54

Курица-философ, глядя на камень, вопрошала:

— Кто может утверждать, что это камень? — Потом переводила взгляд на дерево. — Кто может утверждать, что это дерево?

— Я могу, — ответила какая-то курица.

Курица-философ снисходительно на нее поглядела.

— А кто ты такая, чтоб отвечать мне?

Та оробела и пробормотала:

— Я курица.

— Ну а кто может утверждать, что ты курица?

Вскоре курица-философ осталась в полном одиночестве.

55

На одном заседании при закрытых дверях куры решили внести в индекс запрещенных книг «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, ибо там говорится, что удобнее всего подтирать задницу живым цыпленком. Но курица-литературовед возразила, что Гаргантюа вытирал задницу вовсе не цыпленком, а гусенком, поэтому книгу запрещать не стоит.

56

Курица, посланная в разведку, примчалась назад и предупредила подруг, что клевать зерна на поле больше нельзя. Кроме вороньего пугала, то есть пиджака и шляпы на палке, там теперь появилось куриное пугало — тоже в пиджаке и в шляпе: оно носится взад-вперед по полю, вопит и кидается камнями.

57

Одна римская курица прошла под аркой Константина, но при этом не испытала никаких эмоций. Прошла во второй раз и снова осталась разочарованной. Непонятно, недоумевала она, зачем надо было Константину воздвигать эту арку, чтобы потом проходить под нею.

58

Курица-археолог отправилась смотреть пирамиды. Обошла вокруг, взобралась вверх по наклонной стене, а затем вернулась в курятник.

— Ну и какие же они, эти пирамиды? — спросили ее подруги.

— Слишком каменистые, — ответила курица-археолог.

59

Одна ненасытная курица нашла стеклянное доньшко стакана, под которым, как она утверждала, разбухают семена. Так, она накрывала стеклом конопляное семечко, и оно становилось большим, как зерно кукурузы. А зерно кукурузы под стеклом выросло до размеров фасолины. Ненасытная курица хотела съесть эти увеличенные зерна, но всякий раз клюв наткнулся на стекло. А стоило убрать стекло — зернышко вновь становилось маленьким. Клевала она, клевала проклятое стекло, пока весь клюв себе не разбила.

60

Что бы ни случилось в курятнике, курица-фаталистка восклицала:

— Так и есть!

Подруги заметили, что у нее пассивное мировосприятие. Курица-фаталистка исправилась и во всех случаях жизни стала восклицать:

— Пусть так и будет!

61

Во время пасхальных каникул куры объявили забастовку в знак протеста против незаконной конкуренции сахарных и шоколадных яиц. После долгих дебатов курицы решили, что на каждом яйце надо ставить штамп: «Стопроцентно гарантированные куриные яйца».

62

Один рассеянный кролик по ошибке забрел в курятник. Ничего подобного прежде не случалось, и куры просто не могли в это поверить.

— Ну и ну! — воскликнули они хором. — Посмотрите на эту безмозглую курицу, которая изображает из себя кролика!

63

Одна развеселая курица взяла привычку кудяхтать и петь в любое время дня и ночи — неважно, снесла она яйцо или нет. Хозяйка прибегала в курятник, не находила яйца и очень сердилась.

— Ну чего ты раскудахталась и распелась? — спрашивали ее подруги.

— От счастья, — отвечала развеселая курица.

Подруги решили, что она не в своем уме. А курица пыталась им втолковать, что с головой у нее все в порядке, просто она счастлива.

— Ну скажите, что плохого в том, что я счастлива?

64

Одна жадная курица склевала слишком много ракушечника, и у нее разболелся живот. Ночью ей снилось, что она курица. Сон этот так ее взволновал, что наутро она ушла в лес и пропала без вести.

65

Одна курица из Бергамо тронулась умом, и ее поместили в сумасшедший дом.

Петух звонил ей время от времени — справиться о здоровье, — а она всякий раз сетовала:

— Я бы тоже тебе позвонила, да у нас тут телефона нет.

После этого петух сообщал курам, что, к сожалению, их подруга еще не поправилась и придется ей остаться в сумасшедшем доме.

66

Одна курица увлекалась геометрией и по всем лугам искала треугольники, трапеции, квадраты, прямоугольники, пятиугольники, эллипсы и другие геометрические фигуры. К великому своему разочарованию, ни одной фигуры она не нашла, и пришлось ей вернуться к поискам червячков, овса, проса, пшеницы и чечевицы.

67

Одна курица, помешанная на психоанализе, взлетела на насест и громко объявила всем своим подругам:

— Материнство — это сублимация яйца!

Куры молча вышли из курятника и отправились на гумно, чтобы осмыслить услышанное.

Наконец одна из них вернулась в курятник и сказала подруге, бредившей психоанализом:

— Яйцо — это сублимация материнства!

68

Однажды в курятнике обсуждали значение поговорки «Курица — не птица, Италия — не заграница». После долгих дискуссий ни к какому выводу так и не пришли. И тогда одна курица предположила, что, передавая из уст в уста, поговорку исказили и на самом деле она должна звучать так: «Курица — птица, Италия — заграница».

69

Начитанная курица с гордостью сообщила, что нашла в истории литературы писателя по имени Джачинто Галли-

на, что в переводе означает «курица». На это петух заметил, что не стоит заноситься из-за такого пустяка.

70

Одна курица-энциклопедистка выучила наизусть больше тысячи слов. И время от времени щеголяла своей образованностью перед подругами, небрежно роняя: «Ромб», «Кратер», «Стигмат». А если у нее спрашивали значение этих слов, она отвечала, что мир состоит из слов: не будь их, не было бы мира, в том числе и кур.

71

Угрюмая курица разгуливала по гумну и клевала зернышки. Над нею с грохотом пронесся реактивный самолет, оставив за собой длинную белую полосу.

Курица возвела глаза к небу и пробурчала:

— Небось возомнил о себе невесть что! — И продолжала клевать зерна.

72

В стародавние времена изобретательная курица придумала колесо. Показала его подругам, но те подняли ее на смех, сказав, что оно никому не нужно. Так и случилось, что куриная цивилизация отстала от человеческой и люди преградили курам путь к научно-техническому прогрессу.

73

Одна курица, склонная к созерцательности, объявила в большом волнении, что видела неопознанный летающий объект. Подруги отнеслись к этой новости с недоверием и сказали, что, скорее всего, то был мираж или галлюцинация. Курица возмутилась и закудаhtала:

— Да провалиться мне на этом месте, я видела неопознанный летающий объект, даже два! — И, удаляясь, добавила вполголоса: — По телевизору!

74

Курица держала в клюве кусочек сыра. Подошел к ней кот и сказал:

— Какие у тебя перышки, какой носок! Что, ежили, се-стрица, при красоте такой и петь ты мастерица? Ведь ты б у нас была царь-птица... Спой, светик, не стыдись...

Курица уже слыхала басню о вороне и лисе и ответила:

— Шиш тебе!

Сыр выпал на землю. Кот схватил его и был таков.

75

Одна курица собрала коллекцию цветных камешков. Она прятала свои сокровища в ямке и частенько ходила на них полюбоваться. Наследников у нее не было, а курица так дорожила коллекцией, что очень беспокоилась, кому она достанется после ее смерти. И в конце концов решила съесть все камешки до единого. Съела и умерла от несварения желудка.

76

Однажды утром в курятнике поднялся шум и гам. Все куры сгрудились вокруг гнезда, где сверкало золотое яйцо. Золотоносная курица с горделивым видом стояла тут же и наслаждалась своим триумфом. Но вдруг одна из кур подскочила и клювом сорвала с яйца золотистую обертку. Обман раскрылся.

— Шутка! — сказала мошенница и поспешно вышла подышать свежим воздухом.

77

Одна курица слыхала, что для письма надо иметь гусиное перо. Она пошла к гусыне и спросила, нельзя ли вырвать у нее перо, чтобы им писать. Гусыня ответила, что не возражает, но взамен оторвет лапу курицы, чтобы чесаться ею от блох. Курица опрометью кинулась назад к своему курятнику.

78

Одна курица научилась считать до четырех и требовала, чтобы подруги называли ее профессором. Она даже хотела

свергнуть петуха и занять его место. Куры ощипали ее догола и сказали, что, если она сосчитает все свои ощипанные перья, тогда они станут называть ее профессором.

79

Одна голодная курица увидела на лугу змею. Змея тоже была голодна. Они посмотрели друг на друга, а потом курица стала клевать змею, а змея разинула пасть и попыталась проглотить голову курицы. Обе умерли от удушья.

80

Петух простудился, и все куры наперебой стали за ним ухаживать. Некоторым это так понравилось, что, едва петух выздоровел, они скинули его в воду, чтобы он снова простудился. Но на этот раз он схватил воспаление легких и умер.

81

Одна неосторожная курица угодила лапой в мышеловку и никак не могла освободиться. Вдруг она услышала мяуканье. Курица испугалась, как бы ее не приняли за мышшь, и вырвала лапу из мышеловки. Тем и спаслась.

82

Одна чувствительная курица посмотрела по телевизору «Госпожу Бовари» и страшно расстроилась, оттого что и она живет в жалком провинциальном курятнике. Она мечтала попасть в столицу, расхаживать по тротуарам людных улиц и приковывать к себе восхищенные взгляды. Она как наяву видела шикарные магазины, сверкающие огнями витрин. И вот однажды ее вместе с другими курами погрузили в фургончик. Все впали в отчаяние, а она была счастлива, ведь на фургончике был столичный номер. На другой день ее ощипали и повесили вниз головой в витрине большого магазина в самом центре города.

83

Одна курица носилась повсюду как оглашенная, желая преодолеть звуковой барьер. Этим барьером стала для нее

стена курятника: она в нее врезалась, тем все попытки и кончились.

84

Одна вавилонская курица месила лапами необожженную глину. Увязая в глине, лапы оставляли отпечатки. Затем глину отправили на обжиг, но кирпичи в дело почему-то не пустили — так и оставили валяться на складе. Более трех тысяч лет спустя археологи, производившие раскопки на месте бывшего Вавилона, нашли кирпичи с отпечатками куриных лап. После многочисленных исследований ученым удалось расшифровать эти знаки и перевести на современный язык. Так, благодаря вавилонской курице, археологи сумели воссоздать приметы эпохи, которая иначе была бы в истории белым пятном.

85

Одна впечатлительная курица всякий раз, перед тем как снести яйцо, обходила курятник и сообщала:

— Я беременна! — А садясь в гнездо, восклицала: — Ох, у меня схватки!

Однажды утром подруги дождались ее у дверей курятника и, едва она появилась, закудахтали:

— Привет, роженица!

86

Курица-зоолог долго изучала кур и пришла к выводу, что куры не животные, но и не птицы.

— А кто ж они такие? — спросили подруги.

— Куры — это куры, — ответила курица и, гордо выпятив зоб, удалилась.

87

Однажды в курятнике возник спор, что красивее — рассвет или закат. Сформировалось две партии — рассветисты и закатисты. Со временем первые забыли о

рассветах, а вторые — о закатах, осталась лишь взаимная ненависть.

88

Курица-факир устроила представление посреди гумна. На виду у публики она глотала осколки стекла и ржавые гвозди. Потом облизала клюв, показывая, что они пришлись ей по вкусу. В конце она обошла зрителей с мешком, надеясь, что ей станут бросать туда червяков и кукурузные зерна. Но куры, посмотрев, с каким аппетитом она ела во время представления, бросали ей лишь осколки стекла и ржавые гвозди.

89

Однажды три курицы заспорили, что такое сурко. Одна сказала, что это поэт, другая возразила, что это искаженное название сурка, а третья воскликнула: да это же краска сурик! Так или иначе, все три решили, что слово это странное и даже подозрительное.

90

Одна курица, последовательница Аристотеля, задумала взглянуть на кога с научной точки зрения. Изучила хвост, лапы, когти, уши, нос, шерсть, но зашла в тупик, пытаясь определить, для чего коту усы.

— Для красоты,— предположила курица, незнакомая с Аристотелем.

— Красота не есть научное понятие,— заявила ученая курица и попыталась вырвать усы у кота.

А кот взял да и откусил ей гребешок, который с научной точки зрения никакой ценности не представляет.

91

Собрались однажды куры и начали обсуждать, есть ли у них душа. После долгих споров вопрос поставили на голосование и большинством голосов постановили, что у всех кур, независимо от окраски и оперения, имеется душа. Узнав

о том, гуси решили тоже обсудить эту проблему. Перед курами у них даже было одно преимущество — у всех белые перья.

92

Когда петух умер от воспаления легких, некая курица стала рвать на себе перья и убиваться так, словно петух любил ее, и только ее. Остальные курицы прозвали ее «незаконной вдовой» и пригрозили оципать всю, от гребешка до лап, если она не прекратит своих воплей.

93

Раз у кур есть душа, решило общее собрание курятника, значит, для тех, кто этого заслуживает, должен быть и рай. Одна вечно недовольная курица спросила, а нет ли случаев места лучше, чем рай.

94

Одна нескромная курица утверждала, что у нее самые красивые ноги в курятнике, и демонстрировала их при каждом удобном случае. Но однажды она случайно увидела свое отражение в зеркале и очень расстроилась, показавшись себе донельзя уродливой и неуклюжей. С того дня она стала прятаться подальше от чужих глаз. Подружка, заметив эти переживания, ободряюще шепнула ей на ухо:

— А что же тогда делать женщинам?

95

Курицы единогласно постановили объявить всеобщую забастовку в знак протеста против смеси, которая воняла дегтем. Они решили прекратить нести яйца, но, как ни старались, все равно несли. Так всеобщая куриная забастовка окончилась поражением, и пришлось им есть смесь, провонявшую дегтем.

96

Одна очень старая курица рассказывала в курятнике сказки про фей, ведьм, магов, принцев, гномов и драконов.

Из этих сказок куры узнали, что у драконов тоже есть гребешки. Но раз так, то почему же о драконах слагают сказки, а о курицах — нет?

97

Одна курица-хулиганка забавы ради гонялась за кроликами и пугала их до смерти.

— Смотрите, как улепетьваются! — смеялась она.

А кот взял да и погнался за этой хулиганкой. Курица до смерти испугалась и кинулась бежать.

— Смотрите, как улепетьвается! — смеялся ей вслед кот.

98

Одна завшивевшая курочка пошла в свинарник вычесывать вшей. Свиньи взялись избавить весь курятник от этих паразитов. Открыли дверь курятника и потихоньку-полегоньку, под тем предлогом, что изничтожают вшей, стали поедать вшивых куриц.

99

Одна курица-антиконформистка вечно ходила грязная, нечесаная, вшивая. Но вскоре вошло в моду ходить грязными и вшивыми; тогда антиконформистка решила хорошенько вычистить перья и избавиться от вшей. Когда же все куры по новой моде привели себя в божеский вид, она опять взъерошила перья и развела паразитов. Теперь она похвалялась, что у нее и блохи есть.

100

Одна курица-лгунья как-то встала поутру, жалуясь на зубную боль. Когда ей заметили, что у кур не бывает зубов, лгунья устыдилась и спряталась в кустарнике.

101

Одна сумасшедшая курица считала, что она — пшеничное зерно, и, завидев свою же подругу, убегала из страха, как бы ее не съели. Ее подлечили, и она во всеуслышание заявила:

— Я не зерно, а курица.

Но, встретив на лугу другую курицу, снова пустилась наутек.

— Чего же ты теперь удираешь? — спросили у нее.

— Я-то знаю, что я не зерно, но знает ли та курица?..

102

Одна курица увлекалась астрономией и днем спала, а ночью все искала в небе созвездие Курицы. Когда же она наконец его нашла, то продолжала наблюдать за ним все ночи напролет в надежде, что оно снесет яйцо.

103

Две курицы отправились в зоопарк и там долго разглядывали невиданных зверей и птиц в клетках. Потом задумчиво поглядели друг на друга, не понимая, почему же нет клетки с курами.

— Выходит, курица не птица, — с грустью заключили они.

104

Одна лионская курица добралась до самого Парижа и, замешавшись в толпу, проникла в Лувр. Следуя указателям, она напрямик направилась в зал, где выставлена «Джоконда» Леонардо да Винчи. Долго она стояла у картины, околдованная загадочной улыбкой этой женщины. С того дня лионская курица стала целыми днями торчать перед зеркалом, безуспешно пытаясь повторить улыбку Джоконды.

105

Одна парижская курица поднялась на Эйфелеву башню. С трудом одолевая ступеньку за ступенькой, она добралась до самой верхней площадки. Глянула вниз и разинула клюв от удивления, увидев дома, памятники, сады.

«Что это за город?» — спросила себя парижская курица. А потом понеслась вниз по ступенькам, чтобы узнать у сто-

рожа название города, который она увидела с высоты Эйфелевой башни.

106

Одна курица из Миннесоты слышала, будто небоскребы вызывают головокружение. Как-то раз она посетила Нью-Йорк, но ходила по улицам, глядя в землю, потому что боялась головокружения. Домой она вернулась, так и не увидев небоскребов. «Тем хуже для них»,— сказала она себе на обратном пути.

107

Одна дерзкая курица дразнила уток: «Кря-кря-кря». Однажды утки схватили ее за хвост и бросили в воду. Курица страшно перепугалась и завопила:

— Помогите, тону!

Но утки отвечали:

— Раз ты крякаешь, то должна уметь и плавать.

В конце концов они ее все-таки вытащили, и с тех пор дерзкая курица уже не осмеливалась дразнить уток.

108

Одна курица из Вибо-Валентии решила изучать философские труды Витгенштейна, но от них у нее всякий раз начинала болеть голова. Тогда она попробовала читать Виндельбанда, но результат был тот же. Перешла на Вайса, Вольфа, Вундта — хуже некуда. Однажды совершенно случайно открыла книгу Вудхауса и без всякой головной боли прочла много страниц. Курица обрадовалась и решила, что отныне ее любимым философом будет Вудхаус.

109

Одна порочная курица прочла миф о Хроносе, который пожирал своих новорожденных детей. И пока подружки рыскали по лугам в поисках зернышек и червячков, порочная курица варила всмятку только что снесенное ею яйцо и

съедала его прямо со скорлупой, к великому возмущению всего курятника.

110

Проамерикански настроенная курица пила всегда кока-колу, а потом билась головой о стенку, притворяясь, будто опьянела. Куры вскоре выяснили, что она просто рекламирует этот напиток, пытаясь уверить всех, что он лучше вина, и ей за это платят. Однажды они окружили курицу и крикнули ей прямо в глаза:

— Продажная тварь!

Проамерикански настроенная курица спряталась со стыда в кустарнике.

111

Одна богомольная курица мечтала стать святой, но не знала, с чего начать. Наконец она сплела небольшой венок из золотистых веток ивы и водрузила себе на голову, будто нимб. И так уверилась в своей святости, что даже совершала потом чудеса.

112

Калабрийская курица решила примкнуть к мафии. Пошла она за рекомендацией к министру, который, по слухам, был крупный мафиозо, но тот сказал, что мафии не существует. Тогда она пошла к судье — тоже большому мафиозо, — однако и он заявил, что никакой мафии нет. Наконец обратилась к мэру-мафиозо — опять вернулась ни с чем. На расспросы подруг она ответила, что мафии не существует. Тогда все куры решили, что ей удалось вступить в банду мафиози, и стали бояться ее.

113

Одна севильская курица задумала стать великой гитаристкой, но сомневалась, чем ей играть — клювом или лапами. Сомнение оказалось роковым для ее карьеры: севильская курица так и не стала великой гитаристкой.

114

Одна курица восхищалась хромированными автомобилями и однажды попросила механика с автостанции и ее отхромировать. Механик побрызгал ей крылья и хвост аэрозолем, смазал лаком, и хромированная курица была просто счастлива. Вот только с ремонтом возникали проблемы: не так-то просто достать лак точно такого же цвета, как прежде.

115

Курица по имени Наталия решила написать роман, но никак не могла придумать сюжет, персонажей, название и стиль. Тогда эта честолюбивая наседка написала воспоминания детства, имевшие большой успех среди гусынь.

116

Однажды до курятника донесся рев осла. Подобных звуков куры прежде не слышали. Одна предположила, что это лев. Другая вышла на порог посмотреть, но поскольку она ни разу не видела осла, то объявила подругам, что это и впрямь лев. Осел, узнав, что его приняли за льва, прямо запрыгал от радости.

117

Курица с больной печенью решила попробовать гомеопатию. Но когда она узнала, что гомеопатические средства никаких лекарств не содержат, то решила усовершенствовать терапию — не глотать шарики, а только делать глотательные движения. Болезнь печени не проходила, и бедной курице пришлось поехать на воды в Кьянчано.

118

Одна безграмотная курица вставала посреди курятника с обрывком газеты, притворяясь, будто читает.

— Ну, что нового в мире? — спрашивали ее подруги.

Чтобы не попасть впросак, безграмотная курица неизменно отвечала: ровным счетом ничего.

Как-то раз одна раздражительная курица дала ей такого пинка, что та отлетела на луг. А раздражительная курица сказала:

— Ну вот, теперь есть новости, посмотрим, напишут ли об этом в газете.

119

Одну средневековую курицу погрузили на венецианский корабль, отправлявшийся в первый крестовый поход. Курица решила, что вместе с крестоносцами будет сражаться под стенами Иерусалима за Гроб Господень. Словом, она уже считала себя принятой в христианское войско. Когда же она поняла, что взяли ее лишь затем, чтобы питаться ее яйцами, то смертельно обиделась и, прибыв в Иерусалим, переметнулась на сторону неверных.

120

Одна пугливая курица шла вдоль стены под лучами августовского солнца, погруженная в свои мысли. Вдруг она скосила глаза, и ей почудилось, будто она отбрасывает тень не курицы, а лисы. Пугливая курица бросилась бежать и с той поры в солнечные дни держалась от стен подальше.

121

Одна страшно тщеславная курица участвовала в конкурсе красоты, но приза не получила. Она вернулась в курятник смущенная и подругам объяснила, что ее провалили по политическим мотивам.

— А к какой партии ты принадлежишь? — спросили ее. На это курица ответить так и не смогла.

122

Одна трусливая курица приняла повешенную сушиться рубаху за призрак. Прибежала она в курятник и рассказывает, что у призраков руки есть, а вот ног нету. На другой день она увидела на веревке штаны и сообщила подругам,

что призраки могут раздваиваться: руки летят в одну сторону, а ноги — в другую.

123

У кур спросили, какое их самое заветное желание. Одна ответила, что хотела бы найти червя длиною в километр, вторая — что хотела бы выступить со своим кудахтаньем по телевидению, третья мечтала найти лису, угодившую в капкан, и клюнуть ее в нос. А последняя из опрошенных ответила, что хотела бы умереть от старости.

124

Одна курица слыхала, будто можно разбогатеть, играя в орлянку. И вот она отыскала на скале орла и предложила сыграть в орлянку. В итоге она угодила орлу в пасть, а тот и впрямь выиграл, полакомившись свежайшей курятиной.

125

Одна несчастная курица решила расстаться с жизнью. Бросилась вниз с крыши, но осталась цела и невредима. Кинулась в воду, но не утонула. Кто-то из подруг посоветовал ей сунуть голову в лисью нору, но несчастная курица ответила, что готова даже отказаться от самоубийства, только бы не доставить удовольствие ненавистному ей зверю.

126

Одна курица решила стать наркоманкой и наглоталась в поле конопляного семени. Потом улеглась на траве под солнышком и стала ждать, когда появятся галлюцинации. Час ждала, два, три. Но вместо галлюцинаций на нее спустились ночная тьма и холод.

127

Одна курица с большими амбициями хотела оставить после себя неизгладимый след в истории. Замесила цемент на воде и опустила в него лапу. Цемент вскоре застыл, и курица сама себя замуровала, и в самом деле оставив неизгладимый след.

128

Услыхала однажды курица, как один человек говорит другому:

— Заткни свой клюв!

Удивленная курица прибежала в курятник и рассказала про это подругам. Все куры принялись разглядывать того человека, пытаясь понять, где же у него клюв, но так ничего и не увидели. В конце концов они решили, что он стесняется показывать клюв, и очень оскорбились.

129

Как-то раз курица проглотила кусок проволоки, приняв его за червячка. Целую неделю она мучилась животом, и когда ей удалось наконец облегчиться, близорукая курица поклялась, что в жизни не станет больше есть червей. При виде червяка ее одолевала тошнота, и она брезгливо отворачивалась в сторону, оставляя добычу другим курам, у которых желудки были крепче.

130

Одна средневековая курица решила продать душу дьяволу. Стала повсюду его искать и наконец нашла в огороде, где тот воровал сельдерей. Курица предложила ему душу в обмен на горсть овса, но дьявол только посмеялся над нею. Так средневековая курица узнала, что души у нее, увы, нет.

131

Задумчивая курица все время жаловалась на пустоту в голове, как раз там, где обычно находится мозг.

— Боюсь, у меня вообще нет мозга,— сокрушалась несчастная.— Если бы он был, я бы это чувствовала.

Но другие курицы ее утешили, сказав, что тоже не чувствуют у себя мозга.

Сказка Орестоне

Орестоне пообещал сыну написать для него сказку — не очень длинную и не очень короткую. В общем, на одну страницу. Начал он так: «Я пишу сказку для моего сына...» Но дальше дело застопорилось, ведь он никогда в жизни не писал сказок, да и не рассказывал их. Ему самому рассказывали сказки бабушка с дедушкой, а вот отец с матерью, как переехали в город, сказки рассказывать разучились. Видно, в городе сказки не выходят или выходят никуда не годные. Потому-то Орестоне позабыл все бабушкины и дедушкины сказки, а те, которые не рассказали ему родители, — и давно. Однако обещание надо было выполнять, и поэтому для начала Орестоне честно признался, что настоящих сказок не помнит, но страничку все-таки испишет, придумав нечто похожее на сказку, хотя пока в ней не появились никакие персонажи старинных сказок: ни волк, ни лиса, ни ведьма, ни принц, ни пастух. «Но надо продолжать», — сказал себе Орестоне и написал: «Но продолжать надо». Теперь, когда он взял разбег, бросать даже обидно; он решил, что современные сказки хорошо рассказывать в стихах: нанизывая одно слово за другим — тра-ля-ля, тра-ля-ля, три коня для короля, — вот и стихи сочинил. Но до конца страницы не хватало еще семи или восьми строчек; что ж, сочиним новые стишата — тики-так, таки-тик, вам семерка, мне туз пик, — а тут и персонажи старинных сказок подоспели: волк, овечка, индюк, хромой старикашка, готовящий поленту, а если нет у него кукурузной муки и кастрюли, то он может сыграть в карты с волком, который, проиграв, вмиг его проглотит. Так и надо глупому старику: не садись играть с волком, даже в сказке.

Два диковинных зверя

Пьетрино слышал, что во время путешествий тебе встречаются всякие загадочные штуки. Ему ужасно хотелось их

увидеть, и потому он отправился бродить по свету и добрался до одной очень далекой страны.

Стал он оглядываться вокруг в надежде увидеть нечто необычное, о чем потом можно рассказать друзьям. Но ничего такого не увидел. Он уж было совсем пал духом: вернусь, думает, а рассказать-то нечего. Неужто зря проделал такой путь?

Но вот в один прекрасный день шел он по тропинке и вдруг увидел поразительную вещь. Собственно, это была даже не вещь, а свинья. Правда, свинья диковинная, до странности похожая на лошадь. Посудите сами: хвост у нее был длинный, густой, острые уши стояли торчком, промеж них — великолепная грива, да вдобавок сильные, мускулистые ноги, блестящая шерстка, тонкие ноздри и живые, умные глаза — ну в точности как у коня. Пьетрино пробрался сквозь заросли кустарника на луг, где паслась странная свинья, и подошел как можно ближе, чтобы получше ее разглядеть. Свинья заметила его, издала громкое ржание и с разбегающей по ветру гривой галопом помчалась прочь, пока не скрылась за вершиной холма.

Пьетрино двинулся дальше и вскоре увидел лошадь. Такой лошади он еще ни разу не встречал. Она была розовая, покрытая жесткой щетиной, морда круглая, и хвост крючком. Ну ни дать ни взять свинья. Да и ростом она больше походила не на коня, а на свинью. Рядом с нею паслись два жеребенка, тоже розовенькие, жирненькие, и хвостики как у поросят. Пьетрино хотел было подобраться к ним поближе, но лошадь захрюкала и унеслась со своими жеребятами.

Пьетрино очень обрадовался: наконец-то он увидел заморскую диковинку, даже две, так что будет о чем рассказать дома.

Старик и палка

Когда Карлоне состарился, ему стало трудно ходить — дрожали ноги. И он купил себе на базаре палку, чтобы опираться на нее при ходьбе. Но дома он обнаружил, что взял

не тот размер: палка была ему длинна. А по качеству она ему нравилась: крепкая, но легкая, красивого светлого дерева, не сучковатая; вот Карлоне и решил, что лучше укоротить эту, чем идти обменивать.

И старик отправился к столяру, чтобы тот подкоротил палку.

— Плевое дело,— сказал столяр,— мигом обрежем.

Столяр зажал палку в тисках и взял пилу, собираясь отпилить немного снизу. Но старик объяснил, что внизу-то палка в самый раз, надо сверху подкорачивать, где ручка.

— Так ведь ручка-то гнутая, если ее пилить, только палку изуродуешь.

— А я тебе говорю, что она сверху длинна, значит, тут ее и надо укорачивать,— настаивал старик.

— Да какая разница, где пилить — сверху или снизу? — пожал плечами столяр.

Старик рассвирепел, стал кричать, что он специально к мастеру пошел, чтоб укоротить палку сверху, а снизу, мол, каждый дурак отпилит. Так разошелся, что чуть было не заехал палкой по башке упрямому столяру, который хотел подпилить палку не с той стороны.

Хитроумный бык

Услыхал от кого-то бык, что двуногие фламинго время от времени прячут одну ногу под крыло и часами стоят на другой. Хоть у меня и нет крыльев, подумал бык, но, если я сумею стоять на одной ноге, все наверняка примут меня за фламинго и больше не заставят тянуть то повозку, то плуг.

Сперва он попробовал держать на весу одну переднюю ногу и быстро в этом преуспел. Затем поднял одну переднюю и одну заднюю и тоже устоял. Хозяин смотрел на него разинув рот и не мог понять, что это с ним стряслось.

А затем много месяцев подряд бык пытался сохранить равновесие на одной ноге — вначале на передней, потом на задней,— но это, увы, ему так и не удалось. Вот почему, не-

смотря на все усилия, незадачливого быка не приняли за фламинго, и ему пришлось по-прежнему тянуть то повозку, то плуг.

Гипотенуза слона

Гасперино был первым учеником в классе. Ему очень легко давались история, родной язык, физкультура и география, а уж по геометрии он и вовсе был чемпион: умел вычислять квадратуру круга, площадь отрезка прямой, периметр сферы и даже извлекал квадратный корень из точки с запятой. Однажды родители повели Гасперино в зоопарк, и он решил во что бы то ни стало вычислить гипотенузу слона. Родители были страшно горды своим ребенком и обещали, если он решит эту задачу, купить ему торт в форме двенадцатигранника.

Гасперино заперся у себя в комнате и, вооружившись линейкой и циркулем, принялся за работу. Он заполнял целые страницы цифрами и чертежами, но скоро понял, что взялся за чрезвычайно трудное дело. Не подкачай, Гасперино, говорили ему родители. Друзья родителей тоже время от времени приходили подбодрить его; а как же иначе, ведь, если Гасперино удастся определить гипотенузу слона, об этом трубят все газеты.

Прошел год, потом другой, затем еще много-много лет. А Гасперино все сидел в своей комнате и без конца что-то вычислял, вычислял... Он забросил учение и посвятил свою жизнь решению задачи, которая должна была принести ему мировую славу. Родители постепенно старились, но все же верили в него и терпеливо ждали. Гасперино стал юношей, потом мужчиной, у него уже появилась первая седина, а вычислить гипотенузу этого проклятого животного так и не мог. И по сей день сидит он взаперти и дрожащей от старости рукой все что-то пишет, черкает, а когда его спрашивают, чем он занят, Гасперино отвечает: вычисляю слона гипотенузы.

Улитки

Улитки — существа очень недоверчивые, подозрительные, они просто не выносят, когда за ними наблюдают другие животные, в том числе и человек. Когда человек приближается к улитке, она сперва втягивает рожки, а потом и сама прячется в своем домике и ждет, когда непрошенный гость уберется прочь.

Аристодемон решил написать книгу о жизни улиток, наподобие книги Фабре о жизни пчел. Для этого ему надо было изучать улиток тщательно и долго — может быть, даже десятки лет. Но настоящий ученый не пасует перед трудностями.

Аристодемон пробовал прятаться за кустами, потом сам замаскировался под куст, прикрепив ветки к голове и к плечам, но улитки сразу же разгадали его умысел. Наконец Аристодемон осенила блестящая, с его точки зрения, идея, вспыхнула, можно сказать, как яркая звезда в чистом небе: чтобы изучать улиток, надо самому принять обличье улитки.

Он заказал себе из папье-маше точно такой домик, как у улитки, только большой. Потом ему изготовили резиновую мордочку с двумя рожками — такими же подвижными, как у настоящей улитки. В довершение всего ему удалось найти липкую серебристую краску, которую он размазывал по земле и которая была очень похожа на слизь, оставляемую ползущими улитками.

Каждое утро, прежде чем выйти в сад и приступить к наблюдениям, Аристодемон больше часа убивал на переодевание. В полдень он возвращался домой поесть и нередко, чтобы не терять драгоценное время, садился с женой за стол, не снимая своей раковины. Поначалу жену это забавляло, но, когда Аристодемон решил и в постель ложиться в таком наряде, она стала ворчать:

— Не за улитку же я замуж выходила!

Ученый качал своей резиновой головой, втягивал рожки, и вскоре раздавался его храп.

Дело дошло до того, что Аристодемон велел жене вме-

сто привычного жареного мяса подавать к столу всяких червячков и личинок, выковырянных из-под коры деревьев. Жена все сготовила, как он велел, но, когда Аристомоне хотел и ее заставить отведать этого кушанья, устроила ему сцену и ушла из дома, хлопнув дверью.

Но и это его не остановило. Шли годы, книгу об улитках Аристомоне забросил. И в самом деле, где это видано, чтоб улитка писала книгу о жизни улиток?

Шутка над потомками

Много-много веков тому назад богатые, могущественные египтяне, не зная, как убить время, решили подшутить над потомками. Они стали вытесывать из камня странные фигуры без головы и хвоста или с хвостом, но с женской головой. Воздвигли огромные островерхие сооружения без окон, без дверей и замуровали там сокровища — золото и серебро. Они даже изобрели способ сохранять тела умерших, заворачивая их в ткань, пропитанную смолами. Множество всякой всячины погребли они под песками, а на гладких камнях начертали какие-то значки и рисунки, похожие на послания.

Люди, населявшие Египет в последующие века, ломали голову над расшифровкой этих значков, ученые всего мира просто волосы на себе рвали, оттого что ничего не могли понять. Насчет пирамид тоже было множество всяких предположений; их мерили сверху донизу и снизу доверху, вычисляли площадь и кубатуру.

Наконец, после долгих исследований, потомки все расставили по местам. То, что египтяне замыслили как шутку, было названо остатками великой древней цивилизации. Потомкам удалось даже расшифровать рисунки, высеченные на камне, а затем, приложив еще много усилий, они прочли составленные из этих рисунков истории и сказки, которые были переведены на разные языки и напечатаны во всем мире.

Плевок паука

— Если паук может,— сказал Алессандроне,— то почему не могу я? Ведь паук — животное, верней, насекомое, а я — это я, то есть человек.

Что умеет паук? Только паутину ткать, и все. А из чего он ее ткет? Из слюны. Для чего нужна ему паутина? Не для того же, чтобы делать из нее простыни, полотенца, наволочки, рубашки и так далее. Паутина нужна такому насекомому, чтоб добывать себе пропитание в виде других насекомых. Проще говоря, ловить мух. Человек мухами не питается, за исключением тех случаев, когда они сами попадают к нему в суп.

Надо признать, что паук ткач очень искусный, а сырьем ему служит собственная слюна. Слюна паука — это длинная, тонюсенькая, но такая прочная нить, что паук, повиснув на ней, может раскачиваться и переноситься с ветки на ветку (если он находится на дереве), со стены на стену (если он в доме), с одного кочана капусты на другой (если он забрался в огород) — в общем, куда ему вздумается (если он путешествует по белу свету).

У людей пауки вызывают отвращение. Особенно у женщин. Только крестьяне позволяют им плести свою паутину в хлевах: мухи попадают в эти сети и не так досаждают коловам.

И вот Алессандроне вскарабкался на дерево.

— То, что делает паук,— сказал он,— я могу сделать еще лучше. Подумаешь, невидаль! Я — человек, у меня есть имя и фамилия, я передвигаюсь на двух ногах и высоко держу голову. У меня есть мозги, телевизор и еще много такого, чего нет у паука.

Алессандроне набрал во рту побольше слюны, приглядел ветку покрепче и плюнул на нее. А потом прыгнул вниз, полагая, что повиснет на своей слюне, как паук. Но почему-то упал на землю, да так неудачно, что покалечил себе шею, плечо, колено, локоть, запястье, четыре пальца на левой руке и два пальца на правой ноге.

Черненький червячок

Один деревенский червячок, длинный-предлинный и черный-пречерный, решил сыграть шутку с крестьянином, на земле которого он жил. Он знал, что люди терпеть не могут червей, и задумал им отомстить.

Ночью червячок с превеликим трудом влез по ступенькам в комнату крестьянина. Под кроватью стояли башмаки. Червячок выгадил черный шнурок из одного башмака, пролез вместо него в дырочки и, даже можно сказать, руки потер от удовольствия, представляя, какую рожу скорчит крестьянин, когда заметит подмену.

Рано утречком крестьянин проснулся и, не продрав еще как следует глаз, сунул ноги в башмаки, а шнурки — одним из которых был черный-пречерный червячок — завязал двойным узлом. Потом он вышел из дома и отправился работать в поле. Крепко-накрепко завязанный червячок весь день проторчал в башмаке.

К вечеру, когда крестьянин распустил узлы, чтобы сбросить башмаки, у червячка спина разламывалась от боли. Еле-еле выпутался он из дырочек, скатился кубарем по ступенькам и, вихляя всем телом, добрался до луга. Там он пролежал пластом три дня кряду на солнышке, пока снова не начал ходить, вернее — ползать по земле, как все черви.

Перья архангела

Каждое воскресенье утром священник читал в церкви проповедь, а под конец обязательно вытаскивал из-под сутаны пучок перьев, уверяя всех, что это перья архангела Гавриила. Известно, что у ангелов и архангелов есть крылья, следовательно, должны быть и перья. Прихожанки раскошеливались на нужды церкви, и взамен каждая получала по перу архангела. На следующей мессе священник вытаскивал новый пучок перьев и говорил, что их вручил ему во сне архангел Гавриил собственной персоной. И женщины напере-

бой расхватывали перья: говорят, они предохраняют от болезней.

С некоторых пор петух из курятника священника потерял покой из-за весьма странного обстоятельства: каждое воскресенье он, просыпаясь утром, недосчитывался нескольких перьев. Через четыре или пять воскресений петух оказался совершенно ощипанным. Куры насмеялись над ним, клевали его почем зря и гнали от себя прочь.

Однажды воскресным утром петух заглянул в окно церкви как раз в тот момент, когда священник рассказывал, как ночью архангел Гавриил самолично вручил ему еще один пучок перьев. С того момента петух возомнил, что он и есть архангел, и всякий раз, когда священник служил мессу, пытался взлететь на алтарь. Увидев ощипанного петуха, прихожане смекнули, откуда берутся перья архангела, а священник от стыда чуть сквозь землю не провалился.

Морковка и луковица

Морковка очень завидовала луковице: обо мне никто ни разу так не плакал! — говорила она. Меня режут кубиками и соломкой, с меня снимают кожу, меня жарят, трут на терке, в общем, чего только со мной не делают, но никогда и никто обо мне не плачет. Вы когда-нибудь видели, чтобы кто-то плакал о морковке? Нельзя, конечно, сказать, чтобы судьба у луковиц была завиднее: их ведь тоже шинкуют, варят, парят, жарят, пассеруют и едят сырыми в салате, но о них хотя бы все плачут! Нет такого повара или поварихи, у которых на глаза не навернулись бы слезы, когда они принимаются резать луковицу. Каким таким секретом она обладает, что все ей сочувствуют?

Морковка ужасно злилась на луковицу, но ничего ей не говорила, так как знала, что им очень часто приходится встречаться в жаровнях, кастрюлях и в разных других местах. Даже в огороде их грядки находятся по соседству. Морковку так это бесило, что она сделалась почти совсем красная от злости.

Как Марионе наводил в мире порядок

Марионе решил, что больше так продолжаться не может: надо навести в мире порядок. Стоит поглядеть по сторонам, так глаза зажмурить хочется, просто невозможно видеть, до чего все вокруг перепутано. Однажды утром он купил две толстые тетради и начал отделять четные числа от нечетных. Первые он заносил в одну тетрадь, вторые — в другую, а когда дошел до тысячи миллионов, прекратил это занятие и занялся отделением всего прямоугольного от всего округлого.

Однажды ночью ему снилось, что он переносит на новое место Колизей, Замок св. Ангела и Пантеон, а также купола римских церквей, Колонны Антония и Траяна, фонтан Эзедры и площадь того же названия, Малый дворец спорта и Пьяцца дель Пополо, чтобы отделить их от всех прямоугольных строений и ансамблей столицы.

На следующее утро Марионе, продавец из супермаркета, отправился, как обычно, на работу и до часу дня трудился над тем, чтобы навести и там хоть какой-то порядок. Так, например, все квадратные и прямоугольные коробки и упаковки он переставил в одно место, а круглые — в другое. И тогда печенье оказалось у него на одной полке со стиральными порошками, а консервные банки — рядом с инсектицидами. Хозяин магазина ужасно рассердился и пригрозил ему увольнением. Пришлось Марионе поработать еще и вечером, после закрытия магазина, чтобы создать там прежний беспорядок.

Друзьям Марионе объяснял, что хочет навести порядок в мире, но никто его не слушал и, уж конечно, никто не вызвался ему помочь. Поскольку Марионе был не из тех, кого легко сбить с толку, он решил, что и сам справится с этим делом. Так, в один прекрасный день он начал отделять белое от черного. Но опять столкнулся с немалыми трудностями. Как прикажете отделить белую пену морских волн от черных прибрежных скал? Предаваясь размышлениям, Марио-

не шел по многолюдной улице и вдруг увидел женщину в белой блузке и с черной сумочкой. Он бросился за незнакомкой и, догнав ее, вырвал сумочку у нее из рук. В полицейском участке ему долго пришлось доказывать, что он вовсе не воришка.

После этого неприятного случая Марионе решил ограничиться работой за письменным столом. Взял словарь и, вооружившись ножницами, отделил односложные слова от двухсложных, а двухсложные — от многосложных; потом стал отделять существительные от прилагательных, глаголы от наречий, гласные от согласных, а в заключение надумал переместить каждую букву алфавита к ее сестрам, то есть все «а» собрать в одно место, все «я» — в другое. При этом он, разумеется, не забыл отделить все прописные буквы от строчных. Много ночей подряд орудовал он ножницами, пока не заполнил вырезками столько мешочков, сколько букв в алфавите.

По ночам Марионе грезились всевозможные чудеса: во сне он отделял кислород от водорода, чернила от типографской краски, песок от цемента, железо от дерева, стрекоз от муравьев, воду от земли, сыр от макарон, холод от тепла, луну от лунного света и так далее и тому подобное.

Как-то утром после такой беспокойной ночи Марионе встал с постели с твердым намерением отделить мужчин от женщин. Увидев на улице идущих рядом мужчину и женщину, он протискивался между ними, стараясь разделить парочку. Но никто не желал признавать нового порядка Марионе, а некоторые даже кулаки в ход пускали.

Марионе совсем пал духом от беспорядка, царящего в мире. Но когда жена сказала Марионе, что, если он не перестанет упорствовать в своем стремлении отделить мужчин от женщин, ей придется уйти из дома, он решил взять себя в руки: в конце концов, один маленький беспорядок вытерпеть еще как-то можно.

Пять мух

Жили на свете пять мух. Первая была очень довольна, что она — первая. Вот повезло!

Вторая говорила:

— Я — принципиальная противница всяких иерархий, из-за них только отношения портятся. Посмотрите, что творится у людей и у муравьев.

Положение второй ее в общем устраивало.

Третья муха была не так уж довольна тем, что она — третья.

— К чему нам этот порядок? — говорила она. — Зачем обязательно занимать какие-то места? Мы все — первые, и нет никаких вторых и третьих.

Но первая муха с ней не согласилась, да и у второй на этот счет были свои соображения.

— Установленный порядок нужно соблюдать. Вон как поставлено дело у людей и у муравьев! — говорила первая. — У них же сплошная иерархия.

— Ничего себе пример! — восклицали вторая, третья, четвертая и пятая.

Четвертая мечтала хотя бы один день побыть первой, но первая заявила, что никому не уступит своего места, так как уверена, что потом ей его не вернут.

Пятая сказала, что она согласилась бы занять место второй на два дня, но вторая не пожелала поменяться с ней даже на одну минуту.

Тут пять мух начали ссориться, выдирать друг у друга крылышки, таскать друг друга за хоботки.

— Люди тоже таскают друг друга за хоботки, — сказала пятая муха первой, которая не желала распускать всю группу, так как ей во что бы то ни стало нужно было сохранить свое первое место.

В процессе выяснения отношений наши мухи оказались совершенно искалеченными и расползлись по разным углам; зато каждая утешалась сознанием, что она теперь — первая. Очень скоро, однако, все они просто извелись от тоски.

Экскурсовод из Рима

Приехавшим в Рим швейцарским туристам экскурсовод сказал, что в древние времена городская территория была почти на четыре метра ниже, чем та, по которой сегодня передвигаются люди и автомобили. Швейцарские туристы не хотели этому верить и спрашивали, как же так может быть, чтобы уровень земли, которую утаптывают, утрамбовывают, не понизился, а, наоборот, повысился, да еще на целых четыре метра. Экскурсовод объяснил, что уровень территории повысился потому, что на протяжении веков на земле накапливались куски штукатурки от домов, плевки, окурки, бумажные обертки, битые бутылки, кожа от апельсинов, вишневые косточки, спичечные коробки, собачье и кошачье дерьмо.

Швейцарские туристы не могли этому поверить, они возмутились и в один голос утверждали, что в Швейцарии, например, такое просто невозможно, хотя бы потому, что швейцарцы никогда ничего не бросают на землю: уж они-то умеют содержать свои города в чистоте и порядке.

— Ну и что,— сказал экскурсовод,— пусть римляне,— (он сам был римлянином и, конечно, обиделся),— и неряхи, зато они создали Рим. А вы?

Дядюшка в аду

Есть дети, которые стыдятся своих родственников, считают их противными, грязными, нудными, злыми. Когда родственники умирают, дети перестают о них думать, так как стыдиться им больше уже некого. А вот Тонино стал стыдиться своего дядюшки Аристоклитоне именно после его смерти.

Аристоклитоне был безобидным чудаком: вместо галстука носил черный платок, курил одновременно две сигареты, жевал и проглатывал календари с именами всех святых и пил красное вино, втягивая его через нос. Тетушка жалова-

лась на мужа, потому что он часто не являлся домой ночевать, а иногда пропадал неизвестно где по целым неделям.

Люди называли дядю анархистом, и Тонино думал, что анархист — это странный и смешной человек, как раз такой, каким был его дядюшка. Но когда Аристоклитоне умер и стало известно, что перед смертью он не пожелал видеть священника, Тонино забеспокоился. Ведь без соборования — как говорила тетушка, женщина набожная, — он унесет на тот свет все свои грехи, а поскольку их у него было предостаточно, дорога ему — прямехонько в ад.

Тонино справился у сведущих людей насчет ада, и оказалось, что место это — хуже некуда. В аду, говорили одни, людей поджаривают на огне. Другие рассказывали, что грешников там замораживают в глыбах льда. Третьи утверждали, что их по шею погружают в дерьмо. Вот это озеро дерьма произвело такое сильное впечатление на Тонино, что он стал стыдиться дядюшки, попавшего в ад. Куда же еще его могли там определить, как не в это ужасное место?

Дядюшка в аду! С этим Тонино никак не мог смириться. Если кто-нибудь упоминал при нем имя умершего дядюшки — а случалось это довольно часто, — Тонино краснел от стыда как рак, а потом запирался в своей комнатухе и горько плакал. А когда он выходил на улицу, ему казалось, что все смотрят на него, как смотрят обычно на хромых, горбатых или вообще людей с постыдным физическим недостатком. Тонино согласился бы лучше стать хромым, чем иметь дядюшку в аду. Но что он мог поделать? Если из чистилища еще как-то выбираются благодаря горячим и упорным молитвам, то из ада, похоже, убежать никак нельзя.

И Тонино решил, что когда он вырастет, то станет не подметальщиком улиц, как хотели его родители, а — по примеру дядюшки Аристоклитоне — анархистом и будет делать уйму всяких глупых и нелепых вещей, чтобы тоже попасть в ад и вытащить дядюшку из дерьма. А если это не удастся, он разделит его участь и будет выкуривать по две

сигареты зараз и жевать листки календаря с именами всех святых. Втягивать красное вино через нос он вряд ли сумеет, потому что там, говорят, грешникам приходится постоянно зажимать нос, чтобы не чувствовать вони.

Звон и камни

Новый мэр в ознаменование своей победы на выборах надумал расширить городскую площадь. Экскаватор с гербом муниципалитета прибыл на площадь, как только рассветло, и начал сносить ряд домиков, в которых размещались лавчонки булочника, сапожника, лудильщика, галантерейщика и заплаточника, умевшего накладывать заплатки на дыры любой формы. Была там еще лавочка, где продавались всякие ракушки для туристов. Владельцы лавчонок попытались было воспротивиться, но экскаваторщик дал им, да и то неохотно, время лишь унести свои товары, а потом все сровнял с землей.

Мэр заставил ремесленников переселиться на одну из боковых улочек городка, куда никто никогда и не заглядывал. А на площади, там, где раньше были лавчонки, брат мэра выстроил дом — длинный-предлинный и очень высокий, выше колокольни. Мэр делал вид, будто у него с братом плохие отношения, и однажды даже прилюдно дал ему пощечину, но все в городке знали, что оба они махровые спекулянты и прибыль всегда делят поровну.

Каждый вечер в восемь часов ремесленники опускали жалюзи своих лавчонок и роптали — ведь с тех пор, как мэр заставил их переселиться, покупатели к ним совсем перестали заходить. Даже те, кто раньше ссорились между собой, теперь помирились и дружно, хором проклинали мэра до самого ужина. Так они отводили душу. Только дела у них все равно шли плохо.

Однажды мэр обратился к доктору и пожаловался на странную болезнь: каждый вечер с восьми до девяти у него звенит в ушах, да так сильно, что твой пожарный колокол. Это действует на нервы и в довершение вызывает ужасную головную боль.

— Наверно, давление у вас подскочило,— сказал доктор и прописал мэру микстуру.

Через неделю мэр снова явился к доктору и сказал, что звон не прекращается, а главное—преследует его всегда в одно и то же время.

— Наверно, давление у вас подскочило,— сказал доктор и прописал ему другие лекарства.

Мэр глотал пилюли, делал уколы, припарки и массаж, но с восьми до девяти у него все равно звенело в ушах.

Когда об этом прослышали ремесленники, они тотчас смекнули, что всему причина — их проклятия. Они попробовали дружно ругать мэра еще и в полдень, так вот и в полдень у него тоже стало звенеть в ушах. Когда ругало сразу десять человек, звон был сильнее, когда трое — слабее. Это они узнали от доктора, который был на их стороне.

И тогда ремесленники поняли, что могут досаждают мэру, когда и сколько им угодно. Сговорившись, они встречались в шесть или даже в пять утра и начинали всю честь его. Мэр просыпался, затыкал уши пальцами и клал на голову холодный компресс, но звон в ушах продолжался, а голова просто раскальвалась, словно кто-то бил по ней молотком.

Когда же мэр узнал о причине своего недуга, он созвал ремесленников и попытался их запугать, но ничего у него не вышло. Он даже деньги им предлагал, да только ремесленники рассмеялись ему в лицо. Чего они добивались? Чтобы их лавчонки вернули на главную площадь городка.

Мэр чуть с ума не сошел. Звон в ушах не давал ему покоя, наступая в любое время дня и ночи. Чтобы не попасть

в сумасшедший дом, он заставил своего брата выделить место для всех ремесленников в огромном домище, выстроенном на площади. И тут братья, привыкшие к притворным ссорам, поцапались по-настоящему. Дело дошло до пинков и оплеух — к огромному удовольствию всех жителей городка.

А когда ремесленники возвратились на площадь, доктор провел научное исследование звона в ушах. Поняв суть заболевания, он передал результаты своих исследований всем жителям всех городов и стран, которым надо было защитить себя от злоупотреблений мэров-мошенников. Он даже внес в это дело некоторые усовершенствования, объяснив, например, что звон бывает эффективнее, то есть голова от него болит куда сильнее, если еще запустить в зловредного мэра увесистым камнем.

Что съедобно, а что — нет

Две курицы, придя в зоопарк, были очень удивлены, не увидев там клетки с червями.

— И это называется зоопарк?! — громко возмутились они.

Попадались им клетки со львами и леопардами, жирафами и бегемотами, специальное отделение для змей и вольеры с орлами и другими птицами, а вот червей и в помине не было.

— Неужто черви не животные? — судачили курицы. — Но тогда кто они?

Думали курицы, думали и решили, что черви — это просто продукт питания, как макароны, например.

Покидая зоопарк, наши курицы вдруг встревоженно переглянулись: они вспомнили, что во всем зоопарке ни одной клетки с курами тоже почему-то не было.

Башмаки для сороконожек

Жил на свете Сороконожка. Был он такой безработный и такой бедный, что ему приходилось уговаривать своих детей есть только один раз в день.

— Много есть — вредно для здоровья, понимаете? — говорил он. — Даже некоторые богачи едят только один раз в день.

Но голодные детишки хныкали и жалобно ныли. И тогда Сороконожка с женой решили вместе с детьми и со всем своим скарбом (то есть ни с чем) отправиться с Юга, где они жили, на Север — искать работу.

Чтобы не сбиться с дороги, семейство сороконожек решило идти по большой автостраде. Так и двинулись: впереди родители, позади — трое детишек.

Пройдя порядочный отрезок пути, Сороконожка-отец огляделся по сторонам и сказал, что, судя по всему, Север уже начался, так как вдоль автострады потянулись высоченные дома, а в носу засвербило от запаха гари. Увидев какого-то типа с повадками хозяина, Сороконожка спросил, не найдется ли у него какой-нибудь работы. Тот ответил, что ему нужны батраки, то есть рабочие руки, а не рабочие ноги.

— Судя по ответу, — сказал Сороконожка жене, — Север, видать, уже не за горами.

Так брели Сороконожки по автостраде еще не день и не два. Но однажды вечером, когда все уже выбились из сил и едва волочили ноги, они увидели у обочины автомобиль, обращенный к Северу. Сороконожки забрались в него да так на нем и поехали.

Ехали они целую ночь, а на следующее утро высадились в огромном городе, где ужасно пахло гарью, а дома взметнулись так высоко, что даже крыш не было видно.

— Ну вот теперь-то мы уж точно на Севере, — потянув носом воздух, сказал Сороконожка.

Ближе к вечеру Сороконожка увидел еще одного типа —

тоже, судя по виду, хозяина — и спросил, не найдется ли для него какой работы.

— Мне нужны чернорабочие. Но они ведь должны работать руками, а не ногами.

Тогда Сороконожка стал просматривать газеты: надо же было узнать, где искать работу. Из газет он вычитал о каких-то футболистах, которым платят сотни миллионов лир только за то, что они гоняют мяч ногами, и сразу подумал, что такая работенка как раз для него. Если этим молодцам, у которых всего-то две ноги, платят сотни миллионов, то уж ему, Сороконожке, должны отвалить несколько миллиардов.

— Ну вот и я открыл свою Америку! — воскликнул Сороконожка и, отыскав хозяина футбольной команды, встал перед ним, сунув в карманы две ножки и выставив вперед остальные тридцать восемь.

Над Сороконожкой посмеялись и бесцеремонно выставили его вон, сказав почему-то, что у него слишком много ног.

После долгих мытарств Сороконожке удалось наконец найти работу у одного ремесленника, который расписывал кафельные плитки для облицовки ванных комнат и кухонь и продавал их богатым итальянцам и американцам. Работа Сороконожки состояла в том, чтобы, пройдясь по лотку с краской, шлепать потом по белым кафельным плиткам, оставляя на них, как узоры, отпечатки своих сорока ножек. По одним плиткам он ходил кругами, другие пересекал туда-сюда по диагонали — в общем, делал, как велел хозяин, который на обороте каждой плитки вместо клейма «hand made», что означает «ручная работа», ставил клеймо «feet made», что означает «ножная работа». Спрос на такие плитки удвоился, а прибыль хозяина возросла и вовсе в четыре раза.

Сороконожки поселились в маленькой хибарке на окраине большого города, и на деньги, которые зарабатывал Сороконожка-папа, вся семья могла теперь есть три раза в день почти каждую неделю. Конечно, Сороконожке хотелось бы скопить немного денег, чтобы дать своим детям образование, но хозяин и слушать не хотел о прибавке.

Однажды утром Сороконожка выглянул в окно и увидел, что за ночь все крыши и тротуары побелели. Он сразу сообразил, что это снег, и пошел будить жену.

— Снег выпал!

Жена тоже подошла к окну. Она, конечно, слышала о снеге, хотя сама никогда еще его не видела.

— Ну да, на Севере вместо дождя идет снег,— сказала она,— и ничего удивительного в этом нет.

Синьора Сороконожка протерла глаза, накинула халат и вместе с мужем вышла на улицу. Но стоило им сделать несколько шагов, как оба убедились, что снег ужасно холодный. И тут они вспомнили: чтобы ходить по снегу, нужны башмаки.

Сороконожка положил в карман все, что осталось от последней зарплаты, и отправился в магазин покупать башмаки детям — им ведь в школу надо!

— Дайте мне, пожалуйста, сто двадцать башмаков,— сказал он, быстро прикинув в уме, что если у каждого из его деток по сорок ножек, то у всех троих — ровно сто двадцать.

Владелец магазина удивленно посмотрел на него и ответил, что башмаков, конечно, у него найдется сколько угодно, лишь бы ему заплатили.

Чтобы заплатить за сто двадцать башмаков для детишек, Сороконожке пришлось попросить у хозяина деньги в долг. Мальши получили башмаки и могли бегать в школу по снегу, но, поскольку теперь нужно было выплачивать долг хозяину, вся семья опять стала есть только один раз в день — совсем как в те времена, когда они жили на Юге, а Сороконожка-папа был безработным и бедным-бедным.

Тонтолино и облака

Когда Тонтолино исполнилось десять лет, он оставил свою старую тетушку, которая обожала только кошек, и ушел в горы с пастухом, чтобы помогать ему пасти стадо. Овцы были очень смирными, никогда не разбегались, щипа-

ли себе травку, время от времени бе-екали, когда вымя наполнялось молоком, давали себя подоить, а вечером их без труда можно было загнать в овчарню.

Пока овцы паслись, Тонтолино смотрел в небо: оказывается, небо очень интересное. Тонтолино было обидно, что ему нельзя ходить в школу, и он научился читать по облакам, словно небо — большая книга с картинками. Он видел там множество овечек, из которых шел дождик, а также немало других животных — знакомых и таких, каких на свете не бывает: лошадей, драконов, верблюдов, кентавров, гусей, химер, пегасов, черепах, сирен, динозавров, овчарок, крокодилов и много чего еще.

На пустой желудок Тонтолино видел тучки, напоминающие окорока, колбаски или деревья, усыпанные яблоками, а также огромные буханки свежего душистого хлеба. В иные дни там попадались и круги овечьего сыра, и маленькие колбочки свежего творога. Сыр и творог он видел в небе, а их запах ощущал у себя под носом. Объяснялось это тем, что пастух, у которого он работал, сам приготавливал сыры и творог прямо на пастбище, разведя огонь под огромным медным чаном.

Каждый день Тонтолино смотрел на облака и всякий раз видел что-нибудь новенькое: телеги, серпы, вулканы, лодки, плуги, молотки, печные горшки и многое другое. Однажды Тонтолино разглядел длинный-предлинный поезд, да еще с паровозом! Поезд спешил на север, и паровоз выпускал облака пара. Тонтолино долго смотрел на бегущий по небу поезд, и ему даже удалось разглядеть колеса, окошки и пассажиров, выглядывавших из этих окошек и махавших платочками тем, кто остался на земле.

Тонтолино видел поезд несколько дней подряд: он выпускал клубы пара и всегда спешил на север. Стоило хорошенько прислушаться, и можно было различить даже шум бегущих по рельсам колес. В то время Тонтолино был очень печальным, потому что ел он слишком мало, а всем известно, что на пустой желудок в голову всегда лезут только грустные мысли. И вот в один прекрасный день, вместо того чтобы

гнать стадо на пастбище, Тонтолино пошел по дороге, ведущей в долину, а из долины направился в деревню, откуда начиналась дорога на станцию, а придя на станцию, спросил, какой поезд идет на север, а узнав это, купил билет, а купив билет, сел на поезд, впереди которого пыхтел паровоз, выпускавший огромные клубы пара — точно такие, какие он видел на небе.

Когда поезд отошел от платформы, Тонтолино выглянул в окошко и стал махать платком, прощаясь с людьми, стоявшими внизу, хотя никого из них он не знал.

В северном городе, куда его привез поезд, Тонтолино научился читать и писать и нашел работу, так что мог есть досыта каждый день.

В том городе почти всегда стоял туман, но однажды воскресным утром небо немного прояснилось, и Тонтолино увидел на нем облачка, вытянувшиеся цепочкой, совсем как вагоны поезда, а перед ними — большое облако, похожее на паровоз, выпускавший клубы пара. Поезд бежал по небу, но на этот раз к югу. Тонтолино решил, что теперь, когда он умеет читать и писать, стоит, пожалуй, вернуться в родную деревню.

Сказано — сделано. В родной деревне Тонтолино взялся работать подметальщиком. Теперь ему было уже не до неба: с утра до вечера приходилось смотреть на землю, заваленную мусором.

Грязное небо

Реактивные самолеты быстро пронеслись над головой, оставляя в голубом небе длинные белые полосы. И каждый раз Серафино начинал плакать: зачем они испачкали небо!

— Если я исчеркаю стену, меня заругают, а они вон исчеркали все небо, но никто им и слова не говорит!

Отец объяснял ему, что полосы эти из воздуха и через некоторое время сами по себе исчезнут.

— Полоску, нарисованную мелом, тоже можно стереть, — сказал Серафино.

Отец объяснял ему, что тут ничего не поделаешь: самолеты — это вид транспорта, людям нужно путешествовать, а когда люди пишут из далеких стран письма, их отправляют авиапочтой, то есть письма тоже путешествуют на самолетах.

Но Серафино не мог с этим примириться. Он говорил, что полосы в небе оставляют главным образом военные самолеты и лучше бы им сидеть на месте, чем мотаться по белу свету и жечь бензин. Тут уж отец ничего не мог ему возразить. Он понимал, что сын прав, но, чтобы успокоить его, все же замечал, что и военные самолеты иногда тоже могут сослужить свою службу. Во время войны, например. Серафино же доказывал, что сейчас никакой войны нет, а военные самолеты пачкают небо больше всех, оставляя в нем самые широкие полосы. К тому же от них слишком много шума.

Как-то в воскресенье Серафино решил навестить бабушку, которая жила в деревне, но отец сказал, что ехать в деревню сейчас нельзя, так как бензин очень подорожал. Серафино снова разревелся: конечно, весь бензин сожгли самолеты. К бабушке пришлось ехать на поезде.

Долго разговаривала бабушка с Серафино, вспомнила она и о тех далеких временах, когда самолетов еще в помине не было.

На обратном пути Серафино сказал отцу, что в давние-давние времена в небе летали только ангелы и ангелы эти вели себя гораздо лучше, чем реактивные самолеты, потому что не пачкали небо, то есть не оставляли на нем полос, не шумели и не жгли бензин. Он знает это наверняка, бабушка сама ему сказала.

Отец ответил, что это чистая правда: ангелы не пачкали небо и не жгли бензин, зато они делали пипи на головы людей, ходивших по земле, а некоторые, совсем уж невоспитанные, позволяли себе и кое-что похуже.

С того дня Серафино перестал говорить об ангелах. И о самолетах тоже.

Китайская пословица

Николоне уселся на берегу По и стал ждать, когда мимо, как гласит знаменитая китайская пословица, проплывет труп его врага. А его заклятый враг расположился на противоположном берегу, тоже рассчитывая, что волны пронесут мимо него труп Николоне. Он не знал, что Николоне уже сидит над рекой, только ниже по течению. А когда узнал, то тайком пробрался по берегу ближе к морю. Но Николоне все-таки его заметил и спустился еще ближе к морю, да осторожно, на цыпочках, чтобы тот его не увидел.

Так Николоне и его враг все двигались и двигались вниз по течению, и каждый старался опередить другого, ибо они знали, что против течения покойники не плывут.

Целый месяц не переставая шел сильный дождь, и обоим пришлось одолжить зонтики у жителей ближних деревень. Николоне и его враг продолжали шпионить друг за другом, то и дело снимаясь с места и двигаясь вдоль реки в сторону моря. Шли они все время под дождем и вымокли до нитки. Оба до того ненавидели друг друга, что ни за что не согласились бы отойти от реки, так и не увидев плывущим по воде труп своего врага.

На какое-то время выглянуло солнце, потом снова пошел дождь, да еще с ветром. А враги продолжали подглядывать друг за другом и двигаться вдоль реки: каждый старался оказаться как можно ниже по течению. По — река очень большая, так что на пути к морю им пришлось пересечь много глубоких долин, потом преодолеть гряду холмов и наконец обширную низменность. Оба поняли, что китайская пословица учит терпению и упорству в ненависти, и потому они ненавидели терпеливо и упорно, не упуская один другого из виду и продвигаясь все ближе к устью.

Через месяц они добрались до того места, где река впадает в море. Каждый стоял на своем берегу, но дальше идти не мог: ни тот, ни другой не умели плавать. Почва там была болотистая, все заросло камышом. Оба совсем было пали ду-

хом, но тут внезапно начался прилив, и вода завертела их вместе с зонтиками. Конечно, они утонули.

Тела двух врагов, подхваченные мощным течением, плыли по мутной воде; так ни одному из них не удалось убедиться в справедливости китайской пословицы.

А жены Николоне и его врага, узнав, чем все кончилось, сказали, что китайские пословицы в Италии недействительны. Они действительны только в Китае, для китайцев.

Доисторическое колесо

Пещерным людям надоело жить в доисторические времена, и они решили позаботиться о прогрессе и двинуть вперед цивилизацию. У старейшины пещерного селения в приемный день хлопот был полон рот: кто-то из соседей поел грибов и почему-то не умер, значит, надо решить, какие грибы ядовитые, а какие — нет. Кто-то наелся травы, желая узнать, человек травоядное или нетравоядное; а кто-то попробовал мяса: вдруг человек и вовсе плотоядное. Потом пошли обитатели пещер, придумавшие новые приспособления для чистки картофеля, натирания сыра, приготовления фасоли, глаженья рубашек. И каждого старейшина поощрял добрым словом, а кое-кому даже призы вручал.

Самым последним к старейшине пришел один пещерный житель и притащил какую-то круглую штуку с дыркой посередине.

— Что это такое? — спросил старейшина.

— Это? Колесо.

— Зачем оно нужно?

— Чтобы делать повозки и телеги.

Старейшина призадумался. Он собрал совет мудрецов, которые оглядели и ощупали колесо со всех сторон, pokrутили его, просунув в дырку ось, а потом дружно рассмеялись. Старейшина смеялся вместе со всеми.

— Ни на что эта штука не годится, — сказал он наконец и прогнал прочь изобретателя колеса.

Вот почему пещерные люди еще добрую тысячу лет не пользовались колесом, причинив тем самым огромный ущерб прогрессу и цивилизации.

Головы и лапки

Тоти был очень воспитанным и послушным псом. Он стерег дом, хорошо относился к детям, подавал хозяевам лапу, дружил с котом и умел отличать воров от батраков, приходивших на ферму работать. Только что не говорит, отзывались о нем хозяева. Но был у Тоти один недостаток: очень уж он любил курятину. Как-то, играя на гумне с курочками, он, совершенно случайно, попробовал одну, и она ему ужасно понравилась. С того дня хозяева все чаще стали недосчитываться кур. Они журили Тоти и в конце концов внушили ему, что обитательниц курятника следует оставить в покое. Тоти был воспитанным и послушным псом и, увидев курицу, стал отворачиваться, будто она его вовсе и не интересует.

Между прочим, хозяева Тоти тоже любили курятинку. Время от времени они резали курицу и ели ее то в отварном виде, то жареной, то тушеной, то под острым соусом. Чего хозяева Тоти не ели, так это куриных голов и лапок. Однажды, вместо того чтобы выкинуть лапки и головки в мусорное ведро, они бросили их Тоти. Тоти был счастлив и, поев, с удовольствием облизнулся. А потом задумался. Несколько дней подряд он подолгу лежал на лужайке, стараясь решить вопрос, что допустимо в отношениях с курами, а что недопустимо. В конце концов Тоти пришел к выводу, что самих кур ему есть нельзя, а вот головы и лапки...

Не теряя времени, он отправился в курятник и отгрыз у всех кур все головки и все лапки, но к остальному не прикоснулся — ведь Тоти был воспитанным и послушным псом.

Карло Бернари

Восклицательный Знак

Проснувшись, он не сразу понял, где находится. Знакомые белые стены, создававшие ощущение простора, вдруг словно сжались, обступили его, как пленника, запутавшегося в лабиринте труб и рычагов. У него красные, воспаленные глаза и веки нервно подергиваются. А это что еще за сплетение веревок и разноцветных вен?

«О силы небесные!» — чуть было не вырвалось у него, но дыхание перехватило как раз в тот момент, когда он попытался вывести красивый восклицательный знак в конце фразы.

Лишь теперь он заметил: чего-то ему недостает, как человеку, привыкшему ходить на двух ногах и вдруг лишившемуся одной. Или человеку, до сих пор не осознававшему, что он смотрит на мир обоими глазами.

— Так, получай сполна, — в страхе прошептал он — и снова не смог воскликнуть, хотя всю жизнь только и делал, что восклицал.

Что же такое с ним приключилось? Где? Когда?

Может, это связано с тем странным положением, в котором он очутился? При падении он сильно ушиб голову, но все остальное при нем. Тогда почему же он не может двигаться? Ну конечно, мыслимое ли дело двигаться в такой позе, ведь он не сидит, не стоит, а лежит на спине и в то же

время непонятным образом удерживается на ногах. Да вдобавок голова свесилась вниз, опутанная сотнями проводов; в каждое отверстие, в каждый сустав тела вонзились иглы, щипцы, пипетки, а на шее канат — подобие ошейника, — и вместо обычного дыхания у него вырываются какие-то странные клокочущие звуки. Внезапно до его сознания дошел нежный голос, произнесший на знакомом ему языке:

— Ох, как же ты мне надоел...

Он удивился.

— Это ты мне?

— Ну а кому же? Сколько можно ныть и стонать?

— Тебя бы на мое место... кто ты вообще такая?

— А ты? — сердито отозвался голос.

— Я же первый спросил.

— Вот болван. Ты так говоришь, как будто...

— Сама ты... — Он вдруг засмеялся.

— Да прекрати жужжать, мне это на нервы действует.

— Я не жужжу, а смеюсь. Так ты мне не ответила.

— Далась тебе эти вопросы.

— Я вопросы люблю. Мы с ними родственники...

— Надеюсь, ты шутишь?

Он уловил в голосе ехидные нотки: видно, та считает его чокнутым. И он произнес с загадочным видом:

— Вот видишь, ты сама задаешь вопросы, а меня это не раздражает. Между тем я бы мог быстро отбить у тебя охоту спрашивать.

— Как это?

— Опять вопросительный знак. А стоит мне сказать ему слово...

— Ну да, ведь вы родственники, — насмешливо перебила собеседница.

— Представь себе. Может, тебе это не по душе?

— Мне начхать... И все-таки любопытно, по какой таковой линии вы родственники?

— Мы живем в одних и тех же фразах, ну, или в соседних.

— Тогда уж прости, я задам новый вопрос, — чуть сме-

шавшись, пробормотал голос.— Как это понимать? — (Она, видно, не хотела показаться невеждой и в то же время опасалась пускаться в разговоры с безумцем.) — Здесь какая-то странная акустика. Может, я чего недослышала?..

— Мы принадлежим к одной гуманитарной среде,— охотно объяснил он, но тут же поправился, употребив более расхожее выражение: — Короче, мы из одной семьи.

— То есть? — с обезоруживающей наивностью спросила та.

— Ну, братя, понимаешь, братя... Только он вопросительный, а я восклицательный. Разве ты не заметила, что я все время восклицаю?

— Да нет, я как-то не обратила на это внимания,— призналась незнакомка.— Нам в школе вбивают в голову массу всякой чепухи, а при первом же столкновении с действительностью мы теряемся... Я было подумала, наушники неисправны... Но теперь поняла, тебя зовут Восклицательный, да?

— Совершенно верно. Впрочем, может, я плохо объяснил. Знаешь, от этого потрясения у меня пропала всякая охота восклицать.

— Так это ты влетел через иллюминатор?

— Откуда я влетел — не помню, но то, что здорово саданулся,— это факт. До сих пор в голове шумит. А всему виной тот хвостун, что потерял меня по дороге. И как это некоторые не понимают, что времена изменились... Он думал, будто каждый по-прежнему может летать по небу и сумасбродствовать сколько душе угодно, никому не давая отчета. А теперь стоит пройтись колесом, как сразу в какой-нибудь шар врежешься.

— Ты хочешь сказать — в зонд,— поправила его незнакомка, радуясь случаю показать свою образованность этому вертопраху.

— Называй как хочешь, главное — ты меня поняла. Так вот, я говорю, что раньше Восклицательный Знак мог носиться по небу, не рискуя наткнуться на одну из этих длинных-предлинных штуквин, которые стремительно спуска-

ются на Землю. Что за манеры...—фыркнул он, но восклицательный знак опять не получился.

— В одну из этих, как ты выражаешься, штуковин ты и угодил.—Голос засмеялся.—Прямо на место собачки.

— О боже,—прошептал, а не воскликнул, как ему хотелось, Восклицательный Знак.—А где же собачка?

— Гонится за нами. Она подопытная.

— Черт возьми,—попытался он воскликнуть по старой привычке.—Я даже оглянуться не в состоянии.

— Все равно ты бы ничего не увидел. Во-первых, сейчас астральная ночь, а во-вторых, она вместе со своей радиоаппаратурой уже наверняка перешла на другую орбиту.

— Значит, я занял ее место,—в отчаянии прошептал Восклицательный Знак.

— Этим собакам доверять нельзя. Должно быть, она неплотно задрала иллюминатор... Ну а ты-то чего в небе забыл?

— Ну, как тебе сказать, я ведь невесомый — летаю... И потом, знаешь, где я был? В зубах у ветра. Такой, право, восторженный ветер, что на лету все время восклицал. Конечно, с ним надо было ожидать всяких неприятностей.

— Стало быть, ты считаешь соседство со мной неприятностью? Не очень-то ты любезен.

— С тобой?

— Ты что, так и не понял, что мы в одной капсуле?

— В капсуле? А что это такое? Почка? Железо? — с дрожью в голосе пролепетал Восклицательный Знак.

Шлемофон так и зазвенел от смеха.

— Я считала тебя более образованным. Какого же черта ты носишься по небу, если до сих пор понятия не имеешь о приборах для космических исследований? Мы находимся в одной из длинющих штуковин, как ты их именуешь.

— Мамочка,—простонал Восклицательный Знак, лишившийся способности восклицать.—Выходит, я... ты, ну, словом, мы увязли в этой штуке?

— По уши. Тебе меня не видно, а вот я тебя вижу, хоть

и не очень отчетливо...—И чтобы подтвердить свою близость, она постучала по кабине.

— А, понятно, ты, значит, тоже внутри этой, как ее там?..

— Да нет же.—Собеседница начинала терять терпение.—Я снаружи, но в любой момент могу проникнуть внутрь. Вернее, я одновременно и внутри, и снаружи. Понял теперь?

— Нет...

— Ну и бестолочь.

— Что поделаешь, в школе нам таких вещей вообще не объясняли. Я ведь кончил классический лицей.

— И какая тебе от этого польза?

— Как знать?..—откликнулся Восклицательный Знак с диалектальной томностью представителя сицилийской поэтической школы.—Но ты так и не сказала, как тебя зовут.

— Дезоксирибонуклеин.

— Как?

Та повторила.

— Дез-окси-рибо-нуклеин. Какое варварское имя!

— А у тебя?—презрительно отозвалась она.

— У меня?.. Да ты ведь даже не знаешь, что оно означает, а говоришь...

— А что оно может означать? Знак. Знак, и все тут.

— Какая ты все-таки недалекая. Кстати, потом объяснишь мне, почему голос у тебя женский, а имя мужское. Конечно, сейчас никого ничем не удивишь, но все же... Так, на чем мы остановились? А, на Знаке. Надеюсь, ты хотя бы поняла, что Знак—такое же имя, как, скажем, Пьетро, Джузеппе или Джованни. Ну а Восклицательный—фамилия. И еще это прилагательное при имени существительном. Уж части речи-то ты, наверно, проходила? Так вот, это одно и то же. Пьетро—чей? Или какой? Восклицательный. Вот в чем преимущество имени и фамилии. А у тебя одно слово, и непонятно, что оно—фамилия или имя? Ну как?

— Что ты все вопросами сыплешь? — возмутился женский голос с трудно произносимым именем и пронзительно свистнул прямо в шлемофон Восклицательного Знака.

— Не ори, — прохрипел Знак. — Я же не восклицаю, хоть и имею на это право. И не желаю терпеть подобные грубости от других.

— Ты прав, прости, пожалуйста. Так что ты говорил о своем имени? — продолжала собеседница. — Это очень любопытно. У нас такие вещи либо вовсе не существуют, либо их плохо объясняют. Говорят, что для научно-технической культуры восклицательные знаки не нужны... Да и в нынешних учебниках по математике Восклицательный Знак встречается крайне редко. Разве что в конце математического ряда от единицы до числа n . И то только для того, чтобы внушить нам, что $n!$ равно единице, двум, трем, четырем... и так до n .

— Ох, как сложно, — вздохнул Восклицательный Знак. — Я в математике всегда был слабоват.

— Но такие формулы ты наверняка видел.

— По-моему, все это фокусы тех, кто мнят себя учеными в ущерб логике и грамматике. Станут они себя утруждать: нужен знак — не задумываясь хватают кого-нибудь из моих родичей. А ведь прежде было иначе. Знаешь, как нас называли? Знаки Восхищения. — Он даже растрогался от нахлынувших воспоминаний. — Да-да, Восхищения. Славные были времена... Некоторые считали меня гномом, но добрым. Впрочем, злые языки — не без того — обвиняли меня в том, что я из тех карликов, которые крадут малюток из колыбели, для того чтобы улучшить породу.

— Как это? Я просто сгораю от любопытства. Меня давно интересуют генетические процессы.

— Ну, точно не знаю, говорят, будто гномы похищают младенцев из колыбели и питаются ими, чтобы стать сильнее и проворнее.

— Что, целиком съедают?

— Зачем? Они же волшебники и в сказках могут делать все что угодно...

Она перебила его:

— Ах вот как, а я-то думала, что речь идет о ферментах или о молекулярном обмене... Ну-ну, продолжай... Так почему все-таки тебя сравнивают с этими... ну как их... гномами?

— Сейчас поймешь... Нас все эксплуатируют. Чем невежественнее люди, тем чаще нас употребляют. Когда нечего сказать, в ход идут сплошные восклицательные знаки. Порой человек двух слов связать не может, ну и прибегает к нам — ставит рядом три, а то и четыре восклицательных знака. Особенно военные. Эдикты, декларации, указы, патриотические лозунги, команды, призывы — все изобилуют восклицательными знаками. Не жизнь, а каторга, прямо тебе скажу. Вот я и дал себя унести залетному ветру. Много лет я просидел в сборнике поэзии, пока ветер, перелистав страницы, не вырвал меня из стихотворной строки. Погоди, сейчас вспомню эту строку. Вот: «Плач лягушки, живущей в глуши!»

— Э, ведь я тоже учила его. Как же, как же...

Как любил я сидеть у окна,
глядя в небо, внимая в тиши
плач лягушки, живущей в глуши!

Да, Восклицательный, там ты был очень к месту.

— Зови меня просто Знак. Поскольку мы здесь одни, признаюсь тебе: мне всегда было непонятно, зачем меня засадили в тот стих. А я по собственной глупости дал себя увлечь. Рядом со словами «глядя в небо» я чувствовал себя таким легким, будто парил в вышине... И стоило мне самую малость приподняться над страницей, как этот чертов ветер подхватил меня и унес. И вот видишь, что со мной из-за него стряслось. К тому же обречен на гибель бедную собачку.

— Ну, об этом ты не горюй: все так и было заперфорировано.

— Что-что?

— Ну, предусмотрено программой. Машина прокалывает дырочки в перфокарте, и тут уж ничего не попишешь.

В установленный момент перфокарта попадает в электронный мозг, и происходит все, что на ней отмечено. А потому в заданной точке орбиты сработала катапульта, и нашу славную собачку с такой задорной мордочкой выбросило в космос. С того мгновения она стала вместе с нами вращаться вокруг Земли. После трех витков от электронного мозга поступила новая команда, и собачка, отделившись от нас, перешла на другую, удлиненную орбиту. Там она пробудет, пока не разрядятся все батарейки и транзисторы, которые к ней прикреплены...

— И когда же это произойдет?

— Правда, она еще может столкнуться с метеоритом. Но это почти исключено, ведь у собачки есть радар, способный отводить от нее все летящие навстречу предметы с иной молекулярной структурой. Так что, возможно, ее вращение будет вечным, ведь вне земного притяжения временной фактор уже не действует. Понял?

— Нет. Но ничего. Наверно, меня при падении такшибануло, что я стал плохо соображать. Ты мне вот что скажи: как ты сама-то сюда попала?

— Да очень просто: меня запустили для биологического контроля за собачкой. Но ты, очевидно, до сих пор не представляешь, кто я такая. Что ж, это простительно: ты пока ничего еще не видел, кроме своих стихов! А меня вывели на орбиту прямо из биологической лаборатории. В Центре космических исследований специально разработан лунный модуль. Дезоксирибонуклеиновая Спираль для введения в космический корабль, отправляющийся на Луну.

— А-а, так у тебя, стало быть, есть имя и фамилия? И это твоя профессия?

— Вот именно! — с гордостью воскликнула та. — Но ты в космических проектах не участвуешь и потому не можешь понять, как много от меня зависит. Фактически вся жизнь.

— Чья?

— Живых существ... Жизнь, воспетая поэтами: кровь — любовь, власть — страсть, отчизна — тризна, еда — вода, твердь — смерть, потому что смерть тоже есть жизнь. Ладно,

не стану читать тебе лекцию, но все сводится к образованию и поведению белков и нуклеиновых кислот, ясно тебе? Иными словами, до бесконечности расщепляя ядро, ученые обнаружили, что в нем вообще ничего нет, улавливаешь? Наше существование и состоит из этого «ничего», но это не просто «ничто», ноль, а процесс. А я — Спираль, пружина этого процесса. Уразумел, как это важно?

— Ну еще бы: быть ничем и сознавать это — уже большое дело. А я, наоборот, перехожу из одного текста в другой, а все еще полон самомнения. И вот теперь меня закинули сюда... зачем, спрашивается? Ты хоть знаешь, зачем ты здесь?

— Безусловно. Я — бесконечно малая величина биологического ряда. Видишь вон те флаконы и пробирки? Так вот, в них собраны ферменты и белки всех живущих особей и субстанций. Начиная от блохи и верблюда и кончая горячим топливом.

— Выходит, я один среди вас не причастен к эксперименту?

— Пожалуй, так... Ой-ой-ой, спать пора.

— Откуда ты знаешь, что пора? Ай...

— Почувствовал укол, да? Это предупреждение: настало время космического сна... Возможно, когда тебя разбудят, ты уже будешь на Луне.

— Как на Луне? Что я там буду делать, когда у меня все стихи из головы вылетели?

— Послушай меня, займись математикой, раз уж ты сюда попал. Числовые ряды в расчетах всегда нужны, разве можно в наш век обойтись без математических операций? — Тут голос Дезоксирибонуклеиновой Спирали стал слабеть.

— Спишь?

— Нет. Просто у меня возникло сомнение.

— В чем?

— Так и быть, скажу, чтобы совесть была чиста. Я знаешь что подумала? Отныне учебники математики, пожалуй, и не понадобятся. Ведь есть столько разных компью-

теров. Но ты не печалься. Вот увидишь, все будет хорошо... в худшем случае тебя оставят в учебнике арифметики для начальной школы. Так что спи спокойно.

— Да я и не беспокоюсь... Если вспомнить, как я зародился,—вздыхнул Восклицательный, тогда как по кабине уже летали сонные атомы.— До шестнадцатого века обо мне слыхом не слыхали даже эрудиты. Скука... Знала бы ты, сколько неприятностей может доставить пунктуация... Счастливая, ты даже не знаешь, что такое кодексы.— И тут Восклицательный Знак, не способный больше восклицать, зевнул.

— Спать хочешь? Ну, спи, не стану тебя утомлять своими историями,—заклонила его спутница и последовала его примеру, ведь зевота очень заразна.

— Нет-нет, рассказывай, я слушаю тебя.

— Ты говоришь о кодексах. Думаешь, у меня нет своего кодекса? Есть, только мы зовем его кодом. Ты вот жалуешься на пунктуацию, а знал бы ты, как сложен генетический код... Особенно когда попадают эти триплеты для ускорения белкового синтеза. Натолкнешься на такую дурацкую «троечку» — и ни туда, ни сюда.

— Это как на точку, да? — спросил Восклицательный Знак, радуясь, что отыскал аналогию.

— Точь-в-точь как на точку...

И тут спираль услышала жужжание: это Восклицательный Знак послушно захрапел по команде, поступившей из Центра космических исследований, давно уже посылавшего сигналы об отдыхе. А затем он передал дурацкую троечку, означавшую «все, точка». Тем временем космический корабль перешел на конечную орбиту с апогеем 650 000 миль над Землей и перигеем 570 000 миль, откуда генетическая спираль должна была, отделившись, полететь прямо к Луне.

Дело в бороде

I

Давным-давно в стране Бездумных жил человек, пораженный тяжким мыслительным недугом, и, как он ни старался повиноваться голосу предков и ни о чем не думать, ему удавалось совершить что-либо лишь после долгих мучительных раздумий. А в той далекой стране это означало нарушить закон и поставить под угрозу не только собственную жизнь, но и жизнь тех родных и друзей, которые не донесли властям, призванным незамедлительно пресекать распространение инфекции, с тем чтобы она не вылилась в эпидемию.

С годами скрывать болезнь, получившую название «волчанка мысли», становилось все труднее, потому что она неминуемо отражалась на лице человека.

Весть об этой напасти передавалась из уст в уста, приводя в ужас граждан, чей крепкий организм и соответствующее воспитание не позволяли им думать. И наконец достигла ушей того, кто с незапамятных времен правил страной Бездумных. Призвав к себе разносчика заразы, Властелин приступил к допросу:

— Так это ты дерзнул поднять руку на наши законы и мораль, ты днем и ночью думаешь, невзирая на все запреты?!

— Да, я, — смиренно признался человек, не умевший не думать. — Однако я взываю к твоему милосердию, Повелитель. Всему виной приливы крови к голове, которые мучают меня с пеленок. Сколько я себя помню... — Тут он запнулся, ведь память тоже свидетельствовала о его моральной и физической ущербности. Но все-таки набрался храбрости и, полагаясь на августейшее великодушие, продолжал: — Привычку думать я, можно сказать, всосал с молоком, хотя моя добрая кормилица, несомненно, делала все, чтобы у меня не оставалось на это времени. Но, как только она отнимала меня от груди, я невольно начинал думать: что же это за жидкость вливается в меня, заставляя расти

не по дням, а по часам? И чем больше я рос, тем упорнее думал...

— О чем думал—что растешь?—с легкой иронией спросил Властелин, видимо решив обратить все в шутку.

Но Мыслящему было не до шуток.

— Сказать по правде, я думал о самых невероятных вещах. Когда меня совсем отняли от груди, я, к примеру, стал думать...

— Говори, говори,—подбодрил его Властелин Бездумных.

— ...стал думать, что рано или поздно пойду в школу, где меня наконец отучат думать.

— И что же не отучили?—нахмурился Властелин.

— Признаться, начальная школа мало мне помогла... Нет-нет, учителя у меня были очень хорошие, они всячески старались внушить нам устой государства, которым ты так мудро управляешь. Однако здоровье мое уже тогда было подорвано врожденным недугом, и со временем он неотвратимо прогрессировал. Поэтому, когда я окончил школу, в голове у меня было больше идей, чем когда я в нее поступил.

— Идей?!—вскинулся Властелин Бездумных.— Каких таких идей? Ну-ка выкладывай. Ведь у тебя наверняка и сейчас засела в мозгу одна из них. Говори, о чем ты сейчас думаешь!

Мыслящий оробел.

— Откровенно?

— А как же иначе!.. Ради чего, по-твоему, ты предстал пред нашими светлыми очами.

— Хорошо, я скажу... Я думаю о тебе, мой Повелитель... о самом великом, милосердном, самом бездумном из всех, кто когда-либо правил нашей страной.

— Положим, ты искренен. Но скажи, можно ли думать обо всем этом, не думая, то есть не нарушая закон и не попирая наши священные устои?

— Это трудный вопрос, пожалуй, мой Повелитель, я не

сумею так сразу ответить. С твоего позволения, мне надо немного поразмыслить.

— И сколько времени тебе понадобится для ответа?

Мыслящий подумал — немного, самую малость, чтоб не прогневить своего Властелина, — и пробормотал:

— Один... нет, два... По меньшей мере два месяца.

— Ладно, мы даем тебе это время. Но имей в виду: по истечении срока ты должен дать ответ. А пока молчок о нашем разговоре.

Он позвал своих Министров, Генералов, Высших полицейских чинов и велел в течение ближайших двух месяцев не трогать Мыслящего, ибо он милостиво дозволяет ему подумать, как можно думать о величии и непогрешимости Властелина, совершенно при этом не думая.

II

Итак, Мыслящий заперся дома и стал думать, как можно думать о величии Властелина, не думая. Дни текли за днями, неделя за неделей, по ночам в доме не гас свет, а бедняга сидел, как прикованный, за столом, забыв про еду и сон, не умываясь, не бреясь, и все думал, что же ответить Властелину.

Прохожие, глядя на эту запертую дверь, на заваленный нечистотами порог, на свет, лившийся из окна, прямо-таки сгорали от любопытства.

— Чего это он там сидит безвылазно, обхватив голову руками и только изредка почесывая подбородок? — (Кстати сказать, подбородка уже не было видно за густой щетиной.)

У дома Мыслящего теперь с утра до вечера стояла толпа зевак. И разрослась она настолько, что стала нарушать общественный порядок. Ведь как бывает: где толпа, там и торговцы фруктами, сладостями, там и всякие гадатели, предсказатели, знахари, мошенники, азартные спорщики, которые ставили один к трем, один к пяти, один к десяти на то, что никому не удастся разгадать причину добровольного заточения Мыслящего.

А причину эту никто не знал, разве что самые близкие. Да и те, услышав о беседе родича с Властелином, почли за лучшее покинуть город — от греха подальше. Посему барышники да бродячие торговцы тоже беспрепятственно наживались, моля судьбу, чтобы это затворничество продлилось подольше.

Но со временем весть о шумных сборищах у дома Мыслящего стараниями многочисленных наушников дошла до уха Властелина.

— Что же подумают обо мне мои подданные, когда узнают, что я позволил простому смертному думать! — воскликнул он.

— Да что они могут подумать, о мой обожаемый Господин, если они не думают, — успокоил его Министр Бескультурия. — Разве мы не обучили их с малолетства ни о чем не думать?

— Оно конечно, — задумчиво протянул Правитель. — Но ведь скоро вся страна узнает, что в самом обычном доме самый обычный гражданин думает.

— Верно, думает, — нехотя признал Министр Бескультурия. — Но о чем? О том, как можно думать о твоём величии, не думая.

— Допустим, но как дать понять народу, что он думает о наилучшем способе не думать? К чему все это приведет, если мои подданные обнаружат, что можно обойтись и без... О-о, я понял! — воскликнул Властелин Бездумных, так сильно стукнув себя по лбу, что корона с головы слетела. — Раз в этой стране никто не думает, значит, не думают и о моем величии. А на чем же тогда зиждется мое величие, коль скоро о нем нельзя даже подумать?

Министр Бескультурия притворился, будто не думает, и, умело скрыв свою озабоченность, беззаботно заметил:

— О мой возлюбленный Повелитель Бездумных, стоит ли расстраиваться из-за такого пустяка! С них довольно чувствовать и признавать твое величие.

— Чувствовать, признавать! — проворчал Властелин. —

Тебе легко говорить! Но разве чувствовать и думать, признавать и думать — не одно и то же? Тьфу ты, что-то я путаюсь... И все же, можно ли чувствовать, не думая? Можно ли признавать что-либо, мысленно не отдавая этому предпочтение перед всем остальным?

— По-моему, можно.

— Ах по-твоему! — вскипел Властелин. — А мне надо знать точно, понял?!

Министр Бескультурья задрожал мелкой дрожью: в глазах Повелителя Бездумных вспыхнул такой гнев, что за ним могла незамедлительно последовать расправа.

— За нос меня водишь! Головой поплатишься!

— О мой Господин! — смиренно промолвил Министр Бескультурья. — Ты волен отрубить голову кому угодно и когда угодно. Но, молю тебя, повремени хоть самую малость.

— Как это — повременить?

— Если человек задумается, то его уже не остановишь. Ведь мысль — тиран...

— Что-что? — вскинулся Властелин.

— Я хотел сказать, — поспешно поправился Министр, — что мысль абсолютна и захватывает тебя всего, целиком. Тот, кто думает, только и думает о том, чтобы думать. Известны крайности, когда люди, думая, забывают обо всем.

— А как их выявить, эти крайности?

— Ну, во-первых, у нас повсюду есть доносчики, и потом, существуют явные признаки, отличающие тех, кто подвержен Мысли.

— Приведи пример! — рявкнул Властелин.

— Сию минуту! — Министр слегка понизил голос: — Тот, кто думает, небрежен в одежде.

— Такая привычка есть у многих! — парировал Властелин.

— Но Мыслящий к тому же всегда недоедает, доводит себя до истощения. Вряд ли, мой Повелитель, ты станешь отрицать, если человек худой — кожа да кости...

— Подумаешь! Мало ли в больницах истощенных людей.

— Не отрицаю,— отвечал Министр,— однако в дополнение к двум упомянутым признакам нарушитель наших священных устоев еще и забывает брить бороду.

— Ну хитрец! Теперь я начинаю понимать.— Властелин попытался сделать вид, будто его догадка была результатом размышлений.— Значит, всех бородатых...

— Вот именно... прикажем заточить в темницу и от...

— ...сечь им голову,— закончил Властелин, проведя рукой по шее.

— Чтоб другим неповадно было,— гордо выпятив грудь, добавил Министр.

— Что ж, неплохая идея.— Властелин, удовлетворенно потирая руки, соскочил с трона и подошел вплотную к Министру Бескультурия.— Совсем не плохая! Но скажи, как же это пришло тебе в голову, если ты не думал?!

Министр уж было решил, что все пропало, и растерянно поскреб подбородок. Но вмиг опомнился.

— Ты спрашиваешь, о Повелитель, как пришло мне в голову? Да очень просто... Ведь я смотрю твоими глазами, ловлю каждый твой вздох, каждое слово, высказанное и невысказанное.

— Выходит, все это я сам придумал, а ты только высказал?

— Точно так, мудрейший! Я все время глядел на тебя, и слова сами сорвались с моих уст.

Беседа принимала довольно затруднительный оборот для Властелина Бездумных, поэтому Министр предусмотрительно сменил тему:

— А сейчас я вижу, ты собираешься повелеть, чтобы того, кому ты самолично дозволил думать, как, не думая, думать о твоем величии, отпустили с миром, в каком бы виде он ни предстал пред твоими светлыми очами — с бородой или без.

Ш

Когда истекли два месяца, отпущенные Мыслящему на то, чтобы он придумал, как, не думая, думать о величии Властелина, за ним явились десять стражников, чтобы препроводить его во дворец.

— Ну что, ты закончил? — спросил старший.

— Ну... в общем, да, — промямлил Мыслящий, — но...

— Никаких «но», следуй за нами!

Зеваки, столпившиеся у входа, завидев Мыслящего — он страшно исхудал, обносился, оброс, — невольно потянулись к своим подбородкам и с ужасом обнаружили, что и у них за это время отросла борода: до того ль им было, чтоб ходить к цирюльнику. Правда, кое-кто из цирюльников, обеспокоясь отсутствием клиентов, попытался брить людей прямо в толпе. Но ничего из этой затеи не вышло, поскольку никто из зевак не решался напомнить Мыслящему о том, какая непомерная у него выросла борода за время этого сидения. Более того — всем втайне хотелось хоть немного походить на Мыслящего: как знать, может, и они удостоятся высочайшего внимания и милостивого дозволения думать. Вскоре даже те, у кого прежде на лице вообще не было растительности, отпустили какое-то подобие бороды.

Увы их постигло горькое разочарование. Не успели закрыться за Мыслящим ворота дворца, как в стране Бездумных начались повальные аресты. Военный трибунал выносил смертные приговоры после короткого допроса:

— Откуда у тебя борода?

— Выросла.

— А почему она выросла?

— Потому что у меня не было времени ее сбрить.

— А почему не было времени?

На этот вопрос никто не знал, как ответить. Сказать, что проторчал два месяца у дома Мыслящего, — сам обречешь себя на гибель, а если соврать, что как-то не подумал, судья тут же прицепится: ага, значит, ты все-таки умеешь думать!

И никакие «но», «видите ли» и «собственно говоря» не помогут.

В итоге те, которым удалось избежать облавы на борода-тых, спешно побрились, и на улицах страны Бездумных не осталось ни одной бороды. За исключением, понятно, бороды Мыслящего. А тот пал ниц перед троном и взмолился:

— Спаси меня, о мой Господин, от этой ужасной напа-сти! Чем упорнее я пытаюсь не думать, тем больше думаю, ведь когда стараешься не думать, то думаешь о том, чтобы не думать.

— Но ты, насколько я помню, обещал дать мне ответ. Так говори же! — в гневе вскричал Правитель. — Иначе раз-делишь судьбу тех, кто лишился самой бесполезной своей принадлежности — головы... Итак?

— Итак, — подхватил Мыслящий, лихорадочно ду-мая, как бы выкрутиться, — я пришел к выводу, что вся-кому, кто думает о твоем величии, нужно отрубить голо-ву.

— Вот это мило! Почему вдруг?

— Потому что думающий о твоем величии тем самым наносит тебе оскорбление, сводя твое величие к одной своей мысли. Тогда как величие твое нельзя уместить в головах всех твоих подданных.

— Нет, вы только послушайте! — Властелин вскочил и забегал по тронному залу. — Просто великолепно! Зна-чит, чем больше голов вместе взятых не будут думать о мо-ем величии, тем более велик буду я для каждой в отдель-ности?

— Воистину так, мой Повелитель.

— Хм, это мне нравится!

Подумав немного (теперь он был уверен, что это исклю-чительно его привилегия), Властелин вызвал Министра Бес-культурия.

— А ведь ты был прав, — заявил он, как только высокий правительственный чин предстал перед ним. — Но одну про-машку все же допустил. Слишком много голов слетело с плеч

по твоей вине. А, как выяснилось, с сокращением числа голов уменьшается и мое величие.

— Совершенно справедливо, Ваша Милость,— подтвердил Мыслящий.

— Все из-за тебя! — Властелин грозно взглянул на своего Министра.

— Я как-то не подумал, Ваша Светлость. Однако это и не входит в мои обязанности. Мне по статусу положено как раз не думать.

— М-да,— задумчиво хмыкнул Властелин.— А я вот прикажу отрубить тебе голову, тогда станешь не думать лучше.

— Воля твоя, мой Господин. Но, не прогневайся, если мне отрубят голову, то одной головой, не думающей о твоём величии, станет меньше.

— А ведь и это верно.

IV

Как Министру удалось спасти свою голову от топора, так и Мыслящего миновала сия печальная участь. Мало того — его бороду начали демонстрировать всей стране как пример справедливости и демократизма правящей власти.

Всякий раз, когда страну Бездумных посещала зарубежная делегация, Повелитель сам указывал гостям на эту бороду. А если пребывал в особо благодушном настроении, то начинал разглагольствовать о законности и правах оппозиции.

— Вот наша знаменитая оппозиционная борода,— шутливо замечал он.

Все шло своим чередом, в полном соответствии с демократическими нормами, о чем свидетельствовала борода — знак особой монаршей милости и символ неотъемлемого права на мысль. И вдруг вспыхнул вооруженный конфликт с соседней страной.

Никто об этом, конечно, не думал — ни Министры, ни

Генералы, ни Священнослужители,— ибо все были уверены, что думает за них Властелин.

Война была жестокой: она унесла немало человеческих жизней, разрушила, сожгла, обратила в прах почти всю страну, не пощадив ни деревень, ни городов. Столица была взята в огненное кольцо, которое все сжималось, пока не сомкнулось вокруг дворца, где с Министрами и Придворными засел сам Властелин и где все они вместе нашли свою гибель.

В огне и сумятице захватчики долго не могли найти человека, способного стать во главе разоренной страны. И наконец в какой-то котельной разыскали Мыслящего, предававшегося своему обычному занятию — раздумьям. В его бороде враг усмотрел неоспоримый признак оппозиции поверженному тирану.

Но какво же было возмущение Мыслящего, когда он, поднимаясь по ступеням Сената, обернулся и увидел, что его сопровождает целая толпа бородачей. Даже у грудных младенцев — и у тех бороды.

Конечно, новый Властелин не дал себя провести: он сразу понял, что бороды эти накладные — одни приклеили, другие отрастили за ночь, усиленно втирая сок перца и разные экстракты.

Подобное зрелище, естественно, разгневало первую бороду государства: пожалуй, его тоже сочтут одним из тех, кто еще вчера, накануне поражения, скрывал свои мысли, тщательно бреясь. И новый Повелитель на следующий день издал указ, гласивший: «Всякий, кто начиная с нуля часов будет схвачен с бородой, отпущенной с гнусной целью сойти за честных граждан, которые во времена тирании осмеливались носить ее в знак протеста и вольномыслия, будет расстрелян по приговору военного трибунала. Назначенным нами лицам поручается провести перепись населения для соответствующей проверки. Незаконные бороды — то есть бороды длиной менее десяти сантиметров, а также накладные — будут рассматриваться как провокация и попытка нажиться на трудностях военного времени, а их носители — как сторонники антинародного режима, заслуживающие высшей меры наказания».

С того момента в стране Бездумных, а ныне — Мыслящих, была объявлена охота на бороды. Вели ее новые бородачи, преданные обладателю самой длинной бороды, которой по праву гордилась бывшая оппозиция. Но, на свою беду, люди перестали доверять друг другу: прежде чем поздороваться, пытались во избежание неприятностей украдкой удостовериться, не поддельная ли у ближнего борода, соответствует ли она требуемым размерам и выращена ли честным путем.

Именно к тем временам восходит распространенный среди жителей страны обычай носить длинные, густые бороды в знак почитания древних законов. И тогда же в привычку вошло при встрече дергать друг друга за бороду. Такое приветствие равнозначно нашему рукопожатию — тоже, если вдуматься, скверный обычай, истинный смысл которого до сих пор неясен.

Итало Кальвино

Судок

Главное достоинство этого круглого плоского предмета с приятным названием «судок» состоит в том, что у него отвинчивается крышка. Начинаешь ее отвинчивать, а у самого аж слюнки текут, особенно если жена каждое утро готовит что-нибудь новое и вы не знаете, что она вам положила сегодня. Наконец судок открыт, и вы видите, что сосиски и чечевица, или треска и полента, или крутые яйца и свекла аккуратно уложены и примыкают друг к другу, словно материки и моря на географической карте. И хотя еды совсем немного, она кажется вам вкусной и сытной. Крышка с успехом заменяет тарелку, так что вы можете устроить себе обед из двух блюд.

Марковальдо, отвинтив крышку судка, вдохнул запах сосисок и полез за ножом и вилкой, которые, с тех пор как перестал обедать дома, всегда носил в кармане спецовки. Сначала он поворошил вилкой остывшие с вечера сосиски, чтобы придать им более аппетитный вид, как будто их только что сняли с плиты. Но ему сразу стало ясно, что есть почти нечего. Буду жевать помедленнее, решил он, даже не замечая, что уже уплетает за обе щеки.

Конечно, есть холодное радости мало, зато домашняя пицца вне дома приобретает особый аромат. Устроившись на скамейке, Марковальдо старается пережевывать как мож-

но тщательнее. Теперь он не ездит домой в обеденный пере-
рыв: пока доберешься туда на трамвае, потеряешь уйму вре-
мени, да к тому же надо брать билет. Вот он и купил себе су-
док: обедает на свежем воздухе, успевая одновременно раз-
глядывать прохожих, а после заливает водой из фонтана.
В осенний день он непременно устраивается на солнышке.
Опадающие с деревьев красные листья служат ему салфет-
ками. Кожуру от сосисок он кидает бродячим собакам
(те сразу к нему привязались), а хлебные крошки, когда
на бульваре не очень много народу, склевывают воро-
бы.

За едой Марковальдо думает: почему здесь стряпня же-
ны кажется такой вкусной, а дома, среди ссор, плача, веч-
ных жалоб на долги, мне кусок в горло не лезет? Но тут же
вспоминает, что вчера ел это на ужин, и снова им овладевает
отвращение, оттого что приходится доедать холодную вче-
рашнюю пищу, да вдобавок в алюминиевом судке у нее
появляется противный металлический привкус, а главное —
он убежден, что во всем виновата жена, и мысленно сокру-
шается: даже здесь при одном воспоминании о ней у меня
пропадает аппетит.

Тут Марковальдо замечает, что судок почти пуст, и ему
вновь представляется, будто он съел какое-то изысканное ку-
шанье, а теперь с удовольствием выскребает со дна остатки,
особенно сильно отдающие алюминием. Затем смотрит на
пустой грязный судок, и его охватывает грусть.

Он заворачивает в бумагу вилку с ножом, судок, сует их
в спецовку и подымается со скамьи. В широком кармане
приборы с грохотом ударяются о пустой судок. На работу
возвращаться еще рано; Марковальдо подходит к киоску
и просит налить ему полную бутылку воды. Или же выпив-
ает в баре чашечку горячего кофе, а потом долго разглядыв-
ает стоящие в витрине торты, коробки конфет и жареного
миндаля и внушает себе, что сыт и ему ничего этого не хочет-
ся; потом, делая вид, что ему надо убить время, а отнюдь не
аппетит, несколько минут наблюдает за игрой в настольный
футбол и не спеша выходит на улицу. Трамвай снова битком

набиты; обеденный перерыв кончается; шагает обратно на работу и Марковальдо.

Однажды Домитилла, жена Марковальдо, верно ради экономии, купила сразу несколько килограммов сосисок. Три вечера подряд она подавала ему на ужин сосиски и вареную репу. Сосиски были, похоже, из самого поганого мяса — один их запах у Марковальдо отбивал всякий аппетит. А из всех овощей он терпеть не мог именно скользкую репу.

В полдень Марковальдо открыл судок и снова увидел на дне холодную сосиску и репу. Успев позабыть, что он ел накануне вечером, Марковальдо всегда отвинчивал крышку с жадным любопытством, но всякий раз его ждало горькое разочарование. На четвертый день он поковырял вилкой репу, понюхал сосиску и, держа в руке открытый судок, бесцельно поплелся по аллее. Прохожие удивленно оглядывались на этого странного человека, который шел с вилкой и судком наготове, точно никак не решался приступить к еде.

Вдруг его окликнул какой-то мальчишка:

— Эй, дяденька!

Марковальдо поднял голову. Облокотившись о подоконник, из окна богатой виллы высовывался мальчуган, рядом с ним стояла тарелка.

— Дяденька, а что у тебя там, в судке?

— Сосиска и репа.

— Везет же людям! — вздохнул мальчуган.

— М-м, — неопределенно отозвался Марковальдо.

— А мне, представляешь, приходится есть жареные мозги!..

Марковальдо взглянул в тарелку на подоконнике. Там лежали нежные мозги, похожие на перистое облачко.

У Марковальдо дрогнули ноздри.

— А ты что, не любишь мозги? — спросил он у мальчика.

— Терпеть не могу! А меня здесь заперли за то, что я не хочу их есть. Вот возьму и выброшу в окно...

— А сосиски любишь?

— Еще как! Они как маленькие змейки. Только у нас их никогда не едят.

— Хочешь, поменяемся? Я тебе мою тарелку, а ты мне свою?

— Ура-а!

Мальчишка запрыгал от радости, протянул Марковальдо фаянсовую тарелку и серебряную вилку с гербом, а тот подал ему судок и старую железную вилку.

Они тут же принялись за еду: мальчишка — у себя на подоконнике, Марковальдо — на скамейке напротив. Оба облизывались и говорили, что вкуснее ничего в жизни не ели.

Внезапно за спиной мальчугана выросла строгая гувернантка.

— Боже мой, что за гадость вы едите? — закричала она, воинственно уперев руки в боки.

— Сосиску! — ответил мальчик.

— Кто вам ее дал?

— Вон тот синьор. — Он показал на Марковальдо, который неторопливо и старательно пережевывал хорошо прожаренный кусочек.

— Сейчас же выбросьте! Какой ужас! Выбросьте ее вон!

— Но она такая вкусная!..

— Где ваши тарелка и вилка?

— Вон, у синьора. — Он снова показал на Марковальдо, застывшего с поднесенной ко рту вилкой.

— Держите вора! Держите вора! Он украл тарелку! — завопила гувернантка.

Марковальдо поднялся со скамьи, грустно посмотрел на недоеденные мозги, подошел к окну, положил на подоконник тарелку и вилку, окинул гувернантку уничтожающим взглядом и зашагал прочь. В ту же секунду он услышал, как судок покатился по тротуару, мальчишка отчаянно заревел и окно с треском захлопнулось. Марковальдо наклонился, поднял крышку и судок. Они немного сплющились, и ему не удавалось завинтить крышку. Наконец он засунул судок в карман и пошел на работу.

Ядовитый кролик

О том, что его сегодня выписывают из больницы, пациент знает уже с утра. И бодрым, насколько хватает сил, шагом обходит палаты, изображает из себя совершенно здорового — не для того, чтобы вызвать всеобщую зависть, а наоборот, чтобы утешить остающихся. Сквозь стекла он уже видит солнце или туман, в зависимости от погоды, и слышит шум, видит и слышит по-новому, не так, как прежде по утрам, когда просыпался на жесткой больничной койке и все это казалось приметам недоступного мира здоровых людей. А теперь тот мир за окнами снова стал его лицом, знакомым и привычным; лишь неприятный больничный запах напоминает о пережитом.

Так и Марковальдо в то утро томился в ожидании, когда наконец ему вручат выписку из истории болезни и он сможет распрощаться с больницей. Врач взял бумаги, велел ему ждать здесь и вышел из кабинета. Марковальдо смотрел на ставшую ненавистной белую эмалированную мебель, на шкафчики, полные всяких склянок с лекарствами, но, как ни странно, не испытывал долгожданного облегчения и радости. Он думал о том, что ему придется вернуться на завод и опять с утра до вечера таскать тяжелые ящики, и о том, чего там дома успели натворить милые детки, и о том, как он сейчас выйдет на улицу и, словно в пустоту, в небытие, провалится в этот сырой туман. Растерянно озираясь, он пытался остановить взгляд хоть на чем-то приятном, успокаивающем, но все в кабинете напоминало о перенесенных страданиях и боли.

И тут он увидел кролика в клетке. Белого, с длинной пушистой шерсткой, розовым треугольником носа, красными испуганными глазами и почти голыми ушами, прижатыми к спине. Он был не очень большой, но в тесном пространстве продолговатое тельце невольно упиралось в металлическую сетку, и наружу высывались вздрагивающие волоски. Рядом с клеткой на столе лежали пучок травы и одна морковка. Да, подумал Марковальдо, несладко, должно быть,

сидеть там взаперти и смотреть на недоступную морковку. Посомневался и открыл дверцу. Но кролик и не подумал вылезать — застыл как каменный, лишь мордочка чуть-чуть подергивалась, точно он для солидности притворялся, что занят едой. Марковальдо взял морковку, поднес к самому носу кролика, а затем медленно отвел руку, чтобы выманить его из клетки. Кролик выполз, осторожно обнюхал морковку и затем принялся старательно ее грызть прямо с ладони Марковальдо. Марковальдо погладил пушистую спинку и убедился, что кролик тощий, костлявый. По тому, с какой жадностью он грыз морковку, Марковальдо понял, что кормили его не слишком сытно. Будь у меня кролик, подумал Марковальдо, я бы его кормил до отвала, пока бы он не стал круглым, как шар. Он смотрел на кролика ласковым взглядом хозяина, в душе которого любовь к животным отлично уживается с предвкушением чудесного жаркого из крольчатины. После стольких унылых больничных дней нашлось живое существо, способное хоть чуть-чуть скрасить его жизнь. И надо ж такому случиться перед самой выпиской, теперь придется оставить зверька здесь, а самому вернуться на туманные улицы города, где кролика днем с огнем не сыщешь.

Кролик почти догрыз морковку. Марковальдо взял его на руки и стал оглядываться кругом, чем бы еще его накормить. Он поднес было кролика к горшку с геранью, стоявшему на письменном столе, но тому растению пришлось явно не по вкусу. В этот момент в коридоре послышались шаги. Что скажет врач, когда увидит у него в руках кролика? Марковальдо уже сменил больничную пижаму на свою спецовку с поясом. Теперь он поспешно сунул кролика за пазуху, наглухо застегнулся и, чтобы врач не заметил вздрагивающий ком у него на животе, переправил зверька за спину. Испуганный кролик сидел тихонько. Марковальдо взял свои бумаги и, перед тем как повернуться к двери, вновь незаметно передвинул кролика вперед.

Так, со спрятанной на груди добычей, Марковальдо отправился из больницы прямо на работу.

— А, выздоровел наконец! — приветствовал его начальник цеха Вилиджельмо. — Что это у тебя за горб? — Он показал на оттопырившуюся спецовку.

— Мне наложили согревающий компресс, — объяснил Марковальдо.

Кролик вдруг задергался, и Марковальдо подскочил как ужаленный.

— Что с тобой? — удивился начальник цеха.

— Да так, судороги, — пробормотал Марковальдо и снова запихнул кролика за спину.

— Видно, тебе все еще нездоровится, — заметил начальник.

Кролик полез Марковальдо на плечи, и тот резко его стряхнул.

— Вон как тебя трясет. Ступай отдохни еще денек. Но чтобы завтра был в форме.

Марковальдо вошел в дом, держа за уши кролика, совсем как охотник, вернувшийся с богатой добычей. Ребятишки бросились ему навстречу.

— Папа! Папа! Где ты его взял? Это нам? В подарок, да? — верещали они, пытаясь выхватить зверька.

— Явился! — проворчала жена, и Марковальдо понял, что за время его болезни она накопила в душе новые обиды. — Зачем живого кролика притащил? Только всю комнату загадит.

Освободив стол, Марковальдо положил на середину зверька. Тот весь сжался, точно хотел сделаться незаметным.

— Не трогать его, смотрите у меня! — предупредил он ребятишек. — Этого кролика мы откормим к Рождеству.

— А он умеет стоять на задних лапах? — спросил Микелино и попытался приподнять кролика за передние. — А это кролик или крольчиха?

Об этом Марковальдо до сих пор не задумывался. И теперь у него сразу родилась идея: если это крольчиха, надо ей раздобыть самца и потом заняться разведением кроликов. Он уже вообразил себя не в сырой комнатухе,

а на ферме, среди зеленых лугов.

Кролик оказался самцом. Но заманчивый план уже засел у Марковальдо в голове. Раз это самец, надо ему достать подругу, и вскоре Марковальдо станет хозяином крольчатника.

— А чем его кормить, когда самим есть нечего? — напустилась на него жена.

— Предоставь это мне, — успокоил ее Марковальдо.

На работе в его обязанности входило выносить из директорского кабинета комнатные цветы, поливать их и снова расставлять по местам. В первый же день он срезал с каждого растения и спрятал под куртку по большому листу, блестящему снаружи и матовому изнутри. Потом остановил в коридоре девушку с букетом.

— Подарок возлюбленного, да? Не дадите один цветочек? — И, получив, сунул его в карман.

Увидав рабочего, который ел грушу, Марковальдо попросил:

— Не выбрасывай кожуру.

И так по листику, по лепесточку добывал корм для кролика.

Через какое-то время его вызвал начальник цеха. Неужто заметили обципаные растения? — испугался Марковальдо: душа у него всегда была беспокойна.

В кабинете у начальника цеха сидели врач из больницы, два санитары и полицейский.

— Послушай, — сказал врач. — Из моей лаборатории исчез кролик. Если ты к этому руку приложил — лучше не отпирайся. Мы ввели этому кролику микробы страшной болезни, и теперь он может разнести заразу по всему городу. Хорошо, что ты еще не успел его съесть, иначе б тебя уже не было в живых.

У ворот ждала санитарная машина. Они поспешно забрались в нее и с включенной сиреной помчались к дому Марковальдо, оставляя за собой на дороге след из цветов, кожуры и листьев, которые Марковальдо печально бросал в окошко.

В то самое утро жена Марковальдо долго ломала голову над тем, что бы такое приготовить на обед. И вдруг взгляд ее упал на сколоченную наскоро клетку, выстеленную бумагой. Может, он и кстати принес этого кролика, подумала она. Дома шаром покати, все жалованье ушло на лекарства: ведь страховая касса только часть оплачивает. Лавочники в долг больше не дадут. Где уж нам разводить кроликов или ждать Рождества. Сами сидим голодные, а тут еще кролика откармливай!

— Изолина,—позвала она старшую дочку.— Ты уже взрослая, пора учиться готовить. Давай-ка прикончи этого кролика и обдери шкурку, а потом я тебе расскажу, как делается жаркое.

Изолина с увлечением читала в журнале какую-то сентиментальную историю.

— Нет уж,—лениво откликнулась она.— Сама его приканчивай, обдирай, а как начнешь готовить — позови меня.

— Умная какая! — возмутилась мать.— У меня духу не хватит. Но вообще это проще простого. Схвати его за уши и хорошенько стукни чем-нибудь по шее. А разделявать будем вместе.

— Еще чего! — бросила Изолина, не отрываясь от чтения.— Чтoб я живого кролика по шее била! А уж разделявать подавно не собираюсь.

Трое мальчишек, вытаращив глаза, слушали их разговор. Мать, подумав, сказала:

— Вот что, дети...

Ребята, как по команде, повернулись и пошли к двери.

— Подождите, куда вы? — крикнула мать.— А кто с кроликом погуляет? Сейчас повяжем ему красивую ленточку, и поведете его на прогулку.

Сыновья остановились на пороге, переглянулись.

— А где гулять-то? — спросил Микелино.

— Ну, пройдите по двору. Потом загляните к синьоре Диомире и попросите ее зарезать и разделать кролика — она это умеет.

Хитрость удалась: дети, как известно, слышат лишь то,

что им приятно, остальное пропускают мимо ушей. Они нашли длинную сиреневую ленту и нацепили ее кролику наподобие ошейника. Так, вырывая друг у друга эту ленту, они тащили за собой полузадушенного, упирающегося зверька.

— Да, и скажите синьоре Диомире, — кричала им вслед мать, — что она может взять себе ножку! Нет, пожалуй, лучше голову! Словом, пусть сама выберет.

Не успели мальчишки уйти, как в дом ворвались санитары и полиция. Марковальдо стоял среди них ни жив ни мертв от страха.

— Где кролик? Показывайте быстро, только не притрагивайтесь к нему: он заражен ужасной болезнью!

Марковальдо подвел их к пустой клетке.

— Уже съели?

— Нет, нет!

— Так где же он?

— У синьоры Диомиры!

Преследователи снова ринулись в погоню, вот они уже барабанят в дверь к синьоре Диомире.

— Кролик? Какой кролик? Вы что, рехнулись?

При виде санитаров и полицейских старуху едва удар не хватил. О злосчастном кролике она и слыхом не слыхала.

А мальчишки, задумав спасти кролика от смерти, решили спрятать его в надежном месте, поиграть с ним немного, а потом выпустить на волю. И вместо того чтоб идти к синьоре Диомире, сразу же поднялись на крышу. Потом они скажут матери, что кролик сорвался с поводка и убежал. Но кролик не то что бежать — даже гулять не желал. Взбираться с ним по лестнице оказалось таким трудоемким делом, в конце концов пришлось взять его на руки.

На крыше мальчуганы решили спустить его с поводка: пусть порезвится, но кролик будто прирос к месту. Посадили его на карниз, чтобы поглядеть, станет ли он лазать так же ловко, как кошки. А у него, похоже, закружилась голова. Тогда они взгромоздили его на телевизионную антенну, но кролик потерял равновесие и свалился. Вскоре детям эта игра надоела, они оставили кролика возле карниза, откуда

открывалось море наползающих друг на друга серых неровных крыш, а сами убежали.

Оглядевшись, кролик задвигался сперва на месте, потом прополз немного и наконец стал перепрыгивать с крыши на крышу. Он родился в неволе, его представления о свободе были крайне ограничены: избавиться на время от страха — о большем он и не мечтал. А тут пусто, никого нет — прыгай себе спокойно и ничего не бойся. Такого счастья он в своей жизни еще не испытывал. Место, правда, было несколько необычное, но разве может кролик осмыслить, что для него обычно, а что необычно! К тому же с того момента, как он почувствовал внутри непонятную тупую боль, окружающее потеряло для него почти всякий интерес. Так он прыгал и прыгал по крышам, а местные коты испуганно пятились при виде странного зверя.

Скоро передвижение кролика было замечено: из слуховых окошек, с чердаков и мансард за ним уже следило множество глаз. Кто-то поставил на подоконник миску салата, а сам спрятался за занавеску; другой кинул на крышу огрызок груши, привязав к нему бечевку; третий разложил на карнизе кусочки моркови. И в каждой из этих семей, живущих под самой крышей, слышалось:

- Сегодня полакомимся тушеной крольчатиной.
- Ох и вкусное рагу получится!
- Как насчет жаркого из кролика?

Кролик, конечно, заметил все выложенные для него приманки. Но, несмотря на голод, опасался к ним приближаться. Он знал, что всякий раз, когда люди предлагают ему пищу, обязательно случаются всякие неприятности: то его больно колют шприцем, то запихивают под куртку, то надевают на шею веревку и тащат за собой... Воспоминания об этих муках сливались с болью внутри, с предчувствием скорой смерти. И с голодом тоже. Но инстинктивно он ощущал, что из всех обрушившихся на него бед только голод ему подвластен, а эти коварные существа — люди — могут не только мучить, но и защитит и приласкать, в чем он сейчас так нуждался. Поэтому кролик решил сдаться на ми-

лость людей, притвориться, будто не понимает их уловок, а там будь что будет! И он начал поглощать кусочки моркови, спускаясь все ниже к слуховому окошку. Пускай все это кончится неволей и новыми мучениями, зато он полакомится напоследок вкусными, впитавшими в себя аромат земли овощами! Вот он уже совсем близко, сейчас протянется рука и схватит его. Но вдруг окно перед самым носом захлопнулось. Это уж совсем непонятно: он сам идет в ловушку, а его не ловят! Кролик обернулся, поискал другую ловушку, но листья салата отовсюду исчезали, веревки втягивались обратно, окна закрывались, чердаки и крыши пустели.

А дело было вот в чем: по городу промчалась полицейская машина, и офицер кричал в рупор:

— Внимание, внимание! Из больницы пропал белый длинношерстный кролик, носитель страшной инфекции! Мясо его ядовито, и даже простое прикосновение может оказаться заразным! Каждый, кто его заметит, должен немедленно сообщить в ближайший полицейский участок, в больницу или пожарную команду.

Обитатели мансард пришли в ужас. Все были начеку, и стоило кому-нибудь увидеть на крыше кролика, он тут же поднимал тревогу, и все прятались, словно налетела туча саранчи. Кролик продолжал осторожно спускаться по карнизу. Теперь, когда человеческая забота была ему нужнее всего, он вдруг остался в жутком одиночестве.

А тем временем старый охотник Ульрико, зарядив ружье дробью, притаился на крыше, за трубой. Различив в тумане силуэт кролика, он выстрелил, но страх подхватить заразу был так велик, что опытный стрелок промахнулся, и дробинки градом застучали по черепице. Только одна прошила кролику ухо. Услышав грохот выстрела, он понял: ему объявили войну и теперь примирение с людьми уже невозможно. И в ответ на все зло, которое причинили ему люди, он решил бросить им вызов — свести счеты с жизнью.

Покатая железная крыша обрывалась в пустоту, в пелену белесого тумана. Кролик перепрыгнул на нее и сначала медленно, а затем все быстрее стал сползать к карнизу. Затрав-

ленный изнутри и снаружи, катился он навстречу смерти. У края пропасти он зацепился за водосточную трубу, но лишь на миг — потом камнем рухнул вниз...

И попал в защищенные перчатками руки пожарника, стоявшего на самом верху переносной лестницы. Не дав зверьку даже умереть достойно, его сунули в машину «Скорой помощи» и на бешеной скорости повезли в больницу. В той же машине сидел Марковальдо с женой и детьми: их собирались обследовать и сделать необходимые прививки.

Сад неистовых котов

Кошачий город расположен внутри людского города, но это разные города. Теперь мало кто из котов помнит времена, когда этой разницы не было: когда коты разгуливали по улицам и площадям наравне с людьми, а газоны, балконы, дворы и фонтаны принадлежали и тем и другим без разбору. Но вот уже несколько кошачьих поколений живут, как пленники, в городе, где жить невозможно: по улицам сплошным потоком мчатся смертоносные машины «дави кошек!»; если раньше там и сям взгляду открывался садик, или пустырь, или древние развалины, то теперь каждый квадратный метр застроен корпусами, жилыми массивами, новенькими небоскребами; во все уголки втиснуты машины, дворы сплошь заасфальтированы, и в какой ни загляни, там непременно гараж, кинотеатр, складское помещение или мастерская. Где прежде простиралось холмистое плоскогорье приземистых крыш, карнизов, террас, баков с водой, балконов, слуховых окошек, железных навесов, теперь высятся надстройки над всем, что только можно надстроить. Исчезают промежуточные уровни между полуподвалами и тянущимися к небу суператтиками. Нынешние коты тщетно ищут тропы своих отцов — скажем, опорную точку для мягкого прыжка с балюстрады на карниз или водосточную трубу, по которой можно лихо вскарабкаться на черепичную крышу.

В этом спрессованном, вертикальном городе, где все пустоты тяготеют к заполнению, где между двумя бетонными глыбами всегда стремится втиснуться третья, вам открывается некий подпольный город, своего рода антигород, который состоит из узких, минимально допустимых нормами строительства, просветов между стенами, фасадами, торцами, стропилами; это город световых колодцев, вентиляционных камер, скошенных пандусов, внутренних двориков, полуподвальных ниш, которые словно сеть высохших каналов изрезали планету битума и штукатурки — по этим самым каналам, держась поближе к стенам домов, и курсирует доньше древнее кошащее племя.

Порой Марковальдо, чтобы как-то убить время, принимался следить за котом. В обеденный перерыв — с двенадцати тридцати до трех, — когда все, кроме него, отправлялись домой, он доставал из сумки какой-нибудь бутерброд и устраивался на ящике у склада, а завершив трапезу, выкуривал половинку тосканской сигары и в одиночестве слонялся вокруг предприятия, дожидаясь конца перерыва. В часы вынужденного безделья кот, высунувший морду из какого-нибудь окна, был для Марковальдо самым желанным спутником и гидом в неведомое кошащее царство. Так Марковальдо подружился с одним тигровым котом, чей холёный вид и голубой бантик на шее выдавали в нем питомца состоятельной семьи. Тигровый кот, как и Марковальдо, любил прогуляться после обеда — эта общая привычка их сближала.

Сопровождая своего приятеля, Марковальдо мало-помалу начал смотреть на окружающий мир его круглыми глазами, и знакомые улицы предстали как бы в новом свете: здесь жизнь не стояла на месте, но двигалась она вперед на мягких бархатных лапках. На первый взгляд котов в квартале почти не было, однако Марковальдо каждый день знакомился с новыми персонажами; ему было довольно услышать «мяу» или «фрр», увидеть вздыбленную шерсть или изогнутую спину, и он безошибочно угадывал, что тут происходит, какие новые интриги или схватки затеваются. Подчас все ко-

ты усаживались вокруг него с непроницаемым видом, подобно сфинксам: красные треугольники носа смыкаются с черным треугольником рта, и только кончики ушей подрагивают, вибрируют, словно радары. Оказавшись в радиусе действия сверхчувствительных усов-антенн и ощущая на себе взгляды сужившихся до щелочек глаз, Марковальдо тешил себя надеждой, что ему ведомы все кошачьи тайны. Но вот они доходили до конца просвета между глухими, мрачными стенами, и внезапно Марковальдо обнаруживал, что его спутники как сквозь землю провалились, что даже тигровый приятель его бросил. Значит, были в их царстве территории, куда посторонним вход воспрещен, равно как и обряды, обычаи, недоступные чужому пониманию.

Зато из кошачьего города в совершенно неожиданных ракурсах предстал город людей; так, именно тигровый кот вывел его однажды к шикарному ресторану «Биарриц».

Желающему увидеть ресторан «Биарриц» нужно всего лишь оказаться на уровне кота — то есть встать на четвереньки. Таким образом, кот с человеком проследовали по куполообразному перекрытию, где на уровне их ног располагались низкие прямоугольные оконца, и по примеру своего спутника Марковальдо глянул вниз. Эти фрамуги, как выяснилось, служили для верхнего освещения и вентиляции роскошного зала. Под всхлипыванья цыганских скрипок проплывали на серебряных подносах куропатки и золотистые перепела, ловко балансируя на обтянутых белыми перчатками пальцах официантов во фраках. Или, вернее, над куропатками проплывали подносы, а поверх белели перчатки свисающих с блестящего паркета официантов в лакированных штиблетах. К паркету прилепились вверх тормашками карликовые пальмы в кадках, столы, накрытые белоснежными скатертями, уставленные хрустальной посудой и ведерками со льдом, внутри которых, словно языки колокола, торчали бутылки шампанского, — все это в опрокинутом виде, потому что Марковальдо, опасаясь, что его заметят, не высывал голову в окошко, а довольствовался перевернутым отражением в наклонном стекле.

Кота же больше интересовало окошко в кухню и все, что за ним происходило, причем не издалека, не в приготовленном виде, а, как говорится, на расстоянии протянутой лапы. К примеру, ошипанная птица или свежая рыба. Поэтому он пробирался поближе к кухне и тянул за собой Марковальдо — то ли в порыве дружеского бескорыстия, то ли рассчитывая на помощь человека в очередном своем набеге. Но Марковальдо никак не мог оторваться от захватывающего зрелища: сперва его ошеломила пышность зала, а потом внимание привлекло нечто другое — настолько, что он пренебрег опасностью обнаружить себя и свесил голову вниз.

В центре зала, как раз под этим оконцем, располагался небольшой стеклянный садок типа аквариума, в котором плавали крупные форели. К нему направлялся солидный клиент с голым лоснящимся черепом, черной бородой и в смокинге. Сзади семенил старый официант во фраке с сачком в руках, словно собрался ловить бабочек. Господин в смокинге внимательно и строго обвел глазами форелей, поднял руку и медленным, величественным жестом указал на одну из них. Официант опустил сачок в воду, выловил указанную форель и направился в кухню, выставив вперед, будто копье, сачок с бьющейся в нем рыбой. Клиент с видом сурового судьи, только что вынесшего смертный приговор, вернулся к своему столу и сел ожидать, пока ему подадут жаренную на вертеле форель.

Если мне удастся спустить леску и форель попадет на крючок, подумал Марковальдо, меня вряд ли обвинят в воровстве, самое большее — в браконьерстве. И, не реагируя на мяуканье, призывавшее его в сторону кухни, пошел за своими рыболовными снастями.

Никто из многочисленных посетителей «Биаррица» не заметил, как тоненькая длинная леска с крючком и наживкой медленно опустилась в стеклянный садок. Зато рыбы увидели приманку и бросились к ней. Одной форели удалось заглотить червяка, и она тотчас же устремилась вверх, рассекла воду, отливая серебром, стала подниматься все выше, выше над сервированными столами, над тележками с за-

куской, над голубым пламенем конфорок, на которых жарились блинчики, пока не скрылась в оконце под куполом.

Марковальдо энергично, с ловкостью заядлого рыбака подтянул и дернул удочку; форель взвилась у него за спиной. Но не успела она коснуться земли, как кот сорвался с места. Едва теплившаяся в рыбе жизнь окончательно угасла в пасти тигрового кота. Марковальдо, отпустивший леску, чтобы схватить рыбу, вдруг увидел, как она ускользает у него из-под носа вместе с крючком и всем остальным. Он проворно наступил на удилице, но рывок оказался столь сильным, что человеку осталась лишь удочка, а тигровый кот бросился наутек с рыбой в зубах, волоча за собой леску. Ах, вероломный!

Ну, ничего, не сбежишь, сзади тащится длинная леска и выдает тебя с головой! Хотя кот уже скрылся из виду, Марковальдо все время держал в поле зрения кончик лески: вот он скользнул по стене, перемахнул через балкон, извиваясь, скрылся в подворотне, нырнул в полуподвал... Марковальдо все углублялся в кошачьи дебри: карабкался по навесам, прыгал через перила — только бы не упустить подвижный след, разоблачавший похитителя.

Вот леска дернулась на тротуаре и стала пересекать улицу среди машин. Марковальдо мчался следом и почти настиг ее. Бросок на землю — и кончик у него в руках. Марковальдо ухватил его за мгновение до того, как тот проскочил между перекладинами железной ограды.

Проржавевшая калитка посреди увитой плющом ограды вела в запущенный садик, в глубине которого находилась небольшая, необитаемая на первый взгляд вилла. Ковер сухих листьев устилал дорожки, под ветвями двух платанов и на клумбах скопились целые пригорки, слой листьев плавал на зеленой поверхности водоема. Садик обступили со всех сторон громадные здания: небоскребы тысячами окон неодобрительно смотрели на квадратный островок земли с двумя деревьями, старой черепичной крышей и ворохом желтых листьев, чудом уцелевший в самом центре грохочущего квартала.

В этом садике, устроившись на капителях и перилах, развываясь на клумбах среди увядших листьев, вцепившись в стволы деревьев и желоба водосточных труб, стоя на четырех лапах, вопросительно изогнув хвосты и умываясь, пребывали коты всех видов и мастей: черные, белые, пятнистые, тигровые, нубийские, ангорские, персидские, домашние и бездомные, надушенные и шелудивые. И Марковальдо понял, что наконец-то попал в кошачью цитадель, на их загадочный остров. От волнения он чуть не забыл о форе-рели.

Леска с рыбой повисла на ветвях так высоко, что коты не могли ее достать: должно быть, форель выпала из пасти похитителя при неудачной попытке защитить ее или, наоборот, продемонстрировать свою необыкновенную добычу; одним словом, леска застряла, и Марковальдо, сколько ни дергал, не мог отцепить ее. Между тем коты вступили в ожесточенную борьбу за обладание недоступной рыбой или, во всяком случае, за право до нее добираться. Они бросались друг на друга, катались клубком по земле и при этом шипели, выли, фыркали и душераздирающе мяукали; в конце концов завязалась настоящая битва — только сухие листья, шелестя, летали по ветру.

Марковальдо после стольких тщетных усилий удалось наконец освободить леску, но теперь потянуть ее на себя он не решался: форель могла упасть в самую гущу котов.

И тут с высоты ограды посыпался странный дождь: рыбы кости, головы, хвосты, пузыри, потроха. Коты отвлеклись и кинулись на эту манну небесную. Удачный момент, чтобы дернуть за леску и вернуть свою добычу. Но пока Марковальдо собирался это сделать, из-за приоткрытых ставен виллы протянулись две сухонькие желтые руки — одна потрясала ножницами, другая сковородой. Рука с ножницами приподнялась над форелью, рука со сковородой пристроилась под ней. Ножницы перерезали леску, форель шлепнулась на сковороду, потом руки, ножницы и сковорода скрылись, ставни захлопнулись. Все это прои-

зошло так быстро, что Марковальдо не успел и глазом моргнуть.

— Вы тоже кошатник? — слышалось у него за спиной.

Марковальдо обернулся. Его окружали женщины — одни совсем дряхлые, в допотопных шляпках, другие помоложе, но также типичные старые девы, — каждая держала в руках сумку или кулечек с обрезками мяса и рыбы, а у некоторых были даже мисочки с молоком.

— Не могли бы вы перекинуть вот этот пакет через ограду — пусть бедняжки полакомятся.

В этот час все кошатницы приходили к засыпанному сухой листвой садику, чтобы покормить своих питомцев.

— Скажите, почему коты собираются именно здесь? — поинтересовался Марковальдо.

— А куда же им деваться? Один садик во всем городе и остался! Сюда сбегаются коты даже из самых отдаленных кварталов.

— И птицы, — добавила другая кошатница, — на двух деревьях сотни гнезд.

— А лягушки!.. — подхватила третья. — Они, кажется, все живут в этом водоеме. По ночам такие концерты закатывают — даже на седьмом этаже слышно!

— И чья же это вила? — спросил Марковальдо.

Теперь у калитки кроме кошатниц появились и другие лица: заправщик с бензоколонки напротив, мальчишки-разносчики из мастерской, почтальон, зеленщик, несколько прохожих. Все охотно отвечали на вопросы Марковальдо, и каждому хотелось вставить словцо, как обычно бывает при обсуждении загадочных и противоречивых тем.

— Одной маркизы, но она никогда не показывается...

— Ей подрядчики за этот клочок земли миллионы предлагали, но она не продает...

— А зачем одинокой старушке миллионы? Ее вполне устраивает эта развалюха, и переселяться она не желает...

— Это единственная незастроенная площадка в центре города. Ее цена растет с каждым годом... Маркизе делали такие предложения...

— Ладно бы только предложения! Ее и запугивали, и угрожали, и преследовали... Сами знаете, каковы предприниматели!

— А она держится— вот уж сколько лет не сдается...

— Одно слово— святая! Что бы без нее делали эти бедные существа?!

— Как бы не так, нужны ей эти существа, старой сквальге! Вы когда-нибудь видели, чтоб она их кормила?

— Что она может им дать, когда у нее самой ничего нет! Она— последняя из разорившейся династии.

— Да она ненавидит котов! Я сама видела, как она гонялась за ними с зонтиком!

— Потому что они затоптали цветы на ее клумбах!

— Какие там цветы! В саду, сколько я себя помню, сплошные сорняки!

Мнения о старой маркизе резко разделились: одни считали ее ангелом во плоти, другие— эгоисткой и жадной.

— А птицам хоть бы когда хлебных крошек кинула!

— Она их приютила! Вам этого мало?!

— Ну да, так же как и комаров. Все они отсюда, из ее водоема. Летом житья от них нет, и все по милости проклятой маркизы!

— Еще про мышей забыли!.. Их здесь целые полчища. Прорыли норы под сухими листьями и по ночам делают набег.

— Ну, тут уж пускай коты позаботятся.

— Держите карман шире! Если рассчитывать на этих котов...

— В чем дело? Что вы имеете против котов?

Обсуждение постепенно выливалось в перебранку.

— Пора властям реквизировать эту виллу! — восклицал один.

— По какому праву?! — возмущался другой.

— В таком современном, благоустроенном квартале, как наш, развести мышей!.. Нет, запретить это, и все тут!

— А вот я выбрала эту квартиру именно потому, что отсюда виден островок зелени!

— Тоже мне зелень! Представляете, какое прекрасное высотное здание можно было бы здесь построить!

Марковальдо тоже хотелось высказаться, но он никак не мог вклиниться в перепалку. Наконец улучил момент и единым духом выпалил:

— Маркиза украла у меня форель!

Это неожиданное сообщение послужило козырем для противников старухи, сторонники же расценили его как доказательство бедственного положения знатной дамы. Однако и те и другие согласились, что Марковальдо следует постучаться к ней и потребовать объяснений.

С виду было неясно, заперта ли калитка, но стоило ее толкнуть, как она с жалобным скрипом отворилась. Марковальдо прошагал по листьям среди котов, поднялся на ступеньки и решительно постучал в дверь.

На окне (том самом, откуда высывалась сковородка) приоткрылись ставни, и в прорези замаячил круглый синий глаз, над ним — прядь крашенных волос неопределенного цвета и сухонькая ручка. Марковальдо явственно уловил запах кипящего масла.

— Кто там? Кто это стучит? — послышался пронзительный голос.

— Видите ли, маркиза, я по поводу форели, — пояснил Марковальдо. — Ради бога, извините за беспокойство, я только хотел сообщить вам, что эту рыбу кот украл у меня, я ее поймал, понимаете, и леска тоже...

— Везде, везде эти коты! — прогнусавила маркиза из ставен. — Они — мое проклятье! Вы себе не представляете, что это значит — день и ночь быть в плену у этих тва-

рей! Мало того, еще люди назло мне бросают через ограду мусор.

— Но моя форель...

— Ваша форель? Откуда мне знать о вашей форели?! — Голос маркизы почти сорвался на крик, словно она хотела заглушить шипенье масла на сковороде и запах жареной рыбы, проникавший сквозь ставни.— Что вы от меня хотите, когда в доме такое творится!

— Но ведь это вы взяли мою форель, разве не так?

— Мне от котов сплошное разорение! Просто голова кругом! Я ни за что не отвечаю! Вы меня спросите, сколько они всего потаскали отсюда. Годами разбойничают и в доме, и в саду! Вся моя жизнь во власти этих тварей. Не к хозяевам же идти, чтоб возместили мне убытки! Да что там убытки — они мне жизнь покалечили! Я здесь как в тюрьме, шагу ступить не могу...

— Простите, но кто вас здесь держит?

В щели между ставнями теперь показался и рот с двумя торчащими клыками, на миг Марковальдо увидел все лицо, очень напоминающее кошачью морду.

— Они, они держат! Эти коты! Ах, если б я могла вырваться отсюда! Мне ничего не жаль отдать за чистую удобную квартиру в новом доме! Но они меня не выпускают. Преследуют, не дают проходу! — Она почти перешла на шепот, словно раскрывала тайну.— Боятся, что я продам участок... Поглядели бы вы на них, когда ко мне приходят предприниматели с контрактом. Бросаются между нами, выпускают когти, даже нотариуса из дома выгнали! Однажды я собиралась подписать контракт, так они вломились в окно, опрокинули чернильницу и изорвали в клочья все бумаги.

Марковальдо внезапно вспомнил, что перерыв подходит к концу, что ему надо на склад, иначе влетит от начальника. И он на цыпочках удалился по сухим листьям, а вдогонку ему несся из-за ставен голос вместе с запахом жареного:

— Они и меня всю исцарапали! До сих пор шрамы вид-

ны... Я такая несчастная — брошена на растерзание этим иса-
чадьям ада!

Наступила зима. Снег белой пеленой лег на ветви, кры-
ши, кошачьи хвосты. Под ним догнивали опавшие листья.
Кошачьи гулянья прекратились, кошатницы тоже носа на
улицу не казали, и пакеты с потрохами перепали теперь
тем котам, которые являлись за ними на дом. О маркизе дав-
но не было ни слуху ни духу. Даже дым не шел из трубы на
вилле.

Но однажды, когда валил густой снег, в садике собра-
лись все коты, словно наступила весна, и принялись мяукать,
как в лунную ночь. Соседи поняли: что-то случилось. Стали
стучаться к маркизе, но никто не откликнулся: старуха умер-
ла.

Весной на месте садика заложили большое строитель-
ство. Экскаваторы рыли глубокие траншеи под фундамент,
железную арматуру заливали бетоном, высоченный подъем-
ный кран подавал балки рабочим, которые монтировали
каркас. Но работать было практически невозможно. Коты
разгуливали по лесам, сбрасывали кирпичи и ведра с извест-
ковым раствором, копошились в кучах песка. Только рабо-
чие соберутся поднимать арматуру, как на нее забирается
кот и яростно шипит. Коты, мурлыча, вспрыгивали камен-
щикам на плечи, и согнать их нельзя было никакими силами.
Птицы же тем временем вили на лесах гнезда, а будка
подъемного крана напоминала вольер... И никто не мог на-
брать воды, чтобы в ведре не оказалось полным-полно пры-
гающих и квакающих лягушек.

Три Далеких острова *

Трехмачтовое судно «Аделаида» вышло в открытое мо-
ре. Легкий бриз вздувал паруса, и корабль мерно покачи-
вался, разрезая носом волну. Но постепенно ветер усилился,

* © Giangiacomo Feltrinelli Editore, 1980

грозя порвать паруса, а волны все яростней набегали на борт.

Капитан приказал свернуть паруса, и юнга Джиромино взобрался на грот-мачту, чтобы привязать их к флагштоку. С вершины Джиромино видел, как разверзлась черная морская бездна. Грот-мачта гнулась под порывами ветра, пенные гребни волн вздымались все выше, и Джиромино почудилось, что он падает прямо в пасть огромной зубастой акулы. Из морских недр до него донесся сквозь грохот урагана напевный голос королевы сирен:

— Джиромино, Джиромино, ну чего ты прижимаешься к этой мачте, брось ее, спускайся в подводное царство, где все движенья гибки и мягки, давай станцуем средь саргассовых водорослей, промчимся над коралловыми рифами, мимо раковин, медленно раскрывающих створки, чтобы озарить тьму блеском жемчужин... На дне моря тоже есть небо, в котором столько лун, сколько рыб-месяцев, а медузы плывут, словно облака... Я поведу тебя в мой замок из китовой кости и обломков древних галер.

— Спасибо за любезное приглашение, о королева сирен! — отвечал юнга Джиромино, изо всех сил цепляясь за мачту. — Это было бы для меня счастье и большая честь! Но, видите ли, я обещал своей бабушке добраться до Далекого острова, где хранится сокровище, на которое она, бедняжка, возлагает столько надежд. За день до отплытия я навестил ее. «Джиромино, — сказала она мне, — раз ты выходишь в море, попытайся побывать на Далеком острове. Вот на этой карте обозначено, где пираты спрятали свои сокровища. Это единственное наследство, какое смог тебе оставить твой покойный дедушка!» Надеюсь, вы понимаете, Ваше Величество, что мне нельзя останавливаться на полпути. Не так уж мне и нужны эти сокровища пиратов, но уж больно бабушка просила. К тому же на Далеком острове живет моя двоюродная сестра; я ее ни разу не видел, но бабушка велела мне ее разыскать и разделить с ней сокровища поровну. «Покажи ей эту карту, передай от меня сердечный привет, и поделите все по-братски» — таков был бабушкин завет.

И вдруг море утихло, а вода стала прозрачной как стеклышко. Из морских глубин всплыла королева сирен и сказала:

— Раз так, пльви, Джиромино, спокойно, и уж я позабочусь, чтобы ты нашел свои сокровища, а главное — вернулся назад целым и невредимым.

Этот разговор подслушали три матроса, типы, надо прямо сказать, не очень порядочные.

— Слыхали, сокровища пиратов! — воскликнул матрос с деревянной ногой.

— Сокровища пиратов, говоришь? — протянул другой, с черной повязкой на глазу.

— Что-что, мешок салата? — сказал третий, со слуховой трубкой в ухе.

— Да нет, сокровища пиратов!!! — в один голос крикнули ему в трубку двое других.

Тут все три моряка-бандюги призадумались, потом пробормотали:

— Так ведь пираты... — Все трое приложили палец к губам, воровато огляделись вокруг и еле слышно прошептали: — Так ведь пираты — мы самые и есть!

Ну а тот, кто не пират,
Не получит этот клад!

— Так ведь пираты... — Один повернулся к другому. — Ну вот скажи, ты пират или не пират?

— Что, кончился салат? — опять не понял глухой.

Он не знает, кто пират?
Значит, нашим будет клад!

Джиромино лежал на палубе в гамаке, изучая карту острова, как вдруг трое бандюг накинулись на него, вырвали карту, а самого юнгу связали, всунули в бочку с сельдью и выбросили за борт. Потом стали рассматривать карту, передавая ее из рук в руки. Расшифровать условные обозначения было делом нелегким.

— Где тут начало, где конец?..

— Что? — переспросил глухой. — Остался один огурец?

— И где он, этот Далекий остров?

— Как? Соус слишком острый?

— А, вот атлас. Посмотри по списку.

— Чего-чего? Забыл редиску?

— Та-ак... Дакар... Дар-эс-Салам... Остров Далекий!

— А? Сахар, саями, фруктовые соки?

— Ого, да тут их целых три!

Они уткнулись в атлас.

— Северное море: Далекий остров, именуемый также остров Бурь. Южное море: Далекий остров, именуемый также остров Штиля. Коралловое море: Далекий остров, именуемый также остров Приливов.

Тугой на ухо:

— Сливы, оливы? Что-то я не разобрал.

— Куда же нам плыть?

— Сплаваем на все три.

— Точно — на все три! И поскорее.

Тугой на ухо:

— Ну вот, теперь понял: мясо с сельдереем.

— Я отправляюсь на остров Бурь, ты — на остров Штиля, а ты — на остров Приливов. Кто отыщет сокровища, подождет остальных.

А тем временем бедняга Джиромино плыл по волнам в бочке с селедкой.

— О великий океан, как же ты сомкнулся и сжал меня! Твои волны превратились в старые, сучковатые доски. Может, я уже умер? И это мой гроб? Кто бы мог подумать, что вечный покой так беспокоен!

В конце концов бочка угодила в пасть киту. Он разгрыз ее своими клыками, проглотил содержимое, а все остальное выплюнул. Джиромино очутился в длинной трубе, иными словами — в брюхе кита. Кит переваривает пищу крайне медленно, и потому Джиромино продвигался вглубь со скоростью черепахи.

— О великий океан, почему ты стал таким вонючим и вязким? Я уже погружаюсь в ад и никогда больше не увижу света?

Но тут кита загарпунили, и он, чтоб не угодить в сети китобоев, нырнул в подводный грот. Как только рыбы помельче увидели раненого кита, они набросились на него и разорвали на части. Джиромино забрался в какое-то ущелье и пополз наугад среди крабов и омаров.

— О безбрежное море, как ты отвердело! Теперь уж я и вовсе не знаю, куда выведет меня этот скалистый лабиринт — к свету или к центру Земли!

И вот попал Джиромино в жерло древнего вулкана. Все потухшие вулканы сообщаются между собой подземными переходами. Джиромино долго брел по этому туннелю из окаменевшей лавы, как вдруг впереди забрезжил свет...

Но вернемся к хромому матросу, который добрался наконец до Далеского острова, именуемого также остров Бурь. Там, на вершине черной скалы, омываемой грохочущими волнами, он увидел одинокий дом, обдуваемый со всех сторон ветрами. Полуразбитые, дырявые ставни жалобно скрипели на ржавых петлях. Крыша превратилась в кладбище осколков черепицы. Некогда белые, а теперь просмоленные, черные, как вороны, чайки парили в воздухе, то и дело ныряя в распахнутое чердачное окошко.

Согнувшись в три погибели, моряк на деревянной ноге кое-как вскарабкался на скалу и бросился к дому. Новый порыв ветра распахнул перед ним дверь в прихожую. Едва-едва удалось ему закрыть дверь за собой. Дом от фундамента до крыши скрипел и шатался — вот-вот рухнет. Даже из комнаты в комнату хромоногий моряк пробирался, хватаясь за косяки, иначе бы ветер унес его с собой.

— Эй, есть тут кто-нибудь? Отзовитесь же поскорей, пока этот сарай не обвалился! Здесь живет двоюродная сестра? Двоюродная сестра двоюродного брата? А двоюродный брат, собственно, я и есть... Эй, сестра-а, где ты?

Но рев ветра и волн заглушал его крики.

— Эй, отзовитесь! Ведь я — наследник, приплыл за своей долей! — Он на лету ловил тарелки и статуэтки.

— Ну чего раскричался? — прозвучал совсем рядом совершенно спокойный голос.

Моряк обернулся и увидел молодую женщину в белом накрахмаленном чепчике. Она сидела в кресле и вязала, не обращая внимания на непогоду.

— Да как можно сидеть тут спокойно, когда буря дом уносит?! Надо же делать что-то?!

— Здесь всегда буря. Так что дергаться мало толку. Садись-ка лучше и поддержи моток.

— Но я — твой кузен, приплыл за сокровищем. Отдай мне мою долю, и я пойду.

— Мне наплевать, кузен или не кузен, теперь уж тебе никуда отсюда не деться. — Она без колебаний надела ему на руки шерсть.

А тем временем одноглазый пересек Южное море и достиг Далекого острова, именуемого также островом Штиля. В тяжелом, застывшем воздухе не ощущалось даже дуновения. Волны лениво накатывались на берег и отступали назад. Над морем тучами висела мошкара.

На веранде одинокого бунгало девушка с длинными распущенными волосами сидела в кресле-качалке и нервно обмахивалась веером.

— О-о-о! Ну что за жизнь! Нет, так дальше жить нельзя! Здесь никогда и ничего не происходит. День за днем, месяц за месяцем — ничего! Хоть бы кто-нибудь появился! О, я этого не вынесу! Так и хочется бить, рвать, кусать, царапать! Но что мне бить, кого царапать и кусать? Ох, не знаю, не знаю, не знаю!

Одноглазый, задыхаясь, весь в поту, дотащился до веранды. От жары он едва ворочал языком.

— Синьорита... позвольте к вам обратиться... уф... погодите малость... пока я встану в тень... Мне бы прилечь ненадолго... да освежиться стаканчиком гранатового сока... я, знаете ли, приплыл сюда, чтобы отыскать... может, вы о нем слышали... сокровище пиратов... вообще-то говоря, я — ваш кузен... если, конечно, я не помешаю... все ж таки мы родня... какое счастливое совпадение, не правда ли?

Девушка встала и принялась расхаживать взад-вперед, раздраженно обмахиваясь веером.

— Это что еще за тварь ползучая! О-о-о, боже! А я-то обрадовалась, живой человек объявился: думала, поговорю с ним, расспрошу о том, что происходит там, где что-то происходит. Узнаю, что теперь поют, что танцуют. А это просто слизняк, медуза, крыса! Эй ты, вставай и займись делом! — Она больно его ущипнула. — На, держи веер и обмахивай меня, идиот!

— Успокойтесь, синьорита, — испугался одноглазый. — Договоримся мирно, по-родственному. Я, как ваш кузен, возьму свою долю наследства и не стану вам больше докучать.

— Мне наплевать, кузен ты или не кузен, теперь уж тебе никуда отсюда не деться. — И погнала его к колодцу качать воду.

А в Коралловом море тоже есть Далекий остров, именуемый также островом Приливов. Все подплывающие к нему корабли неизбежно разбиваются об острые коралловые рифы, которые кольцами окружают остров. Меж одним кольцом и другим, там, где волны крутятся в бесконечной карусели, первая красавица острова по имени Водорослинка занималась серфингом. На голове у нее был веночек из ракушек, на шее — ожерелье из ракушек, даже юбка и та была из ракушек.

В центре острова возвышался потухший вулкан, и Джиромино, порядком проблуждав под землей, здесь-то и выбрался наконец наружу. И сразу увидел Водорослинку, качавшуюся на волнах.

— Как ловко у тебя получается! — восхитился он. — А можно и мне попробовать?

— Это совсем не трудно, — ответила Водорослинка. — Надо только найти золотую середину: с одной стороны, не бороться с волнами, а с другой — не отдаваться на их волю. Вес тела и напор воды должны уравнивать друг друга. Вот и весь секрет.

— Знаешь, я бы с радостью остался тут у тебя, — сказал Джиромино.

— И мне бы этого хотелось,— ответила Водорослинка.— Но только тебе придется довольствоваться малым. На этом острове вся пожива — это то, что море выбрасывает на берег после кораблекрушения.

— Работы я не боюсь,— сказал Джиромино, взялся за метлу и стал подметать берег. И вдруг увидел слуховую трубку.— О, где-то я такую уже видел.— Потом наткнулся на черную повязку.— И эту тоже... вот только где?..— Вскоре попалась деревянная нога.— И вот эта определенно что-то мне напоминает.— Но так и не вспомнил — что.

А вышло так, что глухой, пытаясь причалить к острову Приливов, потерпел кораблекрушение. Его приятели — хромой и одноглазый, — сбегав от девиц с двух других островов и прихватив по сейфу, полному золотых монет и слитков, тоже разбились о коралловые рифы. Вскоре Джиромино действительно нашел и два сейфа, выброшенных на берег приливом, и вскрыл один из них.

— Если здесь и не все сокровища пиратов, то уж наверняка половина.— Потом взломал второй сейф.— Ну да, а вот и другая. Половина плюс половина равно целому. Теперь вспомнил! Эх, как бы обрадовалась бабушка, окажись ты моей двоюродной сестрой.

— Мне наплевать, двоюродной или троюродной, но я с тобой хоть на край света,— сказала Водорослинка.

В тот же миг из глади морских просторов к их ногам подкатилась и застыла в ожидании волнистая-преволнистая волна. Ее послала королева сирен.

— Доверься ей, Джиромино,— услышал юнга певучий голос.— Волна эта необычная: она пройдет по морям и океанам, обогнет весь свет и доставит тебя домой в целости и сохранности.

— А Водорослинке можно со мной?

— Ну конечно, она будет указывать тебе дорогу.

— А как быть с сокровищами для бабушки?

— Ты нашел их — это главное. Теперь сокровища надо перепрятать, начертить другую карту, чтобы снова отправиться на поиски. А перевозить их опасно — слишком уж много пиратов рыскает теперь по морям. Не сомневайся, бабушка поймет.

Джиروмино и Водорослинка встали на доску для серфинга, и волна помчала их вперед, лавируя между другими волнами.

Дино Буццати

Нападение на Большой Конвой

Арестованный на улице городка и осужденный только за контрабанду — ибо остался неопознанным, — атаман разбойников Гаспар Планетта три года просидел в тюрьме.

Он вышел оттуда другим человеком: болезнь иссушила его, он зарос бородой и походил больше на убогого старикашку, чем на знаменитого атамана, лучшее ружье тех мест, никогда не дававшее промаха.

Так вот, уложив свои пожитки в мешок, он отправился в Монте-Фумо, где располагалось его царство и где он оставил своих товарищей.

Было июльское воскресенье, когда он вступил в долину, в глубине которой стоял их дом. Лесные тропинки не изменились: вот он, зацветший пень, а там такой знакомый причудливый камень. Все как прежде.

День был праздничный, и разбойники сидели дома. Подойдя ближе, Планетта услышал голоса и смех. В отличие от того времени, когда он был тут хозяином, дверь оказалась заперта.

Он постучал. В доме затихли. Потом спросили:

— Кто там?

— Я из города, — ответил он. — От Планетты.

Ему хотелось сделать им сюрприз, но, когда они ему открыли и вышли навстречу, Гаспар Планетта сразу понял,

что его не узнали. Только старый, отощавший пес Рожок бросился к нему с радостным лаем. Поначалу его старые товарищи — Козимо, Марко, Плющ — да еще три-четыре незнакомых парня сгрудились вокруг него, расспрашивая о Планетте. Он сказал, что познакомился с их атаманом в тюрьме, что Планетту освободят через месяц и тот, мол, послал его сюда разузнать, как идут дела.

Однако через некоторое время разбойники утратили всякий интерес к пришельцу и под тем или иным предлогом разошлись по своим углам. Только Козимо продолжал разговаривать с ним, все еще его не узнавая.

— А когда он выйдет из тюрьмы, что он собирается делать? — спросил Козимо, имея в виду бывшего атамана.

— Что он собирается делать? — переспросил Планетта. — А разве он не может вернуться сюда?

— Конечно, конечно, почему же нет? Но я подумал о нем, я подумал... Тут многое переменилось. Ему захочется опять командовать, это понятно, а я уж не знаю...

— Чего ты не знаешь?

— Не знаю, согласится ли Андреа... как бы чего не вышло... По мне, так пусть возвращается, мы с ним всегда ладили.

Так Гаспар Планетта узнал, что новым атаманом стал Андреа, один из прежних его товарищей, которого он, правда, всегда считал большой скотиной.

Дверь широко распахнулась, и Андреа остановился посреди комнаты. Планетта помнил ленивого верзилу, а теперь перед ним стоял грозный разбойник со свирепым взглядом и пышными усами.

Андреа тоже его не признал.

— Вот оно что, — сказал он, узнав о Планетте. — А чего ж он не бежал из тюрьмы? Ведь это так просто. Марко тоже упрятали за решетку, но он не пробыл там и недели. И Стелла бежал без труда. А уж ему-то, атаману, сидеть в тюрьме вроде бы и вовсе не пристало.

— Теперь там, к слову сказать, не то, что прежде, — ответил, плутовато улыбаясь, Планетта. — Теперь там поболь-

ше часовых и решетки заменили. Словом, ни минуты без присмотра. А кроме того, приболел он.

Так он сказал, но, говоря это, понимал, что отрезает себе пути назад, что атаман не может дать себя арестовать, а уж тем более просидеть в тюрьме целых три года, как последний бродяга. Он понимал, что состарился, что ему тут не место, что звезда его закатилась.

— Планетта мне сказал,— устало продолжал он — он, всегда говоривший бодро и весело,— Планетта сказал мне, что оставил здесь своего коня, белого коня по кличке, если не ошибаюсь, Поляк, у него еще нарост под коленом.

— Ты хочешь сказать, был нарост? — вызывающе спросил Андреа, начинавший догадываться, что перед ним сам Планетта.— В том, что конь издох, мы уж никак не виноваты.

— Он мне сказал,— спокойно продолжал Планетта,— что оставил здесь свою одежду, фонарь, часы.— И тут он чуть-чуть улыбнулся, подойдя к окну, чтобы все могли по-лучше его разглядеть.

И они его разглядели, они узнали в этом тощем старикашке то, что осталось от их атамана, от знаменитого Гаспара Планетты, лучшего и когда-то всем известного ружья, ни разу не давшего промаха.

Однако никто не показал вида. Даже Козимо не осмелился и слова произнести. Все притворились, будто не узнают его, потому что тут был Андреа, новый атаман, которого они боялись. Андреа держался так, словно бы ничего не понимал.

— Его вещей никто не трогал,— сказал Андреа,— они должны лежать вон в том сундуке. Но я что-то не слышал о его одежде. Может, ее кто износил?

— Он сказал мне,— невозмутимо продолжал Планетта, но теперь уже без улыбки,— он сказал, что оставил здесь свое меткое ружье.

— Его ружье по-прежнему здесь,— ответил Андреа,— и он может забрать его когда угодно.

— Он говорил мне,— продолжал Планетта,— он часто говорил мне: кто знает, как там обращаются с моим ружьем,

как знать, не найду ли я, вернувшись, вместо него ни на что не годную железяку. Он был очень привязан к своему ружью.

— Я пару раз пострелял из него,— признался Андреа, и в его голосе прозвучал вызов.— Но ведь не съел же, черт побери!

Гаспар Планетта снова уселся на скамью. Он почувствовал, что у него опять начинается приступ лихорадки: не бог весть какая болезнь, но голова стала мутной и тяжелой.

— Скажи,— обратился он к Андреа,— ты мог бы показать мне его?

— А ну-ка,— сказал Андреа, делая знак одному из тех новых разбойников, которых Планетта не знал,— а ну-ка подай сюда ружье.

Ружье принесли и подали Планетте. Он внимательно, озабоченно осмотрел его и мало-помалу успокоился. Погладил рукою ствол.

— Ладно,— сказал он после долгой паузы.— Он еще говорил мне, что оставил здесь патроны. Я даже точно помню: шесть мер пороха и восемьдесят пять пуль.

— А ну-ка,— сказал Андреа сердито,— а ну-ка принесите ему порох и пули. Еще что-нибудь вспомнил?

— Еще...— ответил преспокойно Планетта, поднимаясь со скамьи, подходя к Андреа и выдергивая у него из-за пояса длинный кинжал в ножнах.— Еще вот этот охотничий нож,— сказал он и сел на прежнее место.

Наступила долгая, гнетущая тишина. Наконец Андреа сказал:

— А теперь вечер добрый,— сказал он, давая понять Планетте, что пора уходить.

Гаспар Планетта поднял на Андреа глаза, мысленно взвешивая его сильное, мускулистое тело. Разве мог он принять брошенный вызов, он, такой больной, измученный? Поэтому Планетта медленно встал, подождал, пока ему вернут его вещи, засунул их в мешок и вскинул на плечо ружье.

— Что ж, вечер добрый,— сказал он, направляясь к двери.

Разбойники застыли в изумлении: им и во сне бы не при-

снилось, что Гаспар Планетта, знаменитый разбойничий атаман, уйдет вот так, вконец униженный и оплеванный. Один лишь Козимо сумел, отбросив притворство, выдать из себя каким-то хриплым голосом:

— Прощай, Планетта. Счастливо тебе!

Планетта шел назад лесом, среди вечерних теней, насвистывая песенку.

Теперь Планетта не был больше атаманом разбойников, он стал просто Гаспаром Планеттой, некогда звавшимся Северино, сорока восьми лет от роду и не имеющим постоянного места жительства. Но жилье у него все-таки имелось — халупа на Монте-Фумо, построенная из камней и досок посреди густых зарослей; в ней он однажды прятался, когда вокруг шастало слишком уж много жандармов.

Планетта добрался до своей халупы, развел огонь в очаге, пересчитал, сколько у него денег (их ему должно было хватить на несколько месяцев), и зажил один-одинешенек.

Но как-то вечером, когда он сидел у очага, дверь резко отворилась, и на пороге с ружьем в руках появился юноша. С виду лет семнадцати.

— В чем дело? — спросил Планетта, даже не привстав.

Глаза у юноши блестели задором, как у него, Планетты, только годков эдак тридцать тому назад.

— Тут живут ребята из Монте-Фумо? Я ищу их вот уже три дня.

Мальчика звали Пьетро. Он, нимало не смутившись, заявил, что хочет уйти в разбойники. Он всегда бродяжничал и давным-давно подумывал об этом, но для того, чтобы стать разбойником, надо иметь по крайней мере ружье, и ему пришлось малость потерпеть; однако теперь ружье он украл, вполне приличный дробовик.

— Тебе здорово повезло, — весело заявил Планетта. — Я — Планетта.

— Ты хочешь сказать — атаман Планетта?

— Он самый.

— А разве он не в тюрьме?

— Я в ней, к слову сказать, побывал,— разъяснил Планетта, посмеиваясь.— Просидел в ней три дня. Не построили еще такую тюрьму, в которой можно было бы продержать меня дольше.

Мальчик посмотрел на него с восхищением.

— И ты согласен взять меня к себе?

— Взять тебя к себе? — переспросил Планетта.— Ладно, сегодня переночуешь тут, а завтра посмотрим.

Они стали жить вместе. Планетта не разочаровывал мальчика: он заставил его поверить, что он по-прежнему атаман, объяснил ему, что предпочитает жить в одиночестве и общается с товарищами, только когда это необходимо. Мальчик верил каждому его слову и ждал от него великих дел.

Но проходили дни, а Планетта не двигался с места. Самое большее — ходил иногда поохотиться. Все остальное время сидел подле очага.

— Атаман,— спрашивал Пьетро,— когда же ты поведешь меня на дело?

— А,— отвечал Планетта,— как-нибудь на этих днях мы заварим хорошую кашу. Я созову всех товарищей, и ты вдоволь потешишься.

Но дни проходили все так же.

— Атаман,— говорил мальчик,— я узнал, что завтра внизу, в долине, проедет карета богатого купца Франческо, у которого карманы набиты деньгами.

— Купца Франческо? — переспрашивал Планетта, не проявляя, однако, ни малейшего интереса.— Мне очень жаль, но я знаю его давным-давно. Уверю тебя, это старая лиса, когда он отправляется в дорогу, он не берет с собой ни единого скудо. Хорошо еще, если на нем будет хоть какая-нибудь одежонка: так он боится воров.

— Атаман,— говорил мальчик,— я узнал, что завтра проедут две телеги, груженные всякой всячиной. Что ты на это скажешь?

— В самом деле? — переспрашивал Планетта.— Всякой

всячиной? — И больше не произносил ни слова, словно речь шла о чем-то таком, что было ниже его достоинства.

— Атаман, — говорил мальчик, — завтра в городе праздник, туда наедет тьма народу, кареты, многие из них будут возвращаться ночью. Может, что-нибудь сообразим?

— Когда вокруг тьма народу, — отвечал Планетта, — лучше не высовываться. По праздникам полным-полно жандармов. Не стоит рисковать. В такой вот день меня и заапали.

— Атаман, — сказал мальчик несколько дней спустя, — признайся, с тобой что-то случилось. Ты не хочешь идти на дело. Ты даже на охоту больше не ходишь. И с товарищами не желаешь повидаться. Должно быть, ты болен, вчера тебя, кажется, опять лихорадило, ты все время сидишь у огня. Почему ты не скажешь мне все как есть?

— Может быть, я чувствую себя и не совсем хорошо, — улыбнулся Планетта, — но это вовсе не то, о чем ты думаешь. Ладно, коли тебе так уж приспичило, я скажу. По крайней мере так ты от меня отвяжешься. Надо быть ослом, чтобы мараить руки ради нескольких золотых. Когда я иду на дело, надо, чтоб оно того стоило. Так вот, я, к слову сказать, решил ждать Большого Конвоя.

Он имел в виду Большой Конвой, который раз в год, всегда точно 12 сентября, отвозил в столицу груз золота — подати, собранные в южных провинциях. Конвой под трубные звуки двигался по главной дороге, сопровождаемый цоканьем подков лошадей, на которых восседали до зубов вооруженные гвардейцы. Большой Императорский Конвой с громадной железной каретой, доверху набитой монетами, сложенными в бесчисленные ящики. Он виделся разбойникам в счастливых снах, но за сто лет никому не удалось совершить на него безнаказанное нападение. Тридцать разбойников было убито, двадцать упрятали за решетку. Никто больше не осмеливался и подумать ни о чем подобном. А между тем подати росли и вооруженная охрана увеличивалась. Спереди и сзади скакали егеря, по бокам — солдаты, оружие было теперь роздано даже кучерам, конюхам и лакеям.

Впереди всех ехал герольд с трубой и знаменем. Немного позади него — двадцать четыре егеря с ружьями, пистолетами и саблями. За ними — железная карета с выпуклым императорским гербом, в которую было впряжено шестнадцать лошадей. Еще двадцать четыре конных егеря следовали за каретой; а по ее обеим сторонам скакало двенадцать всадников эскорта. Сто тысяч золотых дукатов, тысячи унций серебра, и все это должно было осесть в императорской казне.

По долине легендарный Конвой проезжал быстрым галопом. Сто лет назад Лука Бугай решил напасть на Конвой, и на удивление у него все сошло как по маслу. Такое случилось впервые, и эскорт испугался. Потом Лука Бугай бежал на Восток и зажил там важным господином.

Несколько лет спустя кое-кто из разбойников тоже попытал счастья. Назовем лишь некоторых: Джованни Кошель, Немец, Серджи Мышегуб, Граф, Агаман Тридцати. Всех их нашли поутру на обочине дороги с проломленными черепами.

— Большой Конвой? — изумленно переспросил мальчик. — И ты вправду решил на него напасть?

— Хочу рискнуть. Если дело выгорит, я обеспечен на всю жизнь.

Так говорил Гаспар Планетта, но в глубине души ни о чем подобном он, конечно же, не помышлял. Нападение на Конвой — даже оказись вместе с ним человек двадцать — выглядело бы чистейшим безумием. А уж в одиночку!..

Он хотел пошутить, но мальчик ему поверил и посмотрел на Планетту с восхищением.

— А скажи мне, сколько вас будет?

— По меньшей мере человек пятнадцать.

— А когда же вы соберетесь?

— Время терпит, — ответил Планетта. — Надо посоветоваться с товарищами. Дело-то ведь нешуточное.

Но дни летели себе и летели. Лес начал понемногу рыжать. Мальчик нетерпеливо ждал. Планетта не разуберял

его, и долгими вечерами, сидя у огня, они строили грандиозные планы. Планетту это забавляло. Но постепенно он тоже уверовал, что именно так все и произойдет.

11 сентября, в канун заветного дня, мальчик где-то пропал до позднего вечера. Когда он вернулся, лицо у него было мрачное.

— Что случилось?— спросил Планетта, по обыкновению усаживаясь у очага.

— А то, что я встретил наконец твоих товарищей.

Наступило долгое молчание. Было слышно, как в очаге постреливают дрова. Снаружи в зарослях завывал ветер.

— Ну так что?— спросил наконец Планетта, стараясь, чтобы голос звучал шутливо.— Они тебе, к слову сказать, все растолковали?

— Да,— ответил мальчик.— Именно что все.

— Ладно,— сказал Планетта, и в наполненной дымом халупе снова наступила тишина; освещал помещение только огонь очага.

— Они предложили мне перейти к ним,— произнес наконец мальчик.— Они сказали, что у них много дела.

— Понятно,— заметил Планетта.— Ты будешь дураком, коли откажешься.

— Атаман,— спросил Пьетро, чуть не плача,— почему ты не сказал мне правду, к чему все эти басни?

— Какие басни?— удивился Планетта, изо всех сил стараясь сохранить обычный шутливый тон.— Какие такие басни? Я не стал тебя разубеждать, вот и все. Мне, к слову сказать, не хотелось тебя разочаровывать, вот и все.

— Неправда,— сказал мальчик.— Ты удерживал меня здесь обещаниями, и делал это только ради того, чтобы поиздеваться надо мной. Ты ведь прекрасно знаешь, что завтра...

— Что— завтра?— спросил Планетта, снова обретая спокойствие.— Ты говоришь о Большом Конвое?

— И я, болван, тебе поверил,— обиженно пробормотал мальчик.— А ведь так легко было догадаться. Такой больной, как ты... Не знаю, на что ты теперь способен...— Он немного помолчал, а потом тихо закончил:— Так вот, завтра я уйду.

Однако назавтра первым проснулся Планетта. Он встал, не будя мальчика, быстро оделся и взял ружье. Только когда он стоял в дверях, Пьетро открыл глаза.

— Атаман,— спросил он, называя его так по привычке,— куда это ты в такую рань, можно узнать?

— Можно, сударь,— ответил с улыбкой Планетта,— я пошел поджидать Большой Конвой.

Мальчик, ничего не ответив, повернулся на другой бок, всем своим видом показывая, что ему осточертели подобные рассказы.

Между тем это были никакие не рассказы. Планетта, чтобы сдержать слово, пусть даже данное в шутку, Планетта, оставшийся совсем один, отправился грабить Конвой.

Товарищи высмеяли его. Так пусть хотя бы этот мальчик узнает, что за человек был Гаспар Планетта. Но нет, его не волновал даже этот мальчик. Он делал это только ради себя самого, чтобы хоть в последний раз почувствовать себя таким, каким он был прежде. Никто его не увидит, надо полагать, никто так и не узнает, что его сразу убили; но все это совсем неважно. Это было его сугубо личное дело и выглядело чем-то вроде заведомо проигранного пари.

Пьетро дал Планетте уйти. Но потом на него напало сомнение: а вдруг Планетта и впрямь намерен напасть на Конвой? Мысль неправдоподобная, нелепая, но тем не менее Пьетро встал и пошел на поиски. Планетта несколько раз показывал ему место, где лучше всего подкараулить Конвой. Надо сходить туда и посмотреть.

Рассвело, но длинные грозовые тучи тянулись по всему небу. Утро было светлое и серое. То и дело слышалось пенье

какой-то птицы. Когда она замолкала, вокруг становилось тихо-тихо.

Пьетро шел через заросли в долину, туда, где проходила главная дорога. Он осторожно пробирался сквозь кусты к каштанам, где, как он считал, должен находиться Планетта.

Планетта был действительно там. Он укрылся за пнем и, чтобы быть уверенным, что его не видно, соорудил перед собой небольшой парапет из травы и веток. Он занял позицию на пригорке, господствовавшем над крутым поворотом дороги. Дорога поднималась здесь в гору, и лошадям приходилось сбавлять бег. Стрелять отсюда было удобно.

Мальчик посмотрел на уходящую в бесконечную даль долину. Дорога разрезала ее пополам. Вдали он увидел быстро приближающееся облако пыли.

Приближающееся облако пыли двигалось по дороге и было пылью, поднятой Большим Конвоем.

Планетта преспокойно прилаживал винтовку, когда услышал, что подле него кто-то возится. Он обернулся и увидел мальчика, укрывшегося с ружьем за соседним деревом.

— Атаман,— сказал мальчик, едва переводя дух,— Планетта, уходи. Ты что, с ума сошел?

— Тихо,— ответил, улыбаясь, Планетта,— пока еще я в своем уме. Немедленно убирайся отсюда.

— Говорю тебе, ты сошел с ума. Планетта, ты ждешь товарищей, но они не придут, они мне сами сказали, у них и в мыслях такого никогда не было.

— Придут, черт возьми, придут. Надо только малость подождать. Такую они завели привычку—вечно опаздывают.

— Планетта,— умолял мальчик,— прошу тебя, уходи. Вчера вечером я пошутил, я не собираюсь тебя бросать.

— Знаю, я это понял,— добродушно усмехнулся Планетта.— А теперь все, говорят тебе: вали отсюда, да поживей, тебе тут не место.

— Планетта,— не унимался мальчик.— Неужели ты не видишь, что это безумие... Подумай, сколько их. Разве ты справишься с ними один?

— Черт бы тебя побрал, проваливай!— приходя в ярость, прикрикнул на него Планетта.— Или ты не понимаешь, что так ты меня только погубишь?

В эту минуту вдали, на главной дороге, показались конные егеря Большого Конвоя, карета, знамя.

— В последний раз говорю тебе: пошел вон,— сердито повторил Планетта. И мальчик наконец отстал, пополз в кусты и исчез из виду.

Планетта услышал звон подков; он взглянул на густые, готовые пролиться дождем свинцовые тучи и увидел парящих в небе воронов. Теперь Большой Конвой, начав подъем, пошел медленнее.

Планетта положил палец на спусковой крючок и вдруг заметил, что мальчик приполз обратно и снова спрятался за тем же деревом.

— Ты видишь,— прошептал Пьетро,— ты видишь, они не пришли.

— Вот ведь каналья,— проворчал Планетта, чуть улыбнувшись и не поворачивая головы.— Каналья, а теперь замри и не шевелись, уходить уже слишком поздно. Погляди-ка, что сейчас начнется.

Большой Конвой приблизился на триста, на двести метров. Уже стал виден выпуклый герб на дверцах драгоценной кареты; уже стали различимы голоса переговаривающихся друг с другом егерей.

Мальчик вдруг испугался. Он понял, что ввязался в пропавшее дело, из которого ему не выбраться.

— Ты видишь, они не пришли,— прохрипел он с отчаянием в голосе.— Ради бога, не стреляй.

Но Планетта даже не шелохнулся.

— Внимание,— весело шепнул он, словно не слыша, что ему говорит мальчик.— Господа, теперь мы начинаем.

Планетта прицелился, он прицелился из своего страшен-

ного ружья, которое никогда не давало промаха. В этот самый миг на другой стороне долины раздался сухой треск выстрела.

— Охотники! — радостно заметил Планетта, пока разносилось зловещее эхо. — Охотники! Ничего страшного. Так даже лучше. Теперь начнется неразбериха.

Но это были не охотники. Гаспар Планетта услышал неподалеку от себя стон. Он обернулся и увидел мальчика, который, выпустив из рук ружье, упал навзничь.

— Меня прихлопнули, — жалобно простонал он. — Мамочка.

Стреляли не охотники, а сопровождавшие Конвой егеря, которым надлежало скакать впереди кареты и, прочесывая склоны долины, обезвреживать возможные засады. Все они были отменными стрелками, отобранными на специальных соревнованиях. Им выдали безотказные ружья.

Прочесывая лес, один из егерей заметил, что за деревьями копошится мальчик. Потом он увидел, как тот повалился на землю, а затем наконец обнаружил и старого разбойника.

Планетта громко выругался. Желая помочь товарищу, он осторожно привстал на колено. Прогремел второй выстрел.

Пуля перелетела через узкую долину, поднимаясь к набухшим дождем тучам, затем, по закону траектории, стала снижаться. Она была нацелена прямо в голову, но попала в грудь, пройдя рядом с сердцем.

Планетта упал как подкошенный. Наступила такая тишина, какой он никогда еще не слышал. Большой Конвой остановился. Гроза никак не могла начаться. В небе парили вороны. Все замерло в ожидании.

Мальчик повернул голову и улыбнулся.

— Ты был прав, — произнес он. — Товарищи пришли. Ты видишь их, атаман?

Планетта не смог ему ответить, но, приложив невероятное усилие, обернулся и посмотрел в указанном направлении.

Позади них, на лесной опушке, появилось около тридцати всадников с ружьями на плече. Они казались прозрачными, словно туман, но тем не менее четко выделялись на черном фоне деревьев. По нелепым костюмам и нахальным лицам в них сразу можно было распознать разбойников.

Планетта их сразу узнал. Это были они, его старые товарищи, мертвые разбойники, которые пришли, чтобы взять его с собой. Задубевшие на солнце лица, изрезанные шрамами, страшные генеральские усы, развевающиеся на ветру бороды, суровые и ясные глаза, руки, упертые в бедра, невероятные шпоры, огромные позолоченные пуговицы, честные, симпатичные физиономии, пропыленные и обожженные в битвах.

Вот он, добрый, туповатый Паоло, убитый при налете на мельницу, вот Железный Пьетро, так и не выгучившийся считать, вот Джорджо Верзила, вот насмерть замерзший Фреддиано, вот они, его старые добрые товарищи, один за другим погибшие у него на глазах. А вот этот маленький человечек с большими усами и длинным, в его рост, ружьем, сидящий на тощей белой кобыле, — разве это не Граф, злосчастный атаман, так же, как и он, застреленный егерями Большого Конвоя? Ну конечно же он! Это Граф, и лицо его источает сердечную радость. Может, Планетта ошибается, или вот тот крайний справа, гордо и прямо сидящий в седле, неужели Планетта ошибся, и это не Марко Великий собственной персоной, самый знаменитый из старых атаманов? Марко Великий, повешенный в столице в присутствии императора и на виду у четырех армейских полков? Марко Великий, имя которого и пятьдесят лет спустя произносится только шепотом? Да, это именно он, он тоже прибыл почтить Планетту, последнего атамана, неудачливого, но доблестного.

Мертвые разбойники стояли молча, явно взволнованные, но обрадованные. Они ждали, когда Планетта встанет.

И Планетта, словно мальчишка, вскочил на ноги, уже не из плоти и крови, а призрачный, как все остальные разбой-

ники, и все-таки точно такой, каким был всегда.

Бросив взгляд на свое бедное, распластавшееся на земле тело, Гаспар Планетта пожал плечами, словно бы говоря, что плевать он на него хотел, и вышел на опушку. Возможная пальба его больше не заботила. Он шел к товарищам и чувствовал переполнявшую его радость.

Он уже начал здороваться с каждым из товарищей по очереди, когда увидел прямо в первой шеренге превосходно оседланного коня без всадника. Он непроизвольно подался вперед и улыбнулся.

— К слову сказать!—воскликнул он, дивясь очень странному тону своего нового голоса.— К слову сказать, а ведь это, пожалуй, мой Поляк, только еще более резвый, чем прежде.

Это в самом деле был Поляк, его любимый конь, который, узнав хозяина, издал что-то вроде ржания. (Так приходится назвать этот звук, ибо мертвые лошади ржут так сладко, как нам и не снилось.)

Планетта ласково потрепал коня и уже предвкушал прелесть предстоящей скачки вместе с верными друзьями по направлению к царству мертвых разбойников, в котором он никогда не бывал, но которое имел все основания представлять себе солнечным, с вечно весенним воздухом и длинными белыми пыльными дорогами, ведущими к удивительным приключениям.

Ухватившись левой рукой за луку и собираясь вскочить в седло, Гаспар Планетта сказал:

— Спасибо, ребята.— Он старался не поддаваться нахлынувшему на него волнению.— Клянусь вам...

Он не договорил, потому что вспомнил о мальчишке, который, тоже приняв форму тени, стоял неподалеку в выжидательной позе, смущаясь оттого, что оказался в малознакомой компании.

— Извини,— произнес Планетта.— Он храбрый товарищ,— сказал он, обращаясь к мертвым разбойникам.— Ему всего шестнадцать, но из него получится настоящий мужчина.

Разбойники — кто более, кто менее приветливо — улыбнулись и поклонились, словно говоря: добро пожаловать!

Планетта замолчал и в нерешительности огляделся по сторонам. Он не знал, что ему делать. Ускакать с товарищами, бросив здесь мальчика одного? Планетта еще раз-другой ласково похлопал коня и, лукаво покашливая, сказал мальчику:

— Иди сюда и прыгай на лошадь. Пришел и твой час позабавиться. Ну-ну, не разводи канитель, — проворчал он, делая вид, что сердится, потому что мальчик не решился принять его предложение.

— Если ты вправду этого хочешь, — сказал наконец мальчик, явно польщенный. И с легкостью, которой и сам в себе не подозревал, будучи не обучен верховой езде, он мигом оказался в седле.

Разбойники помахали шляпами, приветствуя Гаспара Планетту, а кто-то из них весело подмигнул ему: дескать, до свиданья. Потом они пришпорили лошадей и поскакали.

Они мчались стрелой, все дальше углубляясь в лес. Странно было видеть, как, наталкиваясь на завалы, они проскакивали сквозь них, не замедляя бега коней. Кони летели плавно и красиво. Мальчик и кое-кто из разбойников все еще махали ему шляпами.

Оставшись один, Планетта обвел взглядом долину. Он мельком, всего лишь краем глаза увидел теперь уже никому не нужное тело Планетты, лежащее под деревом, и перевел взор на дорогу.

Конвой все еще стоял за поворотом, и потому его не было видно. На дороге находилось лишь несколько конных егерей из эскорта: они замерли на месте, глядя в сторону Планетты. В это трудно поверить, но они наблюдали всю сцену: тени мертвых разбойников, приветствия, кавалькаду. Однако кто же станет отрицать, что в отдельные сентябрьские дни под грозowymi тучами могут происходить самые невероятные вещи?

Когда Планетта, оставшись один, обернулся, командир конных егерей заметил, что он на них смотрит. Тогда он выпрямился и приветствовал его по-военному, как приветствуют друг друга солдаты.

Планетта, скривив губы в улыбку, прикоснулся к полям шляпы жестом вполне доброжелательным и приветливым.

Потом, во второй раз за этот день, пожал плечами. Он сделал пируэт на левой ноге, повернулся спиной к егерям, засунул руки в карманы и пошел, насвистывая, да-да, друзья, он пошел, насвистывая веселый военный марш.

Он шел в том самом направлении, в котором исчезли его товарищи. Шел в царство мертвых разбойников, в котором никогда не бывал, но имел все основания предполагать, что оно гораздо лучше, чем наше.

Егеря видели, как силуэт его делается все меньше и расплывчатее. Он шагал бодро, легкой походкой, никак не вяжущейся с обликом дряхлого старикашки. У него появилась та праздничная поступь, которая бывает у иных мужчин, когда им под двадцать и они чувствуют себя очень счастливыми.

Очарованный буржуа

Однажды летом Джузеппе Гаспари, сорокачетырёхлетний коммерсант, торговец зерном, приехал в горное селение, где его жена и дети жили на даче. Сразу же по прибытии, после обеда, когда почти все отправились спать, он вышел из дома на прогулку.

Карабкаясь по протоптанной мулами, круто поднимающейся в гору тропе, он то и дело озирался по сторонам, оглядывая окрестности. Светило солнце, но, несмотря на это, он испытывал чувство некоторого разочарования. Он-то на-

деялся, что селение расположено в романтической долине с хвойными и лиственными лесами, окруженной стеною гор. Но это была самая обычная предальпийская долина, закрытая приземистыми, похожими на рождественский пирог пригорками, которые казались безлюдными и мрачными. Места для охотников, подумал Гаспари, сокрушаясь, что так и не сумел — предел мечтаний — пожить хотя бы несколько дней в одной из тех долин, над которыми нависают фантастические скалы и где похожие на замки снежно-белые отели стоят на опушках древних дубрав, овечьих легендами. Он с горечью подумал, что вот так прошла вся его жизнь: ни в чем он вроде бы никогда не нуждался, но все, что он имел, всегда было не таким, как ему хотелось бы; он прожил серую, посредственную жизнь, которая никогда не наполняла его радостью.

Тем временем он прошел добрую часть пути. Оглянувшись назад, с удивлением увидел селение, гостиницу, теннисный корт, ставшие вдруг совсем далекими и маленькими. Он намеревался идти дальше, как вдруг услышал голоса, доносившиеся из-под обрыва.

Тогда, движимый любопытством, он сошел с тропы и, продравшись сквозь заросли, оказался на краю обрыва. Под ним, скрытый от взоров тех, кто шел по обычной дороге, находился дикий овраг с крутыми склонами осыпающегося красного песчаника.

То тут, то там виднелись валуны, кустарник и стволы засохших деревьев. Пятьюдесятью метрами выше овраг сворачивал вправо, врезаясь в гору. Самое подходящее место для змей, раскаленное от солнца и странно-гаинственное.

Увидев все это, Гаспари обрадовался, но почему — и сам не знал. Ничего особо примечательного в овраге не было. Тем не менее в душе пробудилось множество острейших чувств, которых он уже давным-давно не испытывал. Он словно бы узнавал эти осыпающиеся откосы, эту заброшенную яму, скрывающую в себе какие-то неведомые тайны, эти маленькие оползни, скользящие по пышущим зноем скло-

нам. Он видел их когда-то давно, сколько раз — и какими изумительными они казались теперь; именно такими были те волшебные земли грез и увлекательных приключений, о которых он мечтал в далекие времена, когда еще можно было все изменить.

Прямо под ним за невинным плетнем из ежевики о чем-то сговаривались пятеро мальчишек. Полуголые, в странных шапках, у всех перевязи и пояса. Они изображали то ли дикарей, то ли пиратов. У одного из них было игрушечное ружье с пружиной, стреляющее палочкой. Он был самым старшим, лет четырнадцать. Остальные были вооружены маленькими луками, сделанными из веток орешника; стрелами им служили деревянные прутьики.

— Послушай,— говорил самый старший, надо лбом которого торчали перья.— Меня это не касается... Систо меня не волнует, о Систо позаботишься ты и Джино, надеюсь, вдвоем вы с ним справитесь. Нам надо только составить план, и вот увидите — мы застигнем его врасплох.

Прислушавшись к их разговору, Гаспари понял, что они играют в индейцев или в войну; враги находятся где-то выше, укрывшись в воображаемой крепости, а Систо — это вражеский вождь, самый сильный и страшный. Для штурма крепости пятеро мальчишек нашли доску длиной что-нибудь около трех метров и теперь держали ее под мышкой; она должна была послужить мостом через ров или расщелину (Гаспари как следует не разобрал) во вражеском тылу. Двое из ребят должны были идти по оврагу, изображая лобовую атаку, а остальным троим предстояло атаковать противника с тыла, воспользовавшись для этого доской.

Неожиданно один из мальчишек увидел стоящего на краю оврага Гаспари, пожилого, почти лысого человека с высоким лбом и добрыми глазами.

— Взгляните-ка туда,— сказал он товарищам, которые сразу умолкли, подозрительно оглядывая незнакомца.

— Добрый день,— сказал Гаспари, находясь в прекрасном расположении духа.— Я стоял и смотрел на вас... Так когда же вы пойдете на приступ?

Ребятам польстило, что незнакомый господин, вместо того чтобы накричать на них, вроде бы их даже подбадривает. Но они настороженно молчали.

Тогда Гаспари пришла забавная мысль. Он прыгнул в овраг и, увязая в песке, побежал к мальчикам. Те тут же вскочили на ноги. Он спросил у них:

— Примете меня? Я понесу доску, для вас она слишком тяжелая.

Ребята робко улыбнулись: чего надо от них этому незнакомцу, которого никто никогда тут не видел? Потом, взглянув на его симпатичное лицо, они сочли возможным проявить к нему снисхождение.

— Но знаешь, там Систо,— сказал самый младший, чтобы посмотреть, не испугается ли он.

— А что, Систо такой уж страшный?

— Он всегда побеждает,— ответил мальчик.— Вцепляется в лицо руками, как будто хочет выцарапать тебе глаза. Он злой...

— Злой? Но мы его все равно одолеем, вот увидишь,— весело заявил Гаспари.

Они двинулись в путь по усеянному камнями дну оврага. Гаспари, которому помогал один из мальчиков, приподнял доску, которая оказалась много тяжелее, чем он предполагал.

Ребята смотрели на него с изумлением. Занятно: в нем было и тени того высокомерия, которое всегда проявляют взрослые, позволяя себе поиграть с детьми. Казалось, он делает все совершенно серьезно.

Наконец они дошли до того места, где овраг сворачивал в сторону. Там ребята остановились и, улегшись за камнями, осторожно приподнимая головы, принялись смотреть вдаль. Гаспари последовал их примеру и тоже растянулся на траве, не заботясь о костюме.

Теперь он увидел другую часть оврага, еще более дикую

и странную. Груды красной земли, которая, казалось, вот-вот осыплется, устремлялись ввысь, словно шпили заброшенного собора, и образовывали что-то вроде круга. Вид их внушал смутную тревогу. Казалось, они веками стоят здесь неподвижно, поджидая кого-то. На вершине самой высокой из них, поднимавшейся в конце оврага, виднелось что-то вроде баррикады из камней, из-за которой высовывались три-четыре головы.

— Вон они, видишь их? — прошептал один из мальчиков.

Он кивнул, чувствуя замешательство. Если измерять расстояние на метры, все было вроде бы совсем близко. Тем не менее в какое-то мгновение у него возник вопрос, каким образом они доберутся туда, до той далекой скалы, нависшей над пропастью. Дойдет ли он до нее еще до вечера? Однако его сомнения тут же рассеялись. И что это ему взбрело в голову? Ведь дело в какой-то сотне метров.

Двое мальчиков остались ждать. Трое других вместе с Гаспари пошли вокруг, стараясь незаметно вскарабкаться на край оврага.

— Тихо, не спотыкайтесь о камни, — вполголоса заклинал мальчиков Гаспари, больше всех волнующийся за исход операции. — Смелей, еще немного, и мы на месте.

Поднявшись на гребень, они спустились в небольшую, ничем не примечательную лощину, тянущуюся вдоль оврага. Затем продолжили восхождение, таща за собой доску.

План был тщательно разработан. Когда они снова оказались над оврагом, крепость индейцев уже была в десятке метров от них, только чуть ниже. Теперь надо было спуститься в кусты и перебросить доску через узкую расщелину. Враги сидели спокойно, и над ними возвышался Систо, на голове которого развевалось что-то вроде конской гривы; половину его лица скрывала желтоватая картонная маска чудовища. (Тем временем над ними сгущались тучи, солнце померкло, и овраг стал совсем свинцового цвета.)

— Вот и все,— пробормотал Гаспари.— Теперь я пойду вперед с доской.

Придерживая доску руками, он осторожно опустил ее в куст ежевики. Ребята шли следом. Им удалось добраться до установленного места так, что индейцы их не заметили.

Тут Гаспари остановился и задумался. (Тучи все не рассеивались, где-то вдали слышался жалобный крик, похожий на призыв о помощи.) Что за странная история, подумал он, всего лишь два часа назад я сидел за столом вместе с женой и детьми, а теперь нахожусь в этой неизведанной стране за тысячи километров от них и воюю с дикарями.

Гаспари огляделся вокруг. Больше не было ни небольшого оврага, где так хорошо игралось ребятам, ни похожих на рождественский пирог пригорков, ни поднимающейся по долине дороги, ни гостиницы, ни рыжего теннисного корта. Он увидел под собой бесконечные, ни на что не похожие утесы, которые стремительно сбегали в море леса, увидел за лесом мерцание пустыни, а еще дальше — огни, какие-то неясные знаки, говорящие о тайнах мира. А здесь прямо перед ним на вершине скалы стояла зловещая крепость в окружении мрачных покосившихся стен; ее поддерживали столбы, увенчанные выбеленными на солнце человеческими черепами, которые, казалось, смеялись. Край проклятий, мифов, полнейшего одиночества, последняя правда, доступная нашим мечтаньям!

Чуть приоткрытые деревянные ворота (которых не существовало) были испещрены зловещими иероглифами и скрипели под порывами ветра. Гаспари подошел к ним совсем близко, до ворот оставалось не больше двух метров. Он начал медленно поднимать доску, чтобы перебросить ее через расщелину.

— Измена! — в ту же минуту закричал Систо, обнаружив их.

Он вскочил со смехом, держа в руках громадный лук. Увидев Гаспари, он на мгновение замешкался, затем извлек

из колчана деревянную палочку, невинную стрелу, положил ее на тетиву и прицелился.

Но Гаспари увидел, как из полукрытых ворот, разрисованных непонятными знаками (на самом деле их не существовало), вышел колдун, тело которого несло на себе следы проказы и адского пламени. Он увидел, как колдун распрямился, став вдруг очень высоким; глаза его были безумны, а в руках, которыми двигала какая-то дьявольская сила, он держал лук. Гаспари бросил доску и в ужасе подался назад. Но колдун уже пустил стрелу. Пораженный в грудь, Гаспари упал на камни.

Гаспари вернулся в гостиницу, когда наступил вечер. Он устал и, совсем обессилив, рухнул на скамейку подле входной двери. Постояльцы входили и выходили, некоторые здоровались с ним, другие не узнавали, так как стало совсем темно.

Но, погрузившись в себя, Гаспари не обращал ни на кого внимания. И никто из тех, кто проходил мимо, не замечал, что в груди у него застряла стрела. Хорошо отструганная темного цвета палочка из какого-то очень твердого дерева поднималась сантиметров на тридцать над его рубашкой, из самой середины кровавого пятна. Гаспари уставился на нее с тихим ужасом, к которому примешивалось счастливое любопытство. Он попробовал вытащить стрелу, но ему стало очень больно. Должно быть, зазубренный наконечник крепко застрял в теле. А из раны все время сочилась кровь. Он чувствовал, как она стекает по груди, животу, скапливается в складках рубашки.

Наконец-то наступил час Джузеппе Гаспари — во всем своем поэтичном великолепии, но жестокий. По всей вероятности, подумал он, ему предстоит умереть. Но зато как он отомстил жизни, как отомстил он всем этим вечно окружающим его жалким людишкам с их нудными разговорами и скучными лицами. Какая великолепная месть! О, он возвращался теперь не из маленькой, вдоль и поперек исхоженной долины, что в двух шагах от гостиницы «Корона». Нет, он возвращался из дальних земель, скрытых от людской пош-

лости, из самого что ни на есть волшебного царства. Чтобы добраться туда, другим (не ему) потребуется переплыть океаны, а потом еще долго идти по негостеприимной безлюдной местности, преодолевая враждебность природы и человеческую слабость. И кто сказал, что они доберутся когда-нибудь до этого волшебного царства? Тогда как он...

Да, он, мужчина за сорок, стал играть вместе с ребятами, разделяя их детскую веру; но вот только ребята относились к ней с ангельской непринужденностью, а он верил всерьез, натужно и яростно; вера эта неизвестно как вызревала в нем за годы его жалкого прозябания. Твердая вера, такая, что все стало вдруг совсем взаправдашним: долина, индейцы, кровь. Он вошел в мир, который не был уже миром его сказок, перейдя границу, которую в определенном возрасте нельзя переступать безнаказанно. Он сказал тайной двери: «Отворись!», сказал как бы шутя, но дверь в самом деле отворилась. Он сказал: «Индейцы!», и так оно и вышло. «Игрушечная стрела», и самая настоящая стрела поразила его на смерть.

Он заплатил за дерзновенное очарование, рассчитался; он зашел слишком далеко, чтобы можно было вернуться, но зато как он отомстил за себя! Жена, дети, приятели по гостинице ждали его к ужину, они ждали его на вечерний бридж! Бульон с сухариком, вареное мясо, последние известия по радио — смешно! Для него, вышедшего из сумрачного запредельного мира!

— Бепино! — окликнула жена с верхней террасы, где был накрыт стол. — Бепино, чего ты там разлегся? Где это ты пропал? Ты все еще в гольфах? Ты что, не будешь переодеваться? Ты знаешь, что уже девятый час? Мы проголодались.

Аминь! Слышал ли ее голос Гаспари? Или он уже был слишком далеко? Он вяло махнул рукой, словно бы прося, чтобы к нему не приставали, пусть они обходятся без него, ему нет до них никакого дела. Он даже улыбнулся. Его лицо выражало острую радость, хотя он уже почти не дышал.

— Ну же, Бепино,— кричала жена,— не заставляй себя ждать! Что с тобой? Почему ты не отвечаешь? Можно узнать, почему ты молчишь?

Он наклонил голову как бы в знак согласия и уже не поднял ее. Теперь-то он настоящий мужчина, а не жалкая тряпка. Герой, уже не слизняк, не такой, как все прочие; нет, теперь он много выше их. И — один.

Его голова свесилась на грудь, словно приноравливалась к смерти, а холодеющие губы продолжали презрительно ухмыляться: я победил тебя, жалкий мир, тебе не удалось меня удержать.

Джанни Родари

Влюбленный мотоциклист

У коммендаторе Мамбретти, владельца фабрики запасных частей для штопоров в городе Карпи (провинция Модена), есть восемнадцатилетний сын по имени Элизо. Он носит огромную непромокаемую куртку на стеганой подкладке и под нее надевает двухцветный комбинезон с молнией у пояса. А на голову — пластиковый акустический шлем с двойным забралом. Словом, одет Элизо как профессиональный гонщик.

Однажды является Элизо на фабрику к отцу и говорит:
— Папа, я хочу жениться.

— Слава богу, — отвечает коммендаторе. — Наконец-то у тебя появилось хоть одно желание. А то вон какой вымахал: рост — метр девяносто один сантиметр, вес — восемьдесят семь килограммов, но лица так и не окончил. Штопоры тебя не интересуют, на сапоги для мотокросса ты угрохал больше денег, чем я на полотна великих мастеров для моей коллекции... Ну, и какова она — черненькая, беленькая?

— Красненькая.

Коммендаторе Мамбретти почесал в затылке.

— Хм, красненькая. Неплохой цвет для сына промышленника. Представляю, как будут смеяться члены фабричного комитета.

— Если хочешь, я выкрашу ее в белый,— предложил Элизо, чтобы не сердить родителя.

Пока коммендаторе пребывал в сомнениях, Элизо добавил новую информацию:

— Она из Японии.

— Час от часу не легче! Еще и иностранка! Нет, милый мой, так дело не пойдет! Жен и коров бери из ближних дворов. А звать как?

— Я зову ее Киска.

— Ах так, значит, породнимся с котами.

— Да нет, папа, она не кошка, а мотоциклетка. Я хочу жениться на моей «семьсотпятидесяточке».

— Ох, сынок, сынок!— вздохнул Мамбретти.— Разве я когда тебе в чем отказывал? Да мне для твоего счастья ничего не жалко. Но подумай о нашем престиже! По части штопоров мы первые в долине По и вторые в Европе после Круппа из Золингена. А ты выбираешь жену из более низкого сословия. Мама, когда узнает, умрет от разрыва сердца. Она-то мечтала женить тебя на Сюзи — фирма Мамбрини по производству завинчивающихся пробок для бутылок. Вот это была бы достойная партия, а мне — утешение в старости.

— Но у нее даже нет зеркальца заднего обзора...

— Ну зачем ты так! Оно у нее в сумочке, сам видел. Впрочем, не нравится Сюзи — не надо... Женись на Фоффи — фирма Мамбрини по производству ошейников для сторожевых собак.

— А у нее зажигание электронное?

— А как же! Она от него сигареты прикуривает. Но если и она тебе не подходит — бог с тобой. Чем плоха Бамби — фирма Мамбринелли по производству крышек для кастрюль и кастрюль для крышек?

— Ни за что, папа! Я точно знаю, что у нее свечи без медных электродов. Я женюсь только на моей Киске, ведь у нее педаль переключения скоростей с левой стороны.

— Что-о?!— взревел коммендаторе.— С левой?! Вот до чего доводит чтение коммунистических газет! Ну, все, с меня хватит! Этому не бывать! И с сегодняшнего

дня забудь о ста тысячах в неделю на мелкие расходы.

Элизо побледнел. Он хотел ответить отцу как полагается, но, увы, был не силен в родном языке, а словаря под рукой не оказалось. Поэтому он встал и гордо удалился.

Пришел он к себе в гараж, вывел свою Киску, включил электронное зажигание и с грохотом понесся куда глаза глядят. Люди испуганно шарахались в стороны, мальчишки провожали его восхищенными взглядами. Элизо чувствовал себя могучим и непобедимым на зависть всем. Он выиграет главный приз на мотогонках в Монце и Горгонцолле, ему будут рукоплескать миллионы, все шведки из-за него потеряют голову. Он уже воображал свою фотографию на первой полосе журнала «Два цилиндра или три?». И время от времени выкрикивал:

— Долой запчасти для штопоров!

Порой Киска останавливалась — кончался бензин. А однажды встала совсем — это означало, что вышли и деньги. Но Элизо не падал духом. Чтобы содержать свою Киску, он мыл посуду в ресторанах, охотился на кроликов, поднимал гири в балаганах, работал сторожем в музее трехколесных машин — сменил тысячу профессий, лишь бы не возвращаться домой.

Киска, похоже, была довольна новой жизнью и платила безграничной преданностью за все заботы Элизо. Она научилась на четырехсотметровом отрезке развивать сто пятьдесят километров в час и, не сбавляя скорости, одолевала крутые виражи. Однако заставила Элизо приобрести магнитную приставку для замеров вибрации. У каждой жены свои капризы, верно? Потом, в награду за примерное поведение, она выпросила мегафон, который усиливал рев двигателя. Элизо и сам был рад такому нововведению: теперь, когда он набирал скорость, его слышали в Швейцарии и Венгрии.

А Киска постепенно вошла во вкус. Сперва потребовала выкрасить бензобак в психоделические цвета, потом ей понадобилась вилка с особыми подвижными подвесками и пружинящий обод на переднем колесе. Дальше — больше. Ей захотелось иметь прямоугольный руль и литую подставку

для зеркальца заднего обзора, изогнутую как барочный канделябр.

Элизо впервые робко возразил:

— Послушай, Киска, ну что за причуды? Ни одна уважающая себя машина не станет разъезжать по дорогам с орхидеей вместо задней фары.

Киска в ответ потребовала выхлопную трубу в форме органного регистра и гранатомет под седлом. Вскоре и само седло ей разонравилось — она стала его менять каждый день. В конце концов захотела вместо седла установить зубоврачебное кресло.

— Но оно стоит уйму денег! — со слезами на глазах воскликнул Элизо. — Мне, чтобы его купить, придется гнуть спину днем и ночью. Нет, ты становишься... стыдно сказать... мещанкой.

Киска смолчала. Она не любила спорить. Элизо взял в рассрочку зубоврачебное кресло и вкальвал теперь по двадцать часов в день. И трубочистом, и точильщиком, и кузнецом, и физиком-атомщиком, и продавцом педалей. Кем только не работал. А при такой нагрузке он, естественно, не мог уделять много внимания жене; даже на прогулку с ней выезжал редко, не говоря уж о кино. Хитрая Киска ничем не выражала своего недовольства, может быть, лишь про себя думала, что молодость пропадает зря, что так у нее скоро заржавеют мотор и передний дисковый тормоз с гидравлическим управлением. А если и думала, то никому не говорила, а если и говорила, то никто не слышал, а если и слышал, то помалкивал.

И вот однажды вечером Элизо возвращается домой, а Киски нет. Исчезла. Оставила автоматическое сцепление (видно, и его сменила) и удрала с одним типом, который был нечист на руку и пожалел бедную брошенную мещанку.

— Вернись домой, Киска! — взывал Элизо, нежно поглаживая автоматическое сцепление.

Но Киска со своим красавцем похитителем укатила неизвестно куда — то ли в Монтичелли д'Оньюна, то ли в Фальконара Мариттима, а может, и еще дальше.

Элизо отправился на поиски и, бродя по дорогам, то и дело доставал грязный носовой платок: слезы застилали ему глаза... Иногда по автострадам передвигался автостопом, останавливая проходящие автомобили, автобусы, автофургоны, автоцистерны. Ночью спал под виадуками, или в придорожных кустах, или на парапетах. С каждым днем он становился все печальнее, сбросил двенадцать килограммов, разве что в росте не убавился.

Пока Элизо искал свою Киску по всем дорогам, его самого тоже разыскивали. Коммендаторе Мамбретти разослал повсюду своих тайных агентов: он никак не мог успокоиться после бегства любимого сыночка, да вдобавок супруга, синьора Освальдина, всю плешь ему проела.

— Пускай бы женился на ком хочет. По нынешним временам японская тарактелка — не самый худший вариант. Скажите пожалуйста, престиж ему не позволяет! Он, видите ли, фабрикант, глава фирмы! А ты забыл, как твой отец хотел женить тебя на фирме Мамбруччи по производству дезодорантов для кошек, а со мной и знаться не желал, потому что я — дочь обыкновенного латифундиста?!

Синьор Мамбретти, который в придачу к своей фирме втайне владел еще сыскным агентством, велел искать Элизо на суше и на море, не жалея денег на средства связи и транспорт. В течение многих месяцев секретные агенты посылали ему почтой, телеграфом и через связных на мотоциклах бессмысленные донесения:

«ЭЛИЗО ПЕРЕОДЕТЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОМ ПЕНСИИ ЗАМЕЧЕН БОРДИГЕРЕ ТЧК НЕБЕЗЫВЕСТНАЯ МОТОЦИКЛЕТКА СКРЫВАЕТСЯ ВИДОМ ПЛАНТАЦИИ ГВОЗДИКИ». «СЛЕДЫ ЯПОНСКОЙ МОТОЦИКЛЕТКИ МОНБЛАНЕ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ОСОБО». «Подробности», как правило, поступали в виде цветной открытки, на которой стрелкой якобы указывалось местопребывание Киски, а на самом деле там был изображен какой-нибудь живописный ледник, не имеющий ни малейшего сходства с мотоциклом.

Коммендаторе Мамбретти в ответ метал телеграфные громы и молнии:

«НЕ НАЙДЕТЕ МОЕГО СЫНА ВСЕХ СОШЛЮ ПОРТУГАЛИЮ ТЧК ПРЕКРАТИТЕ ИСКАТЬ ТАМ ГДЕ ЕГО НЕТ ТЧК ИЩИТЕ ТАМ ГДЕ ОН ЕСТЬ ПРОХВОСТЫ ТЧК СЕРДЕЧНЫМ ПРИВЕТОМ 15—75 X».

«15—75 X»— так коммендаторе Мамбретти подписывал свои секретные распоряжения.

Наконец агенту К₀, бухгалтеру из Баньякавалло, помещанному на шпионаже, пришла в голову поистине гениальная идея. Он замаскировался под рекламный щит фирмы, производящей передние и задние бамперы, и, заняв пост на участке автострады Солнца между Орвьето и Бомарцо, стал ждать развития событий. В один прекрасный день Элизо случайно проезжал мимо в роскошной машине одного монаха-капуцина. Едва увидев рекламный щит, он поспешно сказал:

— Я сойду здесь, святой отец. Спасибо, что подбросили, и до новых встреч.

Капуцин на полном ходу затормозил, проехав по инерции сорок два метра и двадцать пять сантиметров. Элизо выскочил и побежал смотреть на бамперы, которые всегда были его страстью. К₀ тут же узнал его и начал говорить ему о безутешном отце, о скорбящей матери, о тоскующей Сюзи Мамбрини, исстрадавшейся Фоффи Мамброни и о Бамби Мамбринелли, которой он снится по ночам.

— Ну и что она про меня видит? — полюбопытствовал Элизо.

— Ты являешься ей в ангельском обличе, — ответил К₀.

— Это мне не нравится! — сказал Элизо. — Я предпочел бы присниться ей в замшевом набрюшнике мотоциклиста, который плотно облегает тело, защищает живот от ветра и холода, но в нем никогда не потеешь, и вдобавок он не задирается.

— У меня точно такой! — радостно воскликнул секретный агент.

Он расстегнул рубашку и показал замшевый набрюш-

ник. По этому случаю Элизо проникся к нему симпатией. Они вместе отправились выпить холодного чая в гриль-баре, с трудом проложив себе дорогу среди голландских туристских автобусов. За чаем К₀ вновь принялся увещевать Элизо:

— Пришла весна, ласточки возвращаются в свои гнезда, убийца возвращается на место преступления, и только ты один не хочешь вернуться! Почему?

— Да я и сам себя об этом спрашиваю, но не нахожу ответа. Я никогда не умел отвечать на вопросы,—признался Элизо.

— Ты все еще любишь Киску?—сочувственно спросил К₀.

Элизо, невольно подражая отцу, почесал в затылке.

— Да нет, теперь я понял, что это было мимолетное увлечение. Конечно, первая любовь не забывается, но страдать мне надоело. Я, пожалуй, согласен вернуться домой—при условии, что отец снова станет давать мне сто тысяч на мелкие расходы.

— Хоть сто пятьдесят!—заявил К₀, которому были даны соответствующие полномочия.

— А еще я хочу гоночный мотоцикл «Феррари»,—не сдавался Элизо.

— Получишь. И «Стангуэллини» в придачу!—воскликнул агент.

— И на мотоциклетке женюсь. Но не на Киске—она мне изменила,—а на другой,—выставил новое требование Элизо.

— Родители заранее тебя благословляют!—заверил его К₀.—Мать сама поведет тебя и в гараж, и к алтарю.

— Тогда вернусь,—сказал Элизо.

И они пустились в обратный путь на «ягуаре» агента, замаскированном под «порше».

По дороге для пополнения культурного багажа они посетили замок Франчески да Римини, церковь Поленты и выставку обуви в Болонье. И вот в Болонье-то, под портиками, Элизо вдруг встал как вкопанный у одной витрины. К₀ насторожился и начал искать глазами объект этой зачарован-

ности. Так и есть: темноволосая продавщица ростом метр семьдесят два без каблуков, с бархатными зелеными глазами и улыбкой нежной, словно малиновый звон колоколов.

— Хороша, ей-богу, хороша! — воскликнул К₀.

— Правда? Женюсь на ней, и только на ней! — объявил Элизо.

Но в разговоре выяснилось, что Элизо влюбился вовсе не в прекрасную продавщицу, а в стиральную машину, выставленную в витрине. Чудо электротехники, произведение искусства, мисс Вселенная среди стиральных машин.

Элизо так и прилип к витрине. А К₀ по радию, вмонтированной в зубную коронку, срочно связался с коммендаторе Мамбретти. И через час глава фирмы с супругой уже были на месте. Коммендаторе и на этот раз в душе не одобрил выбор сына, зато синьора Освальдина была на седьмом небе.

— Да я о таком и не мечтала! Заполучить в невестки стиральную машину! В Модене все умрут от зависти. Еще бы, столько денег сэкономим на стирке.

Элизо с благословения родителей попросил руки у стиральной машины. Она молчала. А молчание, как известно, знак согласия. Они обвенчались и зажили в счастье и довольстве. О Киске они известий не имели. Но мы-то с вами знаем, что она превратилась в трехколесный велосипед и живет не тужит в городке Бусто-Гарольфо возле Бусто-Арсицио.

Билл Пианино и тайна огородных пугал

Высоко-высоко в горах, возле Тольфы, где растут только белые грибы, каштаны никогда не гниют, а порой и в самом низу, в долине Улиток, где воды реки Миньоне бесцельно струятся среди лугов и полей, скитается одинокий ковбой по имени Билл, сын скотовода из Ориоло Романо. Жители Тольфы по вполне понятным причинам зовут его Чужак. Но

настоящее, завоеванное его прозвище — Билл Пианино.

Слышите звуки знаменитой Песни Лиса из фортепьянного цикла «Микрокосмос» Белы Бартока, опус 95, том 3, с. 44? Так вот, ее исполняет Билл на своем верном спутнике — пианино. Вместе они преодолевают крутые склоны горы Упрямец или становятся лагерем у Красного Ущелья, где опять-таки бестолково бурлит река Миньоне. Обычно впереди едет Билл на белом коне, сзади — пианино на черном коне. Недаром же он Билл Пианино. Остановившись на ночлег, одинокий ковбой, прежде чем поставить палатку и разжечь костер, предохраняющий от шерифов, словно пистолет, разряжает пианино, виртуозно исполняя тридцать три вариации Бетховена на тему вальса Диабелли.

Крестьяне, ложась спать, говорят друг другу:

— Опять Билл играет тридцать три вариации. Какой звук!

Шериф Тольфы давно уже гоняется за Биллом, чтоб упрятать его за решетку: он выслеживает его, вслушиваясь в эхо, словно в фонограмму.

— Ну, уж на этот раз, Чужак, я тебя прищучу! — торжествует он.

Пока одинокий ковбой лакомится поджаренными на угольях белыми грибами, шериф подкрадывается к нему совсем близко и уже готов рывкнуть: «Именем закона!», но у Билла абсолютный слух. Он ловит малейшие колебания воздуха и, не оборачиваясь, произносит:

— Спрячьте свои наручники, шериф. На территорию канала Монтерано ваша юрисдикция не распространяется. Здесь вы не имеете никакого права арестовывать ни меня, ни мое верное пианино.

— А ты хитер, Чужак, — ворчит шериф. — Ну, ничего, я тебя рано или поздно прищучу, и тогда ты мазуркой Шопена не отделаешься.

Билл Пианино лишь невозмутимо поднимает бровь.

— Я очень редко играю Шопена, и то, как правило, этюды. От мазурок всегда погода портится. А кстати, почему вы с таким упорством меня преследуете?

— Любопытно тебе? Ладно, скажу. В последнее время с огородов пропало множество пугал. Свыше двадцати, если быть точным. Несколько свидетелей мужского и женского пола обвиняют тебя. Муниципалитет уже приобрел веревку, чтоб тебя повесить. А среди столяров объявлен конкурс на лучший гроб. С ворами у нас строго.

Билл Пианино задумался. Он и сам замечал, бродя по горам и долинам, что огородные пугала как-то поредели. Он мог бы поклясться, что их не трогал, но молчит. Лишь исполняет перед сном «Лесные сцены» Шумана и, накрыв верное пианино клеенкой, спокойно залезает в подбитый мехом спальный мешок. Шериф тоже устроился неподалеку — с коварным умыслом схватить Билла, когда тот крепко заснет. Однако, не дождавшись, уснул первым. Услышав его храп, Билл погрузил пианино на коня, вскочил в седло и вновь двинулся берегом Миньоне, бездумно катящей вдаль свои воды.

Ехал он, ехал и добрался до минерального источника; здесь он спешил, чтобы напиться. Вода эта целебная, способствует пищеварению, а это, как известно, не последнее дело. И в самом деле, пока он пил воду, его вдруг осенило: ведь с ближнего поля недавно тоже украли пугало, почему бы не сходить туда на разведку? При осмотре места преступления Билл обнаружил неоценимую улику — кусочек мыла-дезодоранта «Белник», известного больше под рекламным названием «Друг юных дев».

«Билл, — сказал сам себе одинокий ковбой, — мыло такой фирмы огородное пугало не могло обронить. Скорее всего, этот обмылок принадлежит лицу мужского или женского пола, которое заботится о гигиене подмышек, а также слушает рекламные передачи. Ищи транзистор, и ты отыщешь вора».

Он пустил коней рысью, про себя повторяя Гольдберговские вариации Баха (в особенности пятнадцатую, канон в квинте от конца к началу и анданте с двумя бемолями в ключе) и одновременно окидывая внимательным взглядом окрестные поля. Он спускался в каньон Терме-ди-Стильяно, устремлялся по отрогам Скаметте, бродил между развалин

Монтерано. И так много дней и ночей скакал, останавливаясь лишь для того, чтобы сполоснуть ноги в водах Миньоне: на равнине она замедляет свой бег, образует небольшие озерки, справедливо называемые на местном наречии копытцами. Билл сполоснул ноги в Татарском копытце, в копытце Томмазино, в копытце Козопаса, названном так в честь пастуха, который утонул, пытаясь спасти козу (с Биллом, который втайне от всех установил мировой рекорд в заплыве на пять метров стилем баттерфляй, такого бы, конечно, не случилось). И вот в один прекрасный день Билл на всем скаку осадил коней и с улыбкой спросил себя: «Неужто я ошибаюсь и это не увертюра к «Садко» в исполнении оркестра под управлением Пьеро Пиччони? Нет, я не ошибаюсь. Где увертюра к «Садко», там и транзистор. А где транзистор, там и мыло. А где мыло, там и вор».

Музыка привела Билла к этрусскому захоронению, брошенному на произвол судьбы Ведомством по охране изящных искусств и памятников старины. Билл спрыгнул с коня, но верное пианино пока что сгружать не стал. Подкрался к зеву пещеры. Прислушался. Вгляделся. В общем, оценил ситуацию. Но не так, как следовало: в ветвях растущего рядом дуба притаился шериф и, как всегда, успешно делал вид, будто его здесь нет. Берегись, Билл! Но поздно. Шериф накинул на него лассо и даже позволил себе улыбнуться сатанинской улыбкой.

— Теперь, Чужак, я не дам ни цента, ни полпинты пива за твою голову! Можешь распрощаться со своим пианино. Сколько раз тебе повторять: музыка никому не нужна! Баран и тот полезней твоего Баха — для пастуха, во всяком случае.

Услышав такие слова в адрес великого композитора, Билл зашелся от ярости.

— Ты еще подавишься своими словами, шериф! — воскликнул он.

Шериф расхохотался ему в лицо... Потом спрыгнул с ветки прямо в седло, совсем как в кинофильмах про ковбоев. И тут из этрусского склепа выскочил отважный юноша. Он перерезал лассо своим скаутским ножом, в котором имеются

также штопор, пилочка для ногтей и газовая зажигалка. И когда шериф пришпорил коня и помчался к Тольфе, то поволок за собой лассо, но уже без пленника.

Юноша пригласил Билла в склеп вместе с конями и его верным пианино. А тем временем шериф почувствовал, что веревка уж чересчур легка, обернулся и увидел... корову, которая мирно паслась на лугу. Шериф в ярости дал бы себе пинка, если б смог. На всякий случай он вернулся и потребовал у коровы документы, чтобы удостовериться, не переодетый ли это Билл Пианино. Корова в ответ издала вежливое и многозначительное «Му-у», смысл которого шерифу расшифровать так и не удалось.

В склепе Билл и его храбрый спаситель представились друг другу:

— Я — Билл из Ориоло.

— Очень рад познакомиться. Меня зовут Винченцино.

Из тьмы склепа выступила еще одна фигура.

— А вы? Тоже Винченцино? — в шутку спросил Билл.

— Нет, я — Винченцина, — ответил женский голос.

Вот так да! Юноша оказался девушкой. К тому же от наметанного глаза Билла не ускользнула важная подробность: на девушке был рваный пиджак в зелено-фиолетовую клетку. Точно такой Билл видел на одном из огородных пугал.

— Вы употребляете мыло «Белник»? — в упор спросил он.

Девушка простодушно кивнула.

— А этот транзистор ваш? — продолжил свой коварный допрос Билл, показывая на батарейный транзистор, из которого лились звуки симфонии Чайковского.

— Мой. Без него я просто жить не могу, — призналась Винченцина.

— Так вот кто ворует огородные пугала! — воскликнул Билл.

— Полегче на поворотах! — вмешался Винченцино. — Я спас тебе жизнь, а ты оскорбляешь мою невесту. Не лучше ли нам объединиться против общего врага?

Слово за слово, и Билл узнал их историю. Винченцино

и Винченцина были втайне влюблены друг в друга. Но на девушку положил глаз шериф, вообразивший себя доном Родриго *. Поэтому влюбленным пришлось скрываться в лесу, питаться дикими ягодами, кореньями и рыбой, которую Винченцино ловил руками среди шалых речных камней.

Винченцина бежала из дома в мини-юбке, прихватив с собой только транзистор и кусок мыла-дезодоранта. И чтобы раздобыть более подходящую одежду для беглянки, Винченцино стал похищать огородные пугала.

— Понимаю,— сказал великодушный ковбой.— Но зачем так много — больше дюжины?

— У каждой женщины свои слабости,— объявил Винченцино.

И вместе с возлюбленной они показали гостю свой склеп, превращенный в двухкомнатную квартиру без удобств. Там, словно в гардеробе, висели все одеяния огородных пугал.

— Должна же я хоть иногда менять наряды,— оправдывалась Винченцина, стыдливо опуская огромные глаза под длинными ресницами.— Разве можно женщине всегда ходить в одном и том же?

— Вы совершенно правы,— согласился Билл, который в душе был истинный рыцарь.

Обговорив с Винченцино план действий против шерифа, врага любви и музыки, он на закате покинул этрусский склеп. И при этом посоветовал Винченцине не включать транзистор на полную громкость.

— Кстати, послушайте третью программу,— добавил он на прощание.— Сегодня передают музыку Скарлатти, Прокофьева и Шостаковича в исполнении пианиста Эмиля Гилельса. Ничто так не укрепляет дух перед решающей схваткой.

Билл снова пустился в путь и, добравшись до подножия

* Персонаж романа А. Мандзони «Обрученные», чинящий препятствия влюбленным героям.— Здесь и далее примечания переводчиков.

Тольфы, привязал коней к стволу каштана, спрятал пианино за пасущейся на луку коровой и переоделся паломником, что бредет из Рима в разбитых башмаках. Никем не признанный, он пробрался к дому шерифа и сунул под дверь записку: «Жду тебя завтра в жаркий полдень, чтобы сразиться в адском поединке. Билл Пианино».

Потом он обошел окрестные поля и расставил по местам двенадцать огородных пугал. И закончил день в уединении, разучивая на своем верном пианино «Искусство фуги» Баха — вещь, которую еще ни одному пианисту в мире не удалось сыграть полностью.

— Пахнет порохом, — говорили крестьяне, поживаясь от страха в постелях. — Билл опять разучивает «Искусство фуги». Какой у него все-таки звук!

Около полудня все горцы спрятались по своим хижинам, заперли окна и двери и стали поглощать спагетти. Без трех минут двенадцать на площади появился шериф с двумя пистолетами в руках, двумя — за поясом и еще одним — под шляпой. Без одной минуты двенадцать на противоположной стороне площади появились Билл, его пианино, Винченцино, державший за руку Винченцину, которая в свою очередь держала в руке транзистор. Билл слез с коня, сгрузил пианино и покатил его перед собой на колесиках.

— Нечестно! — закричал шериф. — Щиты в адских поединках запрещены!

— Заметь, я безоружен, — невозмутимо ответил Билл. — Я вообще противник порохового дыма. И потому намерен сразиться с тобой как мужчина с женщиной — мое пианино против твоих пистолетов!

Шериф злобно усмехнулся, вскинул пистолет и хотел уже спустить курок... Но в этот самый миг Билл извлек из пианино звуки такой силы, что они пронзили насквозь печень, привратник и кадык бесчестного блюстителя закона.

Шериф схватился руками за горло и повалился прямо в дорожную пыль. Местные жители поспешно распахнули окна и слышали, как он, всхлипывая, умолял Билла:

— Хватит, хватит! Признаюсь во всем. Бах — великий

композитор, ты невиновен, Винченцина может выйти замуж за Винченцино, свою первую любовь, которая никогда не забывается.

Именно этого и добивался Билл от шерифа. Остальное вы сами можете себе представить. Влюбленные обвенчались и пригласили на свадьбу Билла.

— Сыграй для нас «Ave Maria» Шуберта! — попросила Винченцина.

Обветренное лицо ковбоя исказила гримаса боли.

— Вот это — нет, — пробормотал он. — Если хотите, я, так и быть, сыграю вам из Шуберта фортепьянную партию квинтета Форелей.

Но Винченцина была согласна только на «Ave Maria»: ведь эту вещь уже играли на свадьбе дочери мэра, дочери учительницы, ее сестры Карлетты и кузины Россаны.

— Мне очень жаль, — еле слышно прошептал честный ковбой. — Я не могу себя пересилить. Простите, друзья...

Билл пришпорил коня и галопом умчался вдаль. Удачи тебе, одинокий ковбой. И пусть твоим оркестром будет плеск безрассудных волн Миньоне. Когда ты играешь Моцарта на своем верном пианино, даже облака движутся по небу на цыпочках, чтобы не прослушать ни единой ноты столь божественной музыки.

«Бум!», «Трах!», или Прилетели марсиане

В одно прекрасное утро на Землю прилетели марсиане. Покружили над Римом на своих серебристых летающих тарелках и в знак дружбы исполнили двенадцать мадригалов Дездемоны да Венеры, среди которых один — на слова Торквато Тассо. Затем перешли к народным и блатным песням, таким, например, как: «Нет у вора ни кола ни двора, звонят, звонят по нем колокола». После чего, решив, видимо, что радушный прием им обеспечен, приземлились в древнем цирке Массимо, гораздо более просторном, чем площадь

Испании, куда не замедлил прибыть в сопровождении семи тысяч полицейских джипов заместитель начальника квестуры Фьорилло.

Летающих тарелок было три. Из куполообразных кабин высунулись трое марсиан. Лица у них были весенне-зеленого цвета, а на лбу торчали рожки антенн. Точно такими земляне их себе и представляли. Правда, они оказались отнюдь не коротышками: росту в них было метра три с половиной. А одеты они были в желтые туники, расшитые узорами, до странности напоминающими народные калабрийские орнаменты. Чего только в космосе не бывает! Один из марсиан, вылезая, ударился о край кабины. В тот же миг у него из головы вырвалось облачко с надписью «Трах!».

— Марсианское знамя, должно быть,—предположил бригадир Ментилло.

— А что это такое? — процедил из-под усов заместитель квестора, кивая на другое облачко, с надписью «Кряк!».

— Никуда не денешься,—заметил какой-то мальчишка, непонятным образом прорвавшийся сквозь полицейское заграждение.

— То есть как это—никуда не денешься? — подозрительно спросил Ментилло.

— Да ведь и Паперино* говорит «Кряк!», когда дядюшка Папероне дает ему по кумполу.

— Вот что, отправляйся-ка в школу, бездельник,—приказал Фьорилло.

— Не-е,—ответил мальчуган.—Я во вторую смену.

Тем временем марсиане, выказывая свои добрые намерения, захлопали в ладоши. И тут же из рук у них полетели изящные облачка с крупными печатными буквами: «Хлоп! Хлоп!»

Потом тот, что ударился головой, показал жестами, что желает обратиться к землянам с речью.

От его правой антенны отделилось облачко, и собравшиеся—кто бегло, кто по слогам—прочли: «Привет вам!»

* Гусенок (*итал.*)—персонаж комиксов по диснеевскому мультфильму.

Как видите, мы — марсиане и прилетели к вам с визитом дружбы. Разрешите представиться. Я — командир корабля АБ₁₇».

После того как послание дошло до всех, облачко растаяло. Но, как ни странно, голоса марсианина так никто и не услышал.

— Добрый день, — вежливо отозвался заместитель квестора. — Меня зовут Фьорилло.

Над головами марсиан разом взметнулись три облачка: «Что вы сказали?»

— Я — Фьорилло, заместитель квестора.

Марсиане склонились друг к другу, а над ними заколыхались новые облачка: «Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...»

— Что это они делают? — изумился бригадир Ментилло.

— Разве не видите? Совещаются, — пояснил мальчишка. — Вот и Паперино тоже...

— Слушай, парень...

Но закончить фразу Фьорилло не успел — марсиане застучали кулаками по своим тарелкам, явно требуя внимания.

Из-под металлической обшивки вырвались облачка с надписями: «Бум! Бам! Бом! Почему не отвечаете? Это противоречит законам гостеприимства. Ай-яй-яй!»

— Вот незадача, черт побери! — воскликнул Фьорилло, замецавший самого квестора.

А облачка все допытывались: «Что такое? Мы не видим ваши облачка... Ах!»

— Расстроились, — прокомментировал мальчуган. — Иначе бы сказали «Черт!» или «Тьфу!».

Фьорилло пребывал в некоторой растерянности.

— Наши облачка? Стало быть, они...

И вмиг его аналитический ум, раскрывший сотни сложнейших преступлений, выдал разгадку тайны: марсиане объясняются только с помощью комиксов и понимают только комиксы.

Тогда он приказал подать ему лист бумаги и ножницы, вырезал облачко и, написав на нем «Подождите минутку», приложил облачко ко рту. И сразу же из межпланетных ко-

раблей взвились радостные облачка. Полицейские из семи тысяч джипов, стотысячная толпа римлян и мальчишка-школьник прочли — кто вслух, кто про себя: «Наконец-то! Хлоп! Хлоп! Наконец-то вы заговорили! О-о-о! Гип-гип! Ура!»

А из одного облачка высунулась голова марсианской собачки, тоже с антеннами и своим собственным задорным облачком: «Тяв! Тяв! Тяв!»

Тем временем к стадиону Массимо подоспели эксперты криминальной полиции, министр транспорта и министр связи, несколько университетских профессоров, двенадцать епископов, сто двадцать восемь журналистов, мэр города и очень представительный господин, не занимавший, правда, никакого поста. Однако среди них не нашлось ни одного, кто умел бы объясняться на языке комиксов.

— Весьма сожалею,— заявил профессор де Маурис, лингвист, а также музыкант, играющий на ударных инструментах,— я на этом языке читаю и пишу, но не говорю. Что поделаешь, у нас при изучении иностранных языков очень подробно объясняют грамматику, а вот разговорной речи почти не уделяют внимания.

— Верно, верно! — закивали остальные.

— Я вот тоже читаю по-английски, но не говорю,— сказал один.

— А я пишу на кабардино-балкарском, но не читаю.

— Ну а я прекрасно знаком с литературным суахили, а вот речи совсем не понимаю...

Пришлось объясняться с марсианами с помощью облачков, вырезанных из бумаги. По приказу Фьорило один полицейский агент закупил в писчебумажном магазине пятьдесят килограммов чистой бумаги и двадцать ножниц. Все принялись вырезать облачка. Один киносценарист, которому особо удавались диалоги, стоял наготове с красками и кисточкой. Так, облачко за облачком, римляне выяснили, что марсиане стали жертвами прискорбного космического недоразумения. От своего резидента на Земле они в 1939 году получили несколько экземпляров журнала комиксов и решили,

что земляне разговаривают облачками.

— Если б вы знали, как нам тяжело давался этот язык,— рассказывали марсиане.— А выходит, зря старались.

Фьорилло крупными буквами в пол-листа спросил, сохранился ли у них голос. В ответ трое инопланетян запели марсианский гимн. Весьма полифонический, в стиле барокко, несколько напоминавший «Magnificat» Баха. Когда гимн отзвучал, раздался гром аплодисментов, но, увы, не появилось ни единого облачка.

— Не получается у нас...— вздохнул мальчишка.

И вдруг марсианская собачка выпустила над головой облачко «Фу! Фу!».

— Что-то учуяла,— догадался бригадир Ментилло (кстати, он в свободное от работы время увлекался комиксами, которые детям до восемнадцати лет читать не разрешается).

Земная собачка, проскользнув под ногами тысяч римлян, подбежала к летающим тарелкам и залилась громким лаем.

«Вау! Вау!»— ответила облачком марсианская собака.

Земная на мгновение растерялась. Но вот у нее из пасти тоже вырвалось белое облачко с дрожащими буквами: «Ррр! Ррр!»

— Злится,— перевел профессор де Маурис епископу Челестини.

«Вау! Вау!»— настойчиво, но дружелюбно повторила собака марсиан.

Римская собака, видимо, успокоилась и ответила в тон: «Вау! Вау!»

— «Вау! Вау!» означает «Гав! Гав!»,— объяснил де Маурис представителям прессы, строчившим в блокнотах.

— По-марсиански?

— Нет, по-комикски. Насколько мне известно, по-марсиански «Гав! Гав!» будет «Крк! Крк!».

Между двумя собаками завязалась оживленная облачная беседа. Уже знакомый нам мальчуган и еще восемнадцать тысяч римских ребятишек, прошмыгнувших под ногами у блюстителей порядка, от души веселились, наблюдая эту сцену. И над головой у них вдруг начали летать забавные

облачка самой разной формы, на которых все, кроме неграмотных, смогли прочесть «Хо-хо-хо! Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!».

Одна девочка по ошибке испустила «Ой-ой-ой!», но тут же поправилась, ведь так реагируют только те, кто проваливаются в яму, а в цирке Массимо ям нет.

Фьорилло как заместитель квестора весьма озабочен: так эти марсиане, пожалуй, всех наших детей испортят!

Он и не заметил, как из-под шляпы у него выползла, к изумлению всех присутствующих, мрачная туча «Бу-бу-бу!». Бригадир Ментилло, восхищенный лингвистическими способностями своего шефа, хотел было крикнуть «Браво!», но голосовые связки почему-то отказались ему повиноваться, а вместо этого из носа потянулась длинная струйка с надписью «Клац! Клац!».

Из-за недостатка разговорной практики он спутал восклицание «Браво!» со звуком, издаваемым при щелканье пальцами (кстати, у этого междометия, если верить словарю комиксового языка, составленному Джоаккино Форте, есть еще одно значение — звук защелкиваемых наручников). Но не беда, со временем Ментилло овладеет языком комиксов. Земляне без труда усвоили речь с помощью облачков, подписанных всеми буквами алфавита. К примеру, на редкость талантливый профессор де Маурис, когда у него отлетела пуговица от пиджака, безошибочно выпустил ей вслед облачко «Трах!».

— Массовый гипноз! — констатировал епископ Челестини, выпустив в соответствии со своим саном облачко в форме нимба.

Теперь над цирком Массимо повисло безмолвие. Все говорят на языке комиксов. Воспринимая реплики собеседника, люди читают их не вслух, а тоже с помощью комиксов. Моторы семи тысяч джипов по приказу остались невыключенными, и из-под капотов несутся белые облачка «Урр! Урр!», что явно соответствует шуму двигателя, работающего на стоящей машине. Если бы та же машина мчалась со скоростью сто девяносто километров в час, то на облачках, несомненно, было бы написано «Дрр! Дрр!».

«Наконец-то мы нашли общий язык!» — комиксуют марсиане.

«Скажите откровенно, — спрашивает облачком заместитель квестора Фьорилло, — вы применили какой-то газ, чтобы парализовать наши голосовые связки?»

«При чем тут газ? — недоумевают марсиане. — Просто комиксы были у вас самих на кончике языка».

С помощью комиксов в теплой дружеской обстановке начались переговоры. Марсиане и представители власти отбыли на виллу Фарнезина *. Летающие тарелки поместили на запрещенную стоянку, которую содержит некий уроженец Кастелламаре-ди-Стабиа. Толпа рассеялась, комиксуя и разнося эту заразу во все уголки Рима. Колокола очень быстро выучились звонить облачками «Дин-дон!». Скорые поезда оставляли за собой в воздухе длинную полосу с надписью «Уууу!». В барах виа Венето на струе газированной воды из сифона плясали буквы «Фрppp!».

Дети, увидев перед собой тарелку ненавистного овощного супа, выпускали очень выразительное облачко с надписью «Фу!», за что тут же получали на языке комиксов «Шлеп! Шлеп!».

Правительство, ясное дело, тут же объявило комиксы государственным языком, тем самым уничтожив свободу слова. Те, кто по-прежнему предпочитали облачкам слова, оказались вне закона: им приходится собираться по ночам в подвалах и разговаривать шепотом, иначе их арестуют «за нарушение общественного спокойствия в ночное время».

У языка комиксов помимо красоты есть масса удобств: скажем, яйца, разбиваясь о край сковородки, выпускают пузырек воздуха с надписью «Блям!» или же «Крак!» — в зависимости от степени свежести, так что сразу становится ясно, если в лавке вас надули, подсунув несвежие яйца.

А сколько все-таки осталось людей, для которых слова так и не превратились в дым? Будем надеяться, немало.

* Резиденция министерства иностранных дел Италии.

Война поэтов

Поэт Сореллини по имени Альберто Альберто возглавляет группу поэтов-песенников и композиторов-песенников. Друзья прозвали его Плакучий Поэт, отчасти потому, что волосы у него напоминают плакучую иву, а еще из-за того, что свои полные горючей тоски стихи он всегда сочиняет со слезами на глазах.

Альберто Альберто знаменит на всю Италию, а также в кантоне Тичино как автор рифмы «кровь — любовь». Но тут надо сразу сказать: рифму эту он украл у поэта Освальдо, бывшего руководителя конкурирующей группы, бывший он потому, что вот уже десять лет, как Альберто Альберто, опасаясь разоблачения, заточил его в старинную башню на берегу моря.

Личный секретарь Альберто Альберто по имени Оскар как раз возвратился из старинной башни, куда он ездит каждый день, чтобы бросить в окно узнику пачку галет. Хлеба Освальдо не ест — бережет фигуру.

— Как он там? — спрашивает Альберто Альберто, утирая слезы и отдавая платок Оскару в обмен на чистый.

— Отлично, — докладывает Оскар. — Говорит, что почти нашел новую рифму на слово «кровь». Самое большее ему потребуется еще полтора года. Рифма, как он утверждает, уже вертится на кончике языка.

— Он сущий дьявол! — восклицает Альберто Альберто, орошая слезами второй платок.

Оскар тут же благоговейно его меняет, поскольку он не только исполнительный секретарь, но и главный хранитель носовых платков Плакучего Поэта. Он сам вышивает на них монограммы своего повелителя. И всегда носит с собой коробочку с двенадцатью дюжинами платков.

У Оскара есть своя маленькая тайна. Он выжимает мокрые платки, собирает слезы Альберто Альберто в бутылки, разливает их затем в изящные флакончики и тайне продает за большие деньги поклонникам и поклонницам поэта. То-

му, кто купит десять флакончиков, предоставляются на выбор сувенирный пульверизатор или штопор. Можно приобретать слезы по почте наложенным платежом, а также в рассрочку. Бандероли отправляются даже в Латинскую Америку.

— Записывай,— приказывает Альберто Альберто, у которого в отсутствие Оскара родилось в уме новое стихотворение.

Ты помнишь тот день,
любовь,
когда завладела консервным ножом,
вздурожив мне кровь.
А после рассталась со мной,
сбежала с механиком-левишой.
О-ля-ля.
И с той поры я слезы лью,
о-ля-ля.
Отвергла ты любовь мою,
ты предпочла меня ему,
скажи, скажи мне, почему?!
Верни мне мой консервный нож,
прошу тебя очень,
хотя бы по почте,
о-ля-ля...

Оскар потрясен до глубины души.

— Какие стихи, маэстро! К таким словам самую заурядную мелодию, и первый приз на фестивале в Бусто-Арсицио обеспечен.

— Впусти всех,— всхлипывая, произносит Альберто Альберто.— Я самолично прочту свое творение, прежде чем выбрать композитора.

— Эй, банда, входи!— кричит Оскар, распахнув дверь.

Парами входят тридцать поэтов и двадцать четыре композитора. (Хотя композиторов меньше, чем поэтов, но они толще, так что по весу все сходится.)

Вошедшие вытягиваются по стойке «смирно» и поют гимн, сочиненный самим Альберто Альберто.

В моем сердце любовь,
и волнуется кровь,
о-ля-ля.
В моем сердце всегда
кровь бурлит — не вода,
о-ля-ля.
Но в душе моей вечно тоска,
ведь любимая так далека.

Они запевают второй, самый знаменитый куплет гимна, где «кровь» рифмуется с «любовью», а не наоборот, и вдруг вбегает посыльный. Он запыхался и явно предпочел бы сейчас находиться где-нибудь в Боготе или на худой конец на Капри. Он падает ниц перед Альберто Альберто и срывающимся голосом восклицает:

— Маэстро, сжальтесь! О, что со мной теперь будет?

— Не знаю,— отвечает Плакучий Поэт.— Не имею представления. А что случилось?

— Узник...

— Что — узник?..

— Сбежал!

— Тоже с консервным ножом?

— Я не знаю, маэстро. Стражник сообщил только, что Освальдо галетами прорыл подземный ход из своей темницы и скрылся в северо-восточном направлении.

— Говорил же я, нельзя давать ему слишком сухие галеты! — сокрушается Альберто Альберто.

— Они были свежайшие, хозяин,— докладывает Оскар.— Частично даже пережеванные. Видно, он клал их сушиться.

— Это крайне огорчительно,— сухо замечает Альберто Альберто, бросая на пол мокрый от слез платок.— Включите радио: может, передадут что-нибудь об этом историческом побеге.

Оскар включает радио на словах диктора:

— Друзья мои, счастлив сообщить вам чудесную новость! После десяти лет добровольного уединения в тайном убежище, известном только ему и его близким, к нам вер-

нулся знаменитый поэт Освальдо. Сейчас он прочитает слова песни, сочиненной им за десятилетие плодотворного затворничества.

Освальдо откашливается и начинает декламировать:

Моя верная любовь,
стынет в сердце моем кровь.
Вспоминая вновь и вновь,
я рыдаю с того дня,
как ты покинула меня.
О-ля-ля.
И сбежала с любовником,
Вероломным чиновником.
О-ля-ля.

— Выключите! — кричит Альберто Альберто. — Этот негодяй опять обвел меня вокруг пальца. Придумал новую рифму: «любовь — кровь — вновь». А чтобы усыпить мою бдительность, уверял, будто ему надо поработать еще года полтора. Вольно!

Поэты и композиторы, стоящие по стойке «смирно», расслабляются.

— Что-то здесь нечисто, — размышляет вслух Альберто Альберто. — Быть может...

Но оглушительный хор скрыл от потомков это крайне важное умозаключение:

О-ля-ля, о-ля-ля,
ты покинула меня
вероломно, коварно,
не помыв кофеварку.
О-ля-ля, о-ля-ля,
до сих пор стынет кровь...

Банда Освальдо с боевым гимном окружает виллу Плакучего Поэта. Альберто Альберто, не теряя ни секунды, командует:

— По местам. К бою!

Поэты и композиторы занимают оборону за дверями и окнами. Оскар хлопает в ладоши, и слуги мгновенно приносят котелки с дымящейся полентой, которая всегда име-

ется в кухне на случай чрезвычайных событий. Полента приготовлена из высококачественной муки мельчайшего помола и потому долго не остывает.

Когда банда во главе с бежавшим из плена предводителем бросается в атаку, защитники виллы вываливают им на головы горячую поленту и при этом распевают героическую ораторию Альберто Альберто, сочиненную на случай войны:

Закипела моя кровь,
ты прощай, прощай, любовь.
Всех врагов побьем мы этой
обжигающей полентой.
Не дадим исчадьям ада
молока и мармелада.
О-ля-ля.

Штурм отбит. Освальдо и его банда готовятся к длительной осаде виллы.

Да будет вам известно: вилла Плакучего Поэта находится возле западной окраины города на живописных холмах. Альберто Альберто специально выбрал это место, чтобы любоваться восхитительными, приводящими в умиление закатами. Кипящий ненавистью Освальдо приказывает установить в саду огромную ширму из белого пластика с гнусной целью помешать Альберто Альберто любоваться закатами. Для вдохновения Альберто Альберто приказывает Оскару проецировать закаты в миниатюре на стены гостиной. И все же это лишь суррогат... Поток слез неуклонно иссыкает. Сами посудите, как сочинять стихи о несчастной любви, изменах, разбитых сердцах, глядя на импровизированный закат размером три метра на два?!

Голодная смерть Альберто Альберто не грозит: в подвале у него хранятся неистощимые запасы круп, муки и копченой колбасы. А вот стихи... В стихах все слабее глас печали, отчаяния — они выходят какие-то сухие, черствые. Однажды он даже продиктовал Оскару такие строки:

В сердце сор,
в носу простуда,
что-то капает оттуда.

Оскар испуганно вздрагивает. Поэты и композиторы ша-
рахаются, словно вдруг наступили на кобру.

— Маэстро,— лепечет Оскар,— вы ничего не забыли?
Вам не кажется, что в стихах не хватает... одного словечка,
которое оканчивается на «овь»?

— Какого же? — теряется Альберто Альберто. — «Го-
товь», «морковь»? Скажи, не мучай меня!

— Пришвартовь,— подсказывает Оскар.

Но тут понимает, что хотел произнести совсем другое
слово. Он бросает умоляющий взгляд на поэтов и композито-
ров. Все наперебой предлагают свои варианты:

— Славословь!

— Бровь!

Но никому не удастся выговорить слово «любовь». Все
впадают в черную меланхолию, но из сада внезапно доно-
сится усиленный репродуктором голос Освальдо:

— Протестую! Вы применили оружие, запрещенное
конвенцией Сан-Ремо! Это гипноз! Ни я, ни мои люди не
в силах произнести слово из шести букв, которое начинается
на «эл» и кончается на «овь». Если вы не прекратите свои
преступные действия, я обрушу на виллу сорок восемь роя-
лей!

— Освальдо! — плачущим голосом зовет Альберто
Альберто. — С нами случилось точно такое же несчастье!
Если я лгу, пусть прольется... свекровь.

— Что?! Ты, верно, хотел сказать «новь»?

Вы уже догадались, что Альберто Альберто и Освальдо
не могут больше выговорить не только слово «любовь», но
и «кровь». А ведь эта рифма, несмотря на жесточайшие раз-
доры, и принесла обоим всемирную славу.

Война мгновенно прекращается. Поэты и композиторы
из двух враждебных лагерей отправляются на все четыре
стороны искать утерянныя слова.

— Доставьте их живыми или мертвыми! — повелевают
оба главаря.

И те обшаривают кустарники, обыскивают пещеры,
устраивают облавы в Национальном парке Аbruцци, роют

тоннель в Альпах... Но слова «любовь» и «кровь» бесследно исчезли.

Поиски продолжаются шесть месяцев и еще сто двадцать дней, после чего их приходится прекратить из-за нехватки средств. Альберто Альберто и Освальдо истратили все свои сбережения и вконец разорены. Они бродят по улицам, просят подаяние.

Их подчиненные промышляют грабежом. Оскар еще держится на плаву с помощью слез Плакучего Поэта. У него осталось семь гектолитров, но теперь их уже нелегко сбывать: мошенник выдает их за лосьон от выпадения зубов.

Однако специалисты утверждают, что слова «любовь» и «кровь» никуда не девались, не утеряны, не украдены — просто они поистерлись от чрезмерного употребления и превратились в крохотные обмылки, которые незаметно для нас исчезают в сливе ванны под мрачный рокот грязной воды.

Чью нить прядут три старушки?

Ох и мстительны же были эти древние боги! Однажды Юпитер ненароком обидел Феба. Красавец Феб затаил обиду и при первом же удобном случае в отместку Юпитеру перебил немало Циклопов.

Не надо путать божий дар с яичницей, скажете вы: Циклопы к Юпитеру не имеют никакого отношения.

А вот и имеют. Циклопы, да будет вам известно, поставляли на Олимп молнии. И Юпитер очень ими дорожил, ведь молний столь высокого качества не выпускала больше ни одна фирма. Когда Юпитеру доложили, что Феб лишил его таких поставщиков, громовержец не на шутку рассердился и вызвал Феба на ковер. Фебу пришлось подчиниться, ибо Юпитер — самый главный из богов.

— Ты совершил преступление, — сказал он. — И будешь

отбывать наказание на земле. В течение семи лет станешь прислуживать Адмету, царю Фессалийскому.

Делать нечего—Феб отправился в ссылку. Юноша он был толковый, исполнительный и в доме Адмета всем полюбился. С самим царем они вскоре стали большими друзьями. Семь лет пролетели, и Фебу было разрешено вернуться на Олимп. Идет он по дороге к дому и вдруг слышит: кто-то его окликает сверху. Задрал голову—на балконе прядут три старушки.

— Как поживаете?—вежливо поинтересовался он.—Ревматизм не очень мучает?

— Да ничего, грех жаловаться,—отвечают старушки.

(Вы, конечно, уже догадались, что это были не простые старушки, а парки—те самые богини, которые определяют судьбу человека с рожденья и до смерти. Прядут они, прядут нить жизни, а потом—чик!—обрежут ее, и пиши завещание.)

— Ого, сколько вы напряли!—удивился Феб.

— Да. Вот эту почти закончили. Знаешь, чья она?

— Чья?

— Царя Адмета. Ему осталось жить два-три дня.

Ах, бедняга, думает Феб. Я оставил его в добром здравии, а ему, выходит, скоро конец!

— Слушайте,—обратился он к старушкам,—Адмет—мой друг. Нельзя ли ему пожить еще годик-другой?

— Но как?—развели руками парки.—Мы лично против Адмета ничего не имеем. Милейший человек. Но от судьбы не уйдешь. Смерть, она ведь тоже ждать не любит.

— Так он же еще совсем не старый!

— Возраст тут ни при чем, уважаемый Феб. А что, ты так сильно его любишь?

— Говорю же—близкий друг.

— Ну, так и быть. Мы повременим с этой нитью, пусть пока повисит. Но при условии: кто-нибудь по своей воле умрет вместо Адмета. Годится?

— Еще бы! Премного вам благодарен.

— Не стоит. Для тебя мы рады стараться.

Феб даже домой не зашел, чтоб просмотреть почту. Ринулся обратно на землю и захватил Адмета на пороге дома: тот как раз в театр собрался.

— Вот что, дружище, такая история вышла... В общем, ты спасся чудом. Но без похорон не обойтись. Сумеешь найти кого-нибудь, кто бы лег вместо тебя в гроб?

— Надеюсь!— Адмет дрожащими руками налил себе крепкого вина.— Или я не царь? Или моя жизнь не нужна государству?.. Ох, черт побери, от таких вестей меня прямо в пот бросило.

— Что поделаешь! Такова жизнь.

— Как раз наоборот: такова смерть...

— Ну, мне пора. Прощай!

— Прощай, Феб, прощай. Я с перепугу и не поблагодарил тебя как следует. Пришлю тебе ящик твоего любимого вина.

Черт побери, снова подумал Адмет, оставшись один. Ну и дела! Хорошо еще, что у меня есть высокопоставленные друзья.

Он кликнул своего самого верного слугу, изложил ему суть дела и, дружески похлопав по плечу, велел приготовиться.

— К чему, Ваше Величество?

— Ты еще спрашиваешь! К смерти, конечно. Ведь ты не откажешь мне в этой услуге. Разве я был тебе плохим хозяином? Скажи, платил я тебе сверхурочные, ссуды и тринадцатую зарплату?

— Платили, Ваше Величество.

— То-то же! Так что поторопись. Время не ждет. Ложись в гроб поскорее, а уж я обо всем позабочусь: пышный катафалк, мраморный памятник, пенсия вдове, стипендия сыну! Идет?

— Разумеется, Ваше Величество. Завтра же утром буду в гробу.

— Почему завтра? Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Но мне надо написать прощальные письма, сделать кое-какие распоряжения, помыться...

— Ладно, завтра! Но только с самого утра...

— На рассвете, мой господин...

Но на рассвете верный слуга уже плыл по морю на финикийском судне по направлению к Сардинии. И даже фотографию в газете под заголовком «Разыскивается...» нельзя было поместить. Ведь в те времена ни фотографий, ни газет не существовало.

Царь расстроился до слез. Вот и верь после этого старым, верным слугам.

Потом, немного успокоившись, приказал он заложить карету и поехал в деревню к родителям. У них там был славный отапливаемый домик.

— Вы одни меня любите! — сказал он отцу с матерью.

— Как не любить, сынок, конечно, любим.

— Я знаю: вы мне ни в чем не откажете.

— А тебе чего? — с опаской спросили старики. —

Может, редисочки свеженькой с огорода?

Но, услышав его просьбу, они заупрямились:

— Адметушка, мы дали тебе жизнь, а ты взамен требуешь нашу! Хороша же сыновья благодарность!

— Но ведь вы одной ногой в могиле стоите!

— Когда придет наш черед — помрем. Тебя вместо нас помирать не попросим.

— Все понятно! Вот, значит, как вы меня любите!..

— Постыдился бы, сынок! Ведь мы отдали тебе все — и трон, и виноградник!

Адмет машинально взял с блюда редиску и сунул ее в рот, но тут же выплюнул, вскочил в карету и умчался к себе во дворец.

Там он созвал министров, генералов, адмиралов, камергеров, мажордомов, адвокатов, советников по налоговым вопросам, астрологов, драматургов, теологов, музыкантов, поваров, псарей...

Каждый отвечал, что он и рад бы, но...

— Ваше Величество, я бы охотно умер вместо вас, но

у меня три старые тетки. Что с ними станется?..

— Хоть сейчас, мой господин, хоть сию минуту... Но я со вчерашнего дня в отпуске...

— Я счастлив умереть за вас, мой повелитель, но мне надо закончить мемуары...

— Презренные трусы! Смерти испугались!— Адмет в гневе затопал ногами.— Да я всем вам головы поотрубая! Пускай для себя ничего не выгадаю— мне-то доброволец нужен,— зато сдохну не один... В компании веселей спускаться в преисподнюю.

Придворные заголосили, застучали зубами от ужаса. Адмет всех отправил в карцер, а палачу велел поострее наточить топор. После чего пошел к жене и попросил выжать ему апельсиновый сок: уж очень его жажда одолела.

— Алкестида, дорогая, хочу сказать тебе последнее «прости»,— промолвил он со скорбной миной.— Парки кончают прясть нить моей жизни. Феб— истинный друг— заранее предупредил меня, но пользы от этого никакой. На словах все мне преданы, но умирать за своего царя никто не желает.

— Так-таки и никто! А ко мне почему ты не обратился?

— К тебе?!

— Ну да. Чего же проще! Я умру вместо тебя.

— Ты с ума сошла, Алкестида! А как же я? Ты подумала, как я буду страдать, как горько буду плакать на твоих похоронах?

— Поплачешь— и утетишься.

— Нет, не утешусь.

— Поверь мне, утетишься и проживешь еще много лет в счастье и довольстве.

— Думаешь?

— Уверена!

— Что ж... Раз ты настаиваешь...

Они поцеловались на прощанье. Алкестида удалилась к себе в спальню и умерла. Все царство огласилось стонами и плачем. Громче всех рыдал Адмет. Оплакав жену, он приказал освободить министров, поваров и всю остальную братию. Повелел звонить в колокола за упокой, приспустить

знамена, а сам занялся устройством похорон. Сидел он с владельцем похоронного бюро и обсуждал, какие ручки приделать к гробу, как вдруг ему доложили о прибытии гостя.

— Геркулес! Как я рад тебя видеть, старина!

— Привет, дружище. Я тут собрался украсть золотые яблоки в саду Гесперид и по дороге решил заглянуть к тебе.

— Вот и молодец! А я уж думал: старый друг совсем меня забыл.

— Кстати, по какому случаю траур?

— Да так, женщина одна умерла,— пробормотал Адмет.— Но ты не печалься. Гостям мы всегда рады. Сейчас прикажу налить тебе ванну. А после поужинаем, вспомним старые добрые времена.

Добродушный гигант с удовольствием отправился мыться. Ему вечно доставалась самая тяжелая и грязная работа: то с чудовищами сражайся, то Авгиевы конюшни чисти— и в кои-то веки выпадет случай принять ванну! Трет он себе спину щеткой и напевает любимую свою песню:

Ты Геркулес?

Я Геркулес!

Дрожит от шагов моих лес...

— Не пристало вам петь, господин, когда у нас такое горе,— тихо говорит слуга.

— Что?— вскричал Геркулес.— Какое горе?

Узнав про смерть Алкестиды, он немало удивился, почему Адмет скрыл от него свою беду. Бедная Алкестида! Бедный Адмет! Геркулес едва не прослезился, но тут же взял себя в руки.

— Не время слезы лить!— сказал он себе и выпрыгнул из ванны.— Надо действовать, пока не поздно. Эй, человек! Принеси-ка мою палицу. Я ее там, внизу, на вешалке поставил.

Схватил Геркулес палицу и бегом на кладбище.

Спрятался возле свежерытой могилы; едва Смерть приблизилась, он отважно бросился на нее и давай молотить палицей. Сперва Смерть пыталась защищаться своей острой косой, но быстро сообразила, что с Геркулесом ей не сладить. И, пока он не положил ее на обе лопатки, убралась во свояси.

Великан повеселился от души и, распевая песни, вернулся в столицу. Прохожие смотрели ему вслед и думали: уж не повредился ли он? Как можно петь, когда вся страна в трауре! Но Геркулесу все было нипочем.

— Адмет! Эй, Адмет! Я ее победил!

— Кого? Что случилось, Геркулес?

— Я прогнал безносую! Алкестида будет жить!

Адмет побелел как полотно и со страха к земле пригнулся. Вдруг послышались шаги. Он обернулся... К нему с виноватым видом подходила живая и невредимая Алкестида.

— Да вы, я гляжу, не рады? — изумился Геркулес. — Ну улыбнитесь же, и будем веселиться!

Какое там! Похоже, для Адмета только теперь и начался настоящий траур. Смотреть было больно, как он рухнул в кресло и затрясся мелкой дрожью. Алкестида не поднимала глаз.

— М-да! — озадаченно протянул Геркулес, утирая со лба пот. — Думал вас порадовать, а, выходит, только огорчил. Ну и времена!.. Друзьям и то не угодишь... Что ж, не поминайте лихом... Мне жаль, конечно... Все-таки вы пишете хоть изредка.

И Геркулес ушел, обиженно помахивая палицей. Адмет встал, прислушался. Ему показалось, что откуда-то доносится едва слышное жужжание. Это наверху, на балконе, три старушки опять взялись за прялки... Чью нить они прядут?.. Кто знает!..

У каждого месяца своя история

Январь. Рыбы.

— Осторожно, это — крючок с приманкой. Не вздумай клонуть! — сказала большая рыба маленькой.

— Почему? — спросила маленькая.

— По двум причинам. Первая: если ты клонешь приманку, тебя выловят, обваляют в муке и изжарят на сковороде. А потом подадут и съедят с гарниром из листьев салата.

— Ой-ой! — воскликнула маленькая рыбка. — Спасибо тебе огромное. Ты спасла мне жизнь! А вторая причина?

— Вторая в том, — объяснила большая рыба, — что я сама собираюсь тебя съесть.

Февраль. Номер тридцать три.

Я знаком с одним мелким торговцем. Он не торгует ни сахаром, ни кофе, ни мылом, ни вареньем. Он продает номер тридцать три.

Это честнейший человек, он никого не обвесит, и товар у него только высшего качества. К тому же он не из тех мошенников, которые кричат: «Купите номер тридцать три!», а сами готовы подсунуть вам номер тридцать один, а то и двадцать девять... Нет, у него все без обмана: ровно три десятка и три единицы.

Дела у моего приятеля, правда, идут неважно. На номер тридцать три спрос невелик. Лишь изредка, перед тем как отправиться на прием к врачу, люди заглядывают к нему в лавочку и покупают номер тридцать три. И то, бывает, экономят, предпочитая взять подержанный номер на рынке Порта Портезе. Но мой приятель не жалуется. И ловчить ни за что не станет. Можете послать к нему за номером хоть ребенка, хоть кота — все будет честь по чести.

На таких вот честных торговцах и держится мир.

Март. Почтовая открытка.

Жила-была почтовая открытка без адреса. На ней было написано только: «Наилучшие пожелания. Тысяча поцелуев. Пинучча».

Поди узнай, кто она, эта Пинучча, старая карга или девчонка в джинсах. А может, какая-нибудь шпионка.

Многие были не прочь взять себе один из поцелуев, хотя бы малюсенький. Но как довериться этой незнакомой особе?

Апрель. Осада.

Военачальник Тутхиа сказал великому фараону:

— О владыка мира, правильной осадой этот город не взять. Тут нужна хитрость.

— А ты ее придумал, эту хитрость?

— Да, придумал.

Военачальник велел ночью поставить вокруг осажденного города тысячу больших кувшинов. В каждом прятался вооруженный до зубов воин. А утром протрубили отбой, и войско египтян оставило позиции. Осажденные выглянули с крепостных стен: египтяне как сквозь землю провалились, вместо них остались одни кувшины.

— Какие хорошие кувшины! — обрадовались они. — И для оливок годятся, и для всего остального!

Выкатили сто повозок, погрузили кувшины и ввезли в город. А на следующую ночь египетские воины разбили кувшины, подожгли дома, отперли ворота. Фараон с войском беспрепятственно вошел в город и одержал блистательную победу. Фейерверки, всеобщее ликование.

Лишь полководец Тутхиа был невесел.

— Что такое?! — изумился фараон. — Я наградил тебя высшим орденом империи, дал тебе персональную пенсию, тысячу буйволов — по одному за каждый кувшин. Чего тебе еще надо?

— Ничего, мой повелитель! Я думаю о том, что через тысячу лет, в Троянскую войну, греческий генерал тоже прибегнет к подобной хитрости. Только вместо кувшинов он

обойдется одним конем. Увы, мы пока не ведаем о конях. Посему вся слава достанется этому греку.

— Стража! Схватить изменника, отрубить ему голову! — приказал фараон. — Он мечтал не о победе, а о славе. Ему мало просто войти в историю, ему еще надо, чтоб его воспели поэты. Казнить честолюбца!

Май. Короткий диалог.

— И чего все эти люди ждут от меня?

— Ждут, чтоб ты ничего от них не ждал.

Июнь. Птицы.

Один мой знакомый очень любит птиц. И лесных, и болотных, и полевых... Ворон, колибри, уток, фазанов. Европейских птиц и африканских. У него целая библиотека по орнитологии. Три тысячи томов, почти все в кожаных переплетах.

Он весьма усердно изучает повадки трясогузок, водяных курочек, зеленушек. Знает, что аисты, направляясь с севера на юг, летят по маршруту Испания — Марокко либо Турция — Сирия — Египет, только бы миновать Средиземное море, которое нагоняет на них страх. Самый короткий путь — не всегда самый надежный.

Уже многие годы, даже десятилетия мой знакомый занимается птицами. И точно знает время миграций. Едва оно наступает, он сразу заряжает свое автоматическое ружье — бах-бах!.. И еще ни разу не промахнулся.

Июль. Цепь.

Цепь самой себя стыдилась. Все меня избегают. И правильно делают, думала она. Люди любят свободу и ненавидят оковы.

Но однажды мимо проходил человек, подобрал цепь

и привязал ее к самым крепким ветвям дерева. Получились самые настоящие качели.

Теперь на качелях качаются дети того человека, и цепь больше себя не стыдится.

Август. В поезде.

Как-то в поезде я познакомился с одним человеком. Мы беседовали о том о сем, пока вдруг он не сообщил:

— А вы знаете, я еду до Домодоссола!

— Bravo! — воскликнул я. — Как красиво, как динамично это у вас прозвучало!

Он нахмурился и посмотрел на меня с подозрением.

— Ну уж нет, я предпочитаю молчать. Звучат пускай другие.

И за всю дорогу не проронил больше ни слова.

Сентябрь. Аида.

Вчера наш городок чествовал синьора Джованкарло Тромбетти. После тридцати лет напряженного труда ему удалось одному, без посторонней помощи, записать оперу «Аида» Джузеппе Верди.

Приступил он к работе еще в юношеском возрасте. Сперва пропел в микрофон партию Аиды, затем — Амнерис и Радамеса. И так постепенно записал на магнитофон все партии. Даже хоровые. Поскольку хор жрецов состоял из тридцати человек, ему пришлось повторять каждую сцену тридцать раз подряд. Потом Джованкарло научился играть на всех музыкальных инструментах — от скрипки до барабана, от фагота до кларнета, от трубы до английского рожка. Он записал партии всех инструментов, после чего склеил пленки, чтобы создать оркестровый эффект.

Этот титанический труд он проделал в подвале на окраине города, который снял втайне от своих домашних. Им он говорил, что остается на сверхурочную, а сам работал над «Аидой». Он воспроизвел и рев слонов, и ржание коней,

и аплодисменты после исполнения самых знаменитых арий. Чтобы воспроизвести овации в конце первого акта, он три тысячи раз подряд в течение минуты хлопал в ладоши, ибо решил, что на спектакле присутствовало три тысячи зрителей и из них четыреста восемнадцать кричали «Браво!», сто двадцать один — «Божественно! Восхитительно!», тридцать шесть — «Бис!», а двенадцать — «Сапожники! Певцы из подворотни!».

И вот вчера, как я уже сообщал, четыре тысячи человек заполнили городской театр, чтобы прослушать это необычайное исполнение. В конце все единодушно заявили: «Бесподобно! Ну в точности как пластинка!»

Октябрь. Становлюсь меньше.

Нет ничего ужасней, чем уменьшаться в росте и постоянно ощущать на себе изумленные взгляды домашних. Им бы только веселиться. Вот я уже прохожу под столом, и мои дети воркуют надо мной, как над младенцем. Внуки тащат корзину, где обычно спит кот, очевидно решив сделать из нее колыбельку. Они осторожно берут меня за шиворот и кладут в корзину на старую облезлую подушечку. А потом зовут друзей и родных, чтобы все полюбовались на дедушку в корзинке. С каждым днем я становлюсь все меньше. Теперь меня можно засунуть в ящик кухонного стола, где лежат чистые и грязные салфетки. Я уже не отец, не дед, не уважаемый человек, а заводная игрушка, которую выпускают погулять по столу, когда не включен телевизор. А больше всего любят разглядывать в лупу мои крохотные ноготки. Скоро я уже умещусь в спичечном коробке. И в один прекрасный день кто-нибудь найдет пустой коробок и выбросит его в мусорный ящик.

Ноябрь. Газеты.

Разговорился я в поезде еще с одним человеком. Он сел в вагон на станции Теронтола, держа под мышкой шесть га-

зет. И, усевшись в купе, сразу же принялся их читать.

Прочел первую полосу первой газеты, затем первую полосу второй, потом третьей, и так до последней, шестой...

После этого он перешел ко второй полосе первой газеты, второй полосе второй и третьей и так далее.

Затем открыл третью полосу первой газеты, второй газеты, третьей газеты, время от времени делая карандашом какие-то заметки на манжетах.

И я вдруг испугался: хорошо, если во всех газетах одинаковое число полос, но что, если в одной газете окажется шестнадцать полос, в другой — двадцать четыре, а в третьей — всего восемь?! Что станется с этим синьором, когда он увидит, сколь несовершенен его метод?

К счастью, он сошел на станции Орте, и я не стал свидетелем этой трагедии.

Декабрь. Словарь.

Я часто просматриваю ту страницу словаря, где соседствуют каллиграфия, капуста, крапива и крестьянин. Они никогда не здороваются и даже с Новым годом друг друга не поздравляют.

Такое странное соседство меня очень занимает. Когда я представляю себе, как крестьянин полет крапиву, чтоб капуста лучше росла, на душе у меня относительно спокойно. Но вот крестьянин принимается обучать капусту каллиграфии, а той, как и всем растениям, на каллиграфию, естественно, начхать. А тут еще на той же странице появляется капуцин с молитвенником. За кого он молится? За упокой души капусты, за свихнувшегося крестьянина, за всех тех, кто страдает по вине каллиграфии?! Предо мной зияющая пропасть, на дне которой бродит в одиночестве глагол «каллиграфировать». Судя по всему, он означает «соблюдать правила каллиграфии». Но почему от него исходит такой кровожадный хруст? Быть может, это глагол-каннибал?

Портрет командора Корнелиуса

Мотти был интеллигентным воров. Инспектор полиции Джеронимо постоянно твердил об этом своему помощнику:

— Знаешь, что я скажу тебе, Де Доминичис?

— Я весь внимание, господин инспектор.

— Этот Мотти не похож на других воров. На редкость изобретателен — самому Гульельмо Маркони сто очков вперед даст. Вот я и думаю, какой сюрприз он нам готовит на этот раз: что-то давненько о нем не слышно. А о Футлярчике есть сведения?

— Нет, господин инспектор, никаких.

— Ничего удивительного. Ведь он работает только с Мотти. Его тень, можно сказать.

— Не понимаю, что наш умник Мотти нашел в этом тупице?

— Мозгам отдых нужен, Де Доминичис. Гений всегда выбирает себе в помощники глупца — какая-никакая, а разрядка от умственных трудов, верно?

В это время на другом конце города Мотти демонстрировал Футлярчику свое последнее изобретение. Действительно, эти воры принадлежали к совершенно разным категориям; начать хотя бы с того, что у Мотти — имя, а у Футлярчика — кличка. Ее воришка заработал после одного неудавшегося ограбления ювелирного магазина. Вместо того чтобы раскопать добычу по карманам и удрать, он аккуратно сложил золотые часы, цепочки, кольца в футлярчик, да еще пытался перевязать его голубой ленточкой. Пока он там возился, нагрянула полиция, и его преспокойненько упрятали за решетку.

— С ее помощью, — изрек Мотти и показал приятелю

какую-то странную штуковину, — мы разбогатеет в несколько месяцев.

— А что это такое? Уж не фотоаппарат ли?

— Угадай.

— С виду вроде фотоаппарат. Но я боюсь опять попасть впросак.

— Не бойся, Футлярчик. Это и есть фотоаппарат. Смотри, как он работает. Встань туда и задумайся о чем-нибудь.

Футлярчик послушно встал в позу и попытался думать о чем-нибудь серьезном. Но, как назло, вспоминался длиннющий батон колбасы из мясной лавки, от которого он утром просто глаз не мог отвести.

Мотти щелкнул фотоаппаратом, затем пошел проявить снимок и, вернувшись, принялся разглядывать его под лупой.

— Плохо я получился! — вздохнул Футлярчик. — Черт его знает, почему на фотографиях у меня всегда физиономия такая дурацкая.

— Зато колбаса вышла отменно, — заметил Мотти.

— Ой, Мотти, он что, мысли фотографирует?

— Да, друг мой. На, посмотри сам.

Он протянул Футлярчику лупу. Приглядевшись, тот увидел колбасу. Она была такая длинная, что тянулась через всю его башку от уха до уха.

— Ты гений, Мотти. Да тебе за один патент ух сколько отвалят!

— Опомнись, Футлярчик! Стану я возиться с патентами! Да мы гораздо быстрее заработаем уйму денег.

Способ, придуманный Мотти, был прост и гениален, как все его идеи. По городу буквально в считанные дни прокатилась волна фантастических ограблений. В одно прекрасное утро некий богач, никому не раскрывавший шифр своего сейфа, нашел его пустым, а прибывший на место происшествия инспектор Джеронимо не обнаружил ни малейших следов взлома. По ночам банки гостеприимно распахивали бронированные двери для грабителей. Один старый скряга, хранивший все свое состояние на балконе, в горшке с гера-

нью, едва не обезумел от горя, когда горшок вдруг исчез.

— Здесь виден почерк Мотти,— заключил инспектор после двадцатого налета.— Пора, пожалуй, нанести ему визит.

И они с помощником отправились к Мотти. Каково же было их изумление, когда они узнали, что Мотти с Футлярчиком занялись честным бизнесом— открыли фотоателье. Футлярчик снимает клиентов в заведении, а Мотти бродит с фотоаппаратом по улицам города.

— С Новым годом, с новым счастьем!— Футлярчик широко улыбнулся посетителям.

— Какой еще Новый год? В августе-то!— удивился инспектор Джеронимо.

— Честную жизнь начинать никогда не поздно,— возразил Мотти, выходя из лаборатории с проявленной пленкой.

Как только полицейские ушли, он подмигнул Футлярчику и показал ему свою последнюю находку: тайком сделанный портрет командора Корнелиуса, самого богатого человека в городе. Теперь мысли Корнелиуса были для них открытой книгой. На следующий день командор отбывал в Париж, увозя с собой в черном кожаном портфеле сто миллионов наличными.

Мотти с Футлярчиком тоже приехали на вокзал, и— портфель исчез.

Сто миллионов— это вам не фунт изюма. Короче говоря, напарники по-братски поделили добычу, прикрыли лавочку и залегли на дно.

— Опять эти двое обвели нас вокруг пальца!— проворчал инспектор Джеронимо, узнав о пропаже портфеля.— Чистая работа, никаких улик. Этот Мотти такая хитрая бестия, что его голыми руками не возьмешь. Давай-ка мы прежде к Футлярчику заглянем.

Футлярчик жил в скромном домике на окраине города. Джеронимо и Де Доминичис застали его за работой— окучивал в саду клубнику.

— О, господин инспектор, бригадир Де Доминичис,

мое почтение! — обрадовался он. — Проходите, пожалуйста, проходите!

В столовой на видном месте красовалась фотография в серебряной рамке. Инспектор тут же обратил на нее внимание.

— Мой дядюшка Густаво, — объяснил Футлярчик. — Добрейшей души человек! Оставил мне небольшое наследство, так что я отошел от дел.

— А твой дядюшка как две капли воды похож на командора Корнелиуса, — заметил Джеронимо.

— Скажете тоже, господин инспектор! Куда моему дядюшке до Корнелиуса! Э-эх, мне бы его миллионы!

— Как знать, как знать, может, тебе-то они и достались, — буркнул полицейский.

Он снял со стены портрет и, вытащив по привычке лупу, с которой никогда не расставался, начал внимательно его изучать, как изучал обычно отпечатки пальцев. А так как зрение у него было отменное, то он сразу разглядел все, что можно было разглядеть. В голове командора Корнелиуса ясно пропечатались и сто миллионов, и портфель из черной кожи, и даже время отправления поезда.

— Так вот что придумал наш приятель Мотти! — воскликнул он с неподдельным восхищением.

Футлярчик смертельно побледнел. О, как он проклинал себя за то, что в знак признательности командору Корнелиусу повесил на стене его портрет. Говорил же ему Мотти — сожги, так нет, не послушался!

Их, конечно, посадили в одну камеру. Футлярчик вначале опасался, что Мотти будет крыть его последними словами. Но Мотти был аристократ и до площадной брани никогда не опускался.

— Просто гениально! — отозвался позже инспектор Джеронимо о последней идее Мотти. — Увы, большинство людей только и думают о деньгах. А ведь сколько на свете других, гораздо более достойных тем для размышления, не правда ли, Де Доминичис?!

— Сущая правда, господин инспектор!

Колдовская пластинка

Футлярчик обожал танцевальную музыку. Любимым его занятием было торчать в магазинах грампластинок, тем более что это — удовольствие бесплатное. К вечеру он возвращался домой с блестящими глазами и шумом в голове, и даже в постели ноги его все еще дергались в ритме танца.

— Какую я сегодня обалденную пластинку слушал! — сказал он как-то, обращаясь к Мотти.

— Я уж вижу, — отозвался Мотти, поднимая глаза от комиксов, которые читал для духовного обогащения.

— Что же ты видишь, дружище?

— Ты ведь знаешь, я большой знаток человеческой натуры.

— Ну и что нового ты подметил в натуре твоего преданнейшего друга?

— Подметил, что ты в последнее время к месту и не к месту употребляешь причастие «обалденный».

— А что, это опасно? Может, мне обратиться к врачу или профессору грамматики?

— Нет, просто мне пришло в голову, что благодаря этому причастию мы раздобудем все, что нам нужно.

— А что нам нужно, Мотти? У тебя целая гора комиксов — читай себе на здоровье, а мне осталось посетить еще двести музыкальных магазинов.

— Но мы должны и о старости подумать. Кто за нас это сделает, ведь правительство пока не учредило пенсии для воров.

— Мотти, ты же знаешь, я думать не умею. Как-то раз попробовал, так у меня потом две недели голова болела.

А Мотти все думал, думал. И целых две недели был чем-то очень занят. Заходил в лаборатории в разных концах города. Завалил всю квартиру странными аппаратами. Забросил комиксы, а изучал учебники по электронике, чем до смерти напугал Футлярчика.

— Спрячь ты эту дрянь, — умолял он Мотти, — я как на нее гляну — головокружение начинается.

Однажды вечером Мотти принес домой плоский квадратный конверт.

— Стой, Мотти! — воскликнул Футлярчик. — Я сам тебе скажу, что такое ты купил. Пластинку.

— Нет, я ее не покупал.

— Ну все равно, там пластинка. Вот это друг! Ты не представляешь, как я обожаю пла...

— Успокойся, Футлярчик. Садись и слушай.

Тот мгновенно обратился в слух. А полминуты спустя вдруг ринулся в пляс: вскочил на стол, оттуда перепрыгнул на диван, носился по стульям, размахивал руками словно обезумевшая мельница, дергал головой и вопил так, что дрожали стекла.

— Ну что ж ты, Мотти? Что произошло? — спросил он, приложив руку ко лбу, когда музыка смолкла. — Почему пластинку не ставишь?

— Я поставил.

— Она что, безмолвная? Розыгрыш, да?

— Это колдовская пластинка. От нее балдеешь. Вот ты плясал, а ровным счетом ничего не помнишь.

— А ты? Ты тоже плясал? Что-то я не заметил.

— Я заткнул уши. — Мотти вынул из ушей два больших ватных тампона.

— Ради бога, Мотти, объясни мне все толком. Что ты на этот раз задумал?

— Я же сказал — обалденную пластинку. Причем балдеешь от нее не так, как в лавках, а по-настоящему. Не стану подробно рассказывать, какие законы акустики я использовал, тебе достаточно знать одно: эта пластинка воздействует на центральную нервную систему. Тот, кто ее слушает, не может не танцевать. А когда танцует — впадает в такой транс, что ничего вокруг не замечает. И потом у него остается провал в памяти.

Футлярчик задумался, рискуя заработать мигрень.

— Не понимаю, — сказал он наконец. — Если я ничего не помню, то как же я получу удовольствие?

Мотти терпеливо, в наиболее популярной форме объяс-

нил Футлярчику, каким образом он получит удовольствие.

И когда до Футлярчика дошло, он так вытаращил глаза, что потом не мог закрыть — пришлось ему всю ночь спать с открытыми глазами.

На следующее утро Мотти и Футлярчик вышли вместе и направились в большой магазин грампластинок. Перед тем как войти, оба воткнули в уши ватные тампоны.

— Итак, Футлярчик, забудь о своей страсти к музыке, на повестке дня — более серьезные вопросы. Если ты хотя бы один тампон вынешь, тебе несдобровать.

— Да я лучше уши себе отрежу!

На этот раз Футлярчик сдержал слово. Он не поддался искушению и не вынул тампона, словом, повел себя как опытный вор, каким, собственно, и был. Все прошло как нельзя лучше. Мотти попросил у продавца одну из пластинок, зашел в кабину для прослушивания, поставил на проигрыватель колдовскую пластинку, открыл дверь кабины и стал ждать, не сомневаясь в действенности своего изобретения.

Едва по магазину разнеслись звуки музыки, началось светопреставление. Все, в том числе продавцы и продавщицы, пустились в пляс. Люди вскакивали на прилавки, прыгали по стеллажам, как обезьяны, качались на люстрах. Почтенные синьоры, зашедшие купить Девятую симфонию Бетховена в исполнении оркестра под управлением Госканини, отплясывали, словно студенты на карнавале. Элегантные светские дамы, минуту назад пребывавшие в сомнениях, что выбрать — то ли танго Бьянко, то ли романс Гости, — задержались в бешеном ритме, точно девицы в джинсах на концерте «Битлз». Все в прямом смысле слова обалдели.

Футлярчик с серьезным видом обходил танцующих.

— Разрешите? Одну минутку, я только возьму ваш кошелек. Благодарю вас, все в порядке. Прошу вас, синьора, дайте сумочку. Спасибо, вы очень любезны. Молодой человек, не считите меня фамильярным, но я должен порыться у вас в карманах. Ну вот, дело сделано. Вы свободны, можете танцевать до упаду.

В три минуты он доверху наполнил здоровенный мешок кошельками, сумочками, мелочью из карманов. Закончив обход, Футлярчик подмигнул Мотти и удалился.

А Мотти спокойно дождался, пока кончится пластинка. Снял ее, сунул во внутренний карман плаща и стал протискиваться к прилавку сквозь толпу покупателей, совершенно забывших о недавнем наваждении. Он отдал продавцу взятую пластинку, сказал, что зайдет завтра, поблагодарил и вышел, весело насвистывая.

Немного спустя в магазине опять началось светопредставление, но несколько иного свойства. Синьор, купивший пластинку с Девятой симфонией, при оплате вдруг обнаружил пропажу кошелька. То же самое случилось и со всеми остальными покупателями.

— Моя сумочка!

— Мои деньги!

— У меня все, все украли!

Кассирша упала в обморок: Футлярчик не забыл прихватить и дневную выручку.

Полицейский комиссар Джеронимо, прибывший на место происшествия после телефонного звонка директора магазина, ровным счетом ничего не понял. Карманный вор может украсть один бумажник, ну, в лучшем случае три. Но как он мог обчистить десятки людей и никто ничего не заметил?

— Мы слушали музыку,— попыталась объяснить одна дама.

— Ну да, находились в экстазе? — съязвил комиссар.— Так, Де Доминичис, опросите всех потерпевших. Пока нам ничего другого не остается.

Бригадир Де Доминичис исписал двенадцать страниц протокола. От усталости у него рука уже не двигалась, но в полдень ему снова пришлось засесть за работу: таинственный вор «навестил» еще один музыкальный магазин.

Тем временем Мотти и Футлярчик спокойно подсчитывали добычу. Футлярчик выложил на стол тридцать семь кошельков, двадцать пять сумочек и прочие «емкости» —

служебные конверты, сложенные вдвое цветные открытки и даже завязанный узлом носовой платок.

— Находятся же еще люди, которые хранят деньги в носовом платке! — проворчал Фулярчик. — Разве это не оскорбление для фирм, производящих бумажки? Но я вот думаю...

— О чем, мой дорогой?

— Я вот думаю: чей же это платок? Кажется, во втором магазине была одна старушка. Маленькая, седенькая, на мою покойницу маму похожа. Может, она покупала пластинку внуку на день рождения! О боже!..

— Что еще такое?

— А вдруг он болен?

— Кто?

— Ребенок. Тот самый, которому старушка хотела подарить пластинку. Представляешь, Мотти, вдруг у него краснуха? Лежит, горемычный, в постели, и никого к нему не пускают! Краснуха ведь очень заразная. Бедный малыш!

— Да с чего ты взял, что он болен?

— Я чувствую, Мотти. Мне внутренний голос подсказывает. Да, дорогой Мотти, он болен, и серьезно. А его седая бабуля дрожащими руками вынимает из шкатулки свои жалкие сбережения, завязывает их в носовой платок и спешит купить ему чудесную пластинку, чтоб не было внучку так одиноко. А мы...

— Слушай, ты что, хочешь до слез меня довести?

— Нет, Мотти, нет, я и сам плачу. Даже не знаю, что со мной творится. Все из-за этого платочка. Он напомнил мне о моей бедной маме. Мотти, дорогой, а нельзя ли этот платок...

— Что «нельзя ли»? Давай не тяни резину!

— Не сердись, Мотти. Я подумал, нельзя ли хоть один раз... Ну что нам стоит отказаться от этого платочка с монетками? Тут двух тысяч лир не наберется...

— Хорошо, согласен. Завтра утром ты пойдешь в магазин и случайно найдешь на полу носовой платок.

— Гм. А как они потом узнают, что это платок старуш-

ки? Эх, Мотти, если б ты придумал, как вернуть платок именно ей! Ведь ты такой умный, Мотти. А я-то как счастлив был бы!

Футлярчик всхлипывал, твердя о бедной маме, о платочке, о старушке, краснухе...

Чтобы успокоить его, пришлось Мотти напрячь свои извилины.

— Так, Футлярчик,— изрек он наконец,— скажи мне, что, по-твоему, произошло в магазине после нашего ухода?

— Да, по-моему, ничего особенного. Обычное дело: вызвали полицию и та сняла показания потерпевших, вот и все.

— Значит, у полиции есть и адрес старушки.

— Черт возьми, Мотти, а ведь ты прав!

— Да, но, если мы вернем только носовой платок, полиция заподозрит неладное, и у старухи могут быть неприятности.

— Ни за что на свете, Мотти! Только не это!

— Тогда нам остается одно: вернуть все деньги. И не только во втором, но и в первом магазине. Лишь в этом случае полиция прекратит расследование и оставит старушку в покое. Ты ведь знаешь этого настырного комиссара Джеронимо: стоит ему напасть на след — пусть даже убогой старушки,— и он уже не отступится. Ну как, решено?

— Решено, Мотти. Ты просто ангел!

На другое утро владельцы обоих магазинов, поднимая жалюзи на окнах, нашли два мешка с кошельками, сумочками и мелочью. Благодаря списку бригадира Де Доминичиса всех ограбленных удалось разыскать и вернуть им похищенное. Вернули платок с деньгами и старушке, у которой не было внуков — ни больных, ни здоровых,— просто она любила музыку и нередко жертвовала ужином, чтобы купить пластинку Шопена.

— Запутанное дело, комиссар,— глубокомысленно заметил Де Доминичис.

Полицейский комиссар Джеронимо ничего ему не отве-

тил. Лишь подумал про себя, что никогда нельзя заранее знать, что происходит в душе человека, даже если это воровская душа. А потом взял и закрыл дело.

Тайна острова Сан-Джулио

Есть в горах озеро Орта, посередине которого — ну, может, и не совсем посередине — находится остров, и называется он Сан-Джулио. На этом острове стоит вилла барона Ламберто — банкира, человека очень старого (ему девяносто четыре года), очень богатого (он владец двадцати четырех банков) и очень больного (у него двадцать четыре болезни). Один лишь мажордом Гульельмо знает их все наперечет и помнит, какое лекарство от какой болезни, чего есть нельзя, а что можно, в каких блюдах не должно быть соли, а в какие не надо класть сахар.

На чердаке виллы постоянно дежурят шесть человек — трое мужчин и три женщины, которые по очереди, днем и ночью, произносят вслух имя барона Ламберто. Такая у них работа, а получают они за нее — что твой президент республики, плюс, конечно, питание, бесплатная квартира и леденцы — сколько душе угодно: чтобы во рту не пересыхало.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

С утра до вечера и с вечера до утра, без перерыва, это имя по слогам произносят: два часа синьорина Дельфина, два часа синьор Армандо и по два часа все остальные. За чем? Неизвестно. Как будто каждый человек знает, для чего нужна его работа. Платят за нее как следует? Ну и прекрасно. Чего еще надо?

На чердаке спрятаны маленькие микрофоны, а по всей вилле, в каждом ее уголке, установлены миниатюрные динамики. Один находится под подушкой барона Ламберто,

другой — в рояле музыкального салона; даже в ванной комнате есть два динамика — возле крана с холодной водой и возле крана с горячей. В любой момент, в любом помещении, даже в погребке, барон может нажать кнопку и услышать:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Время от времени мажордом Гульельмо проверяет, добросовестно ли обитатели чердака соблюдают условия контракта, не проглатывает ли слоги синьора Дзандзи и вовремя ли переводит дыхание синьор Джакоми-ни...

Так тянется уже целый месяц — с тех пор, как барон Ламберто вернулся из Египта, куда он ездил погреть свои старые кости на солнышке возле пирамид. Как-то встретился он там с одним арабским мудрецом, который открыл ему древнюю тайну пустыни. Возвратившись на свой остров, барон Ламберто приказал Гульельмо нанять шесть человек, затем объяснил им, что и как надо делать, вернее, не делать, а говорить. Только не сказал — зачем. Впрочем, это вы уже знаете.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Однажды утром, посмотревшись в зеркало, барон обнаружил, что на голом черепе у него вырос белокурый волосок. На следующее утро волосков уже было двадцать. Еще через неделю разгладились морщины: барон, походивший на старую черепаху, теперь с удовольствием прикасался к своим гладким и упругим щекам.

— Гульельмо, — сказал он, — у меня такое впечатление, что мои красные кровяные шарики задвигались веселее. Уже которую неделю моя язва двенадцатиперстной кишки благодушествует, словно у нее отпуск. Когда я поднимаюсь по лестнице, сердце мое уже не рвется из груди, бронхи и легкие ведут себя примерно. И желчный пузырь перестал беспокоить. Что ты на это скажешь?

— С вашего позволения, господин барон, скажу, что радоваться пока рано, — ответил Гульельмо.

Спустя месяц барон Ламберто вдруг остановился посреди парадного зала.

— О! — воскликнул он удивленно. — Я же забыл обе свои палки с золотыми набалдашниками! Оказывается, я могу держаться на ногах и ходить без всяких палок. Еще немного, и я снова начну плавать.

Гульельмо достал из кармана записную книжку, где в алфавитном порядке были перечислены все двадцать четыре болезни господина барона — от первой до последней.

— Поглядим, — сказал он. — Болезнь номер один — атеросклероз.

— Прошел.

— Номер два — деформирующий артрит.

— Посмотри сам на мои руки.

Так вместе они проверили весь список. Барон был здоров, как рыба, живущая в пока еще не загрязненном водоеме. Вообще достаточно было взглянуть на этого человека: кто бы дал ему больше сорока пяти?

— Помогло! — торжественно произнес Гульельмо. — Старый араб был прав, ведь он сказал: «Человек, чье имя произносится постоянно, смерти неподвластен».

— Сегодня вечером, — воскликнул барон, — я угощаю всех друзей самым лучшим отваром ромашки из моей коллекции!

А наверху, на чердаке, все шло своим чередом:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Надо сказать, что в Риме жил племянник барона, порочный и ветреный молодой человек по имени Оттавио, который всю жизнь только и делал, что бил баклуши и пил газированную воду, так что в конце концов промотал все свое состояние. Долгов у него было больше, чем карманов.

У меня же есть дядя Ламберто, подумал он однажды. Съезжу-ка я к нему и посмотрю, как там дела. По моим подсчетам, он должен со дня на день отправиться на тот свет, а я — его единственный наследник. Пускай даже не завещает мне всех своих банков. Хватит и парочки. Ну, и столовое серебро...

Сел он в машину, включил мотор и в тот же вечер прибыл к озеру. Переправился на лодке на остров и постучался в дверь виллы. Открыл ему молодой человек лет тридцати, от силы — тридцати двух, в костюме для подводного плавания.

— Доложите обо мне барону Ламберто...

— Оттавио, мой дорогой племянник, единственный сын моей единственной сестры, неужели ты не узнал своего дядю?

Оттавио от изумления упал в обморок. А когда пришел в себя, то извинился и воскликнул:

— Дядя Ламберто, теперь я вижу, что это действительно ты!

— Ну ладно,— сказал барон,— сейчас я тебя ненадолго покину: хочу совершить перед сном небольшую прогулку под водой. Гульельмо приготовит тебе ужин и комнату. Чао!

Чтобы прийти в себя, Оттавио съел три тарелки ризотто с грибами, но, так и не успокоившись, подумал: положение катастрофическое, дядюшка не только не собирается умирать, но и обрел вторую молодость. Как же я расплачусь с долгами? Как теперь куплю себе новый лимузин? Нужно действовать. И без промедления!

Первое, что он сделал,— спрятал в карман большой нож, которым Гульельмо разрезал за столом жареную курицу. А ночью, услышав, что дядя Ламберто захрапел, вошел в его комнату, вытащил нож и — чик-чик! — перерезал ему горло. После чего спокойно отправился спать.

Утром его разбудило чье-то пение:

Ах, я б на лодке
Кататься пошел!
Как я здоров,
Как мне хорошо!

Боже праведный! Это был дядя Ламберто, живехонький. В матросском костюме. На шею не осталось и царапины.

— Эй, Оттавио, отчего бы нам не прогуляться по озеру под парусом?

Оттавио извинился и сказал, что страдает морской болезнью и что лучше уж посидит дома.

На следующую ночь Оттавио решил пустить в ход автоматический карабин, который он утащил из оружейного зала. Дождался, когда дядя Ламберто захрапит, подошел к его кровати, приставил дуло к самому сердцу спящего и выпустил семь пуль. Потом преспокойно отправился спать, подумав: посмотрим, что ты запоешь теперь.

Но как вы думаете, кто разбудил его рано утром? Дядя Ламберто, весело, будто молодой дрозд, распевавший песенку:

Ах, как я бодр
И как мне легко.
Сейчас поплыву
Далеко-далеко!

На этот раз барон вышел в плавках. На груди его не было следа даже от комариного укуса.

— Ну-ка, Оттавио,— весело сказал он,— кто сделает больше кругов брассом по озеру? Предупреждаю, я проплываю три круга без передышки.

Но племянник ответил, что от озерной воды у него крапивница, и опять остался дома. В задумчивости бродил он по вилле, пока не очутился возле рояля. И вдруг услышал: «Ламберто, Ламберто, Ламберто...»

Оказывается, барон перед уходом проверял, исправно ли работают люди на чердаке, и забыл выключить динамик. Оттавио решил посмотреть, куда тянется провод, и добрался до чердака, где в кресле в тот момент сидела синьорина Дельфина. Она читала про себя какой-то комикс, а вслух все время произносила:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Синьорина, я не Ламберто, меня зовут Оттавио...

— Остряк,— заметил сидевший в сторонке синьор Армандо.— Не мешайте ей, работа у нее такая. Мы за это деньги получаем...

— Что-что? Как вы сказали?

Армандо охотно поведал молодому человеку, что к чему,

но не почему. Почему — он и сам не знал. Однако Оттавио был не дурак, он умел быстро сосчитать, сколько будет дважды два, а если понадобится, то и четырежды четыре. Послушав, понаблюдав и поразмыслив, он сказал себе: «Так вот где собака зарыта, вот она — тайна моего дядюшки».

В тот же вечер, сделав вид, будто он намерен поухаживать за синьориной Дельфиной, Оттавио вновь поднялся на чердак и подмешал сильное снотворное в лимонад, который потягивали дядюшкины люди ночью, чтобы не так хотелось спать.

Перед самым рассветом барон Ламберто проснулся от удущья. Сердце буквально выскакивало из груди. Все двадцать четыре болезни навалились на него одновременно. Он хотел встать с постели, позвать кого-нибудь, послать за доктором, но... не смог. Нажал кнопку динамика — того, что под подушкой. Ответом была мертвая тишина. Никто больше не произносил его имени.

Умираю, подумал он и, не успев даже испугаться, испустил дух.

— Наконец-то! — радовался племянник. — Теперь я богат. А дядюшке устрою шикарные похороны...

Мажордом Гульельмо ужасно разозлился и уволил шестерку лентяев, обосновавшихся на чердаке. Но те даже не узнали об этом, потому что продолжали крепко спать. И спали они так еще два дня и две ночи.

И вот на озере появилась похоронная процессия: впереди плыла лодка со священником и служками, за ней — лодка с гробом барона, в третьей находился Оттавио (он все время подносил к глазам платок, делая вид, будто плачет), а на четвертой разместились оркестранты.

На берегу озера собралось множество людей, съехавшихся на похороны со всей Италии: барон был человек очень известный. В толпе то и дело раздавалось: «Ах, бедный Ламберто... неужели Ламберто уже нет в живых?... Да-да, барон Ламберто умер... Ламберто был так добр... Ламберто был так богат... Второго такого Ламберто не сыщешь...»

Тысячи губ шептали имя Ламберто. Бесплатно, конечно. Кто бы им за это платил?

И вдруг раздался странный стук, крышка гроба свалилась, и перед толпой предстал... барон Ламберто. Он вскочил на ноги и закричал:

— Я не умер, это ошибка!

Поднялась ужасная суматоха, и вдруг все увидели, как какой-то человек прыгнул с лодки в воду и поплыл: это спасался бегством Оттавио. Оркестр тут же вместо похоронного заиграл бравурный марш.

Мажордом Гульельмо проводил барона Ламберто на остров, где пока из всей шестерки проснулась одна синьорина Дельфина. Пришлось объяснить ей, что произошло, а заодно рассказать и о старом арабе.

Ах вот оно что, подумала синьорина Дельфина. Надо же! Сдается мне, дело тут не столько в волшебстве, сколько в нас.

Подумала она и еще кое о чем, о чем именно, сказать, к сожалению, пока не могу. Когда-нибудь я, пожалуй, напишу и об этом, но уже не сказку, а целую книгу. Скорее всего, синьорине Дельфине в ней будет отведена очень важная роль. И не только потому, что у нее рыжие волосы и зеленые глаза.

Примо Леви

Спящая красавица в холодильнике

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лотта Тёрл
Петер Тёрл
Мария Лутцер
Роберт Лутцер
Ильза
Бальдур
Патриция
Маргарита

Лотта Тёрл одна.

Лотта. Вот и еще один год на исходе. Сегодня девятнадцатое декабря, скоро гости соберутся, как всегда в этот день.

Слышен звон посуды и грохот передвигаемых кресел.

Лично я не люблю принимать гостей. Муж даже звал меня прежде Большая Медведица. Теперь уже не зовет... Вообще он последние несколько лет так изменился, стал строгий, скучный... Малая Медведица — это наша младшая дочь, Маргарита. Бедняжка, ей всего четыре года!

Шум, шаги.

Да нет, не то чтобы я замкнутая, нелюдимая, просто меня утомляют большие приемы, где собирается больше пяти-шести человек. Подвыпившие гости начинают шуметь, а о моем присутствии, хотите — верьте, хотите — нет, вспоминают только тогда, когда я обхожу всех с подносом. Впрочем, мы не так уж часто принимаем — два-три раза в году — и уж совсем редко сами куда-нибудь выбираемся. Ничего удивительного: что они могут нам предложить?.. Ну, полотна Ренуара, Пикассо, Караваджо, ну, ручного орангутанга, собаку, кота, ну, бар с полным набором наркотиков!.. Все это не идет ни в какое сравнение с нашей Патрицией. (*Вдыхает.*) Ах, Патриция!

Звонок.

А вот и гости. (*Стучит в дверь.*) Петер, приехали!

Петер и Лотта Тёрл. Мария и Роберт Лутцер.

Роберт. Добрый вечер, Лотта, добрый вечер, Петер. Ну и погодка! Сколько уж месяцев мы не видели солнца?

Петер. А сколько месяцев мы не видели вас?

Лотта. О, Мария! Как ты помолодела! А какая необыкновенная у тебя шуба! Подарок мужа?

Роберт. Не такая уж и необыкновенная. Это серебряный марсианин. Русский импорт. И цена в общем доступная. Но, разумеется, только на черном рынке.

Петер. Завидую тебе, Роберт. Сейчас берлинцы только и делают, что жалуются на жизнь, а ты процветаешь, и все тебе нипочем. Я пришел к выводу, что истинная любовь к деньгам передается по наследству.

Мария. Сколько цветов! Сразу видно, что день рождения. Поздравляю тебя, Лотти!

Лотта (*обращаясь к Петеру и Роберту*). Она неисправима! Да успокойся ты, Роберт, не угрызайся, она и до замужества была невероятно рассеянной. Ее еще в школе прозвали: Мечтательница из Кёльна. Вся школа сбегалась послушать, как она сдает экзамены. (*С шуточной строгостью.*) Фрау Лутцер,

делаю вам замечание. Вы не готовы к уроку истории. Как вы могли забыть, что сегодня девятнадцатое декабря — день рождения Патриции?!

Мария. О, прости, дорогая! У меня в самом деле девичья память. Значит, сегодня вечером будет размораживание. Какая прелесть!

Петер. Конечно, как обычно. Только подождем Ильзу и Бальдура.

Звонок.

А вот и они, как всегда с опозданием.

Входят Ильза и Бальдур. Лотта и Петер; Мария и Роберт; Ильза и Бальдур.

Добрый вечер, Ильза, добрый вечер, Бальдур. Наконец-то, какое счастье. Вы так поглощены друг другом, что старые друзья для вас не существуют.

Бальдур. Простите великодушно. Дела. У меня диссертация и партийная текучка. Ильза ждет виз из Вашингтона, Москвы и Пекина, их добыть не так-то просто, особенно последнюю. Просто голова идет кругом. И никого не видим. Совсем одичали.

Ильза. А что, уже поздно? Ах, какие мы негодяи! Что же вы не начали без нас?

Петер. Ну как можно! Момент пробуждения — это самое интересное. Она так грациозно открывает глаза.

Роберт. Петер, не пора ли начинать? Иначе это затянется до утра. Сходи за инструкцией. А то, чего доброго, ошибешься рычагом, как тогда, в первый раз... Боже, как давно это было!

Петер (*оскорбленно*). Инструкция у меня в кармане. Но теперь я помню все наизусть. Подвигайтесь поближе, и приступим.

Скрип стульев, нетерпеливые возгласы.

Итак: отключить подачу азота и инертного газа.

Короткий свистящий звук.

Теперь включаем насос, стерилизатор Вроблевского и микрофильтр.

Комната наполняется шумом работающего насоса, проходит несколько секунд.

Подаем кислород...

Нарастающий резкий, свистящий звук.

...и включаем регулятор, пока стрелка шкалы не остановится на отметке двадцать один процент...

Роберт (*прерывая его*). Нет, Петер, не двадцать один, а двадцать четыре. В инструкции написано — двадцать четыре процента. Я бы на твоём месте — уж не обижайся, ведь мы одноподки, — хотя бы иногда носил очки.

Петер (*раздосадованно*). Ты прав, двадцать четыре. Но это не принципиально, сколько раз мы убеждались... Далее: включить термостат и повышать температуру на два градуса в минуту.

Слышится стук метронома.

А теперь прошу тишины. Если говорить, то только шепотом.

Ильза (*вполголоса*). А ей больно размораживаться?

Петер (*вполголоса*). Нет, как правило, нет. Но для этого необходимо строго соблюдать инструкцию. Кроме того, в холодильнике должна поддерживаться постоянная температура. Допустимы лишь незначительные колебания.

Роберт. Вполне естественно. Я читал, что, если температура понижается на несколько градусов, происходит свертывание крови. Тогда пробуждение либо вообще не наступает, либо законсервированный субъект утрачивает память — целиком или частично. А стоит температуре повыситься, как человек пробуждается и испытывает адские мучения. Вообразите себе положение человека, который

чувствует, что у него оледенели руки, ноги, сердце, мозг, а он не может и пальцем пошевелить, не то что позвать на помощь.

Ильза. Это ужасно! Какое мужество, какую веру надо иметь! Веру в термостат, я хотела сказать. Лично я за все золото мира не поменялась бы с Патрицией, хотя и обожаю зимние виды спорта. Говорят, она бы давно уже умерла, если б в свое время ей не вкололи анти... антифриз. Да-да, антифриз, который зимой заливают в радиатор машины. И это естественно, иначе кровь бы застыла, не так ли, герр Тёрл?

Петер (*уклончиво*). Чего только не говорят...

Ильза (*задумчиво*). Понимаю, почему лишь немногие пошли на это, ей-богу, понимаю... А правду говорят, будто она очень красива?

Роберт. Красавица. В прошлом году я разглядывал ее вблизи. В наше время такой цвет лица уже не встретишь. Очевидно, рацион питания людей в двадцатом веке, еще содержавший натуральные продукты, обладал некой жизненной силой. Нет, я не против химии, наоборот, я восхищаюсь ее достижениями. Но, на мой взгляд, эти химики слишком уж самонадеянны. Да-да, самонадеянны. Наверно, все-таки что-то из прежнего рациона стоило сохранить, хотя бы в качестве добавок.

Лотта (*неохотно*). Не спорю, в ней есть некая грация. Все-таки возраст!.. Кожа у нее как у новорожденной. Но я думаю, это от условий хранения. Цвет лица какой-то неестественный, слишком уж бело-розовый... как мороженое. И волосы чересчур белокурые, словно у куклы. Но в целом она красива, этого у нее не отнимешь. К тому же умна, воспитанна, выдержанна — само совершенство. Знаете, меня это сковывает. Чувствуешь себя какой-то неполноценной (*в растерянности умолкает, поняв, что слишком разоткровенничалась. После паузы, с усилием*)... и все-таки я очень ее люблю. Особенно замороженную.

Воцаряется тишина, слышен лишь стук метронома.

Ильза (*вполголоса*). Можно поглядеть в глазок холодильника?

Петер (*вполголоса*). Разумеется, но только не шумите. Температура уже достигла минус десяти, сейчас Патрицию ни в коем случае нельзя тревожить.

Ильза (*вполголоса*). О! Восхитительно! Она кажется искусственной. Неужели... неужели она действительно из той эпохи?

Бальдур (*вполголоса, в сторону*). Не задавай глупых вопросов.

Ильза (*вполголоса, в сторону*). А что тут глупого? Я просто хотела узнать, сколько ей лет... на вид она совсем юная, а все говорят, что она... очень старая.

Петер (*услышав их разговор*). Я вам сейчас объясню, фройляйн Ильза. Патриции сто шестьдесят три года, из которых двадцать три нормальной жизни и сто сорок — в замороженном состоянии. Простите, но я думал, что все знают эту историю. Простите и вы, Мария и Роберт, если вам придется еще раз ее выслушать. Постараюсь быть кратким. Итак, дорогие Ильза и Бальдур, техника замораживания была разработана уже в середине двадцатого века, но исключительно в лечебных и хирургических целях. И только в тысяча девятьсот семидесятом году она была применена к абсолютно здоровым организмам с целью их консервации. Открылась возможность «отправить» человека в будущее. Мечта многих поколений стала явью. Но до каких пределов? И какой ценой? Для установления контроля за потомками, то есть за нами, в тысяча девятьсот семьдесят пятом году в Берлине объявили конкурс добровольцев.

Бальдур. И Патриция была в их числе?

Петер. Совершенно верно. Из ее характеристики, которая также хранится в холодильнике, явствует, что ее отобрали первой. Она обладала всеми необходимыми данными: сердце, легкие, почки в полном порядке, нервная система космонавта. А еще уравновешенность, решительность, ограниченная эмоциональность и, наконец, обширная культура и ум. Собственно говоря, для замораживания

культура и ум необязательны, но при прочих равных условиях предпочтение отдавалось кандидатам с высоким интеллектуальным уровнем — по вполне понятным соображениям престижа. Нельзя же ударить в грязь лицом перед потомками.

Бальдур. Стало быть, Патриция пребывает в летаргическом сне с тысяча девятьсот семьдесят пятого года по наши дни?

Петер. Да, с короткими перерывами. Специальная комиссия во главе с Уго Тёрлом, моим прославленным прадедом, согласовала с ней программу.

Ильза. Уго Тёрл — это тот знаменитый ученый, которого проходят в школе?

Петер. Он самый, фройляйн, именно он открыл четвертый закон термодинамики... Итак, программой предусматривалось пробуждение на несколько часов ежегодно девятнадцатого декабря — в день ее рождения.

Ильза. Как мило с их стороны!

Петер. А также единичные пробуждения по какому-либо знаменательному случаю, как-то: межпланетные полеты, крупнейшие уголовные преступления и процессы, бракосочетания монархов и знаменитых кинозвезд, международные встречи по бейсболу, землетрясения и тому подобное. Словом, все достойное внимания летописцев. Кроме того, Патриция пробуждалась, когда из-за аварий отключали электроэнергию, а также два раза в год для медицинского обследования. В целом за весь упомянутый период она бодрствовала примерно триста дней.

Бальдур. Простите за нескромный вопрос, но каким образом она очутилась в вашем доме? И как давно это произошло?

Петер (*в замешательстве*). Ну... видите ли... Патриция, если можно так выразиться, перешла к нам по наследству. История эта длинная и довольно запутанная. Сами понимаете, полтора века прошло, и тот факт, что Патриция, несмотря на все перипетии, потрясения, оккупации и разграбления, которым за это время подвергся Берлин, перехо-

дила от отца к сыну, не покидая нашего дома, можно считать чудом. Она... э-э... своего рода символ нашей преемственности.

Бальдур. Но каким образом...

Петер. Вы хотите спросить, каким образом она попала в мою семью? Как ни странно, на этот счет не сохранилось никаких документов — лишь изустное предание, правдивость которого Патриция отказывается подтвердить или опровергнуть. Говорят, изначально она находилась в холодильной камере анатомического факультета при Берлинском университете. Но примерно в двухтысячном году у нее вышел крупный скандал с профессорским составом. Ей якобы не нравилась та холодильная установка, лишенная всякого домашнего уюта, и вдобавок ее раздражало соседство с трупами, подлежащими расчленению. Поэтому в одно из своих пробуждений она официально заявила, что либо ее переведут в частный холодильник, либо она подаст в суд. Мой прадед, который в то время был деканом, дабы избежать скандала, оказал ей гостеприимство.

Ильза. Какая странная женщина! Неужели ей не надоело лежать в холодильнике? Велика ли радость весь год пребывать в летаргии и пробуждаться на день или два, да и то не по своей, а по чужой воле. Я бы этого не вынесла, умерла бы со скуки.

Петер. Вы ошибаетесь, фройляйн Ильза. Напротив, никто не живет столь насыщенной, интенсивной жизнью, как Патриция. Ее жизнь предельно сконденсирована, в ней нет ничего второстепенного, рутинного. Что же до времени, проведенного в холодильнике, то его замечаем мы, она — нет. Оно никак не отражается ни на ее памяти, ни на органах чувств, ни на целостности тканей. Заметьте, она стареет лишь в часы бдения. С первого дня, когда ей исполнилось в холодильнике двадцать четыре года, и по настоящее время, то есть за сто сорок лет, она постарела меньше чем на год. Скажем, весь нынешний год равен для нее от силы тридцати часам.

Бальдур. Три-четыре часа в день рождения, а кроме того?

Петер. Кроме? Так, посчитаем... еще шесть-семь часов на визит к зубному врачу, на примерку платья и на покупку новых туфель, которые она выбирала вместе с Лоттой.

Ильза. Ну разумеется, не может же она отставать от моды...

Петер. Итого десять часов. Шесть на премьеру «Тристана и Изольды» в Оперном театре, что в сумме дает шестнадцать! Еще шесть — на два медицинских осмотра.

Ильза. Она что, болела? Впрочем, ничего удивительного, перепады температуры никому не на пользу. Это только так говорится, что к ним привыкаешь!

Петер. Патриция абсолютно здорова. Просто физиологи из научного центра, пунктуальные, словно сборщики налогов, два раза в год врываются сюда, размораживают ее и подвергают всестороннему обследованию: рентген грудной клетки, психологические тесты, электрокардиограмма, анализ крови... А затем испаряются, как будто их и не было. Нам о результатах этих исследований и анализов ни слова — профессиональная тайна.

Бальдур. Значит, вы не в научных интересах держите у себя Патрицию?

Петер (*в замешательстве*). Ну... не только. Как вы знаете, я не занимаюсь физиологией и не связан с академическими кругами. Просто мы всей душой привязались к Патриции, и она любит нас как дочь. Уверен, она ни за что на свете нас не покинет.

Бальдур. Но почему же тогда вы так редко и так ненадолго размораживаете ее?

Петер. Разве не ясно? Патриция хочет как можно дольше сохранить молодость, пронести ее через века. Поэтому время бодрствования надо расходовать экономно. Впрочем, она сама вам все расскажет. Ну вот, на шкале уже плюс тридцать пять... смотрите, она открывает глаза. Скорей, дорогая, открой дверцу и разрежь оболочку, она уже дышит.

Дверца холодильника распахивается с легким скрипом. Щелкают ножницы.

Бальдур. Какую оболочку?

Петер. Герметичную, из полиэтилена. Она очень плотно облегает тело, чтобы не допустить испарения.

Размеренный стук метронома слышится все резче, отчетливее и внезапно прерывается. Три коротких звонка. На несколько секунд воцаряется полная тишина.

Голос Маргариты (*из другой комнаты*). Мамочка! Тетя Патриция уже проснулась? Что она мне подарит в этом году?

Лотта. Что она может тебе подарить? Как обычно — кубик льда. И потом, это же ее день рождения, а не твой. Спи, уже поздно.

В наступившей тишине раздастся вздох, довольно откровенный зевок, негромкое чихание. Затем с места в карьер Патриция раздражается потоком слов.

Патриция (*жеманно, слегка в нос*). Добрый вечер. А может быть, добрый день. Который час? О, сколько народу! Какое сегодня число? Какой год?

Петер. Девятнадцатое декабря две тысячи сто пятнадцатого года. Ты что, забыла? Сегодня день твоего рождения. Поздравляю, Патриция.

Все. Поздравляем вас, Патриция.

Восторженные восклицания, обрывки фраз.

— Как она грациозна!

— Фройляйн, позвольте несколько вопросов.

— Потом, потом! Дайте ей опомниться.

— Вы видите сны? Что вам снится в холодильнике?

— А что вы думаете о...

Ильза. Она должна помнить Наполеона и Гитлера!

Бальдур. Думай, что говоришь, Ильза! Это же было два века назад!

Лотта (*решительно прерывает их*). Разрешите пройти.

Надо же кому-то позаботиться о практических вещах. Может быть, ей что-нибудь нужно. (*Патриции.*) Выпьешь чаю? Или чего-то посущественнее, бифштекс например? Или сначала примешь душ и переоденешься?

Патриция. Пожалуй, чаю, спасибо, Лотта, ты такая милая. Больше пока ничего не нужно. Ты же знаешь, у меня спазмы в желудке сразу после размораживания. А там посмотрим, может, бифштекс и съем. А, Петер! Ну как ты тут? Как твой ишиас? Какие новости? Закончилось совещание в верхах? А снег уже выпал? Не выношу зиму: вечные простуды, насморк. А как твое здоровье, Лотта? Выглядишь ты отлично, даже поправилась немного.

Мария. Увы, все мы стареем.

Бальдур. Почти все. Позволь мне, Петер... я столько слышал о Патриции и так долго ждал этой встречи, что теперь... (*Патриции.*) Простите за нескромность, фройляйн, но я знаю, что времени у вас в обрез, и хотел бы узнать, каким вам представляется наш мир, и расскажите немного о себе, о двадцатом веке, которому мы многим обязаны, о ваших планах на будущее...

Патриция (*высокомерно*). Ничего особенного, человек ко всему привыкает. Вот, к примеру, герр Петер Тёрл. Ему под пятьдесят (*с издевкой*), волосы изрядно поредели, животик выпирает, появились боли в пояснице... А для меня всего два месяца назад он был двадцатилетним юношей, который сочинял стихи и хотел записываться добровольцем в уланский полк. А три месяца назад ему было всего десять лет, он звал меня тетя Патриция и плакал, когда меня замораживали, все пытался залезть вместе со мной в холодильник. Не правда ли, дорогой? Ну ладно, не хмурься! А пять месяцев назад его еще и в помине не было, а был его отец, полковник из четвертого иностранного легиона... хотя нет, тогда он был лишь лейтенантом... С каждым моим пробуждением у него прибавлялось число звездочек на погонах и убавлялось число волос на голове. Он ухаживал за мной... Целых восемь пробуждений. Тёрлы все одинаковы... должно быть, наследственное... У них, как бы поточнее выразиться... весьма

странное представление об опеке. (*Голос Патриции становится слабее, слова — неразборчивее.*) Даже их родоначальник, представьте...

Последние слова Патриции заглушает громкий голос Лотты.

Лотта (*обращаясь к зрителям*). Слыхали? Поняли теперь, что это за девица? Ну никакого такта! Конечно, я располнела, ведь я не в холодильнике живу. А она — нет, она вечна, неподвластна времени, как брильянт, как золото. Но уж чересчур любит мужчин, особенно чужих мужей. Кокетка, ветреница! Сами посудите, могу ли я относиться к ней терпимо? (*Вздыхает.*) И что самое огорчительное — мужчинам она тоже нравится, несмотря на свой преклонный возраст. И дело тут не в Тёрлах, все мужчины одинаковы, особенно интеллигенты... Девицы такого сорта отлично знают, что достаточно состроить им глазки, томно вздохнуть, вспомнить о своем детстве — и они уже на крючке. Но у нее-то от этого одни неприятности: через месяц-другой ей приходится терпеть домогательства стареющего донжуана... Не думайте, что я слепая или дуручка! Я сразу заметила, что нынче она с моим мужем разговаривает совсем по-иному — насмешливо, даже с издевкой. Еще бы, на горизонте появился мужчина помоложе. Но поглядели бы вы на нее в прежние годы. Я готова была ее растерзать! Однако... доказательств нет. Мне ни разу не удалось застать их на месте преступления. Но кто поручится, что между Патрицией и так называемым опекуном все было невинно? Что все размораживания были официально зафиксированы в ее характеристике? Не знаю, как вы, я в этом сомневаюсь. Весьма сомневаюсь.

Пауза. Слышен приглушенный разговор.

Но сегодня вы, должно быть, и сами заметили кое-что новое. Вернее, кое-кого. Красотка ищет кого-нибудь посвежее. Слышите? О, Патриция знает, чего хочет!

Из приглушенных голосов выделяются два — Бальдура и Патриции.

Бальдур. ...ощущение, какого я прежде не испытывал. Никогда бы не подумал, что в одном человеке могут столь гармонично сочетаться очарование юности и вечности. Я стою перед вами, как перед египетской пирамидой, и в то же время вы так молоды и прекрасны!

Патриция. Вот именно, герр Бальдур, вас ведь так зовут? Однако вы не учли еще одной особенности. У меня их три — вечность, молодость и одиночество. И последняя — та цена, которую приходится платить за честолюбивое стремление оставаться вечно юной.

Бальдур. Зато вы уникальны, восхитительны! Вам дано летать, тогда как другие ползают, вы на собственном опыте можете сравнивать быт, нравы великих людей всех эпох! Любой историк меркнет перед вами. История — моя страсть. (*С внезапным порывом.*) Почитайте мне ваш дневник.

Патриция. Откуда вы знаете... Почему вы думаете, что я веду дневник?

Бальдур. Значит, все-таки ведете! Я угадал?

Патриция. Да, я веду дневник. Это входит в программу. Но об этом никто не знает, даже Тёрл. И никто не может его прочесть — он зашифрован.

Бальдур. Тогда кому он нужен?

Патриция. Мне. Верней, понадобится позже.

Бальдур. Позже? Когда же?

Патриция. После того как цель будет достигнута. Вот тогда я его опубликую. Думаю, мне без труда удастся найти издателя, ведь дневник сугубо интимный, а на этот жанр всегда большой спрос. (*Мечтательно.*) Знаете, я хочу стать журналисткой. Я бы опубликовала интимные дневники моих могущественных современников — Черчилля, Сталина. Представляете, сколько я заработаю денег.

Бальдур. А откуда у вас эти дневники?

Патриция. У меня их нет. Я сама их напишу. Разумеется, на основе подлинных событий.

Пауза.

Бальдур. Патриция! (*Помедлив.*) Возьмите меня с собой.

Патриция (*поразмыслив*). В принципе неплохая идея. Но вы думаете, залез в холодильник, и все? Нет, надо пройти курс инъекций и особую подготовку. Не так-то это просто... Конечно, было бы приятно иметь спутника, тем более — такого живого, решительного, страстного... Но разве вы не обручены?

Бальдур. Был обручен.

Патриция. Были?

Бальдур. Да, еще полчаса назад. Но теперь встретил вас, и все переменялось.

Патриция. А вы хитрый, опасный человек. (*Внезапно Патриция меняет тон: в нем уже нет прежней томности, он становится резким, энергичным.*) Что ж, если вы говорите всерьез, то об этом стоит подумать.

Бальдур. Чего же мы ждем, Патриция? Умоляю, бежим вместе, но не в будущее, а в настоящее.

Патриция (*спокойно*). Я как раз об этом и думаю. Но когда?

Бальдур. Сейчас, немедленно. Ускользнем отсюда потихоньку — и вперед!

Патриция. Бессмысленно. Они сразу нас нагонят. Все, во главе с Петером. Посмотрите, он уже почуял неладное.

Бальдур. Но когда?

Патриция. Нынче ночью. Слушайте меня внимательно. В полночь гости расходятся, и меня снова замораживают. Это легче, чем пробуждение: всплывать на поверхность приходится постепенно, с интервалами, а погружение может быть очень быстрым. Засовывают тебя в холодильник и без долгих разговоров включают компрессор. Впрочем, замерзая я не сразу и могу быстро вернуться в активное состояние.

Бальдур. А потом?

Патриция. Потом все просто. Вы уходите вместе с остальными, провожаете домой свою... словом, ту девушку,

а потом возвращаетесь сюда... через сад — там окно в кухню и...

Бальдур. И мы на свободе! Еще два часа, и мир у наших ног! Но скажите, Патриция, вы не раскаетесь? Не пожалеете, что ради меня прервали свой путь через века в будущее?

Патриция. Послушайте, молодой человек, если наш план удастся, у нас еще будет время поговорить об этом. Но сначала нужно, чтобы он удался. Ну вот, они уже расходятся. Идите к ним, затем вежливо попрощаетесь со мной и хозяевами. Только осторожно. И постарайтесь ничем не выдать себя. Право же, мне будет жаль упустить такой случай.

Голоса гостей, скрип отодвигаемых стульев, обрывки фраз.

— До будущего года!

— Спокойных вам, Патриция, если можно так выразиться, ночей...

— Поторопись, Роберт, я не думала, что так поздно.

— Бальдур, тебе выпала честь проводить меня.

Снова воцаряется тишина. Немного спустя раздается голос Лотты.

Лотта (*к публике*). Ну вот все ушли. Остались только я, Петер и Патриция, и такая компания не доставляет удовольствия никому из нас троих. Не считайте меня пристрастной; в самом деле, когда мы вместе, то испытываем неловкость и досаду. Несколько минут мы беседуем о том о сем, затем прощаемся, и Петер вновь укладывает Патрицию в холодильник.

Те же шумы и звуки, что и при размораживании, но теперь все происходит в обратном порядке и значительно быстрее. Вдох, зевок. Шелестит полиэтиленовая оболочка. Застучал метроном, заработал компрессор. Стук метронома сливается с мерным тиканьем стенных часов. Час ночи, половина второго, два. Слышен звук приближающейся к дому машины, хлопает дверца. Собачий лай вдалеке. Хруст гальки. Распахивается окно в кухне. Скрип половиц. Открывается дверца холодильника.

Бальдур (*шепотом*). Патриция, это я!

Патриция (*неразборчиво, хриплым голосом*). Разрезте пещеру.

Бальдур. Что, что вы сказали?

Патриция (*более отчетливо*). Разрежьте пленку.

Бальдур разрезает ножницами полиэтиленовую пленку.

Бальдур. Все, разрезал. Что дальше? Прошу прощения, но я впервые в подобной ситуации.

Патриция. О, главное уже сделано, дальше я сама справлюсь. Помогите мне только выбраться из холодильника. Дайте руку.

Осторожные шаги, голоса: «Тише, тише. Сюда. Распахните окно». Скрип гальки в аллее сада. Бальдур заводит мотор.

Бальдур. Мы перехитрили их, Патриция. Теперь нам не страшны ни холод, ни погоня. Нас не настигнут ни преследователи, ни кошмарные видения. Мне кажется, будто я грежу. Эти два часа я словно в чудесном сне и смертельно боюсь проснуться.

Патриция (*холодно*). Вы проводили домой вашу невесту?

Бальдур. Ильзу? Да, проводил. Мы расстались.

Патриция. Что значит — расстались? Навсегда?

Бальдур. Конечно. И она не устроила истерики, чего я ужасно боялся. Даже не заплакала. Лишь поворчала немного.

Пауза. Машина набирает скорость.

Патриция. Молодой человек, прошу вас, не думайте обо мне плохо. По-моему, настало время объясниться. Поймите, должна же я была как-то выбраться из холодильника.

Бальдур. Вам хотелось лишь выбраться из холодильника? И ничего больше?

Патриция. Больше ничего. Выбраться из холодильника и из дома семейства Тёрл. Я чувствую, что обязана открыть вам одну тайну. Дать вам доказательства моей глубокой признательности.

Бальдур. Всего лишь признательности?

Патриция. Ничего другого я вам дать не в состоянии. Увы, и тайна не слишком романтична. Я безумно устала от этих замораживаний и размораживаний. Согласитесь, что со временем это может надоест. И потом, эти визиты...

Бальдур. Визиты?

Патриция. Да, ночные визиты Петера. Я вынуждена была молчать, а он вообразил невесть что...

Бальдур. Бедная Патриция! Как вы, наверно, страдали!

Патриция. О да! Вы даже не представляете себе, какая это мука!

Машина с грохотом несется по улицам города.

Лотта (*к зрителям*). Так закончилась эта история. В ту ночь я слышала странный шум, скрип гальки. Но я не стала поднимать тревогу. Зачем? Так будет лучше для всех, я убеждена. Бальдур, бедняга, потом сам мне все рассказал. В довершение всего Патриция попросила у него денег, чтобы отправиться в Америку, где живет ее ровесник и друг детства. Разумеется, тоже в холодильнике. А помирится ли Бальдур с Ильзой — мало кого волнует, даже саму Ильзу. Холодильник мы продали. Что же до Петера, то я еще подумаю, как с ним поступить.

Гвидо Рокка

Фазан Гаэтан

ОХОТНИЧЬЯ СКАЗКА

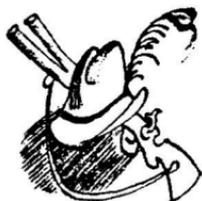
*Посвящается Андреа,
Марко и Франческо*

Пролог

Пришла весна — самое прекрасное время года. Земля сбросила с себя зимний покров, и еще ни один ружейный выстрел не вспугнул молодых зайцев, делающих свои первые пробежки. Заказник «Прекрасное око» пополнился тремя тысячами новых обитателей — юных фазанчиков, которых выпустили из вольер в лес и в поле, где только что взошла кукуруза.

Первое время фазаны длинными цепочками тянулись на выгоны, они еще не вошли во вкус вольной жизни, согласной с их природой, а может, считали более удобным для себя, чтобы егеря Чекко и его помощники в зеленых униформах, следившие за их перемещениями, ростом и оперением, относились к ним как к домашней птице.

Сколько заботы проявляли люди, оберегая фазанов от половодья, от диких кошек, от браконьерских силков! Сколько внимания оказывали, помогая им выжить и вырасти! Кто бы

мог подумать, что все это делается лишь для того, чтобы в недалеком будущем самим убить их безо всяких помех.

Словом, фазанчики подросли, научились добывать себе пропитание и с каждым днем все больше напоминали взрослых фазанов, появившихся на свет в прошлом году. Только наметанный глаз мог их различить. Причем не по оперению — оно у них было точь-в-точь как у взрослых, — а по той смелости, даже дерзости, с какой они появлялись возле жилища человека, по тому легкомыслию, с которым покидали они лесные чащи или гостеприимные укромные уголки среди высоких стеблей уже начинающей желтеть кукурузы и разгуливали по дорогам и лугам.

Ближе к концу лета Чекко совершил дотошный осмотр своего хозяйства. Вечерело, фазаны уже устраивались на ночлег. Егерь быстро подсчитал в уме: обыкновенных и бурых — три тысячи молодых плюс две тысячи уцелевших с прошлой осени и родившихся на воле самцов и самок, а кроме того — целые орды зайцев, зимующие перепела и перелетные бекасы, да кулики, прилетающие на заливные луга, да утки, для которых на пруду поставлены приманки. Да, богатая будет охота.

Чекко сидел у очага, чистил хозяйские ружья, а сам щурил глаза от удовольствия. Ну и постреляют же скоро в заказнике «Прекрасное око»!

1. Первый опыт

Когда у Гаэтана вырос хвост, тогда только он заметил, что не похож на остальных фазанов. Самые длинные перья на хвосте, которые у самцов бывают либо черные, либо коричневые с зеленым отливом, у него были лазурные, а на шею золотистые.

Рос он быстрее всех, научился летать даже в тумане и в отличие от всех других фазанов заказника умел мыслить. А посему он считал других самцов глупыми и чванливыми и все лето, вместо того чтобы развлекаться, обдумывал то,

что услышал от старых фазанов и зайцев, набираясь ума-разума.

Таким образом, охотничий сезон не застал его врасплох. Когда в то злосчастное воскресенье весь заказник превратился в крошечный ад и Гаэтан увидел, как автоматические ружья и двустволки поражают в воздухе одного за другим его товарищей, которые еще вчера гуляли вместе с ним по заливным лугам и по берегу реки, как умирает раненная в крыло самка Беатриче или как бурый фазан Мемо, начиненный дробью, пытается зарыться в сухие листья от наступающих его собак, то он не стал, как другие, оплакивать горькую фазанью судьбу и уж тем паче не счел нужным предаваться безудержному веселью на следующий день, когда охотники уехали. Нет, он все думал, думал, думал...

В тот день стреляли и в него, горячая волна воздуха прошла в двадцати сантиметрах от его хвоста, а следующий выстрел его уже не мог достать: Гаэтан взлетел высоко-высоко вверх, а потом опустился в самую чащу леса. Все это началось возле «гадючьей норы», перед самым кукурузным полем. Охотники, скрытые пеленой утреннего тумана, вытянулись цепью и ждали. Более сотни фазанов спокойно клевали зернышки на поле, как вдруг в заросли кукурузы ворвались собаки и загонщики. Образовалось два фронта: с одной стороны кричали и колотили палками загонщики, а с другой за-таились охотники.

Первой всполошилась одна бурая самочка. Гаэтан не был с ней знаком, но как-то раз на рисовом поле отметил, какие грустные у нее глаза. Когда же он увидел, что она вылетает из кукурузы в сторону леса, он крикнул:

— Остановись! Не делай этого!

Но было уже поздно. И тогда он понял, что грусть в ее глазах была предчувствием того, что должно с ней произойти. Один-единственный выстрел, резкий, сухой, точный, и полет прерван, самочка на миг застыла в воздухе, перед тем как тяжело шмякнуться наземь. В небе еще кружились ее перышки, распыленные дробью, а охотник уже перезарядил ружье и внимательно, напряженно огляды-

вался по сторонам, держа дрожащие пальцы на курке.

Еще один фазан с криком поднялся, но был так напуган, что какое-то время кружил на одном месте, а потом полетел прямо на загонщиков. Никто не выстрелил. Гаэтан видел, как фазан парил над рекой, вслед ему неслись явно недовольные крики людей.

Но многих других постигла участь бурой самочки — сперва тех, что взлетели поодиночке, а затем и остальных, почти всех, которые, добежав до края кукурузного поля под дула ружей, решились подняться в воздух. Лишь единицам удалось прорваться сквозь охотничий заслон, в том числе и Гаэтану, причем он один из всех понял: чтобы иметь хоть какой-то шанс на спасение, надо подняться высоко, а главное — держаться в том необстреливаемом коридоре между двумя самыми неопытными охотниками, по которому уже пролетели невредимыми некоторые из его товарищей.

Чудом не попав под прицел, Гаэтан не успел поглядеть вниз на поле, усеянное убитыми фазанами, но, уже укрывшись в лесу, он поразмыслил хорошенько и постиг одну важную истину: чтобы не погибнуть до срока, надо побороть свои инстинкты и отказаться от великого, радостного откровения, от бесценного дара, которым наградила тебя природа.

Короче говоря, чтобы жить спокойно, надо бросить летать.

2. Опытный стрелок (с точки зрения фазана)

В следующее же воскресенье Гаэтан, фазан с лазурным хвостом, применил свое открытие на практике.

Прежде всего он сделал два основных вывода: во-первых, опасность подстерегает тебя не с той стороны, где кричат и шумят, а, наоборот, где тихо, и, во-вторых, люди предупреждают о ней звуками рожка. Если эти звуки нарушают тишину, это значит, что люди приготовились убивать.

И как только Гаэтан пришел к такому заключению, он больше не летал, а глядел в оба. Завидев собаку, он отрывался от земли на метр, перелетал через ее голову, но всегда под прикрытием стеблей кукурузы или ветвей, а когда показывались загонщики, он бежал им навстречу, и ему удавалось прошмыгнуть между ногами и палками, но никогда он не бросался назад, где поджидали люди с ружьями!

А на земле он даже позволял себе роскошь наблюдать, кто как стреляет, и научился отличать опытных стрелков от дилетантов. И, узнав людские повадки, в глубине души уверился, что людям далеко до фазанов: если бы фазаны охотились на безоружных людей, то ни один бы живым не ушел.

Об этом он толковал как-то вечером на рисовом поле своему другу Итало, одного с ним выводка, и молодой зайчихе, случайно оказавшейся в их компании. После невероятно напряженного дня в заказнике «Прекрасное око» воцарилось спокойствие. Правда, то был покой, пронизанный горечью; опустившийся после захода солнца туман, хриплые крики уток на озере придавали тишине нечто зловещее. И недаром: ведь не было в заказнике ни одного семейства, которое не оплакивало бы своих убитых; единственными, кто не подводил скорбных итогов дня, были чирки и нырки: они всем скопом снялись и на время покинули это печальное место.

Даже кулики, ищущие корм на рисовом поле, как будто утратили свои всегдашние амбиции, размышляя о том, какой тяжелый удар был нынче утром нанесен их честолюбию; теперь уж у них духу не хватало высмеивать медленный и незатейливый лет фазанов, так как их собственный стремительный замысловатый зигзаг не смог спасти их от смерти и под навесом возле охотничьего домика, среди вывешенных напоказ трофеев, было немало и их, куликов.

Гаэтан, прятавшийся в кустах, тоже захотел взглянуть на этот натюрморт перед красным домиком, и от такого зрелища у него мурашки по спине побежали. Он подошел ближе; птицы рядами свисали с крючьев, разделенные по классам и отрядам: прежде всего бекасы, как самая почетная добыча,

потом их сородичи, а потом уж утки, чье мясо имеет соленый и морской привкус.

Там, за стеклами, Гаэтан увидел, как охотники, сняв куртки и разомлев от тепла, смеялись и закусьвали. Он содрогнулся от ужаса и бессильной ненависти. Среди жертв Гаэтан узнавал товарищей по вольере, в том числе бурого, который учил его летать; мысленно он вернулся к счастливой и беззаботной летней поре, когда самцы с гордостью глядели в лужицы на свое яркое оперение, когда и «Прекрасное око» было зеленым раем. Вернее, не было, а казалось...

Сквозь стекло он вдруг встретил взгляд двух глаз, увидел нос, усы и пасть, в которой между зубов торчал кусок колбасы.

— Глядите-ка, фазан с голубым хвостом!..

И тут же несколько пар глаз уставилось в окно.

— И в самом деле!

— Да еще с желтой шейкой!..

Гаэтан несколько секунд выдерживал их взгляд, потом с достоинством, не спеша скрылся в лесу. Куда торопиться: ружья в кожаных чехлах были свалены в кучу на веранде, а патронташи лежали в противоположном углу. Зайдя в чащу леса, он даже рискнул долететь до рисового поля.

— А тебе как удалось выбраться? — спросил Гаэтан друга.

— Сам не знаю, — ответил Итало. — Увидел ружье — да как припущу! Вот, гляди, дробью полхвоста оторвало.

— Благодарю фортуна, что тебе попался мазила, — заметил Гаэтан. — Не то бы ты с нами сейчас не разговаривал.

— Да, — согласился Итало. — Летай как можно выше и быстрее да надейся, что охотник промажет, — вот и вся наша фортуна.

Гаэтан усмехнулся.

— Как можно быстрее, говоришь? Чтoб раньше других на дробь нарваться?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хороший охотник целит не в тебя, а в небо. Пе-

ред тобой. И дробишки тебя не настигают, а поджидают.

Итало удивленно взглянул на него.

— Да ну?

— Чтобы определить твою скорость, охотнику достаточно одной секунды. А ты должен заставить его поверить, что летишь быстро, и внезапно замедлить полет... Охотник знает, что ты летишь по прямой. А ты обмани его — то поднимайся, то опускайся.

— Но ни один фазан так не летает! Так летают только перепела и кулики, — возразил Итало.

— Нужно научиться, — ответил Гаэтан. — К примеру, ты летишь прямо на него, он будет стрелять вверх, а ты ныряй вниз. Даже если тебе кажется, что дело гиблое, все равно не отчаивайся, сделай так, чтобы оказаться между ним и загонщиками или другими охотниками. И он не станет стрелять — побоится задеть их.

— И тогда мы будем в безопасности?

— Нет. В безопасности мы будем, если вовсе разучимся летать, — заявил Гаэтан.

— Да это все равно что заставить зайца подняться в воздух.

— Знаю. Но, чтобы выжить, мы должны забыть, что у нас есть крылья.

— Может, ты и прав, но мне это не по душе, — заключил бурый фазан Итало. И ушел, гордо помахивая обрубок хвоста, отчего величаявая его поступь становилась нелепой и комичной.

Гаэтан стряхнул с себя первые капли вечерней росы. Вдалеке по тропинке проехали на велосипедах Чекко и его помощники, совершая очередной объезд.

До сих пор молчавшая зайчиха вдруг встрепенулась.

— Вот если бы у нас хватило сил выскочить на них, покусать, отомстить за себя!..

— Но у нас их не хватит, — откликнулся Гаэтан. — Впрочем, это все равно ничего не изменило бы.

Зайчиха с минуту смотрела на него, потом неторопливо поскакала прочь.

3. Где-то далеко-далеко...

Весь следующий день светило солнце, а к вечеру спустился туман. Охотников не было видно в заказнике, и даже некоторые чирки возвратились на озеро. Вокруг него в зарослях камыша было много пронумерованных рвов, и каждый был засыпан пустыми гильзами — красными, зелеными, желтыми. Гаэтан, проходя мимо, остановился на насыпи, глянул вниз на цветные цилиндрики и спросил себя: неужели на каждую гильзу приходится по убитой птице?

Тут к озеру подлетела утка, покружила немного над зеркальной поверхностью и опустилась. Гаэтан узнал ее: это была утка Паола, которая часто рассказывала о своих родных местах и тем, кто хвалил озеро или речку в заказнике «Прекрасное око», неизменно возражала с чувством превосходства и тоской:

— В наших родных краях столько воды, что хватило бы на тысячу и еще тысячу таких озер. Там, когда стоишь на одном берегу, другого не видно, даже в ясный, солнечный день.

Анджелино, считавший себя самым остроумным из фазанов, всегда отвечал ей:

— Да ты просто близорука.

Вокруг поднимался хохот, а Паола досадливо хлопала крыльями с видом оскорбленного достоинства.

— Ты зачем вернулась? — спросил Гаэтан, в душе радуясь, что она осталась жива. — Мало тебе вчерашнего?

Утка покачала головой:

— Тут ли, в другом ли месте — все одно. Повсюду, где есть пруды, есть и охотники. Мы ведь не можем жить без воды, так что разницы нет... — Она окунула голову в воду, и по быстрым движениям клюва стало ясно: она нашла там что-то съестное. Закусив, она снова проговорила: — Да и куда бежать? Может, ты знаешь?

Гаэтан промолчал. Этот вопрос он и сам задавал себе вот уже несколько дней, но не находил пока ответа. Куда бежать?.. Вон Паола пыталась скрыться, но пришла к выводу, что это бесполезно. А здесь все родное, твои друзья, корму

в избытке, дремучие леса, которые могут служить надежным укрытием. И потом, не всегда же стрельба, бывают и дни затишья. А что ждет тебя там, в чужих краях? А может, тебе на роду написано быть подстреленным, может, это такая же часть твоего естества, как перья и птичьи повадки? Так стоит ли искушать судьбу?

— Но ведь у меня лазурный хвост! — подумал вслух Гаэтан. — А что, если я не такой, как все? Что, если это знамение?

Утка в ответ лишь горестно вздохнула.

— Когда-нибудь я вернусь туда, откуда прилетела, — сказала она, помолчав.

— А я полечу туда, где никогда не был, — подхватил Гаэтан.

— К морю... — прошептала Паола.

И они погрузились каждый в свои мысли. У одной в воспоминаниях, у другого в воображении слово «море» воплотилось в страну мечты, в символ далекого, но достижимого счастья. Однако суровая действительность очень скоро заставила Гаэтана вернуться на землю.

— Берегись! — крикнула Паола.

Гаэтан оглянулся и, осознав, что опасность на сей раз исходит не от человека, едва успел взлететь на соседнее дерево.

— Ах ты, безмозглая утка! — злобно прошипел кот Иво, когда его тщательно рассчитанный прыжок пропал втуне. — Ты мне за это еще заплатишь!

— Сперва излечись от водобоязни, — отпарировала Паола.

Шкура у этого огромного кота сливалась с цветом осенних листьев. Он уже давно покинул уютный кров, своих домашних собратьев и променял теплую печь, амбарных мышей, куски, стянутые из кухни, на беспокойную лесную жизнь. Мышей он, по правде сказать, и теперь еще ловил, но никому на свете не открыл бы этой тайны, чтоб не уронить своего достоинства: мышами в его представлении могли питаться лишь голодные, ленивые, лишенные фантазии коты. А

Иво, который ловил молодых фазанов и нагонял страх на фокстерьеров и громадных черных ньюфаундлендов егеря Чекко, ни за что бы не признался, что проводит самые холодные ночи на каком-нибудь сеновале. Впрочем, бродячая жизнь пошла ему на пользу. Он был вдвое больше против обычного кота, умел прыгать с ветки на ветку — почти как белка — и только не научился плавать и летать, отчего постоянно пребывал в дурном расположении духа, являясь объектом насмешек Паолы и Гаэтана.

— Ну что ты, Паола, наш Иво ничего не боится! — заметил Гаэтан, выплюнув на голову коту случайно застрявшее в клюве кукурузное зернышко.

— И то правда, — отозвалась Паола и забила по воде перепончатыми лапками, обдав кота холодной водой. — К тому же научиться плавать проще простого! Чтобы Иво — да не поплыл!

Иво чуть не лопнул от бессильной ярости.

— Однако ему надо поторопиться, — сказал Гаэтан. — Я своими ушами слышал, как Чекко говорил: «Нынче же ночью пойдем с фонарями в лес и прикончим этого проклятого кота, чтоб больше не таскал наших фазанов».

Иво наострил уши.

— Странно все-таки, — продолжал Гаэтан. — Иногда твой самый заклятый враг может доставить тебе удовольствие.

— А когда ты это слышал? — спросил Иво.

— Ага, испугался!

— Они меня не найдут, — с усмешкой сказал Иво.

— Найдут, — убежденно заявила Паола. — Найдут и убьют. Мне филин Джанни об этом говорил.

— А этот вечно всякие гадости пророчит, — вновь озлобился Иво.

— Для кого гадость, а для кого и радость, — изрек Гаэтан.

— Будь у меня такое зрение, как у филина Джанни, я бы вместо того, чтоб совать нос в чужие дела, позаботился лучше о своем здоровье. А если и придут люди с фонарями,

то я вас раньше съем, не помирать же на голодный желудок.—Иво кинул на Паолу и Гаэтана грозный взгляд и удалился в сторону сарая, чтобы полакомиться там какой-нибудь курочкой, которая, может, и недостойна его внимания, но голод все же утоляет.

4. Убеждать — дело нелегкое

Фазаны, как и многие живые существа, умеют быть счастливыми, потому что скоро забывают о своих бедах. Так, уже на другой день после великого побоища воспоминания о вчерашнем рассеялись вместе с дымом последнего выстрела и исчезли с унесенными ветром перышками. На одном конце кукурузного поля, возле самой «гадючьей норы», фазаны, разбившись на две команды, играли пустыми гильзами, а на насыпях, как на трибунах, уселись самки и болели за одних либо за других.

А на противоположной стороне поля перед более интеллектуальной публикой трое фазанов давали драму под названием «Смерть в ловушке». Роли исполняли Анджелино, бурый Итало и Донателла, пухленькая самочка, которой Гаэтан определенно отдал бы свое сердце, если б не ее маниакальное пристрастие к театру; актрис он считал слишком легкомысленными и потому, несмотря на свои пылкие чувства, пока воздерживался от официального признания, боясь затеряться в списке ее многочисленных поклонников. Правда, красноречивые взгляды Донателлы и комплименты, которые она расточала его лазурному хвосту, свидетельствовали о том, что Гаэтан не совсем ей безразличен.

Но можно ли верить женщинам? Вдруг эти нежные взгляды — тоже игра? И все же всякий раз при виде Донателлы Гаэтан чувствовал ком в горле, а если бы мог увидеть себя в зеркале, то заметил бы, что перья у него на шее меняли цвет: из желтых становились оранжевыми. Он мучился сомнениями, презирал ее и себя и неизменно внушал себе, что актрисы — народ ненадежный.

Представление подходило к концу. Многие зрители расстроганно моргали. Анджелино, изображавший охотника, наставил зажатую в клюве веточку на Донателлу. Пиф-паф! Два удара по дереву — и Донателла весьма натурально распростерлась на земле. Надо было видеть, как вдохновенно она ползла по сцене, волоча подбитое крыло, и с какой мольбой глядела на Итало, исполнявшего роль собаки, готовой броситься на нее. Анджелино выпустил ружье и захохотал совсем по-человечьи, а Итало залаял, как настоящая собака; Донателла содрогнулась всем телом и замерла; кое-кто из публики отвернулся, не в силах смотреть на это... Но вот развязка: Анджелино с Итало уже собирались подхватить свою жертву, как вдруг Донателла вскочила, стремительно подняла брошенную Анджелино палочку и — пиф-паф! — повергла обоих на землю, а сама полетела навстречу солнцу.

Публика была в восторге. Донателла вернулась на сцену, чтобы сорвать свою долю аплодисментов. Анджелино вполголоса обратился к Итало:

— Ты, конечно, молодец, но, боюсь, твоя собака слишком похожа на фазана.

И тут сзади послышался оглушительный шум крыльев: это команда бурых победила команду обыкновенных. Оба действия закончились, и все фазаны уже было направились в лес, но Гаэтан вдруг остановил их:

— Одну минуту.

Фазаны оторопели.

— И театр, и матч — это прекрасно, — начал Гаэтан. — Это хорошо, что мы способны играючи относиться к таким серьезным вещам, как жизнь и смерть! Но теперь я открою вам, как мы на самом деле можем избежать смерти от руки охотника.

— Да здравствует господин Всезнайка, — усмехнулся Анджелино.

— Ну и как же ее избежать? — любопытствовал Итало.

— Хочешь, я тебе скажу? — опять вмешался Анджели-

но.—Надо пойти и утопиться всем вместе.

— Отличный способ!—засмеялся кто-то.—Уж так мы точно от руки охотника не погибнем.

— Да прекратите вы свои шуточки!—воскликнула Донателла.—Дайте же ему сказать!

Фазаны еще немного пошумели и угомонились. И Гаэтан изложил им свое недавнее открытие. Никто, утверждал он, не стреляет в бегущего фазана, а спасаясь от собак, надо лететь совсем низко над землей, поскольку тогда охотник поборится зацепить собаку. Он объяснил приемы, которыми пользуются люди в охоте на фазанов, перечислил категории охотников, как то: «стрелки без промаха», «нервные» и «мазилы» (в последний разряд входили, к примеру, кровожадный старикашка с близко посаженными глазками, который одевался только в зеленое, и элегантный светловолосый юноша в шляпе с перьями птиц, убитых другими).

Гаэтан говорил долго. Когда он закончил, в стае фазанов разгорелись бурные споры: одни поддерживали Гаэтана, другие недоверчиво хлопали крыльями. Баттиста, фазан с черным оперением, кричал, что уж лучше умереть в воздухе, чем жить в бегах на земле. Многие были того же мнения. И в самом деле, кто еще из пернатых умирает так красиво, недаром же художники для своих натюрмортов выбирают именно фазанов.

Гаэтан возразил, что и гурманы отдают предпочтение фазаньему мясу и гордятся тут особо нечем. Но все же ему не удалось переубедить самых ярых фанатиков: они с надменным видом удалились, продолжая твердить, что риск — благородное дело и понять это в состоянии только избранные.

Дискуссии затянулись до позднего вечера, в ветвях деревьев еще долго не смолкал шум. В конце концов даже сторонники Гаэтана пришли к выводу, что нечего забивать себе голову всякой тактикой, ведь в решительный момент им все равно не хватит хладнокровия, так уж они устроены.

Только двух фазанов, Итало и Анджелино, прошедший

день, казалось, заставил призадуматься. Из всех разговоров они вынесли одну блестящую идею, которую намеревались осуществить с пользой для себя, но пока держали ее в строжайшем секрете. Они обнародовали свое открытие только в следующее воскресенье, во время новой охоты. Спрятавшись в лесу в укромном месте и следя за побоищем, они стали заключать с другими пари на судьбу фазанов, взлетающих над кукурузным полем и пытавшихся прорваться сквозь огневой рубеж.

— Не долетит! — крикнул Итало, указывая на самку, которая летела точно под прицелом кровожадного старикашки в зеленом. — Ставлю пять кукурузных початков против одного!

— Идет! — ответил хромой фазан.

Самка упала после первого же выстрела.

— Плати. — Анджелино подмигнул Итало и сделал отметку на земле.

— А вот этот прорвется. Три против одного, — продолжал Итало.

— Нет, собьют, — возразил еще один фазан. — Ставлю в заклад два початка и гроздь винограда.

Прогрели выстрелы; должно быть, фазана зацепило, потому что он дернулся и как-то замешкался, но тут же, словно очнувшись, полетел дальше и вскоре скрылся за деревьями.

— С тебя два початка и гроздь винограда.

С поля взлетели четыре самочки, вспугнутые загонщиками.

— Смелей, делайте ваши ставки, — суетился Анджелино. — Ставит кто сколько хочет. Выбирайте.

— Ставлю на правую! — закричал один.

— Пять початков за малышку слева!

— А я за нее три!

Четыре самочки упали замертво, даже не успев набрать скорость.

Итало и Анджелино были просто счастливы тем, что нашли себе столь прибыльное занятие. Проходивший мимо

Гаэтан неодобрительно поглядел на них, но вмешаться не успел, так как за спиной он услышал тяжелое дыхание: его догонял Бук, ньюфаундленд егеря. Гаэтан поспешно скрылся в лесной чаще и не присутствовал при окончании сцены, когда Анджелино и Игало, слишком занятые подсчетами выигрыша и новыми ставками, были застигнуты врасплох Буком и взмыли вверх, не подумав, что летят прямо на охотников. Спустя минуту — никто даже не успел поспорить на их участь — фазанья труппа потеряла двух самых выдающихся актеров.

5. Великое решение

Той же ночью Гаэтан, заметив, как из гаража выезжает пикап, в котором сидели трое — у одного фонарь, у других ружья, — подумал: так, стало быть, нынче и коту Иво не поздоровится.

С высокого дерева Гаэтан мог следить за ходом событий. Он видел, как метались зайцы, обезумевшие от настигавшего их яркого снопа света, видел людей, изготовившихся стрелять, видел ничего еще не подозревающего Иво: тот на обочине дороги лакомился только что пойманным петушком. Вероятно, Иво слышал шум мотора, но подумал, что люди, по своему обыкновению, отправились в город. Во всяком случае, еще тепленький петушок интересовал его больше, чем все остальное.

Когда луч внезапно прорезал темноту в нескольких метрах от него, кот вскочил как подхлестнутый. Свет стремительно приближался... а Иво все медлил: на сытый желудок даже у диких котов реакция притупляется. Этот момент промедления оказался роковым. Свет будто пригвоздил кота к месту. Гаэтан видел дикий ужас в его глазницах; потом грохнул выстрел, отозвавшийся в ночи далеким эхом, и кот Иво мгновенно распластался на животе... Пикап промчался мимо, и снова воцарилась тишина. И тогда Гаэтан услышал

приглушенные всхлипывания Донателлы, доносившиеся с нижней ветки.

— В чем дело?—спросил Гаэтан.—Почему ты плачешь?

Всхлипы стали громче. Тогда он слетел вниз и, усевшись рядом, взял молодую самочку к себе под крылышко.

— Что с тобой? Ну чего ты расстроилась? Подстрелили кота Иво. Ты радоваться должна. Одним врагом меньше.

— Нет, нет. Хватит!—прошептала Донателла.—Я устала от этих выстрелов. Даже если стреляют в кота Иво. Я не могу больше так жить.

Гаэтан ласково похлопал ее крылом.

— Успокойся, потерпи еще немного.

— И что потом?

— А потом мы с тобой улетим. Далеко-далеко отсюда, где не слышны выстрелы и где фазаны заживут счастливо, спокойно и станут умирать только от старости.

Донателла недоверчиво поглядела на него.

— Ты серьезно?

— Да.

— Есть такое место?

— Есть. Я знаю, где оно,—солгал Гаэтан.

— Где же?

— Далеко, очень далеко. Там, откуда прилетела утка Паола, и даже еще дальше. Но мы полетим туда.

— Ты и я?

— Ты, я и все, кто захотят полететь с нами.

— А ты точно знаешь, что оно есть?—Донателле все еще не верилось.

— Точно.

Гаэтан впервые почувствовал уверенность в себе: то, что он говорил лишь для успокоения Донателлы, должно стать явью, это зависит теперь только от него, от его стойкости и веры

— Точно,— повторил Гаэтан и вдруг увидел, что его подружка спит. Он негромко рассмеялся. Да-да, рассмеялся. Потому что фазаны тоже умеют смеяться и плакать. Как мы.

6. Закрытие сезона

Так все продолжалось в заказнике еще долго. Дни охоты сменялись днями затишья, подобно тому как после дождей проглядывает солнце, а снег уступает место слякоти и туманам. Фазаньи ряды поредели, и на ветвях, которые еще недавно по ночам гнулись под тяжестью птиц — вот-вот обломятся, — теперь в лучшем случае можно было увидеть один-два силуэта спящих счастливцев. Зайцев тоже осталось мало, да и те насмерть перепуганные: уши, вечно торчком, прислушиваются к каждому шороху, в глазах ужас. Даже свежей траве они больше не радовались: все было отравлено страхом и тревогой.

Как-то одна зайчиха, найдя под снегом кустик зелени, позабыла обо всем и опомнилась лишь тогда, когда ее окружили охотники. Бежать она, конечно, и не пыталась; увидав, что никто из них не поднял ружья, решила: значит, я мертва и даже не почувствовала, как меня убили. На самом же деле это был долгожданный знак того, что период страхов и гонений для зайцев кончился. Вскоре наступили счастливые каникулы и для фазанов. Жаль, что порадоваться этому довелось немногим. Однако на озере еще постреливали. Но чирки и нырки уже готовились к отлету. Утки, конечно, не укладывают чемоданов, но все же и среди них царило оживление, какое бывает в доме перед отъездом на курорт.

Гаэтан, услышав эту новость, пошел попрощаться со своей приятельницей Паолой и пожелать ей счастливого пути.

Утиная стая уже вся собралась. Утки притихли, сосредоточились, сберегая силы для дальнего и трудного пути. Вме-

сте с остальными сидела на середине озера и Паола. Увидев Гаэтана, она подплыла к нему.

— Привет, Паола,— сказал он.— Ну что, на этот раз пронесло?

Паола весело подмигнула.

— А ты даже свой великолепный хвост сохранил в целости.

— Да, повезло,— кивнул Гаэтан и добавил:— Знаешь, может, мы скоро увидимся. Я тоже хочу улететь отсюда к морю.

Паола рассмеялась.

— Но море — это тебе не «Прекрасное око», где встречаешься на каждом шагу. Оно бесконечно...

— Понимаю,— ответил Гаэтан.— Я же сказал «может»...

— Я буду рада. Ты был мне верным товарищем.

— Если в один прекрасный день увидишь в небе фазана с лазурным хвостом, знай: это я.

Тут на озере послышался шум крыльев, а потом большой селезень, вытянув шею, быстро полетел в сторону, противоположную восходу солнца. За ним потянулись остальные, образовав в небе обширный треугольник.

— Счастливого пути, Паола!— воскликнул Гаэтан.

Утка бросила на него прощальный взгляд и догнала своих подруг в конце стаи. Какое-то время Гаэтан следил, как они поднимались все выше, но вскоре стая скрылась из вида, небо опустело, как и озеро, откуда лишь изредка выпрыгивали лягушки.

7. Опасная миссия

Новорожденные зайчата уже начали скакать под солнышком, когда Гаэтан после долгих размышлений тоже решился лететь. Он хорошо представлял себе, что это путешествие в неведомое сопряжено с огромными трудностями

и риском. Он долго сопротивлялся соблазну отказаться от полета: ведь впереди были долгие месяцы покоя, а главное — счастья с Донателлой. Но если у других воспоминания о пережитом как будто выветрились из памяти, то его они никак не оставляли. И особенно мучила Гаэтана мысль о том, какое будущее ожидает фазанчиков с лазурными хвостами, которых высидит Донателла: неужто и им суждено месяцами жить в страхе и тревоге, а может быть, и погибнуть, едва народившись, от ружья человека?

Поэтому он все-таки решил лететь. Но напрасно уговаривал он товарищей лететь всей стаей, как утки. Никто на эти уговоры не поддался. Все требовали подробностей, гарантий и не желали довольствоваться заверениями Гаэтана, что, мол, должно же быть на свете более спокойное и безопасное место, чем «Прекрасное око».

Его называли безумцем, за глаза потешались над ним.

А у Гаэтана с некоторых пор вошло в привычку улетать на рассвете и возвращаться поздно вечером. Он отправлялся на разведку неизвестных мест, лежавших за пределами ограды заказника, и каждый раз продвигался все дальше и дальше.

Однажды он долетел до большого города и опустился на площадь, где голуби сотнями преспокойно разгуливали среди людей и даже клевали зерно у них с ладоней. Поэтому Гаэтан преодолел обычную свою настороженность и решил расспросить одного из голубей.

Но он не успел этого сделать, потому что какой-то мальчонка поднял шум, остальные тоже стали кричать и гоняться за Гаэтаном, а один человек в черном воскликнул:

— Фазан на Соборной площади!.. Это надо заснять! — и спрятался под черное покрывало, накинутое на деревянное одноглазое чудище.

Гаэтан видел, что никто не собирается его убивать, но в то же время понимал: чрезмерное любопытство не предвещает ничего хорошего — и быстро полетел прочь, провожаемый удивленными взглядами людей, задравших головы

вверх. Останься он еще на день, непременно увидел бы свое изображение на страницах газет. Но Гаэтан еще не знал, что такое тщеславие.

Он миновал золоченую, сверкающую на солнце статую, замешался в стаю ласточек и отправился домой. Его поразило целое море крыш, через которое пришлось перелететь, чтобы вновь оказаться в полях. Видно, он очень устал, так как ему показалось, что этой преграде не будет конца.

В общем, Гаэтан вернулся в заказник в полной уверенности, что уж в большой город он перебираться не станет. В голове стоял страшный гул, глаза слезились от городского дыма и гари, и хотя он убедился, что люди там слишком заняты, чтобы охотиться на фазанов, но это ничего не меняет: выжить в такой атмосфере все равно невозможно. Кроме того, фазану хоть изредка необходимо побыть в тишине. А там тишина еще бóльшая редкость, чем фазан, спускающийся на Соборную площадь.

С того дня Гаэтан прекратил свои вылазки и, казалось, смирился со своим существованием. Пересуды по его адресу вскоре утихли, но вся стая продолжала считать его сумасбродом; этот ярлык теперь надолго прилип к нему. И все же в сумасбродстве Гаэтана было нечто такое, от чего ни один из них не отказался бы. Фазаны, не принимая его всерьез и даже подтрунивая над ним при случае, тем не менее очень дорожили обществом Гаэтана. А тот хотя и держался со всеми ровно и приветливо, но предпочитал им компанию Донателлы. Вдвоем они забирались в самые отдаленные уголки заказника и всякий раз придумывали себе новые развлечения. Однажды, правда, чуть не угодили в пасть собаке. Когда они удирали, поднявшись на небольшую высоту, Гаэтан объяснил своей перепуганной спутнице:

— Я не люблю собак не за то, что они жестоки, а потому, что свою жестокость они поставили на службу человеку. Но мы скоро от всего этого будем далеко.

8. Исход почти библейский

Наконец настал день, когда Гаэтан пришел на берег озера проститься со своей стаей. Самки примеряли на себя ожерелья из дробинки и кокетливо гляделись в воду, а самцы возле оврага играли гильзами.

Вместе с Гаэтаном отправлялись в путь Донателла, один бурый фазан со своей подружкой и Культя, которого прозвали так из-за того, что дробью ему оторвало лапку.

Прощание было коротким: слишком много было уже говорено об отлете и все давно пришли к выводу, что это безумие. Старый трехлетний фазан, который все время твердил одну и ту же фразу: «Я довольно пожил на свете и теперь желаю приятного аппетита тому, кто будет меня есть», протянул Гаэтану лапу и сказал:

— Пусть не покинет вас удача в ваших поисках.

— Даже если мы не найдем фазаньего рая, — отозвался фаталист Культя, — все равно хуже не будет. Ведь здесь нас скоро опять заставят дорого заплатить за несколько месяцев покоя.

Донателла от волнения прижималась к Гаэтану и дрожала мелкой дрожью. В тот момент, когда группа во главе с Гаэтаном поднялась в воздух, мимо проходил егерь Чекко со своими ребятами; они наставили на птиц пальцы, будто ружья, и прокричали «пиф-паф». А Чекко плотоядно облизнулся.

— Этого с лазурным хвостом побережем до открытия сезона, а потом сделаем из него чучело.

Он и не подозревал, что присутствует при величайшем историческом событии: первой попытке пятерых безумцев избежать неумолимой судьбы фазаньего племени.

Чекко и ребята двинулись дальше. А фазаны вернулись к своим играм, но уже без прежнего азарта. Каждый, не признаваясь в этом даже себе, в глубине души завидовал смелости Гаэтана и приписывал ее лазурному хвосту, какого больше ни у кого не было.

Чекко, увидев, что фазаны удаляются все дальше, сдвинул брови.

— Черт побери! Куда это их понесло? Там ведь уже кончается территория заказника!

Пятерка смельчаков набрала высоту, пролетела над речкой и скрылась из вида, а Чекко, что-то ворча себе под нос, направился домой.

9. К морю

При виде леса, увенчавшего вершину холма, Гаэтан объявил привал. Солнце клонилось к закату. Они летели весь день без остановки. Миновали две реки и несколько городов, теплый попутный ветерок облегчал путешествие. Теперь в воздухе ощущался тот самый горьковато-соленый запах, который всегда приносили с собой утки, прилетая на озеро.

Фазаны углубились в лес искать крепкие ветки для ночлега. Они так устали, что не хотелось даже разговаривать. Пожелав друг другу спокойной ночи, они мгновенно заснули.

Только Гаэтану не спалось. Он все спрашивал себя: когда же, наконец, доберутся они до моря? Может, он ошибся в расчетах? Или они потеряли много времени, огибая города, вместо того чтобы лететь напрямик? Крылья у него будто свинцом налились, ведь ему в пути время от времени приходилось поддерживать обессиленную Донателлу.

Пробегавшая под деревом лиса, принюхиваясь, поглядела вверх. Рядом с ветки взлетел филин. Послышался шелест листьев под ветром. Гаэтан сделал глубокий вдох: опять тот же солоноватый запах. Без сомнения, море где-то близко. Он улыбнулся и перестал сопротивляться усталости.

Утром Культя разбудил его.

— Посмотри-ка!

Гаэтан, сонно озираясь вокруг, увидел вдоль всего холма зеленые ряды густо сплетенных виноградных лоз. День был чудесный, на небе ни облачка, а солнце, несмотря на ранний час, уже пригревало. Пятеро фазанов слетели с дерева и набросились на спелые гроздья. Поблизости не видно было ни одной живой души; никто не потревожил пиршества фазанов, к концу которого они наелись до отвала и слегка опьянели от солнца, чистого воздуха и терпких ягод.

Но Гаэтан не забыл о цели их путешествия и, когда солнце достигло вершины холма, скомандовал отправление.

И тут бурый с подружкой обменялись заговорщическими взглядами.

— Мы остаемся, — заявил самец. — Мне кажется, мы уже нашли то счастливое место. Здесь вдоволь винограда, есть ветвистые деревья для ночлега, да и людей вблизи что-то не видеть.

— Вы вольны поступать, как вам заблагорассудится, — сказал Гаэтан. — Но вон внизу дома, а где дома, там и люди. Рано или поздно они придут сюда собирать виноград и вас обнаружат. Я за свою жизнь не встречал человека, который при виде фазана не схватился бы за ружье.

В разговор вмешалась самка:

— Но ты-то что предлагаешь?

— Пока ничего, — ответил Гаэтан. — Знаю только, что это не то место, которое я ищу.

— Но то ли оно есть, то ли его нет, — заметил бурый. — А виноград вот он, на виду.

— Ну, как хотите, — сказал Гаэтан и поглядел на Культю.

— Я с тобой, — ответил тот, расправляя крылья.

Перелетая через гребень холма, Гаэтан оглянулся, увидел бурого с подругой — те снова копошились в зарослях виноградных лоз, — но не заметил у самого подножия белую дощечку с таким знакомым названием: «Охотничий заказник». Гаэтан чуть снизил скорость, поджидая от-

ставших Донателлу и Культю, и они втроем полетели дальше.

Зрелище, открывшееся их взору за гребнем, заставило их снова замедлить лет. В ближней долине раскинулось селение, за ним — сосновая роща, а дальше сверкала на солнце голубая водная гладь, по площади в тысячу раз больше озера в их заказнике. Здешнее озеро уходило вдаль до самого горизонта, и Гаэтан понял: это море...

Он взглянул на своих спутников, и глаза его заблестели. Потом сложил крылья и, снизившись, опустился на скалу, омываемую со всех сторон водой. И стал пристально, зачарованно всматриваться в даль, туда, где небо и море, казалось, сливались в одну линию. Он молчал. Эта бесконечность и подавляла его, и пугала, и приводила в восторг.

10. На пороге тайны

— Что, красиво? — послышался за спиной незнакомый скрипучий голос.

Гаэтан обернулся, но никого не увидел.

— Кто это сказал?

— Я, — отозвался тот же голос.

Гаэтан снова покрутил головой, но безрезультатно.

— Ты видишь кого-нибудь? — спросил он у Культи.

— И ты увидишь, как только он слезет с твоего хвоста.

С хриплым смехом на землю соскочил огромный рак.

— Привет! — весело сказал он. — Меня зовут Пьетро, как, впрочем, и всех моих собратьев.

— А меня — Гаэтан.

— Что вы за птицы?

— Фазаны. Вот это — Донателла, а это — Культя.

— Очень приятно, — сказал рак. — А каким ветром вас занесло в наши края?

— Мы ищем место, где можно жить и летать спокойно.— Он помолчал немного.— Но, я вижу, тут вокруг одна вода. Разве за морем нет другой земли?

— Не знаю,— ответил Пьетро.— Мне не по душе дальние путешествия. Но я могу узнать у сардинки Беттины, она не так ленива. Подождите минутку, я скоро вернусь.

Не спеша и, конечно, пятясь задом, он соскользнул со скалы в море, и прошел целый час, а то и больше, прежде чем он появился вновь.

— Странное у раков представление о времени,— заметил, правда без особого нетерпения, Культия, следя за тем, как удлиняется тень от скалы.

Гаэтан и Донателла увлеклись созерцанием подводной жизни, которая, как на экране, просматривалась под прозрачной поверхностью.

Тем временем над ними пролетела белая величавая чайка; видимо, пришельцы ее заинтересовали, потому что она даже прекратила нырять в воду за рыбешкой.

— А ты не слишком пестро одет? — подлетев, спросила она Гаэтана.

— А ты уж не от зависти ли так побелела?

Чайка улыбнулась.

— Не сердитесь. Мы, морские птицы, умеем быть гостеприимными. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Как знать,— ответил Культия.

— Откуда вы? — спросила чайка.

— Беженцы,— улыбнулся он.

— А от кого вы бежите?

— От людей. Тебя никогда не брали на мушку?

— Нет,— сказала чайка.— В чаек не стреляют.

— Вот как? За что же они вас так любят?

— Любовь тут ни при чем. Просто мясо у нас невкусное, а кроме того, на наше счастье, у людей есть примета, что убивать чайку — к беде.

— Вот повезло! — вздохнул Гаэтан.— А в нас люди стреляют только нам на беду.

Наконец из моря показался рак, с него капало.

— Сардинка Беттина сказала, что в нескольких часах пути отсюда есть остров.

— Чьего пути — твоего или сардинки? — поинтересовался Гаэтан.

— Да что вы, я и за восемь лет туда не доберусь, — сказал Пьетро.

— А растительность там есть? — любопытствовала Донателла.

— Конечно, — вмешалась чайка. — Там густые леса, пресноводные ручьи, плодовые деревья...

— Коли так, мы двинемся туда, — решил Гаэтан.

— А сил у вас хватит? — спросила чайка. — Имейте в виду: по дороге вам не встретится ни клочка суши, где можно было бы передохнуть. Да и с пути легко сбиться.

— Почему бы вам не остаться здесь? — подхватил рак.

— А вот почему. — Гаэтан показал на старые, полинявшие от воды и полужасыпанные песком пустые гильзы.

— А-а, это стреляли в перепелов. Каждый год они садятся здесь отдохнуть после долгого перелета, тут-то охотники их и подкарауливают. Но вы же не перепела.

— Мы для того и покинули родные края, чтобы не видеть больше этих проклятых гильз, — заявил Гаэтан.

— Если хотите долететь до острова, вам надо набраться сил, — сказала чайка. — Перед дорогой не наедайтесь. Когда взлетите, держитесь все время прямо, пока впереди не увидите свет, который то зажигается, то гаснет, — примерно на полпути вы его заметите. Это маяк, он будет вам ориентиром. А смотритель маяка любит животных, его бояться не надо. К утру будете на месте, если придержитесь.

— Ты хочешь сказать, лететь надо ночью? — удивился Кукля.

— Да. Днем солнце слишком сильно припекает, пе-

рышки подожжете... Как придете на место, найдите альбатроса Ника. Это мой брат, он вас примет как родных.

11. Последний рывок

Они летели уже часа два. На небе зажглись звезды, а света маяка не было видно даже на горизонте. Дул встречный ветер, и чем выше, тем яростней он на них обрушивался. Тогда они спустились почти к самой воде, но здесь их обдавало брызгами, которые застили глаза и пропитывали крылья соленой влагой, отчего они делались тяжелыми.

Но самое страшное — неведение: летишь и не знаешь, куда, сколько тебе еще лететь, а остановиться негде. Похожее ощущение возникает в горах во время тумана или бури. Культя мечтал теперь только о доске, о каком-нибудь обломке, где бы можно было приткнуться на минуту, всего на одну минуту. Но под ними не было ничего, кроме взбаламученного моря. Внезапно впереди показался свет, более яркий и близкий, чем сияние звезд. Он загорался и гас через равные промежутки времени — точь-в-точь как говорила чайка. У Донателлы вырвался вздох облегчения, и все трое с новыми силами ринулись вперед. Светящаяся точка приближалась быстрее, чем они рассчитывали, и, приблизившись к ней почти вплотную, они поняли свою ошибку. Это был не маяк, а носовой фонарь рыболовного судна. По палубе сновали люди.

— Что будем делать? — спросил Культя. — Меня крылья не держат.

— Но ведь там люди! Они нас заметят.

— Я больше не выдержу, ты понял? Маяка и в помине нет, а я не в силах даже двинуть крылом. Здесь по крайней мере можно спрятаться, отдохнуть, а завтра полетим дальше. Устроимся на мачте, и, пока темно, никто нас не заметит.

— А может, он прав?— робко проговорила Донателла.

— Да, но корабль движется, и, когда настанет день, мы уже не увидим свет маяка. Как мы тогда отыщем дорогу?

— Ты тоже прав,— согласилась Донателла.— Тогда присядем хоть ненадолго.

— Ладно,— сказал Гаэтан.— Только тихо. И всего на несколько минут. Чур не спать!

Один за другим они опустили на мачту, верней, на реи и, к счастью, остались незамеченными. Внизу люди ужинали, гремя ложками о жестяные миски. Какой-то парнишка играл на гитаре и пел вполголоса. А над штурвальным колесом застыл, словно каменный, старик, пристально вглядываясь в даль.

Гаэтан очнулся первым. Даже он не смог противиться нежным, убаюкивающим звукам музыки. Еще не рассвело, но слабые блики на горизонте предупреждали его, что медлить больше нельзя. Корабль будто вымер, только человек у штурвала стоял все так же неподвижно и напряженно.

— Пора,— шепнул Гаэтан.

Культя зевнул и покачал головой.

— Я остаюсь. Догоню вас завтра.

— Через час свет маяка уже не будет виден.

— Ну и пусть. Я хочу спать.

— Я с тобой,— сказала Донателла.— Но мне страшно.

— Это последнее усилие, клянусь тебе.

Он знал, что так и будет. Увидят они свет маяка или нет, достигнут острова своей мечты или погибнут, это все равно будет их последнее усилие, последний рывок на пути к свободе.

— Счастливо вам,— сказал Культя.— У меня от этой влажности мозжит рана в ноге. Если сумею, нагоню вас. А нет— прощайте.

Донателла, рыдая, простилась с Культей, Гаэтан тоже прослезился. Сперва он хотел настаивать, но, поглядев на

распухшую культу, просоленные крылья, изрядно пощипанные перья — свидетельство былых битв в заказнике «Прекрасное око», — понял, что товарищ не сможет последовать за ними. Как ни горько, но участь Культи, видимо, предreshена.

Горизонт постепенно светлел. Одна за другой гасли звезды. Гаэтан и Донателла покинули корабль, устремившись в пустоту, в неизвестность. Они летели бок о бок и, вероятно, уже думали, что все кончено, что мечта о счастье рассыпалась в прах, когда впереди в последних предутренних сумерках забрезжил свет маяка, показавшийся им огромным, ослепительным после стольких ожиданий и надежд. Гаэтан улыбнулся своей подруге. Между небом и морем рождался новый день, маяк погас, но теперь он был им и не нужен: они уже знали, куда лететь. Если бы кто-то случайно оказался здесь, ему предстало бы необычайное зрелище: два фазана, один из которых с лазурным хвостом, летят рядышком прямо к восходящему солнцу. А может быть, даже увидел бы, как они одновременно смеются и плачут. Потому что фазаны тоже умеют смеяться и плакать. Как мы.

Эпилог

В заказнике «Прекрасное око» все осталось по-прежнему. Вечерами после очередной охоты старики фазаны, чудом спасшиеся от выстрела, грустно спрашивают себя: а может, правы были Гаэтан и его товарищи, когда улетели отсюда? Но полной уверенности в этом ни у кого нет.

Как-то раз фазаны услышали разговор двух охотников:

— А знаешь, говорят, есть остров, где полным-полно фазанов очень странной породы. С лазурными хвостами.

— Где это?

— Не знаю. Где-то далеко отсюда...

Фазаны толком не знают человеческий язык и плохо поняли, о чем шла речь, но даже если б поняли, все равно бы не поверили: известное дело, охотники любят сочинять всякие небывлицы.

Но мы-то с вами знаем, что это чистая правда.

Джузеппе Бонавири

Попугай

Когда умер король Азед, наш Господин и Властитель, на трон взошел Джованни Курамнасмех и начал всеми повелевать. Повелевал бедняком, кормившимся хлебной коркой да диким медом, повелевал старухой, молившейся богу от зари до зари, повелевал сапожником, гнувшим спину в своей мастерской, повелевал возчиком, изъездившим горы и долины, повелевал машинистом, водившим составы по рельсам, повелевал рабочим, даже в стужу трудившимся на стройке.

Всех и не перечислишь, кем он повелевал. И вот однажды увидел он: низко над землей летит птица с разноцветными перьями.

— Ах ты, какая красивая! Поймать ее, поймать!

Солдаты бросились со всех ног, изловили.

— Что это за птица?

— Это попугай, Ваше Всенародное Величество.

Мало-помалу, сегодня одно слово, завтра другое, Джованни, Всенародный глава, научил попугая говорить.

— Нарекаю тебя Чиччо,— сказал он.

Стал попугай зваться Чиччо и обо всем докладывать хозяину:

— Хозяин, сапожник спит.

- Хозяин, машинист ест.
- Хозяин, весь люд к мессе пошел.

А у господина-то, у Властителя, служанка была по имени Елена, двадцати двух лет от роду. Худенькая такая, все мечтала хоть немного пополнеть, а потому нет-нет да и умыкнет у хозяина то кусок мяса, то сливок, то сахару, то вишни, только-только собранные с дерева. А попугай был начеку.

- Хозяин, Елена ест фазанье крылышко.
- Хозяин, Елена ест хлеб с медом.
- Хозяин, Елена согрешила со счетоводом по имени Антонио.

Однажды молоденькая служанка сказала себе: «Сил моих нет терпеть» — и выложила все жениху Антонио.

- Как же мне быть-то, свет мой? — спрашивает.

Антонио подумал-подумал и говорит:

- А ты возьми да и зашей попугаю задницу.

Тем временем попугай словно бы порчу напустил на весь наш благочестивый народ.

Стоило ему сказать: «Красота!», солдат тут же повторял: «Красота!» Или: «Какая скверная погода!», а сапожник и табачник, почтальон и жандарм, учитель и начальник, мясник и аптекарь как попугай повторяли: «Какая скверная погода!»

Житья не стало от этой птицы. И тогда служанка Елена зашила попугаю задницу медной проволокой. Очень скоро Всенародный глава заметил, что попугай загрустил: все больше молчит и перья у него потускнели.

- Что с тобой, мой Чиччо?

- Зад зашит, хозяин.

Властелин не придавал большого значения словам — уж очень много забот было у него с жандармами, законами, судами и мятежниками, — а все-таки малость огорчился.

И вот однажды утром Джованни Всенародный глава проснулся с первыми лучами солнца, которые золотили крыши домов в его огромном городе, и увидел, что попугай-то сдох.

- О, мой Чиччо, как же я буду жить без тебя?

Позвал он Елену.

— Погляди-ка, что случилось с моим попугаем! Чьих это рук дело?

— Откуда мне знать, мой господин?

— Перед смертью он все твердил: «Зад зашит, хозяин».

— А я-то тут при чем?

Джованни Всенародный глава задумался, разгладил потускневшие перышки—видит, что зад у его любимца и впрямь зашит. Рассвирепел он и напустился на служанку Елену:

— Это ты, подлая! Ты!

И воцарилась в душе у него чернота—весь свет стал ему немил.

Первым делом велел он построить попугаю прекрасный склеп среди тополей и кипарисов, а над склепом—небо из картона с позолоченной луной. И согнал туда весь народ оплакивать Чиччо.

— О, бедный наш Чиччо!

— О, милый брат наш, попугай!

— О, наш Король и Повелитель!

Ну а потом Джованни Всенародный глава повелел зашить задницы всем своим подданным:

трудяге водоносу,
пьянице с сизым носом,
директору банка,
машинисту с полустанка,
солдату и почтальону,
повару и шпиону,
чиновнику, палачу,
бедняку и богачу!

И многострадальный наш народ не смог больше удовлетворять естественные потребности!

А поскольку одному отверстию точно соответствует другое—рот, то всем-всем—торговцам, горожанам и крестьянам—зашили и его. Плакали камни, беззвучно заплакал дождь, даже солнце и то разрыдалось при виде несчастных, не знающих покоя ни днем ни ночью; изможденные, бродят

они словно призраки, словно скелеты, постепенно исчезая с лица земли. Пустеют города, поля, побережья, министерства, и сам королевский дворец, и даже тюрьмы. А если и встретит где человек человека, оба удивляются, спрашивают друг друга: «Ты кто такой? Откуда пришел? Куда идешь?»

Люди привыкли питаться отныне лишь ветром, пролетающим над крышами, тенью лютиков, вареных бобов да червячков, а на такой еде долго не проживешь: дунь — и душа из тебя вон! Поэтому во всем нашем несчастном и скорбном королевстве уделели только:

Тури — портной,
Саридду — смолоду больной,
Чиччо — чужак,
Пеппи — вахлак,
Кукко — писун,
Антонио — плясун,
Маттео — каретник
и Анджуццо — сплетник.

Сын портного

Жил-был портной, и дела его шли плохо. Вот настал мясоед — людское сердце радуется ему испокон веку. В опустевшем лесу ветер свистит, река без дождей пересохла, холодный туман над оливами стелется, а в домах смех, шутки: кто шьет себе обнову, кто сладости готовит, кто варит макароны да мясо жарит. У портного же, кроме троих сыновей, манекена да нитки с иглой, ничего не было, даже хлеба. Вот старший сын говорит отцу:

— Надо бы нам в этом году как следует справить праздник. Все едят, веселятся, а мы чем хуже?

Отвечает ему портной, а у самого слезы в горле комом:

— Что поделаешь, сын мой, если нет у нас ни золота, ни серебра, ни денег?

— Положитесь на меня, батюшка, уж я что-нибудь придумаю.

— Только смотри не кради, не то попадешь в тюрьму, жизнь себе загубишь. А ведь у меня, горемычного, после смерти вашей матери одни вы в целом свете остались.

— Не тревожьтесь, батюшка.

Вышел юноша за околицу — уныло кругом, солнце в тучи спряталось, куда ни глянь — голые камни да сухой кустарник. Доходит он до большого чудесного луга, который уже начал зеленеть. А там пасутся коровы дона Антонио Фрагалá, главного деревенского священника. Как увидел юноша такое большое стадо, как услышал жалобное мычание телят — дух у него захватило. Приглядел он бычка помоложе, схватил за рожки, втащил в пещеру, заколол, освежевал, взял себе только огузок и филей — да и был таков. Пастушок его не заметил: он к ручью за водой ходил. Сын портного — кстати сказать, звали его Сальваторе — Спаситель, в честь Господа нашего Иисуса Христа, — вернулся домой поздно вечером. Звонил колокол, в деревне всего три фонаря горели, темень была — ну точно в колодеце. Стучит он в дверь.

— Кто там в такой поздний час? — спрашивает портной.

— Это я, батюшка.

Встает тот с постели, зажигает лампаду, идет открывать.

— Как много мяса! — удивился портной. — Говорил ведь я, это добром не кончится. Где ты взяла столько телятины?

— На лугу у дона Фрагала.

— Ну, теперь тебя посадят. Чую стук копыт — карабинеры сюда скачут. Пришла беда — отворяй ворота.

— Не бойтесь, батюшка, давайте лучше подкрепимся да возблагодарим Господа.

Сказано — сделано. Возблагодарили они Господа и, усевшись на пол, принялись за жареную телятину с луком да сухой хлебной коркой. И светила им, встав над крышей до-

ма, чистая и прекрасная звезда Сириус. Вот так.

Оставим же их наслаждаться ужином, а сами отправимся за пастушком донна Антонио Фрагала, главного деревенского священника. Пастушок этот, притащив с ручья тяжеленный кувшин воды, заметил, что нет теленка по кличке Голубок.

— Голубок! — позвал он. — Голубок!

В ответ корова-мать замычала, и было мычание ее похожее на плач. Бросился пастушок бежать: через рвы перескакивает, через колючие заросли продирается, вбежал в гору, вот и деревня. Стучит: тук-тук.

— Кто там? — спрашивает священник дон Антонио.

— Это я, святой отец.

— Что привело тебя в такой поздний час?

— А то привело, что теленок Голубок пропал. Украли его.

— Как — украли? Кто украл? А ты куда смотрел?

— Я за водой ходил. Не углядел.

А что он еще может сказать? Дон Антонио осенил себя крестным знаменем и говорит:

— Я найду этого треклятого вора, ему от меня не уйти!

Начался пост. Слышат верующие католики: поплыли в пасмурном небе звуки колокола.

— Надо, — говорят, — сходить исповедаться.

Портной тоже был ревностным католиком, врагом бога Морокуна. Вот говорит он старшему сыну:

— Ступай-ка ты, Сальваторе, на исповедь.

— Хорошо, батюшка.

— Да, но как же тебе быть? Что ты скажешь дону Антонио, нашему главному священнику?

— Это уж моя забота.

Пошел он. Мелкий дождик сеет, как через сито. Священник говорит ему:

— Вставай на колени и говори всю правду, даже если что украл, иначе не дам тебе облатку для святого причастия.

В церкви Святой Марии крестьяне на коленях стоят на холодном мраморном полу, плачут, в грехах содеянных каются, истово бьют себя в грудь, «Отче наш» нараспев читают.

Когда юноша, сын портного, во всем признался священнику Антонио Фрагала, тот ему говорит:

— Сделаем так, Сальваторе: в церкви два амвона, я на один взойду, а ты на другой. Оттуда и скажешь, что украл у меня теленка. Пусть все слышат.

— Воля ваша, святой отец, — отвечает Сальваторе, понурив голову.

Но, поднявшись на амвон, юноша, вместо того чтобы сразу признаться в совершенном воровстве, стал кричать дону Антонио:

— Говорить? На самом деле говорить?

Эхо его голоса разнеслось над зажженными свечами, над яшмовыми колоннами, над головами собравшихся на мессу крестьян и крестьянок. А священник ему громогласно отвечает:

— Говори, сын мой, говори, не медли.

— Ладно. Тогда скажу.

— Смелей, пусть все слышат!

— Люди добрые, католики! Вы слышите, дон Антонио, наш главный священник, велит мне говорить!

— Слышим, Сальваторе, — отозвались женщины, — говори!

— Так вот, он велит, чтоб я сказал всем женщинам, которые тут собрались: «Раздевайтесь догола перед доном Фрагала!»

О ужас! Крестьяне бросились за мотыгами, кирками и вилами, а их жены тем временем стадили злосчастного священника с амвона. Дон Антонио Фрагала был поднят на вилы, и его крики вскоре стали затихать, переходя в предсмертный хрип.

Народ сбежался отовсюду.

— Так его, так его! — кричали люди. И были среди них сарадины, были французы, были испанцы, были норманны. — Так его!

Крестьяне и крестьянки искололи все тело дона Антонио Фрагала, и из дыр поползли языки зловонного адского пламени.

Тут и сказке конец. Волею Господа нашего Спасителя — аминь! Что тут прибавить?

Мария Корти

Метаморфозы Маркольфо

Уйма жизней и мест рождения, разные имена, но всегда одно и то же обличье: большая, круглая, как мяч, голова, густые, будто щетина, брови, обвислые уши и кривые ноги сатира с плоскими ступнями. В средневековье его звали Маркольфо, и прошли эпохи, прежде чем он превратился в Бертольдо*. Он не был ни красавцем Парисом, ни Гектором, ни французским паладином, не совершил их подвигов и все-таки обрел бессмертие. Дело было так: он всегда думал, прежде чем говорить, а говорил всегда с ядовитым спокойствием, и слова его неизменно попадали не в бровь, а в глаз. Остроумие он унаследовал от ближних и дальних предков, которые жили среди зайцев, котов, птиц и торговали на сельских ярмарках, с удовольствием вдыхая запах сена и навоза. Должно быть, от зайцев, котов и сельских ярмарок Маркольфо, после переименованный в Бертольдо, и набрался того ума, что позволял ему видеть подлинный смысл слов и поступков, тщательно скрываемый во тьме дворцов и палат. Конечно, Бертольдо не был полным двойником Маркольфо, ибо ничто в мире не может быть точной копией другого. Но в жизни о Маркольфо и Бертольдо обычно рассказывают одними и теми же словами.

* Герой одноименного рассказа Джулио Чезаре Кроче (1550—1609), ставший нарицательным типом остроумного и находчивого крестьянина.

Соломон, как всякий уважающий себя царь, горделиво восседал на троне, когда ему предстал Маркольфо. Царь с удивлением спросил, откуда он такой взялся, а Маркольфо невозмутимо ответил:

— Сперва ты скажи, откуда произошел, а потом уж я.

— Я вышел из двенадцати поколений патриархов,— объяснил Соломон.— Иуда породил Фареса, Фарес породил Эшрона, Эшрон породил Арама, Арам породил Аминабада, Аминабад породил Насона, Насон породил Салмона, Салмон породил Бооса, Боос породил Обхета, Обхет породил Исая, Исай породил Давида, Давид породил Соломона — вот я и есть царь Соломон.

Тогда Маркольфо не моргнув глазом заявил:

— А в моем роду десять поколений селян. Селян породил Селянина, Селянин породил Селянинина, Селянинин породил Селянчика, Селянчик породил Турка, Турок породил Туркола, Туркол породил Таркола, Таркол породил Фарси, Фарси породил Марквата, Маркват породил Маркольфо — вот я и есть Маркольфо.

Тогда, как и теперь, совсем не часто попадались находчивые люди, и потому великий Соломон решил помериться с крестьянином остроумием. Соломон изрекал одну истину, Маркольфо тоже за словом в карман не лез, так продолжалось не час и не два. Казалось, любую истину можно передать словами так, что она станет простой и понятной. Небо окрасилось в закатный цвет, в залах дворца разносились звуки арф, а Маркольфо все стоял перед тронем на своих плоских ступнях и отвечал остроотой на острооту, продолжая вечное состязание в мудрости. Наконец Соломон, выбившись из сил, приказал слугам дать Маркольфо столько еды и вина, сколько его душа пожелает. Маркольфо наелся-напился и вернулся к своему тяжкому крестьянскому труду.

Но душу Соломона точил червь познания, и как-то после охоты остановился царь возле одинокой хижины Маркольфо. И опять начался турнир мудрецов.

— Кто твои предки и потомки?

— Фасолины, что кипят у меня в котелке.

— И откуда ты такой находчивый?

У Маркольфо кость была крепкая, а вот язык без костей. И он без промедления ответил, что царица Вирсавия, мать Соломона, поджарила сердце сокола и положила его на хлебную корку. Сердце она дала сыну, а хлебную корку бросила ему, Маркольфо. Отсюда и родилась мудрость царя и находчивость его слуги. Соломон недоверчиво покачал головой, подумал и вызвал Маркольфо на ночной поединок. Рассудил он так: усталых крестьян ночью клонит ко сну, а мудрецы привыкли к ночным бдениям. И правда, Маркольфо во время поединка то и дело всхрапывал.

— Спишь?! — торжествующе восклицал царь Соломон.

— Нет, думаю.

— И о чем же ты думаешь?

Маркольфо выдавал очередную остроуту и вновь начинал храпеть.

— Спишь, я вижу!

— Нет, думаю.

— О чем ты теперь думаешь?

У Маркольфо еще один афоризм наготове. В конце концов Соломон так утомился, что сам лег спать.

Надо вам сказать, что больше всего на свете Маркольфо не любил женщин. Он утверждал, что, когда глаза женщины плачут, сердце ее смеется, вернее, одним глазом она плачет, а другим усмехается. Женщина обещает то, чего никогда не сделает, и делает то, чего обещала не делать. Соломон же возражал, что женщина — радость дня и сладость ночи, она приносит счастье молодым и утешение старикам, с ней забываешь все беды и печали на свете. Тогда Маркольфо задумал такую хитрость: пошел он к женщинам и сказал им, что царь отныне велит каждому мужчине брать себе семь жен. Женщины, ясное дело, были взбудоражены этой вестью. Ведь при таком раскладе многие из них останутся соломенными вдовами! На двух жен у мужа еще хватит ласки и поцелуев, а что делать остальным пяти?! Воображение женщин так разыгралось, что сразу семь тысяч их ворвались в царский дворец. И одна от имени всех бросила царю прямо в лицо:

мол, никто из знатных господ одну-то жену удовлетворить не может, где уж ему справиться с семьей? По справедливости, наоборот, у каждой женщины должно быть семеро мужей.

Озадаченный Соломон уже готов был изменить свои прежние суждения о женском уме, подумав, что лучше очугиться среди львов и драконов, чем среди разъяренных женщин, у которых языки как змеиные жала, а глаза мечут молнии.

— Вот-вот! — воскликнул Маркольфо. — Наконец-то ты стал мыслить здраво.

— Так это ты все подстроил?

— Я только хотел показать тебе, каковы они на самом деле, эти женщины.

Но у царственных особ своя логика.

— Прочь с глаз моих! Если еще раз твою рожу увижу, вешу тебя повесить!

Маркольфо покинул дворец и задумчиво побрел по дороге. Шел снег, вокруг было тихо-тихо. А в голове у Маркольфо роем проносились дерзкие мысли. Уж очень она умной хотела показаться, а вышло наоборот. Пушистые хлопья опускались на залатанную одежду Маркольфо и на деревья вдоль дороги — снегу все едино: что люди, что деревья. И понял Маркольфо, что не в силах снести царской несправедливости: ведь Соломону тоже безразлично, человек ты или дерево, живешь ты или рубят тебя под корень. Вот и решил Маркольфо бросить вызов царю. Придя домой, взял он в одну руку решето, в другую — медвежью лапу, вывернул наизнанку башмаки и всю ночь полз по снегу на четвереньках, а на рассвете увидал брошенную печь и залез в нее. Днем царские слуги обнаружили на белоснежной равнине странные следы и доложили царю, что в округе объявился какой-то диковинный зверь. Соломон, сторая от любопытства, отправился вместе с охотниками и сворой собак по следу, ведущему очень далеко. Собаки в нетерпении рвались вперед, но, когда след внезапно оборвался возле печи, очень растерялись. Соломон со свитой подошел к печи, заглянул внутрь,

и каково же было его изумление, когда он увидел перед глазами голый зад и еще кое-что.

— Эй, кто там?! — крикнул царь, обретя наконец дар речи.

— Это я, Маркольфо, — отозвался глухой голос.

— А чего ты выставил свой зад?

— Так ведь ты сам не велел тебе рожу показывать!

— Схватить этого наглеца и повесить! — приказал Соломон.

Судьба — глупая индейка; Маркольфо это знал и потому опять решил прибегнуть к хитрости.

— Прошу тебя, царь, об одной-единственной милости. Пусть меня повесят на том дереве, которое я сам выберу.

— Да будет так, — согласился царь.

В те времена на земле деревьев было видимо-невидимо, но Маркольфо, останавливаясь перед темным дубом или светлой оливой, со вздохом говорил:

— Нет, это дерево мне не по вкусу.

Царские слуги исходили с Маркольфо весь Юг и Север, перебираясь через реки и болота, холмы и горы; им казалось, что бескрайни земли царства Соломонова.

В конце концов выбились они из сил и сказали Маркольфо:

— Ступай с богом.

Маркольфо не спеша вернулся домой, а по пути решил, что уж больше не станет рисковать, уподобляясь раку, выпрыгивающему из кастрюли прямо на сковороду.

Со временем кануло в Лету царство Соломона, а Маркольфо хоть бы что!.. Минул шестнадцатый век, настал семнадцатый, а он все бродил по зеленым лугам на своих кривых ногах с плоскими ступнями и прозывался теперь Бертольдо. Конечно, время свое берет: века бессмертия побавили язвительности Маркольфо, под новым именем он сделался и благодущнее, и благоразумнее. Однажды, перебравшись через реку Адидже, вступил он через крепостные

врата в город Верону, и вспомнились ему вдруг белоснежные, окруженные пальмами стены древнего Иерусалима. Тогда в Вероне правил король лангобардов Альбоин. Бертольдо вошел во дворец, миновал придворных и, не снимая шапки, уселся сбоку от трона.

Как известно, история повторяется, и с Бертольдо произошло то же самое, что с Маркольфо, разве что народная молва немного все приукрасила. Так, в судьбу Бертольдо вмешалась теперь королева. Как все женщины, она ненавидела его по трем причинам: уродлив, плохо одет и умен. Ей не терпелось расправиться с Бертольдо, и в душе она оправдывала себя тем, что пора покарать этого невежу за его шутки, и особенно за оскорбительную для всех женщин выдумку насчет семи жен. Позвала она Бертольдо в свои покои, и он отправился туда с великой неохотой, размышляя о том, что большая рыба всегда поедает маленькую, а с женщиной тягаться — что в омут кидаться, ведь это только у змеи яд в хвосте, женщина же вся полна яда. Ну так вот, королева приказала посадить Бертольдо в мешок и поставила стражника его охранять.

Глубокой ночью судьба Бертольдо завязалась в тугой узел, и думал наш Бертольдо, как бы этот узел распутать. В конце концов всеми правдами и неправдами уговорил он стражника влезть вместо него в мешок, а сам пробрался в спальню королевы, где та спала как суслик, в насмешку украл самое лучшее ее платье, надел его, преспокойно прошел через весь дворец и, выйдя в поле, спрятался в заброшенной печи. Но одна старуха (старухи всегда начеку) увидела его и всем рассказала о том, что королева залезла в печь. Альбоин решил, что это все проделки Бертольдо, и тут же отправился к печи, чтобы убедиться на месте, сколь основательны его подозрения. Не долго думая он приговорил Бертольдо к повешению и, удаляясь, крикнул:

— Прощай, Бертольдо, на этот раз тебе не повезло!

Однако история снова повторилась: Бертольдо опять не нашел себе по душе дерева и благополучно вернулся в свою хижину.

Но, как уже говорилось, время ни для кого не проходит бесследно, и с ним всякая история обрастает новыми подробностями. Так уж вышло, что король, королева и придворные, посчитав Бертольдо мертвым, сразу сменили гнев на милость. Теперь они часто и с грустью вспоминали встречи с ним и мудрые его слова. Как говорится, что имеем — не храним, потерявши — плачем. Однако же Бертольдо не умер, и король, узнав об этом, пожелал включить его в свою свиту.

— Э, нет, — ответил крестьянин, — вчерашний суп никому не люб.

Так-то оно так, но под конец щедрые посулы короля все же его соблазнили.

С той поры жизнь его пошла по-иному: пуховая перина, звуки арф и сколько хочешь деликатесов — правда, почему-то казавшихся на редкость пресными. Больше Бертольдо уже не приходилось мотыжить и разбрасывать навоз, да и поле теперь он видел только с королевского балкона — издаലെка оно казалось таким родным и красивым. Проходили дни... Вот говорят, что все люди одинаково устроены, а нет: к примеру, желудок Бертольдо, привыкший к простой пище — репе, фасоли, луку, — придворные яства переварить никак не мог, и обнаружился в нем вскоре смертельный недуг. Бертольдо, зная свою природу, все просил докторов дать ему фасоли с луком и репу, испеченную в золе. Но те в ужасе махали руками и продолжали потчевать его телячьим бульоном да белым мясом курицы, пока Бертольдо, устав от людской глупости, не отправился на тот свет.

Неужто так и умер? Может, он до сих пор бродит по лугам и болотам, глядит, как сменяются луны и плывут один за другим века? Желание дойти до сути вещей было в нем неизменно, и потому пришел он однажды в огромный город сегодняшней Ломбардии и давай кружить среди небоскребов, автомобилей, предприятий и строек. И ничему он не дивился, кроме того, что жизнь людей изменилась к худшему.

Днем у них минуты свободной нет, а вечером до поздней ночи они растрачивают свое время попусту, сидя в темноте перед говорящим ящиком. И никто ни о чем не задумывается. Как-то раз на трамвайной остановке он решил бросить один из своих афоризмов, но ни одна собака ему не ответила.

— Пойду поищу короля,— заявил Бертольдо.

Но пришлось ему от этой идеи отказаться, ведь короли давно уже разделили участь своих предков. Правда, некоторые обладали поистине королевской властью над людьми и тоже прозывались королями — нефтяными, стальными, финансовыми.

Войдя во дворец одного из таких королей, Бертольдо в лифт не сел, а стал подниматься по бесконечным ступенькам.

— О нищета и убожество новых королевских дворов!

Наконец он очутился в громадном холле, выходящем на веранду. Куда ни глянь — везде такие же дворцы из стекла и бетона, а в промежутках не воздух, а какая-то серая паутина. Снизу доносился скрежет моторов и городской запах — запах гниющих душ. Пройдясь по веранде, Бертольдо за стеклянной стеной увидел короля. Скрестив ноги, тот неподвижно сидел за длинным столом и читал бумаги с хладнокровием фанатика, способного искромсать душу человека в клочья и перекроить ее по собственной мерке.

Бертольдо, как всегда, внезапно предстал перед королем.

— Алчность безбрежна, как море,— изрек он.

Король лишь слегка сдвинул брови.

— Что ты сказал?

— Тот, кто не хочет слышать, хуже глухого.

— Ты кто такой? Что тебе надо?

— Брожу по свету в поисках счастья, но ты не можешь мне его дать, потому как сам им обделен.

— Ты, вижу, приезжий. Так вот, здесь не место для подобных разговоров.

— Бывает, что белым платком прикрыты гнойные язвы.

— Пустая болтовня. Теперь только в опере такую чушь несут.

— А еще говорят: иные меж людьми на коршунов похожи.

Такие речи, видно, позабавили короля: его зеленые глазки сквозь стекла очков так и впились в красное, морщинистое лицо Бертольдо.

— А почему ты именно ко мне явился?

— Думал, ты возносишься над людьми, словно колокольня над крышами. А теперь вижу — ты ничуть не выше остальных.

— Я могущественнее.

— Кто всемогущ, тот думает, будто судьба у него в кармане.

Король прищурил глаза и поморщился.

— Чего тебе не хватает? Ты что, безработный?

— Недуг тем сильнее точит, чем больше его скрываешь.

— Какой еще недуг?

— Твое наваждение. Знаю-знаю, ты прикажешь меня повесить за то, что перечу тебе.

— Повесить? Да ты смеешься!

— Коршун насмерть всех заклует, кто спины пред ним не гнет.

— Вот что, любезный, у меня каждая минута на счету. Скоро заседание административного совета.

— И бедняк, и богач — все там будем.

— Так ты беден! — догадался король. — Что ж, я хозяин этого предприятия, могу дать тебе работу...

А Бертольдо про себя думает: да, тут работай как вол, не то останешься гол, но, с другой стороны, каждый день быть сытым совсем не плохо, да и сидеть зимой в тепле с горячей водой — тоже. Правда, взглянув на небо ночью, Бертольдо увидел, что луна плачет. Вдали слышался лай собак, и Бертольдо вдруг осознал, что мудрость людская закатилась, исчезла за горизонтом, как летняя падучая звезда. Он почувствовал себя одиноким, никому не нужным при мысли, что

ушли безвозвратно времена блестящих турниров в остроумии, растаяли как дым.

Если человек чувствует себя одиноким, никому не нужным, он непременно совершит какую-нибудь ошибку. Вот и Бертольдо снова изменил свою жизнь — стал прислуживать при дворе нового короля. Днем он работал на конвейере, а вечером возвращался в свою хижину. И жизнь эта казалась Бертольдо такой же унылой, как у вола, который тянет плуг, а зачем — и сам не знает. Ведь человеку на то и дана голова, чтоб думать; а когда люди перестают думать, тут-то между ними и рождаются зло да всякие распри. Иной раз стоял он у конвейера, и перед глазами всплывал мощный камень двор, а по нему бегут к корыту с помоями розовые поросята — хрюкают, толкаются, и пахнет от них хлебом; а порой представлялось ему ржаное поле, среди колосьев притаилась собака — уши наострила, почуяла зайца. В такие минуты просыпалось в душе Бертольдо то, что люди зовут вдохновением.

И вот однажды выпал ему случай проявить свой талант, разгуляться вволю. В тот день на улицы большого города вышли толпы рабочих: все кричали, свистели, поднимали над головой плакаты, и на лицах отражались усталость, твердость духа и слабая надежда. «Перед могучим ветром и крепость не устоит», — вспомнил Бертольдо древнюю мудрость. Их было так много, как травинки на лугу, — из боковых улочек они постепенно стекались к центральной площади.

— Все тропинки сходятся у главной дороги, — сказал Бертольдо.

Но в эту минуту его ухо резанул пронзительный женский голос. Он всегда не любил женщин, но эта — в соломенной шляпке с васильками — была особенно противна; она смотрела на них как на прокаженных и вопила:

— Что им надо? Что им еще надо, этим ненасытным?!

Бертольдо повернул к ней свое влажное свекольное лицо и рывкнул:

— Посеешь ветер — пожнешь бурю, соломой зерна не заменишь. Коль ума с ноготок, на язык повесь замок. — И

вдруг рассмеялся, хрипло, вызывающе:— Сытый голодного не разумеет, а гусь свинье не товарищ!

Женщина поджала губы и хотела было ответить, но Бертольдо уже двинулся дальше: он по опыту знал, что недобрая душа для мудрости закрыта.

Шествие с плакатами и свистками вылилось на Соборную площадь, стройные ряды смешались. Со стороны Галереи налетели на них машины с сиренами, и оттуда выскочили ретивые коротышки с пистолетами на поясе. Было теплое майское утро, одиннадцать часов; золотая Мадонна на самом верху Собора счастливо смеялась в лучах солнца. Колонна остановилась и забурлила, словно поток перед плотиной. В воздухе замелькали дубинки, молотя всех куда попало. Бертольдо точно впал в беспамятство, а когда очнулся — стал прежним Маркольфо. Охваченный гневом, он кинулся наперерез коротышкам и начал плясать перед ними, заливаясь ядовитым смехом. Все лица слились в одно у него перед глазами; коротышки, размахивая пистолетами и дубинками, пытаются его схватить, да не тут-то было. Он обрушивает на них град насмешек и прибауток:

— Иные меж людей на злобных псов похожи. Вам бы только пить да есть, чтоб другим за стол не сесть. Рыбак рыбака видит издалека.

Так он носится по площади, опьяненный свободой. Сделал стойку, прошелся на руках. Глянул вверх между ног... и увидел два горящих глаза на бледном, гладком лице, два глаза, впившихся в него с ледяной ненавистью. Маркольфо мгновенно выпрямился, и глаза врага оказались так близко, что он сумел прочесть свою судьбу. Но мятежная душа Маркольфо уже пробудилась.

Безмолвный поединок неподвижных, расширенных зрачков.

Перед ними Соборная площадь, и на ней жмутся друг к другу люди, словно стадо овец, застигнутое бурей. Белые шпили Собора упираются в небо.

Тот с ледяными глазами взводит курок пистолета; гремит

выстрел; пуля проносится у самого виска. Маркольфо трогает голову — нет, не задела. Секунда, другая, он чувствует, что смерть совсем рядом, но не убегает, а с сатанинской гордостью показывает врагу кукиш и кричит:

— Голому заду хозяев не надо!

И ждет, словно птица на ветке, как в тот далекий зимний день, когда сидел в печи и ждал приговора царя Соломона. Пистолет блеснул на солнце, коротышка снова нажимает на собачку (он из тех, что с одинаковым хладнокровием убивают людей и птиц). Маркольфо вскидывает красные руки и, сказав что-то, валится на бок. Какое-то мгновение он еще видит перед собой два сверкающих ледяных глаза и лица бегущих по залитой солнцем площади. А затем наступает тишина, окрашенная в черный цвет. Вот теперь отдохну, думает Маркольфо и в тот же миг расстается с белым светом.

На этот раз он с ним расстался навсегда, потому что убили его такие же люди, как он сам. И вместе с ним навеки ушла настоящая на крови народная мудрость.

Почему закат багровый

Он был высокий, худощавый, с белокурыми волосами, и звали его Аничето. В те далекие времена вся Италия представляла как один дремучий лес, где на каждом шагу встречались волчьи логова, где водились пятнистые леопарды, а люди были сплошь охотники и воители, двухметровые великаны, потомки лангобардов.

У Аничето, принадлежавшего к знатному роду Ансперти, было два брата — Гуидоне и Ланфранко. Каждый день они отправлялись охотиться на сокола и кречета и без усталости рыскали по лесам. Все трое ходили на горных козлов: мало того что они бегали и прыгали с такой же легкостью, но еще и лица у них были узкие, заостренные. А по вечерам, когда братья садились погреться у очага, черты их обознача-

лись еще резче и казались уже не козлиными, а высеченными из камня.

Однажды вечером Аничето вдруг нарушил привычное молчание:

— Вот что я скажу вам, все вещи на свете либо одинаковы, либо различны...

Братья в смятении уставились на него: с некоторых пор мысли и слова Аничето стали для них загадкой и казались донельзя странными.

— К примеру, какая разница между нами и морскими пиратами или разбойниками с большой дороги?

Братья насторожились.

— Никакой,— продолжал Аничето.— Разве что они простолюдины и бродят в одиночку, а потому рано или поздно их изловят, а мы — знать: у нас большая свита и нам великий почет.

В другой раз, сидя у очага, он воскликнул:

— Братья мои, деньги неотступно вас преследуют, как тяжелобольного.

Слушая столь дикие речи, братья наконец сообразили, что Аничето не просто не похож на них, а вроде как совсем из другого теста. И чем дальше, тем это будет заметнее. Тогда взяли они да и написали своему дяде Гуальтерю, герцогскому нотариусу: так, мол, и так, надобно Аничето лишить его доли наследства, ибо он помутился рассудком и своими выходками пугает всю округу. Дядюшка исполнил их просьбу.

В тот день, когда Аничето отправился бродить по свету, разыгралась буря: гремел гром, сверкали молнии и с неба обрушивались на землю огромные, с куриное яйцо, градины, и дорога поэтому стала совсем белой. Бедный изгнанник, покинувший родные места, брел и брел по дороге, пока не набрел на монастырь братьев-миноритов. Постучусь-ка я к ним, подумал Аничето. Настоятель монастыря принял его с распростертыми объятиями. По двум причинам: во-первых, глаза у Аничето были такие ясные, кроткие, ну прямо как у овечки, а во-вторых, настоятель решил, что герб Анс-

перти весьма украсит его монастырь и уж наверняка скоро начнут поступать пергаменты с перечислением богатых даров.

Шли месяцы. Аничето обрабатывал землю и читал священное писание. Он прочел, что в аду богачам вливают в глотку расплавленное золото и серебро. Это дело на веки вечные поручено в наказание Сатане, Вельзевулу, Астароту, Алиабуту и Асмодею. Так им, богатеям, и надо, думал Аничето. Жизнь его текла мирно, спокойно. Но однажды вызывает его к себе настоятель посоветоваться по одному мирскому делу: ведь такой высокородный господин должен хорошо разбираться в мирских делах.

— Да пребудет с тобой Господь всегда, брат мой,— обратился настоятель к Аничето.— Налагаю на тебя новую епитимью. Ты на время покинешь нашу обитель и пойдешь по базарам торговать монастырским добром.

У высокого белокурого Аничето загорелся в глазах непокорный огонек; он посмотрел на настоятеля в упор, но, стиснув зубы, повиновался.

На базар он отправился в компании брата Джиральдо и двух красивых, тучных коров. (Эконом монастыря надумал их продать потому, что они давали совсем мало молока, да и то горчило.) Долго шли они все по безлюдным полям и лугам, пока не добрались до базара. Покупателей набежало много: смотрели рога, хлопали по бокам, заглядывали в зубы. И удивлялись:

— По зубам им лет пять, не больше. Чего это вы их продаете?

Аничето всем отвечал:

— Да они почти не дают молока. Наш монастырь, слава богу, пока не настолько обеднел, чтобы продавать дойных коров!

И покупатели уходили. Когда монахи вернулись в обитель с непроданными коровами и надо было держать ответ перед настоятелем, брат Джиральдо, конечно, доложил о том, как Аничето отпугивал покупателей.

— Как же так, брат Аничето? — покачав головой, с упрёком спросил настоятель.

Тот молчал, но мысль о справедливости не давала ему покоя, подтачивала мозг, как жук — дерево. Ну что с ним будешь делать? — думал настоятель, глядя на Аничето, который упорно не отрывал глаз от своих сандалий. Порой из ничего рождаются блестящие идеи... Вот и настоятель, посмотрев на сандалии Аничето, вдруг нашел выход из положения.

— Вина тут моя, брат, — обратился он к Аничето. — Я сразу не понял, чего Господь от тебя хочет. А хочет он, чтобы ты, согласно завету святого Франциска, стал образцовым нищим. Отныне будешь просить подавание на благо монастыря.

На другой день Аничето надел клобук, повесил на плечи две сумы и пустился в путь. Было это летом, в воздухе жужжали огромные болотные комары, по обочинам дороги шелестели листвой пышные тополя, а в земле чернели норы кротов. Аничето любил землю, поля и леса, но они не могли ответить ему тем же, потому он и был одинок. А больше всего на свете он любил справедливость, думал о ней неотступно, но она не могла ему ответить тем же, потому он и был одинок.

Люди давали ему зерно, сыр, каштаны, орехи, картофель. Он ходил от хижины к хижине, от селения к селению. Но его переметные сумы не всегда были полны, потому что Аничето ни разу не приблизился к самому богатому дому во всей долине — к замку, где жили могущественные ломбардские купцы, торговавшие и по ту сторону Альп, владельцы земель, на которых в поте лица трудилось больше трехсот крестьян. «Они сродни моим братьям», — говорил себе Аничето и всегда обходил замок стороной.

Долго ли, коротко, вызывает его к себе настоятель.

— Послушай, брат Аничето, монастырь наш разрастается, а запасы не прибывают. Мало нынче в людях щедрости, милосердия. Дошел до меня слух, что ты ни разу не постучался в ворота замка. В чем тут причина, скажи?

— От замка на всю округу несет воровством,— ответил Аничето.

— Вот что, брат, тесто без дрожжей не взойдет, но переложи их, и оно скиснет. А потому не суди слишком строго. Во всем нужна мера.

— Богатые правой рукой дают, а левой отнимают,— пробормотал себе под нос Аничето.

Но настоятель все же расслышал.

— Не все люди одинаковы.

— Люди не все, а коршуны все,— ответил Аничето.

— Довольно красивых слов, ты же не поэт. Оставь коршунов в покое, позаботься лучше о пропитании твоих собратьев.

— Да я скорей в Миланский собор пешком пойду, чем в тот замок.

— Идти пешком в Милан глупо и бесполезно. Постучи в ворота замка, и увидишь: ослу не увезти всего, что владельцы нам пожертвуют.

К радости настоятеля, Аничето на этот раз ничего не возразил.

И вот пошел он опять месить пыль по дорогам и селениям. Заходил в крестьянские лачуги, в лавки, беседовал с ремесленниками, которые отливали стрелы, с гончарами, обжигавшими глиняные сосуды, и только в замок ни ногой.

Снова вызывает его настоятель, чтоб наложить на него епитимью — пойти за подаянием в замок,— а про себя думает: не исполнит, так выгоню его вон из монастыря.

Аничето не посмел ослушаться — пошел. Сотни комаров повисли в зеленоватом знойном мареве, и Аничето, глядя на них, думал: вот и мы так же висим где-то между небом и землей и ничего с этим поделать не можем.

Ворота замка открыл слуга и, увидев Аничето, очень удивился. Но владелец замка проявил неслыханную щедрость: монастырь получит столько добра, сколько сможет нищий унести в обеих сумах, да в придачу осла с поклажей.

Слух об этом в мгновение ока достиг монастыря. Настоятель собрал монахов в трапезной, дабы при всех дать Аничето урок смирения.

— Брат, опорожни перед нами обе сумы и мешок, пусть все увидят благодать Господню.

— Это не Господня благодать, — хмуро ответил Аничето и добавил: — Принесите кто-нибудь лохань.

Лохань принесли, он развязал мешок и вывалил в нее его содержимое. Монахи как зачарованные глядели на огромный мешок, пытаясь по запаху определить, что же там такое — сыр, сало, каштаны. Но из мешка вдруг полилась в лохань густая багровая жидкость, которая забрызгала пол, ножки столов, башмаки монахов.

— Что это? — испуганно пробормотал настоятель.

Аничето молча наклонил мешок, и жидкость вылилась из лохани на белые плиты пола, окрасив их в красный цвет.

— Боже правый, что это?! — снова выкрикнул настоятель.

А жидкость бесшумно струилась по полу, подтекая под дверь трапезной и выплескиваясь на мощный камень монастырский двор, мѣтя его густыми багровыми пятнами.

— Брат Аничето, скажи нам, Бога ради, что это такое? — в третий раз вскричал настоятель.

Аничето наконец-то поднял голову и сказал громко, отчетливо:

— Это кровь бедняков.

Охваченные ужасом монахи увидели, как пурпурный поток вырвался за ворота и омытая зелень лугов тут же покраснела. Кузнечики внезапно смолкли и кинулись навстречу заходящему солнцу. Кровь уже текла по лесу, заливая стволы деревьев, и исполощенные птицы вылетали из гнезд; пенясь, будто старое вино, она вымывала в земле маленькие воронки, а земля вся содрогалась, объята страхом. Потом кровь начала медленно испраряться, превратилась в красное облако, уплывавшее к горизонту. И вот уже в небе, там, где толь-

ко что закатилось солнце, повисла широкая багровая полоса.

С той поры каждый вечер на закате возникает в небе этот багрянец. Полоса ширится, растет, постепенно окрашивая в кровавый цвет кору деревьев, хвосты ящериц и ослепительно белые ледники на вершинах гор.

Тонино Гуэрра

Лев с седой бородой

Маленький цирк семейства Перетти разбил свой шатер на окраине провинциального городка, но представлений так и не начал. И артисты и звери были слишком истощены, чтобы работать, да и надежд на сборы больше не было. Синьор Перетти, директор и владелец цирка, известный не только в Италии, но и в Австрии наездник, каждое утро обивал пороги муниципалитета, пытаясь получить у мэра субсидию. И не он один искал выхода — все артисты волновались и ломали над этим голову. Единственный, кто сохранял спокойствие, был дряхлый лев с седой, как у монаха, бородой. Он лежал в клетке и неотрывно глядел на повисшую над городком тучу. Вот уже год, как он проводил целые дни, неотрывно глядя на что-нибудь: так он меньше уставал и в голову не лезли назойливые мысли. Времена, когда он был сильным и гибким зверем, давно миновали. Последний свой коронный трюк — прыжок через четыре горящих обруча — он показал в Белграде. Тогда еще о нем писали все газеты, потому что он откусил руку у дрессировщика-турка. А раньше, за несколько лет до этого, он исцарапал когтями сторожа и чуть не перебил позвоночник своей первой дрессировщице, которая на представлениях колола его раскаленным железным прутом. Старость обрушилась на него внезапно, и тогда синьор Перетти начал просто водить его по арене

и при этом оглушительно щелкал хлыстом, как бы стараясь показать, что этот хищник все еще опасен. Но однажды старый лев сел на задние лапы, и синьору Перетти под свист зрителей пришлось помочь ему подняться. С тех пор лев больше не появлялся на арене и свою роль исполнял до представления, когда дети за несколько лир покупали входной билет, чтобы полюбоваться его седой бородой, отпущенной по указанию синьора Перетти, который собственноручно ее расчесывал. Вот почему теперь лев весь день неподвижно лежал в ожидании маленьких зрителей, уставившись в одну точку. Он даже не замечал, что творится вокруг. Перед его мысленным взором простиралась родная кенийская саванна, поросшая высокой сухой травой, а себя он видел молодым, преследующим быстроногих антилоп.

Верно, поэтому старый лев не обратил внимания на то, что цирк разваливается, а циркачи разбегаются кто куда.

Две югославские балерины сели на поезд и укатили в Падую, где им пообещали место на кондитерской фабрике. Восточный наездник, рассекавший саблей на всем скаку лист в форме сердца, куда-то умчался на своем коне, словно средневековый рыцарь.

Два жонглера-китайца, которые на самом деле были вовсе не китайцами и даже не индокитайцами, а всего-навсего неаполитанцами, перебрались в Милан, предварительно убедив владельца тамошнего ресторана, что смогут удержать на вытянутых руках, на носу и на кончиках туфель по меньшей мере тридцать тарелок.

Акробат, нырявший в ведро с водой, удрал, прихватив с собой последние гроши, хранившиеся в деревянной шкапулке синьора Перетти.

Клоуны получили работу в больнице, пообещав, что все неизлечимо больные умрут от смеха.

Лилипут женился на владелице кинотеатра, весившей два центнера.

Ну а что же случилось со зверями? Слона, верблюда и двух лошадей синьор Перетти сумел пристроить в римский зоопарк, обезьян подарили другому бродячему цирку—

«Орфей», — который проезжал мимо по автостраде, направляясь в Болонью. Кот, игравший в шахматы с очаровательной синьорой Перетти, перекочевал в дом старшины карабинеров; двух собачек, делавших стойку и отвечавших на аплодисменты зрителей громким смехом, забрал пастух-сардинец. А вот цирковые блохи, почувяв свободу, совершенно распоясались — кусали бродячих собак и местных жителей, приходивших поглазеть на цирк, а заодно набрать навозу для огорода. Тысячи этих блох досаждали льву с седой бородой. Больше до него никому не было дела. Поначалу синьор Перетти пытался отдать льва зоопаркам, ведя с ними бесплатные переговоры по казенному телефону. Он связался даже с Марселем, где его еще помнили и любили. Но ничего не вышло.

Металлические конструкции, гвозди, винты синьор Перетти продал на вес магазину скобяных изделий, а деревянные стойки и шатер — одному строительному подрядчику. Вырученные деньги и субсидия муниципалитета позволили расплатиться с большей частью долгов. Синьор Перетти вместе с очаровательной женой и дочерью, уже умевшей глотать шпаги, собирался уезжать. На месте шатра теперь были только пыль да солома, и дети из окон близлежащих домов с грустью смотрели на это белесое, напоминающее луну пятно.

Оставалось лишь пристроить льва с седой бородой. Перед отъездом в город Бьянкавалле, где синьор Перетти устроился сторожем в детский сад, он с помощью нескольких добровольцев подтащил клетку к реке и открыл дверцу. Так лев оказался на свободе, не зная, куда идти и чем кормиться. Чудом уцелевшие клыки шатались — вот-вот выпадут. За два дня ему удалось поймать и съесть курицу и кролика, которые угодили ему в пасть только потому, что засмотрелись на его седую бороду, решив, что это монах, собирающий пожертвования.

Потом лев стал взбираться на какой-то холм. Он был уже далеко от домов и людской суеты. Вдруг он заметил, что его преследуют овцы. Их было великое множество; притворяясь,

будто щиплют траву, они на самом деле собирались на него напасть и подступали по склонам со всех сторон. Льву стало страшно. Он поднялся на вершину холма и из-за кустов с ужасом глядел на подбирившихся к нему овец. И при этом старался не дышать, чтобы они не почували его запах. Холм весь дрожал от подземного гула — это надвигалась туча овец. Затем лев услышал вокруг себя странный хруст и понял, что овцы объедают листики с кустов, в которых он спрятался. Мало-помалу голова его и туловище стали все отчетливее проступать среди оголявшихся веток, и отовсюду к нему тянулись злые блеющие морды. Так велик был его страх, что дневной свет померк, и для старого льва наступила бесконечная, беззвездная ночь.

Сломанный Буратино *

Туман. Ни зги не видно. И вдруг высовывается что-то похожее на засохшую ветку. Нет, это не ветка, это деревянная рука старого Буратино. Она опускается, тонет в серой дымке, и на ее месте возникает голова деревянного человечка, смотрящего в другую сторону.

— Ну и туман, хоть режь его ножом!

Теперь мы будто смотрим его глазами: очертания предметов размыты. Буратино встает, а может, он уже стоял — не разберешь. Быстро вертит головой, наподобие хамелеона. Нам видны белое лицо с выпученными глазами.

— Неужто я ослеп! — восклицает он тихонько.

И тут же наклоняется и пропадает в тумане. Вот чуть-чуть развиднелось: Буратино лежит в большой коробке и не отводит взгляда от темной картонной стенки, скрывающей от него мир. Вдруг он замечает, что перед ним кто-то шевелится. А-а, это белка, временами ее видно очень отчетливо.

— Ну чего тебе тут надо, глупая? Орешки ищешь, да? А может, меня? Так вот он я, перед тобой. Да не дергайся ты,

* © 1987 by Tonino Guerra

а то и поговорить толком нельзя. Стоп, тпру! А знаешь, как меня теперь зовут? Сломанный Буратино. А откуда я, знаешь? Из Милана. Из самого центра. Но вот уж два года, как меня забросили в эту дыру. Поэтому-то у меня и акцент, понятно? Заруби себе на носу: всех рано или поздно выбрасывают на свалку. Да не крути же ты головой! И взрослых, и детей. Я был взрослым. Хочешь, открою тайну: скоро и солнце погаснет. Это будет конец света. Адская темень и холод. Вот тогда и впрямь можно будет с ума сойти! А пока я не жалуясь. Не трожь мою пуговицу! Убирайся! Дружба дружбой, но не до такой же степени. Давай проваливай отсюда, ты мне осточертела!

Белка убегает, а Буратино еще долго вглядывается в туман и потихоньку засыпает.

Яркий луч освещает старую коробку, где спит сломанный Буратино. Он лежит к нам спиной, но, потревоженный лучом, резко поворачивает голову, только голову.

— А вот и весна! — радостно восклицает он и поднимается во весь рост.

Лишь теперь можно понять, где он находится. Это небольшая свалка у обрыва скалы, на которой высится старинная церковь. Буратино движется на шарнирах, но во всем остальном он как человек, вышедший на прогулку и с любопытством, а также с некоторой опаской озирающийся кругом. Вот он натывается на пластмассовую банку и вызывающе кричит ей:

— Сколько можно повторять: я ненавижу пластмассу!

Затем топчет ее ногами и бросает в свою «персональную» свалку, где собрано множество всякого синтетического хлама. А еще там валяется целая куча стреляных гильз: Буратино ненавидит всякое насилие и оружие.

— Я люблю крестьянскую цивилизацию! — разносится по долине его крик, остающийся без ответа. Потом Буратино долго любит деревьями в цвету и внезапно слышит непристойный звук. — Кто это там резвится?

Напряженно ждет. Его одежда оборвалась в клочья, но все равно у него вид аристократа. А тело все из дощечек, скрепленных ржавыми крючками. Он чувствует на себе пристальный взгляд коровы.

— Так это ты? Тогда это, наверно, вышло у тебя непроизвольно.

И он уходит, ступая медленно, размеренно.

У края обрыва останавливается автомобиль; там юноша и девушка — наверняка жених и невеста. Они вылезают из машины, оставив дверцу открытой: видно, решили полюбоваться природой и в то же время слушают музыку, доносящуюся из приемника. Люди не привыкли довольствоваться чем-то одним. Скажем, в поезде им надо одновременно смотреть в окно, слушать музыку и беседовать с попутчиками.

Сломанный Буратино вылезает из своей коробки, привлеченный современными ритмами. Девушка и юноша поднимаются по оббитым каменным ступеням заброшенной церкви. А Буратино не может устоять на месте: он начинает дергаться, подпрыгивать и наконец пускается в пляс — так самозабвенно пляшут только негритянские танцоры. Но вдруг замирает, увидев, что лежавшая на заднем сиденье кукла вылезла из машины. На кукле довольно элегантно платье, правда, немного в цыганском стиле — длинное, шелковое, с вышивкой. На голове шляпа с большими полями, на шее мониста.

— Иностранка? — зачарованно спрашивает Буратино.

— Грузинка, — низким голосом отвечает кукла. — Я — Грузинская Княжна. Играла в театре великого Резо Габриадзе, пока меня не вывезли из Грузии.

— Вы прекрасно говорите по-итальянски.

— Я уже давно живу в Италии.

Сломанный Буратино наклоняется и вынимает из коробки красный лоскут. Повязывает его вокруг пояса.

— Простите меня за мой вид, право же, это не моя вина. Сейчас у меня трудный период в жизни. Но прежде я даже смокинг носил.

— Мужайтесь.

— Мужества мне не занимать. И знаете, жизнь идет мне навстречу. Вы — наглядный тому пример.

Грузинская Княжна оглядывается.

— Какое красивое уединенное место!

— Оно было еще красивее, — поспешно отзывается Буратино. — Увы, все здесь пришло в запустение. Однако церковь изнутри стоит посмотреть. Разрешите быть вашим гидом?

Княжна колеблется, но потом, решившись, берет сломанного Буратино под руку и направляется к оббитой лестнице.

Сверху мы видим, как Буратино осторожно переносит Княжну со ступеньки на ступеньку, а сам взбирается смело, словно акробат.

Добравшись до площадки на самой вершине скалы, они останавливаются у входа. Дверь церкви выломана. Они заглядывают внутрь, на заваленный обломками пол и листья вьющихся растений, проникших в церковь сквозь трещину стены. Штукатурка почти вся осыпалась — лишь кое-где еще видны голубые пятна. Вдруг внимание Буратино и Грузинской Княжны привлекает необычное зрелище: жених и невеста занимаются любовью прямо под хорами, где некогда был орган. Девушка сбросила юбку; юноша в огне плотской страсти. Сломанный Буратино предусмотрительно уводит Княжну в сторону алтаря. Они проходят вдоль правой стены и садятся в углу на обвалившуюся балку. Сквозь ветхий потолок проглядывает небо, и Буратино указывает Княжне на только что взошедшую луну.

— Я был бы счастлив, если б вы остались здесь навсегда.

У Княжны вырывается презрительный смешок, но она тут же подавляет его.

— Не могу.

— Вас кто-нибудь ждет? — спрашивает Буратино.

— Здесь — никто.

— А где?

Княжна обращает к нему взгляд и грустно вздыхает.

— В Грузии, может быть.
— Но это же так далеко.
— Для сердца нет расстояний, — твердо и спокойно отвечает Княжна.

Неожиданно доносится рокот включенного мотора. Княжна в отчаянии вскакивает.

— Уезжают!

Они бросаются к выходу. Вылетают на маленькую площадку и с тоской (Княжна по крайней мере) глядят вслед машине, которая съехала с площадки у подножия лестницы и, спускаясь по извилистой дороге, направляется в долину.

— Что же теперь со мной будет! — надрывно восклицает Княжна.

Буратино наклоняется, срывает горный цветок, пробившийся сквозь трещину в скале, протягивает его Княжне.

— Иной раз нет лучшего утешения, чем запах цветка.

Княжна решительно отводит его руку, и тогда Буратино добавляет:

— Во всяком случае, я в вашей власти. Ничего, что в вас не проснулось ответное чувство, но я на все готов.

Княжна глядит на него в недоумении.

— На что готов?

— Для начала приютить вас как дорогую гостью, как друга. Ну а потом... как знать... от дружбы до любви...

— Нет, я не смогу жить в этом захолустье.

— Вы правы. Сперва, когда судьба забросила меня в эти места, у меня было такое же ощущение. Но со временем, хотя мой смокинг весь порвался, я обнаружил, что здесь царствуют поэзия и мир, а иногда происходят и важные культурные события... К примеру, сюда приезжает каменный оркестр.

— Что значит «каменный»? — изумляется Княжна.

— Мраморные ангелы из храма Малатесты в Римини по вечерам приезжают, играют в заброшенных церквах.

— Что же они играют?

— Тайнственную музыку, отдаленно напоминающую церковную.

— Хочу уйти отсюда,— решительно заявляет Княжна.

— Куда?

— Куда угодно, где проезжают машины: вдруг встретится кто-нибудь из знакомых.

Из церкви доносится торжественный звон тарелок. Сломанный Буратино просиял.

— Это ангел-ударник. Он всегда приезжает первым.

Он входит в церковь и садится в уголке. На хорах играет ангел: от медных звуков колышется воздух.

Робко, неуверенно входит и Грузинская Княжна, и Буратино усаживает ее рядом с собой.

А наверху уже вытянулась цепочка ангелов; спустя мгновение древние своды оглашаются волшебными звуками оркестра. Сломанный Буратино берет Княжну за руку, надеясь, что их сблизит эта вдохновенная музыка. Княжна не отнимает руки и, счастливо улыбаясь, склоняет голову ему на грудь. Но едва музыка смолкает, в дверном проеме появляются юноша и девушка; электрическим фонариком они упорно обшаривают все углы и наконец находят свою куклу.

— Вот она, здесь!— восклицает юноша.— Как же она сюда забралась?

Он хватается Княжну, а вместе с ней и сломанного Буратино. Однако, приняв его за обычную деревяшку, бросает с лестницы в обрыв. Буратино почти мгновенно вскакивает и отчаянно машет руками, пытаясь преградить путь машине с зажженными фарами.

Но машина все набирает скорость. На миг фары выхватывают из тьмы покалеченное тело сломанного Буратино. И снова он погружается во мрак, крича что было сил:

— Вы можете сделать со мной что угодно... Мои чувства не подвластны никому из живущих на этой Земле. Я вечно буду ждать тебя, Грузинская Княжна!

Ночь стирает очертания и приглушает звуки. Высоко в небе светит луна, желтая, словно блюдо с полентой.

Рене Реджани

Пугало

Жило-было на одном пшеничном поле Пугало, да такое славное — ну прямо как живое. Поношенный пиджак и старые брюки были столь искусно набиты соломой, что производили полное впечатление мощной человеческой фигуры. На месте головы торчал тряпичный шар с нахлобученной сверху полинялой шляпой. В тени этой шляпы было почти не заметно, что один глаз больше другого, рот, полный кривых зубов, чересчур велик, а нос, наоборот, заменяет крохотная нашлепка. В целом выражение лица обладало должной свирепостью. Кожаные перчатки, тоже набитые соломой, были растопырены так, словно Пугало готово в любой момент кого-нибудь схватить.

Когда Пугало впервые установили посреди поля, все чуть не умерли со страху.

Птицы, беззаботно клевавшие зернышки, с шумом сорвались с места и попрятались на ближайших деревьях; Цикады сразу примолкли. Колосья убежать не могли, а потому трепетали на своих высоких стебельках и, шелестя, склонялись к ногам страшного идола. Васильки жались к Макам, прячась под их алыми головками.

Вереница Муравьев, с трудом тащившая драгоценное пшеничное зерно, бросилась врассыпную. Саранча во весь опор поскакала прочь, полевой Мышонок, который вышел

на прогулку, начал с перепугу стучаться в дверь Крота, а тот из предосторожности притворился еще более глухим, чем был, и бедному Мышонку пришлось что есть духу мчаться к себе в норку.

А Пугало, при том что голова у него была из тряпок, все же сумело оценить ситуацию и сделать полезные для себя выводы. Оно приосанилось, выпрямилось на своем шесте и крикнуло:

— Я — ваш хозяин, и все вы должны подчиняться мне!

Колосья робко прошелестели:

— А кто тебя назначил?

Птицы возмущенно зачирикали:

— Мы всегда были свободными, и не надо нам никакого хозяина!

Муравьишки только плакали, ведь они такие маленькие, что их протестов все равно бы никто не услышал.

Мышонок высунул голову из норки и пискнул:

— Никому не подчинюсь!

Надо сказать, все эти выступления оказались тщетными, поскольку Пугалу забыли нарисовать уши. Но взгляд у него был такой свирепый, а фигура такая внушительная, что это не могло не произвести впечатления. К тому же поднялся ветер, и Пугало начало грозно размахивать руками. Все сразу притихли.

Наступили дни страха. Колосья не смели поднять голову. Муравьи, запершись дома, считали и пересчитывали быстро тающие припасы. Птицы совсем исхудали, потому что теперь в поисках пропитания им приходилось летать за много километров. Цикады не подавали голоса, а Мышонок, по натуре большой оптимист, впал в меланхолию. От голода обитатели полей начали роптать, однако никто не осмеливался открыто выразить свой протест.

И все же спустя какое-то время стали устраиваться тайные сходки в норе Крота: он был подслеповат и тут на ухо, поэтому вряд ли мог выдать заговорщиков.

Как-то вечером после обычных жалоб, от которых, как известно, проку никакого, полевой Мышонок вдруг заявил:

— Хватит ныть, надо действовать. Мы должны организовать подпольную борьбу с тиранией.

Такого не ожидал никто.

— Но мы ведь маленькие.

— И слабые.

— А он большой, сильный.

— И страшный.

— И жестокий.

— Ничего, мы возьмем его не силой, а хитростью,— сказал Мышонок.— Пускай мы маленькие, но наша сила в том, что нас много.

— И верно!— оживились собравшиеся.— Надо только действовать сообща.

— Правильно,— одобрил Мышонок.— Это главное. Ну так будете мне помогать?

— Будем!— хором откликнулись все.

— А что надо делать?— поинтересовался кто-то.

— Я умею только скакать,— смущенно сказала Саранча.

— А мы— только петь,— сказали Цикады.

— А мы— летать,— сказали Птицы.

— Все сгодится,— ответил Мышонок.— Значит, расстановка сил такова: Саранча вскочит ему на нос, чтобы отвлечь его внимание и обеспечить внезапность атаки Птиц.

Все слушали разинув рот.

— А Птицы тем временем набросятся на него и выключают глаза.

Надо же, как все просто! Никому и в голову не приходило...

И что же потом?

— Потом Муравьи всем скопом облепят и парализуют ему ноги. В этот момент по сигналу Цикад я начну кусать его куда попало, однако постараюсь добраться до головы.

Все были в полном восторге.

— Ну что, согласны?

— Согласны!

— Никто не струсит, не сбежит в последний момент?

— Никто.

— И никто не предаст?

— Предателям — смерть!

— Долой тирана! Долой Пугало!

И вдруг Крот, который все прослушал, потому что был занят починкой своей зимней шубы, поднял голову и, поправляя на носу очки, спросил:

— Что, его снова поставили?

— Кого?

— Пугало.

То есть как?

— Да их то и дело выставляют, чтобы наводить на всех страх, — объяснил Крот. — Кого может напугать глупая соломенная кукла...

Поднялся невообразимый шум.

Тогда Мышонок постучал хвостом, требуя тишины, и объявил:

— Друзья мои! Если Крот говорит правду, значит, мы спасены и никакое рабство нам больше не угрожает. Однако не будем радоваться преждевременно. Сперва надо осторожно выяснить, действительно ли наш диктатор — всего-навсего чучело, набитое соломой.

Посыпались вопросы:

— А как же это выяснить?

— Кто осмелится подойти к нему близко?

Мышонок собрался с духом и воскликнул:

— Я пойду!

Это смелое предложение было встречено овацией, и Мышонок, сопровождаемый напутствиями своих друзей, выскочил из норы.

Стояла темная, ненастная ночь; небо лишь изредка освещалось вспышками молний.

Думая о том, что ему предстоит, бедный Мышонок как-то сразу растерял весь свой пыл. По счастью, он был не один: Колосья ободряюще шуршали над ним, проводив до самых ног гигантского Пугала.

Когда Молния озарила страшный силуэт, Мышонок за-

трясся мелкой дрожью и чуть не бросился назад. И впрямь момент был трудный: тиран навис над Мышонком всей своей жуткой громадой. Мышонок подумал, что жизнь его, вероятно, на волоске, но если он не выполнит взятой на себя миссии, то может поставить под удар жизнь всех обитателей поля. Эта мысль будто подтолкнула Мышонка; единым духом он вскарабкался по шесту, шмыгнул под штанину и вгрызся в ногу Пугала.

Вкус соломы. Так, значит, Крот был прав!

Мышонок торжествовал: битва выиграна, обман разоблачен! Только страх мог до такой степени ослепить их, только страха и надо бояться, думал Мышонок, бегом возвращаясь в нору Крота.

Встретили его всеобщим ликованием; веселье продолжалось целую ночь, пока все не попадали с ног от усталости и не заснули глубоким сном.

А снаружи тем временем разразилась страшная гроза. Наутро друзья, едва проснувшись, высыпали из норы и не узнали Пугало. Солома, которой оно было набито, от дождя размокла и раскисла, ветер сорвал шляпу, черты лица, нарисованные чернилами, почти совсем стерлись, из глаз текли две черные безобразные слезы, нос слился с бесформенными губами, пустые перчатки уныло повисли, а куртка облепила шест. Жалкое зрелище!

Мышонок от радости стал прыгать через свой хвост, как через веревочку; Птицы, заливаясь, кружились возле тряпичной головы, а Муравьи, не теряя времени, собирали зерна, сбитые бурей с Колосьев, и спешили унести их в свои подземные галереи.

Крот тоже выглянул из норы, прищурясь, долго разглядывал покосившееся Пугало и наконец изрек:

— Рано или поздно всех их ждет такая участь. Пугало держится, пока ему удастся обмануть кого-то, а такие, к сожалению, всегда находятся. Эх, сколько этих чучел я перевидал на своем веку! — Крот вздохнул, покачал головой, протер очки рукавом своей шубы и скрылся в норе, захлопнув за собой дверь.

Ателье «Паутинка»

После шумного успеха Цикады, исполнившей главную партию в новой опере Сверчка, повысился престиж и ателье «Паутинка»: ведь именно закройщик Паук изготовил костюмы для примадонны.

Разумеется, первыми отметили сногшибательные туалеты певицы светские дамы Насекомии — еще в фойе оперного театра «Арбузная корка».

Премьера прошла с блеском. Публика не уставала восхищаться бархатным тембром этого изумительного голоса, великолепным звучанием оркестра, ласкающими слух мелодиями. Не забывали, конечно, и о туалетах.

И вот в ателье «Паутинка» началось настоящее паломничество Букашек, которые желали теперь носить модели только от Паука. Ателье было завалено заказами, а Паук, ликуя, соображал, как бы получше воспользоваться этим ажиотажем. Он нанял проворных Божьих Коровок, чтобы те следили за работой неутомимых Уховерток и одновременно исполняли деликатную миссию приемщиц. А чтобы все видели, какой у него тонкий вкус, нарядил Божьих Коровок в одинаковую изящнейшую форму — красную в черный горошек.

Клиентура увеличивалась не по дням, а по часам, поэтому пришлось пополнить штат еще и Бабочками, которые благодаря своей стройности и пластичности служили отличными манекенщицами.

Но и это еще не все. Ткачи ателье не справлялись с возросшими потребностями в тканях, и Паук был вынужден пригласить таких мастеров ткацкого дела, как Шелковичные Черви.

Теперь ателье было поставлено на широкую ногу, и ничего удивительного, что первый показ мод стал подлинным триумфом. Как, впрочем, и все последующие.

Особой грациозностью выделялась среди манекенщиц Бабочка-Лимонница: никто, как она, не умел носить вечерние туалеты. И напрасно толстая, неуклюжая Гусеница

стремилась во всем подражать ей, выбирая самые роскошные и дорогие модели, напрасно, пыхтя и мучась, затягивалась в самые жесткие корсеты — ее необъятные тела выпирали на спине безобразными жирными складками. И все-таки Гусеница упорно заказывала Пауку платье за платьем, будучи уверена, что только великий законодатель мод сумеет сделать ее стройной и воздушной, а портной льстивыми комплиментами ловко поддерживал в ней это заблуждение.

В один прекрасный день всех дам Насекомии охватило страшное волнение: они получили приглашение на бал от госпожи Мухи по случаю помолвки ее дочери Мушки с молодым отпрыском другой знатной мушиной фамилии.

Ателье «Паутинка» было, можно сказать, на осадном положении. Дня не проходило, чтоб у кого-нибудь из Уховерток не ломались крылышки-ножницы от слишком частого употребления, или одна из Бабочек-манекенщиц не падала в обморок от усталости, или какая-нибудь Божья Коровка, в спешке выписывая счета и оформляя заказы, не заливала чернилами свою красивую форму.

Одним словом, в ателье царили невообразимый переполох и столпотворение. Но все заказы были выполнены в срок, и если бы Пауку довелось присутствовать на торжественной церемонии и незаметно, из-под листьев магнолии, украшавших прекрасный зал, поглядеть на свою работу, то он наверняка испытал бы глубочайшее удовлетворение.

Дамы Насекомии были одна элегантнее другой, начиная с самой хозяйки — Мухи, на которой был темно-серый костюм с газовым шарфом, накинутым на плечи и развевавшимся, словно крылья. А уж о невесте и говорить нечего! Трудно себе представить, но она была вся в белом. Вы когда-нибудь видели белую муху? И это чудо совершил портной.

Неподражаемы были также донна Стрекоза де Стрекозине в бледно-голубом атласе, графиня Майска-Жукини в строгом коричневом бархате, знаменитая певица Цикада в платье из шифона приглушенно-зеленых тонов, герцогиня Комарини в серебристой парче и госпожа Саранчетти в муаровом платье.

Единодушное восхищение присутствующих вызвали изысканный туалет молодой, но уже достаточно известной танцовщицы Светляк-Светлякини (она была в костюме из соломки теплого золотистого цвета) и вечернее платье Пчелы — одной из самых богатых дам Насекомии, — сделанное из диковинной полосатой ткани: полосы коричневого бархата изысканно перемежались желтыми, атласными.

Однако именно эту роскошно одетую гостью постиг страшный удар. По непростительному легкомыслию госпожа Муха забыла об извечной вражде Пчелы и Осы, которые не выносили общества друг друга, и Осе тоже послала приглашение на бал.

А уж когда госпожа Оса появилась в точно таком же туалете, как у Пчелы, гости просто не знали, куда деваться от неловкости. Какое-то мгновение, показавшееся всем вечностью, обе дамы с ужасом и ненавистью смотрели друг на друга, а потом, как это принято у светских дам Насекомии, сделали вид, будто даже не заметили этого пустяка, на самом деле ранившего обеих прямо в сердце.

Скандал разразился на следующий день, когда в ателье ворвалась разгневанная Пчела и устроила Пауку дикую сцену. Но это было ничто в сравнении с ураганом, который учинила Оса. Она явилась в сопровождении роя верных соплеменников, подошла вплотную к бледному, дрожащему Пауку и отчеканила:

— Хоть моя внешность и не идет ни в какое сравнение с пчелиной и на такой талии все платья смотрятся гораздо лучше, но тебе эта шутка даром не пройдет!

Оса подала знак своим жужжащим подругам, и те в момент порушили в ателье все, что только ни попало под их мощные жала.

Паук еле ноги унес. Говорили, что он бежал за границу, куда предусмотрительно перевел часть своих капиталов, и там на верхушке пинии выстроил новую «Паутинку».

Причем пострадал он безвинно. Один опасный и завистливый конкурент Паука подкупил Лимонницу, уговорив ее в суматохе сплавить двум клиенткам один и тот же фасон.

Как ни грустно, но в этой истории интриган вышел победителем: все дамы Насекомии стали шить у него. Кто-то же должен заботиться об их элегантности, когда им, к величайшему сожалению, больше нечем заняться.

Суд над Кукушкой

Трагедия в лесу взбудоражила птиц: они только и говорили что о случившемся.

Рано утром синьора Зяблик примчалась к своей подруге Синице, когда та в окружении гадающих непоседливых птенцов пыталась навести хоть какой-то порядок в гнезде.

— Суд назначен на сегодня! — сообщила синьора Зяблик, забыв от волнения поздороваться.

— Откуда ты знаешь? — спросила Синица, радуясь возможности отвлечься от домашних хлопот, к которым, по правде говоря, у нее никогда не лежала душа.

— Моего мужа пригласили в присяжные, — с гордостью заявила синьора Зяблик.

— Что такое присяжные? — наперебой зашебетали Синички, подняв невообразимый гвалт.

— Присяжные — это те, кто присягают говорить правду, одну только правду, — не задумываясь объяснила дочкам Синица, но тут же с удивлением обернулась, услышав другое объяснение:

— Нет, мои дорогие, присяжные — это те, кто призваны судить по совести, виновен обвиняемый или нет.

— Горлица в своем репертуаре: говорит как по писаному, — досадливо проворчала Синица.

Горлица между тем продолжала:

— Из города ожидается очень важный свидетель, некто Кенарь. Мой двоюродный брат Сизарь, секретарь суда, лично вручил ему повестку.

— Что вы говорите! — в один голос воскликнули Синица и синьора Зяблик. — По-вашему, процесс будет интересный?

— Не сомневаюсь, — проворковала Горлица.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Синица. — Значит, получим удовольствие.

— Речь идет о серьезных вещах, — сказала Горлица, бросив на Синицу испепеляющий взгляд. — Очень серьезных. С подобными явлениями в лесу необходимо покончить. У нас есть образцовые семьи, на которые все должны равняться: к примеру, семья моих родственников Голубей, живущих в мире и согласии. — С этими словами Горлица вспорхнула, исполненная чувства собственного достоинства.

Не теряя времени, подруги поспешили к вековому Дубу, где должен был состояться суд. Лучшие места брались с бою.

В первом ряду уже сидели супруги Чижи, супруги Скворцы, супруги Воробьи, степенная чета Голубей и, разумеется, их ученая родственница Горлица.

Даже Филин и старая Сова были здесь, правда, держались особняком.

— И эти прилетели, а ведь обычно днем клюва на улице не высовывают, — прощebetала Синица своей соседке Ласточке, но та шепотом пояснила:

— Если не ошибаюсь, их племянник, адвокат Сыч, будет защищать Кукушку.

В это время секретарь суда Сизарь торжественно объявил:

— Встать, суд идет!

Присутствующие стоя встретили присяжных заседателей — Дрозда, Зяблика, Стрижа и Снегиря, — при появлении которых гордый трепет восхищения пробежал по перьям их жен. Затем появились председатель суда Дятел и двое судей — Славка и Камышовка. По одну сторону от них расположились свидетели, по другую — потерпевшая Черноголовка со своим адвокатом Соловьем.

Дятел стукнул по ветке и распорядился:

— Введите обвиняемую!

Под конвоем двух Ястребов влетела Кукушка. Ее защитник Сыч сел рядом с ней.

Присутствующие затаили дыхание.

— Слово предоставляется адвокату Соловью,— объявил председательствующий.

Соловей, самый знаменитый адвокат в лесу, великолепный оратор с громким от природы голосом, уверенно начал:

— Уважаемые судьи, господа присяжные заседатели, друзья! Я требую сострадания и справедливости: сострадания к матери, потерявшей детей, справедливого наказания для Кукушки, совершившей злодейское убийство, в котором я ее здесь публично обвиняю.— И театральным жестом Соловей указал на подсудимую.

— Заявляю протест!— крикнул Сыч.— Где доказательства?

— До чего неприятная личность этот Сыч,— шепнула подругам Синица.— Одни только дурацкие бакенбарды и белая бороденка чего стоят!

— Заслушаем Черноголовку,— сказал Дятел.

Черноголовка, бледная, встрепанная, в черной траурной шляпке, дрожащим голосом поклялась говорить правду.

— Я всегда была заботливой матерью,— сказала она.— Но стоило мне на секунду отвлечься, как синьорина Кукушка подложила яйцо в мое гнездо.

— Я же говорила, что она безгнездая бродяга!— буркнула синьора Голубь.

— И вот,— продолжала Черноголовка,— в один ужасный день, когда яйцо лопнуло, новорожденный Кукушонок, оказавшийся гораздо больше и сильнее моих детей, безжалостно выбросил их из гнезда, и они разбились насмерть.

Голос бедняжки прервался рыданиями. Публика плакала горячими слезами.

— Заявляю протест! — повторил Сыч. — Где доказательства?

— Свидетели! — пригласил Дятел.

Вперед выступил Дрозд.

— Обращаю ваше внимание на прискорбное отсутствие уважения ко мне со стороны обвиняемой, — прогнусавил он. — Сколько раз она издевалась надо мной, когда я пролетал по лесу! Выглядывает из-за деревьев и дразнит: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!»

Присутствующие дружно захохотали. Дятел несколько раз стукнул по ветке, призывая всех к порядку. Обиженный Дрозд вернулся на место.

— Приглашается свидетель Кенарь, — объявил Сизарь.

— Я здесь, — важно отозвался тот. — Если хотите знать, у нас в городе Кукушек уважают за ум и пунктуальность: они живут в красивых деревянных домиках и, появляясь на пороге, сообщают людям точное время.

— Я знал, что она невиновна, — проворчал Голубь, не разделявший мнения своей жены.

Между супругами вспыхнул ожесточенный спор, однако соседи зашикали на них, чтобы не мешали слушать следующего свидетеля.

Следующим был муж покойной Зарянки.

— Моя жена умерла от горя, — скорбно поведал он. — И виновата в этом Кукушка: наш выводок постигла та же участь, что и детей Черноголовки.

Трепет сострадания и гнева взъерошил перья присутствующих.

— Осудить ее! Хватит с ней церемониться! Выдворить злодейку! — слышалось со всех сторон.

Сыч не выдержал.

— Для вынесения обвинительного приговора недостаточно голословных обвинений, все это еще требуется доказать.

Громкий крик племянника разбудил клевавшую носом Сову.

— Что, уже кончилось? — спросила она Филина.

Возбужденная Синица прыгала на ветке, а сидевшие по бокам Ласточка и синьора Зяблик успокаивали ее, как могли.

Голуби снова заспорили:

— Она преступница!

— Она невинная жертва!

— А я говорю, виновна!

— А я говорю, нет!

— Глупости!

— Да что ты понимаешь!

Черноголовка рыдала, муж покойной синьоры Зарянки всхлипывал. Соловей требовал справедливого наказания, Сыч возражал, присяжные заседатели возбужденно спорили, присутствующие старались перекричать друг друга. Дятел изо всех сил стучал своим крепким клювом по самой толстой ветке Дуба, но призывы к порядку ни на кого не действовали.

Наконец, после того как председательствующий пригрозил, что прикажет Ястребам удалить всех, наступила тишина, и разбирательство продолжилось.

Последним свидетелем был Жаворонок. Его показания и стали решающими.

— Однажды утром, — поведал он, — я поднялся очень высоко и своими глазами видел, как синьорина Кукушка тихонько подкралась к гнезду Черноголовки и что-то в него положила.

— Отложила яйцо! — торжествующе воскликнул Соловей.

Судебный процесс подходил к концу. Присяжные удалились на совещание. Когда они вернулись, Дятел огласил приговор:

— Суд признает синьорину Кукушку виновной в преднамеренном убийстве и приговаривает к пожизненному изгнанию из леса.

Довольные решением суда, птицы разлетелись: их гнездам, их детям больше не грозила опасность.

Синица и синьора Зяблик несколько замешкались, горячо обсуждая случившееся. Они уже собирались взлететь с ветки, когда неожиданный шум позади заставил их остановиться.

Оказалось, что это голуби, образцовая семейная пара, идеальная чета, любящие муж и жена, перешли от слов к делу и яростно лупили друг друга в опустевшем зале заседаний.

Серджио Дзаволи

Тише едешь...

Когда фотограф пришел в сад, семейство черепах было уже в сборе. Отец, мать и трое детей добрых два часа стояли навытяжку, отчего у них лапки затекли. Все пятеро краешком глаза следили за приготовлениями к съемке: люди как безумные носились по траве, выбирая наилучший ракурс, чтобы потом установить аппарат на треножнике. Наконец фотограф взмахнул рукой и крикнул:

— Не шевелиться!

Черепахи и без того стояли как вкопанные, и этот бессмысленный приказ ужасно развеселил малышей черепашек.

Компактность черепашьей группы сразу нарушилась. Отец с матерью, стоявшие во втором ряду, пронзили спины своих отпрысков суровыми взглядами.

Но постановочный кадр пропал: один из малышей вообще вылез за рамку. От смеха он дважды перекувырнулся и очутился на траве кверху животом. А для черепахи, как известно, это большая неприятность. Ведь без чужой помощи она не может снова стать на лапы. Пришлось отцу переворачивать малыша, и это заняло минут десять — не меньше.

— Всем не шевелиться! — снова крикнул фотограф.

Хорошо, что он сразу щелкнул, потому что после второго, и вовсе бессмысленного, приказа такое поднялось! Все черепахи, включая родителей, принялись хохотать как безумные. А если уж черепаха засмеется, то потом ее никакими силами не остановишь.

— А можно будет получить фотографию? — спросил сквозь смех глава семейства.

— Снимок, увеличенный до размеров дома, будет выставлен на автостраде, — сухо отозвался фотограф.

Потом вынул визитную карточку с адресом своего рекламного агентства. Все черепахи, кроме живущих в Милане, о рекламе слыхом не слыхали, и потому визитная карточка, передаваемая из лапки в лапку, не вызвала у них особого интереса.

— Спасибо, до свидания, — сказали взрослые черепахи, не желая затягивать разговор.

— Привет от меня Феллини, — добавил один из малышей.

И все снова засмеялись.

— В ближайшее воскресенье в одиннадцать утра рекламный щит с вашей фотографией будет установлен на двести сороковом километре автострады перед зарослями дрока, — уточнил фотограф. — На открытие приглашены несколько министров, один епископ, один помощник министра и три мэра.

Сообщив эту новость, фотограф стал грузить свое хозяйство в автомобиль.

Едва он уехал, из кустов выскочил заяц.

— Ох, ну и бестолковые же вы!

Иной раз даже зайцы позволяют себе грубить черепахам.

— Почему это мы бестолковые? — с досадой спросила мать.

— А как же! Вас выставили на посмешище, а вам и невдомек? Хотите, скажу, что будет дальше? Вашу фотографию прилепят на рекламный щит, а сверху напишут всякую чушь вроде «Тише едешь — дальше будешь», «Лучше поздно, чем никогда», «Без терпенья нет умения». А водители, ед-

ва увидят ваше фото, прибавят скорость, да еще посмеются над вашей тупостью.

— Зайцу этого не понять! — дружелюбно заметил отец. (Черепахи давно пришли к убеждению, что у зайцев ум короток, но с некоторых пор черепахи стали говорить им это в лицо.) — Тупицы-то не мы, а те, кто несутся очертя голову навстречу своей смерти.

Тут заяц и вовсе разошелся:

— Ну давайте выставляйтесь — себе на позор! Что я, автомобилистов не знаю? Их хотят заставить ехать помедленней, так они назло прибавят газу. Вот и будет над вами смеяться весь лес!

Он захохотал и в три прыжка скрылся из вида.

В воскресенье черепахи на рассвете вышли в дорогу. В семь утра промчались первые машины, в восемь заиграл оркестр, в десять из громкоговорителя донеслось: «Берите пример с этих мудрых черепашек, соблюдайте дозволенные пределы скорости, ездите осмотрительно! Ведь вас ждут дома!»

В ответ — аплодисменты, переходящие в овацию, гимны, жужжанье вертолета в небе (по достоверным сведениям, на борту находился глава правительства с супругой).

Все показывали на щит с групповым портретом черепах и надписью: «Если, отправляясь в путь, вы намерены вернуться, — будьте осторожны!»

— Уровень цивилизации определяется коробкой скоростей! — под бурные аплодисменты изрек один из министров.

Когда семейство черепах находилось всего в сотне метров от рекламного щита, его обогнал заяц, сгоравший от зависти. Мать и отец сделали вид, будто ничего не заметили, а малыши посмотрели на зайца с любопытством.

Тем временем на подносе подали первые статистические данные, собранные группой социологов. Вот это да! Ни один из водителей, увидев фотографию с призывом к осторожности, не сбавил скорость. Более того, многие, наоборот, поднажали и помчались на ста пятидесяти, а то и выше. Все растерянно переглядывались. Министры с такой злостью

установились на фотографа, что бедняга покраснел как помидор. Помощник министра, обливаясь потом, заносил в записную книжку данные социологов. Епископ с обочины показывал водителям на рекламный щит и знаками предлагал сбросить скорость. Но ему то и дело приходилось отступать назад, чтобы не угодить под колеса.

Оркестр смолк. Музыканты разлеглись на травке под солнышком. Торжествующий заяц на всех парах понесся назад, чтобы сообщить черепахам «приятную» весть. В пятидесяти метрах от щита он поравнялся с их медлительным кортежем.

— Стойте! — закричал он. — Ну, что я говорил! Шоферам на ваши лозунги начхать — только еще больше газуют. Эх вы, простофили!

И начал дразнить черепах: лапой будто переключал скорость, издавал громкое «дррр, дррр» и пулей вылетал на автостраду. Никто, как зайцы, не умеет так изобразить мчащуюся машину, ведь они тоже помешаны на скоростях. И вот, забывшись, он по ошибке переключил четвертую на третью, как вдруг со страшным скрежетом подскочил грузовик, ударил зайца в бок, и тот, пролетев довольно приличное расстояние, кто говорит — пятнадцать метров, кто — восемнадцать, грохнулся об асфальт. Черепахи в ужасе прикрыли лапами глаза, а когда решились посмотреть в его сторону, увидели, что он еще дышит, и на предельной черепашьей скорости бросились к потерпевшему. Друзья познаются в беде, а черепахи всегда готовы прийти на помощь.

— Давайте отнесем его к щиту, — предложила черепахамать. — В случае чего там вон и священник стоит.

Отец семейства взвалил полумертвого зайца на спину и понес.

За ним потянулись жена с детьми. И вот, когда они подходили к представителям власти, произошло то, чего никто не ожидал: водители, ставшие свидетелями этой сцены, сбавляли скорость. Матери в машинах поучали детей:

— Вон видишь, что стряслось с неосторожным зайчишкой?!

На дороге началось прямо-таки повальное торможение. Зайца несли по обочине, и целая колонна автомобилистов в еле-еле ползущих машинах следила за процессией.

Когда черепашня «скорая помощь» подошла к зарослям дрока и потрясенные власти расступились перед ней, раздался крик:

— Всем не шевелиться!

Да, это был он, фотограф. Вспышки блицев, щелчки — и снова приказ:

— Всем не шевелиться!

Волнующее событие, буря среди ясного неба!

Теперь машины шли со скоростью пешеходов, группа социологов принялась обрабатывать новые данные, помощник министра, обливаясь потом с головы до ног, заносил их в записную книжку. Министры, поняв наконец идею фотографа, дружно зааплодировали, мэры на радостях стали обниматься, а епископ возблагодарил Всевышнего. Между тем вертолет как исчез, так больше и не появился. Оркестранты, торопливо собравшись вместе, заиграли гимн. Кто-то влез на рекламный щит и содрал бесполезную фотографию.

На другой день фотограф приклеил на щит другую, на которой черепаха несет искалеченного, сгорающего со стыда зайца. Мораль: в жизни порой можно быть и вторым, и третьим, и четвертым. Конечно, важно уехать вовремя, но еще важнее, друзья, добраться невредимыми до места. И потом, при скорости тридцать километров в час у вас будет время пересчитать бегущие навстречу деревья, полюбоваться холмом, стадом овец или тучкой, которой неугомонный ветер придал форму сахарной головки.

Эрманно Либенци

В селении Глупения

Давным-давно было на свете селение под названием Глупения. И жил да был там крестьянин по имени Бьяджо. Он был совсем не похож на других крестьян, потому что когда-то в молодости он побывал в городе. После той поездки стал он вести себя как настоящий синьор.

Во всем селении только у Бьяджо был зонтик, только Бьяджо по воскресеньям надевал жилет и чистил ногти гвоздем. Потому-то все и считали его самой важной персоной в Глупении. Любое его слово ценилось на вес золота, любому, самому нелепому совету люди следовали без оглядки.

Бьяджо, как и подобает настоящему синьору, был вечно всем недоволен и выходил из себя по всякому пустяку.

Однажды он заметил, что воробьи клюют ягоды на его вишневом дереве. Шуганул их, а они опять налетели. Бьяджо поставил в саду пугало, но тем хоть бы что — набросились на салат.

Вне себя от ярости примчался он на площадь и говорит односельчанам:

— Надо что-то делать с воробьями, иначе они нас вконец разорят.

— А что ж с ними делать?— спросил один.

— Положитесь на меня,— заверил их Бьяджо. Потом надел праздничный жилет, почистил ногти, взял зонтик, впряг в телегу мула и куда-то уехал.

Вернулся он через три дня; в телеге его стояло десятка два клеток. А в клетках сидели огромные черные птицы, вид у них был прямо как из преисподней: желтые свирепые глазищи, острые клювы и страшные когти.

— Это Кречеты,— объявил Бьяджо.— Я купил их на рынке у Чертовой Башки. Сами скоро увидите — лучше сторожей не сыщешь.

— Ну, раз Бьяджо сказал...— отозвались глупенцы и, не долго думая, открыли клетки.

Кречеты похлопали крыльями и расселись по крышам домов, на колокольне, на деревьях.

Само собой разумеется, вскоре в Глупении не осталось не то что воробьев, но и вообще ни единой птицы. Одни попались Кречетам в когти, другие в страхе разлетелись. Жители Глупении были очень довольны. Ведь Бьяджо и впрямь спас их салат и вишни.

— Вот что,— заявил он односельчанам немного спустя.— Надо бы нам и с мышами расправиться. Как по-вашему? Думаю, всем надоело находить обгрызенный сыр, продырявленные мешки с мукой, поеденное сало?..

— Надоело, конечно,— ответили глупенцы.

— Тогда положитесь на меня!

Он надел жилет, вычистил ногти, взял зонтик, запряг в телегу мула и снова уехал.

Вернулся он через шесть дней, и на телеге аккуратными рядами стояли четыре десятка клеток.

— Это знаменитые Дикие Коты,— объяснил Бьяджо.— Мне продала их ведьма Стервина. Ручаюсь вам, лучших охотников за мышами в целом мире не сыскать.

— Ну, раз Бьяджо говорит...— вздохнули глупенцы.

Выпущенные из клеток Дикие Коты, злобно шипя, выгнув спины и сверкая зрачками, разбежались по селению.

Как и предполагал Бьяджо, мыши исчезли в мгновение ока; к тому же исчезли и собаки, Дикие Коты их всех распугали. Обычные же коты, поскольку им стало не на кого охотиться и не с кем сводить счеты, занялись воровством: где колбасу стащат, где сосиски, а где цыпленка подловят...

— Положитесь на меня,— сказал Бьяджо и спустя девять дней опять въехал в селение на телеге, сплошь уставленной клетками.

Когда глупенцы отворили и эти клетки, на них выскочили огромные псы с горящими глазами. Устрашающе рыча, они обнажали тройной ряд клыков, а из пасти, казалось, извергали пламя.

— Это Архипсы, я купил их у Кощея Смердящего. Вот увидите, что за чудо-псы.

— Ну, раз Бьяджо сказал...— пробормотали два или три односельчанина.

Вскорости обычных котов в Глупении как корова языком слизала. И такое тут поднялось, что не дай бог!

Кречеты, пожрав и изгнав из селения всех птиц, повадились залетать в распахнутые окна, едва завидят накрытый стол; мгновение— и на этом столе не оставалось ни крошки.

Дикие Коты и Архипсы затевали по ночам такие драки, что бедным глупенцам было не до сна.

— Кто-то должен их урезонить,— заметил Бьяджо.— Я об этом позабочусь.

Вернувшись, привез он в своей телеге здоровенных молодцов: у всех длинные всклокоченные бороды, куртки и сапоги из козьих шкур, черные шляпы, надвинутые на глаза, за плечами обрезы...

— Я их встретил на большой дороге,— сказал Бьяджо.— Уж они-то наведут здесь порядок.

— Ну, раз Бьяджо сказал...— буркнул самый большой глупец из глупенцев.

С появлением разбойников (молодцы из телеги Бьяджо оказались самыми настоящими разбойниками) в Глупении и вовсе никому житья не стало.

Первые день-два они еще разгоняли дубинками Кречетов, Диких Котов и Архипсов, но потом им это наскучило, и стали они шляться по селению из дома в дом и забирать себе все что душе угодно.

— Вожак им нужен — вот что! — изрек Бьяджо. — Вожак, который бы призвал их к порядку.

Через две недели он вернулся, а с ним — волосатый великан, похожий на медведя.

— Это Гроза Людей, — объяснил Бьяджо. — Он из бродячей труппы клоунов и фокусников. Грудью сразу десять железных цепей разрывает. Может за милую душу глотать горящие головешки и ребром ладони раскалывает пушечное ядро.

На сей раз все глупенцы промолчали. Да теперь уж и поздно было что-нибудь говорить.

Гроза Людей живо разбойников утихомирил. Отныне в погребя, буфеты и кладовые первым залезал он. И горе тому, кто осмелился бы его опередить. Он отличался необыкновенной прожорливостью: муку ел враз мешками, фасоль — корзинами, мог сразу проглотить десятки кукурузных початков и закусить живым поросенком. А уж о бочках вина и бутылках оливкового масла и говорить нечего.

Чтобы не умереть с голода, пришлось бедным глупенцам искать себе приют в близлежащих селениях.

Всю зиму они издалека с тоской наблюдали, как черные Кречеты кружат над родным селом, и время от времени до них доносился вой Диких Котов и Архипсов, громовой голос Грозы Людей и ружейные залпы разбойников.

Но к весне все затихло. Видно, в Глупении не осталось и крошки хлеба, потому вся честная компания покинула разграбленное селение. Глупенцы смогли наконец-то вернуться

домой и вновь терпеливо взялись за работу. Вскоре на грядках взошел салат, зацвели вишневые деревья, бочки, мешки и бутылки снова начали заполняться. Мало-помалу возвратились воробьи, ласточки, мыши, коты и собаки.

Появился в селении и Бьяджо, но с того дня он ни разу больше не надел жилета, перестал чистить ногти гвоздем и носить под мышкой зонтик.

Рафаэле Ла Каприа

Томе

По общему признанию, Томе был очень живой и развитой мальчик, прекрасно выражавший свои мысли, хотя совсем недавно научился ходить и говорить. Жил Томе в большом доме большого города, и, по правде говоря, у него было все, чего только малыш может пожелать... И все-таки он чувствовал себя одиноким.

Он попросил маму купить ему братика, чтобы было с кем поиграть. Но мама объяснила, что братики не продаются.

— А разве меня вы не купили?

— Нет, ты сам появился. Разве ты не знаешь, что дети появляются?

— А откуда я появился?

Мама куда-то очень торопилась и ответила на ходу:

— Как — откуда? Из шкафа. Открыла я шкаф и увидела... кого бы ты думал? Тебя.

Мама поцеловала его и ушла.

В комнате Томе, просторной и светлой, было полно игрушек. Лошадь-качалка, поезд, медвежонок и много других замечательных вещей. Но ни одна из этих игрушек не умела разговаривать, а ему так хотелось побегать и поболтать

с кем-нибудь. Поэтому игрушки быстро ему надоели, Томе стало скучно.

Мама почти каждый день уходила — то покупать себе платья, то в гости к подругам. А с ним оставалась Сюзи, смуглая черноволосая и черноглазая девушка. Она приехала с далекого острова Маврикий; странно, ведь так звали одного знакомого мальчика; если остров называли именем мальчика, то почему бы не быть острову под названием Томе? Он частенько как замороженный глядел на Сюзи: вот бы ему такого смуглого братика!

Только хозяйка за дверь, Сюзи тут же прилипла к телефону. Она просто обмирала перед этим волшебным аппаратом, из которого неслись удивительные звуки — так заливаются у них на острове птицы в пору любви. «Сюзи, Сюзи! — звучал нежный призыв. — Ну где же ты!» Сюзи, трепеща, подлетала к телефону и сама начинала щебетать, как птичка. А с другого конца провода откликались родные голоса, голоса ее земляков, и разговоры продолжались бесконечно. Иной раз она сама набирала номер и, прижав к уху трубку, ждала, когда свершится чудо. «Приходите ко мне в гости», — говорила она подружкам, и те приходили. Их было много, все с острова Маврикий и все такие же смуглянки. Они садились в кружок в комнате или в кухне, громко смеялись и тараторили без умолку на своем языке. Томе ловил каждое слово, как будто язык этот был ему знаком; похоже, он и впрямь что-то понимал.

Однажды, когда Сюзи заболталась с подружками, Томе слез с лошади-качалки, бросил поезд, медвежонка и остальные игрушки и выскользнул в длинный полутемный коридор, который через весь дом вел в гардеробную. Там в шкафах висели мамины платья и шубы, стояли мамины туфли и пахло мамиными духами. Один из шкафов был такой большой, Томе даже решил перенести туда самые любимые свои игрушки и поселиться там как в собственном домике. Его станут искать, а он затаится, не подаст голоса — вот будет весело! Но сначала надо хорошенько обследовать шкаф. Одна створка была приоткрыта, и, распахнув ее, То-

ме вдруг увидел мальчика, который глядел на него с недоумением, почти со страхом. Томе стало смешно. Незнакомый мальчик рассмеялся вслед за ним, и они сразу подружились.

Новый друг заменил Томе братика. Он говорил с ним вместе, повторял все его движения, даже когда Томе начинал кривляться. И пускай Томе не всегда мог разобрать его слова, по одним жестам, улыбкам, гримасам было видно, что он готов вступить в игру. Мало того, ему нравились те же самые игры, что и Томе,—сделал же он себе дом из шкафа и терпеливо ждал, пока Томе его отыщет. И потом, он появился как раз из шкафа, откуда и появляются все дети, а значит, его не купили, как простую игрушку.

— Меня зовут Томе,—сказал он мальчику.

— Меня зовут Томе,—ответил тот.

Томе обрадовался: оказывается, братика и зовут так же.

Теперь Томе стал каждый день наведываться в гардеробную. Он улучал момент, когда Сюзи висела на телефоне или принимала гостей, и, шмыгнув в комнату, запирался в самом большом шкафу вместе с братиком. А потом слушал, как Сюзи зовет его, испуганно бегаёт по всей квартире, ищет, и веселился от души вместе с братиком-дружком. Только когда Сюзи начинала плакать, он тихонько выбирался из шкафа и как ни в чем не бывало возвращался к себе в комнату.

— Где ты был?—вся в слезах всхлипывала Сюзи.

Томе с важным видом молчал, а сам был ужасно горд тем, как ловко ее перехитрил.

— Ты довел меня до слез, нехороший мальчик! Вот все маме расскажу.

Мама его, конечно, поругала, но и Сюзи досталось за то, что она только и болтает по телефону—дозвониться домой невозможно,—вместо того чтобы присматривать за ребенком.

Сюзи учла это и в следующий раз, когда Томе улизнул по коридору в гардеробную, выследила его, увидела, что он залез в шкаф и говорил «с кем-то чужим»; она робко слушала, и ее черные глаза округлились от страха. Сюзи, одолев

страх, забормотала на своем языке что-то вроде заклинания и опростелась, словно в огонь, бросилась к шкафу. Томе не успел и глазом моргнуть, как она выволокла его из комнаты.

В тот же вечер Сюзи доложила хозяйке обо всем, что увидела. По ее мнению, она застала Томе, когда тот разговаривал в гардеробной с нечистой силой, и надо позвать колдуню, чтоб он изгнал злого духа.

Хозяйка объяснила девушке, что злые духи и колдуны водятся в лучшем случае на острове Маврикий, а в большом городе, и особенно в этом квартале, где живут только добропорядочные люди, их быть не может. Затем она расспросила Томе, но из его сбивчивых ответов так толком ничего и не поняла. Томе боялся, что его тайна откроется и отберут братика. Мать встревожилась и решила повести его к доктору.

Доктор тоже стал задавать ему всякие вопросы и в конце концов выведал, что Томе разговаривал не сам с собой, а с братиком.

— Ах вот как! — ничуть не удивившись, сказал врач. — А я и не знал, что у тебя есть братик.

— Этого никто не знает, — прошептал Томе.

— Даже мама?

— Даже мама.

— Ну и как же его зовут?

— Томе.

— Но если я не ошибаюсь, так зовут тебя.

— И его Томе.

Тогда доктор спросил, как выглядит этот братик; Томе объяснил, что он во всем на него похож и делает все то же самое, потому они так и подружились. А еще добавил, что с тех пор, как случайно нашел в шкафу братика, ему больше не бывает скучно.

Выяснив все, доктор позвал маму и успокоил ее: Томе — очень сообразительный и развитой ребенок, может быть, только чересчур эмоциональный. Эмоциональные дети, как известно, нередко принимают свои фантазии за реальность.

Прошло несколько дней. Томе опять потихоньку пробрался в гардеробную: он очень соскучился по братику. Они

весело болтали, как вдруг вошла мама. Теперь она следила за ним неотрывно и сразу догадалась, в чем дело. К створке шкафа изнутри было прикреплено зеркало, и Томе разговаривал со своим отражением. Конечно, мама посчитала нужным вмешаться:

— С кем это ты беседуешь, Томе?

Застигнутый врасплох, мальчик ответил:

— С Томе.

— Но ведь Томе — это ты?

— Моего братика тоже зовут Томе.

— А можно мне с ним познакомиться?

Она встала рядом с сыном и тоже отразилась в зеркале.

— Кто это? — спросила она, указывая на себя.

Смутившись, Томе прошептал:

— Это ты.

— А вот этот маленький мальчик?

Томе понял, что это он сам, что снова остался один, и горько заплакал.

— Так кто же это? — настаивала мать.

И ему ничего не оставалось, как сквозь слезы ответить:

— Я.

Джузелле Понтиджа

Убежище

Андреа исчез, а никто и не заметил.

Отец с матерью сделали в коридоре потолок пониже, и вот между старым и новым потолками образовалась скрытая галерея, протянувшаяся над головами всех, кто входил в квартиру. В тот день Андреа увидел лестницу, прислоненную к дверце под потолком, и взобрался по ней. Распахнул две створки на пружинах, и перед ним открылся темный проем чердака. Почти все пространство было заставлено ящиками, свернутыми коврами, чемоданами. Андреа на четвереньках пролез туда, и створки мгновенно захлопнулись за ним. С бьющимся сердцем он съехал на бетонном перекрытии и стал ждать. Чего?.. Ну, чтобы мама спохватилась. Но она словно забыла о нем. И даже лестницу убрала.

Андреа хотел распахнуть дверь и крикнуть: «Я здесь!», но передумал. Мама наверняка не удивилась бы, только поругала бы, и все.

Луч, проникавший сквозь щели, освещал две банки меда, купленного в горах. За ними Андреа кое-как мог разглядеть кипу ненужных английских путеводителей, кото-

рые отец перевязал бечевкой и отложил до лучших времен. Андреа прополз еще несколько метров: должно быть, он уже над прихожей. Этот чердак родители устроили месяца три назад по совету одного архитектора, который заявил, что квартира у них прекрасная, только вот потолок в коридоре чересчур высок. А когда они сделали потолок пониже, их друг Дзено, вернувшийся из Америки, сказал, что прежний коридор был украшением всей квартиры!

— Ну уж хватит! — отрезала мама. — Мы и так кучу денег угрохали, чтоб снова переделывать.

Андреа ползком пробирался между ящиками, коврами и кипами журналов. Он неожиданно наткнулся на пластиковый мешок, в котором хранились одеяла, и, отдернув руку, зацепил стопку книг. Она с грохотом рассыпалась, и Андреа застыл на месте, испугавшись, что снизу его услышат. До него донесся звук шагов: это мама с телефоном в руках прошла из ванной в спальню, с кем-то разговаривая.

Андреа в кромешной тьме осторожно продолжил свое путешествие к центру Земли. Он остался совсем один, растеряв в пути всех своих товарищей по экспедиции. Уж не прячется ли за этим картонным коробом огромное красноглазое чудовище, которое он на днях видел в кино?.. Он притаился, боясь и впрямь встретить блеск этих страшных глазниц. А потом все же набрался храбрости и ощупал короб, обнаружив проход между ним и стеной. Нет, за коробом он увидел не глаза чудовища, а какие-то желтые, светящиеся в темноте точки. Может, это ларец с драгоценными камнями?.. А с противоположной стороны пираты уже подкапываются к нему: Андреа отчетливо слышит, как скрежещут кирки, зарываясь в глубь таинственного острова. Надо их опередить... И он пополз вперед все быстрее, быстрее, пока не ударился лбом о бетонную стенку.

От неожиданно острой боли он упал на спину, задрал ноги и схватился руками за голову. И все же не заплакал — лишь застонал тихонько. Так он корчился и перекатывался с боку на бок, пока боль не утихла. Тогда он повер-

нулся и пополз обратно по галерее к выходу. Добравшись до двери, Андреа бесшумно приоткрыл створки. Мать неподвижно сидела за кухонным столом. Индейцы привязали ее к столбу, а сами столпились вокруг нее.

Но внезапно она поднялась, достала из шкафа банку кофе, потом сахарницу.

Настенные часы показывали пять; прошло, наверное, полчаса, а она так ничего и не заметила. Только выпив кофе, огляделась и окликнула:

— Андреа!

Он отпрянул; глаза в темноте возбужденно блестели, а сердце готово было выскочить из груди. Немного погодя он снова приткнулся к двери. Мама повысила голос:

— Андреа! — И уже сердито: — Отвечай, когда тебя зовут!

Он задержал дыхание, но долго вытерпеть не смог и довольно громко засопел. Мать в этот момент проходила как раз под ним.

— Андреа! — в третий раз позвала она. — Эй, Андреа, где ты прячешься?

Голос ее доносился издали, должно быть из гостиной. Но тут же снова послышались шаги в коридоре и резкий окрик:

— Андреа, я кому сказала! А ну вылезай!

Он уже собрался распахнуть дверь, но мать вдруг прибавила:

— Ну, погоди, негодник, я тебе покажу шутки шутить!

Андреа сразу раздумал вылезать, упрямо сжал губы и уперся руками в пол. Раз так, ни за что не спущусь, думал он, отползая назад, останусь в этой пещере. Еды мне надолго хватит, и здесь им меня не найти, а даже если и найдут, то ничем сюда не доберутся: в такой тесноте только я и проползу до самого дна пещеры. Правда, ему было очень холодно. Из дыры пещерного свода стекала вода, закручиваясь

внизу воронкой. Андреа видел, как она бурлит и пенится, но где-то совсем глубоко, так что даже шума не было слышно.

Рука его вдруг нащупала карманный фонарик. Андреа зажег его и направил луч света вниз, в бурлящий водоворот. Так, центр Земли уже близко, теперь никто его не настигнет. Андреа вздохнул, надавил пальцами на глаза: опять перед ним замаячили желтые точки. Мало-помалу пещера превратилась в зеленую аллею высоких деревьев, перевитых лианами. С высоты он видел, как мечется мать, ища его, как она зовет на помощь старого деревенского колдуна. Тот чертит на песке круг и поднимает глаза к вершинам деревьев. Андреа быстро прячется за ствол. Тут мать отворила дверь квартиры, еще раз крикнула: «Андреа!» — и по ступенькам сбежала вниз на улицу. Ага, испугалась! Посмотрим, как теперь она станет донимать его этой проклятой арифметикой и без конца ставить ему в пример других мальчиков! Да и отец теперь забудет, как опрокидывать стулья и швырять на пол тарелки и вазы. Тоже небось всполошился: как-никак сын пропал — и уже мчится в полицию. Полицейский комиссар, тот самый, которого Андреа недавно видел в кино, наверняка спросит: «А почему ваш сын сбежал из дома, вы знаете?» «Нет, не знаю», — ответит отец. «А надо бы знать — и вам, и вашей жене». И, глядя в упор на смущенного, растерянного отца, комиссар продолжит: «Теперь уж поздно. Вы потеряли вашего сына». Во всех газетах огромными буквами будет напечатано: «БЕССЛЕДНО ПРОПАЛ МАЛЬЧИК АНДРЕА», «ПОХИЩЕН АНДРЕА», «ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ».

Каждый вечер о нем сообщают по телевизору. Припасов ему хватит еще на шесть дней, вот только без ружья никак не обойтись. Придется ненадолго оставить свое убежище на вершине дерева и спуститься по стволу вниз. Андреа распахнул створки и высунул голову. Потом ухватился за край чердака, завис на мгновение в пустоте и грохнулся на пол. Тут же вскочил и побежал к себе в комнату за ружьем, а когда вернулся, то увидел, что забраться на чердак ему уже не

удастся: лестницы-то нет. Послышались приближающиеся голоса: мать с кем-то возвращалась домой. Все кончено! Андреа взглянул вверх на свое убежище и понял, что он в ловушке. Оставалось лишь сдаться. Но теперь он знал, что на свете есть свобода.

Марчелло Арджилли

Адриатическое море берет отпуск

Однажды Адриатическое море устало: ему надоели толпы отдыхающих по всему побережью от Венеции до Отранто. И кроме того, оно обижалось, что его совсем не уважают,— бросают в воду всякий мусор и даже мочатся.

— Торчишь тут в такую жару,— возмутилось море,— работаешь день и ночь, и вот благодарность! Ну погодите у меня! Завтра же беру отпуск, тогда посмотрим, как вы без меня отдохнете.

Оно решило провести отпуск в горах и, не откладывая, глубокой ночью двинулось в путь.

На следующее утро все владельцы пансионатов, гостиниц, магазинов, ресторанов, платных пляжей чуть не умерли от инфаркта.

— Мы разорены! — в отчаянии вопили они. — Море исчезло, теперь все отдыхающие разбегутся.

На это и рассчитывало разгневанное море.

Однако никогда еще на побережье не было столько народу. Люди ехали со всех концов Италии, даже из-за границы, чтобы посмотреть на сухое морское дно. Чего они там только не увидели! Старые башмаки, водоросли, залежи соли, чудесные раковины, не говоря уже о затонувших лодках и ко-

раблях, среди которых попадались даже такие древние, как римские триремы и венецианские галеры. Началась настоящая охота за сокровищами: кто-то искал золотые цепочки, кольца, браслеты, потерянные купающимися, кто-то — античные амфоры, старинные якоря.

С бывшего берега тысячи машин съезжали в бывшее море, чтобы обследовать бывшее морское дно. Если ехать прямо, никуда не сворачивая, можно попасть в Югославию, где много красивых городов. И вот уже началось проектирование гостиниц и станций обслуживания; у кого-то даже возникла идея для удобства туристов, направляющихся в Югославию, построить автостраду и железную дорогу.

Между тем Адриатическое море, отдыхая в Альпах, очень сердилось, что никто о нем не вспоминает.

— Раз так, — решило оно наконец, — я возвращаюсь!

Но была и другая причина. Наверху оказалось очень неудобно. Трудно удержаться на горах, если ты — жидкость. К тому же близилась осень, море боялось замерзнуть, превратиться в гигантский ледник и застрять в Альпах до следующего лета. И тогда оно начало потихоньку спускаться по горным потокам и рекам, пока не вернулось на прежнее место.

Каникулы Эйфелевой башни

Однажды июньской ночью дежурный полицейский Сальво Финетти, римлянин в седьмом поколении, обходя по долгу службы старый район Трастевере, вышел на одноименный бульвар и встретил Эйфелеву башню.

— Прошу прощения, — вежливо поклонившись, обратилась к нему башня, — не скажете, как добраться до Пьяцца дель Пополо?

— Вы на машине?

— Нет.

— Тогда переходите мост и идите прямо до перекрестка, там свернете налево и попадете на площадь Венеции: вы ее сразу узнаете по огромному белому памятнику. Потом увидите длинную прямую улицу, она называется Корсо, пройдете ее до конца — и вы на Пьяцца дель Пополо.

— Благодарю вас, вы очень любезны.

— Не за что. Всего доброго.

Узнав дорогу, Эйфелева башня легко нашла Пьяцца дель Пополо и осторожно, стараясь не задеть стоящий там египетский обелиск, который даже не доходил ей до нижнего этажа, устроилась в самом центре площади.

Утром столики двух кафе под открытым небом заняли римляне — любители понежиться на солнышке за чашечкой кофе.

— По-моему, — сказал один, — тут что-то изменилось.

Всем известно, римляне никогда ничему не удивляются. Если помните, дежурный полицейский совсем не удивился, встретив Эйфелеву башню. Это и понятно — за свою почти трехтысячелетнюю историю римляне чего только не повидали! Но в то утро на Пьяцца дель Пополо и впрямь что-то изменилось.

— Вот и я говорю, — отозвался другой, — сегодня их больше обычного.

В самом деле, возбужденные толпы туристов сбежались на Пьяцца дель Пополо посмотреть Эйфелеву башню. Но римляне, привыкшие испокон веков к нашествиям иноземцев, не обращают на туристов почти никакого внимания. В лучшем случае замечают хорошеньких девушек.

— Э, гляди-ка, а вон та блондиночка ничего.

Между тем мэр Парижа слал своему римскому коллеге телеграмму за телеграммой, требуя вернуть Эйфелеву башню. Но когда муниципалитет через своего специального уполномоченного запросил башню о ее планах, та и слушать не захотела о возвращении домой: свои каникулы она намерена провести в Риме.

Чтобы уладить это дело, мэр итальянской столицы решил

в порядке обмена отправить в Париж Колизей — разумеется, с котами вместе. Это решение вызвало бурю протестов — правда, исключительно среди туристов, которые приезжают в Рим специально, чтобы полюбоваться древним амфитеатром; сами римляне и не заметили исчезновения Колизея. Всем известно: римляне очень гордятся своими достопримечательностями, но никогда их не посещают.

Каникулы кончились, и Эйфелева башня возвратилась в Париж, а Колизей вернули в Рим. Как вы догадались, римляне об этом и не подозревают. Им даже неизвестно, что колизейские коты успели выучить в Париже французский и теперь, встречая туристов из Франции, мяукают по-французски в расчете заработать что-нибудь вкусненькое.

Одышка терпит поражение

Она забавлялась. Преследовала старушку, которая поднималась по лестнице, приставала к мальчишке, гонявшему мяч, без зазрения совести мучила носильщиков, грузчиков, рабочих и многих других людей, занятых тяжелым трудом. Все начинали тяжело дышать, задыхаться и вынуждены были останавливаться, чтобы перевести дух.

Одним словом, это была очень злая одышка.

Как-то раз она увидела человека в майке, трусах и кроссовках, который бежал по улице.

— Сейчас я им займусь, — сказала одышка. — Мне ничего не стоит с ним справиться, хоть он и спортсмен.

Она пристроилась рядом с бегущим, не сомневаясь, что тот очень скоро начнет задыхаться и остановится.

Но человек бежал спокойно.

Наверно, он бегун на средние дистанции, подумала одышка. Самое большее — на тысячу пятьсот метров. Но теперь столько ему не пробежать.

Человек, однако, пробежал больше и не собирался останавливаться.

— Похоже, он все-таки стайер и бегаёт на пять или десять тысяч метров. Только он выдохнется задолго до финиша — вот смеху будет!

Десять тысяч позади, но не тут-то было, человек не остановился. Черт возьми, вот это выносливость! Чтобы не отстать, отдышка собрала все свои силы — никогда ещё ей не приходилось так тяжело.

Пятнадцать, двадцать, двадцать пять километров! Человек по-прежнему дышал ровно — в отличие от отдышки, которая пыхтела как паровоз.

— Сейчас остановится... Не выдержит... Свалится...

Тридцать километров! Одышка хватала ртом воздух, у нее началась отдышка, ей казалось, она вот-вот задохнется.

— Ни за что не сдамся... Он должен остановиться... У него уже нет сил...

Тридцать три километра! Одышка чувствовала, что умирает, а тот все бежал и бежал.

— Хватит... Стой... Не могу больше... — умоляла она. — Сейчас лопну...

Сорок километров! И тут отдышке пришел конец: она в самом деле лопнула.

Ей просто не повезло: она не знала, что этот человек — олимпийский чемпион по марафонскому бегу, а марафонская дистанция — сорок два километра сто девяносто пять метров.

Без определенного имени

У каждого человека есть имя. Он получает его при рождении и не расстаётся с ним всю жизнь. Это как цвет глаз, который нельзя поменять, или родимое пятно, которое ничем не снимешь. Допустим, тебя называли Джованни, Марко или Анной, значит, так и будешь всю жизнь Джованни, Марко или Анной. Но разве справедливо, когда человеку дают имя,

даже не посоветовавшись с ним, а он потом всю жизнь его носи? Не знаю, как вы, а один мой знакомый считал это несправедливым и каждый день менял имя, выбирая, с его точки зрения, самое подходящее.

Проснувшись утром, он решал, что сегодня будет Антонио; на следующий день он уже был Франко; когда в небе сияло лучистое солнце, он называл себя Лучетто; когда сердился — Серджо; когда ему хотелось спать — Спанио, и так что ни день — новое имя.

Некоторые могут подумать: эта неразбериха с именами доставляла ему, наверное, много хлопот. Ведь люди не знали, как его сегодня называть. А вот и знали! Он писал имя на карточке, карточку прикалывал к рубашке, и всем было все ясно.

Если полицейский спрашивал у него документы, он спокойно предъявлял свое удостоверение личности, где черным по белому было написано: «Без определенного имени», так что не придерешься.

И почту он получал без задержки, хотя на конверте иногда были очень странные надписи, как, например: «Молодому человеку, которого 27 ноября звали Франко». Но поскольку в городе он был один-единственный без определенного имени, почтальон сразу же догадывался, кому вручить письмо.

Одним словом, неудобств никаких, а преимуществ масса, и главное — в любой день, назвавшись новым именем, можно начать новую жизнь.

Единственный недостаток

Он так любил свой зонт, что никогда не выходил без него из дома и раскрывал над головой даже в солнечные дни. А что тут удивительного? Зонт ведь был необыкновенный и защищал от всего: от палящих лучей, от ветра, от града, от цветочных горшков, падающих с балкона, и даже, в случае необходимости, от пуль. Короче говоря, это был самый

прочный, самый непробиваемый зонт на свете, зонт, который ничего не боялся.

Нет, кое-чего он все-таки боялся. И обнаружилось это в один ненастный день, когда хозяин вышел на улицу без плаща — ведь у него с собой был зонт! Но едва первые капли дождя забарабанили по зонту, тот начал чихать, закрываясь при каждом «апчихи!».

— Бессовестный! — кричал он на хозяина. — Хочешь меня простудить? Хочешь, чтобы я схватил бронхит или — чего доброго — воспаление легких?

Оказалось, зонт боится воды. Чтобы не промокнуть, он решительно закрылся, и открыть его хозяину уже не удалось.

Не трудно себе представить, в каком виде владелец зонта вернулся домой. И все-таки он по-прежнему никуда без него не выходил. Только теперь не забывал надеть плащ. Стоило начаться дождю, хозяин первым делом закрывал зонт и прятал под плащ.

— Что поделаешь, — успокаивал он себя, — у всех есть недостатки, даже у зонтов.

Граница зрения

— Зрение отличное! — подтвердил врач во время медицинского осмотра в школе. — Десять из десяти возможных.

Благодаря такому зрению она раньше всех на остановке могла разобрать номер приближающегося автобуса, единственная в классе умела читать книгу на расстоянии двух метров и невооруженным глазом видела микроскопических букашек на лепестках цветов.

Разумеется, она очень гордилась своим зрением и проверяла его без конца. Дома, оторвавшись от книжки с картинками, она поднимала глаза и устремляла взгляд в окно. Она видела последние дома на окраине города, за домами — поля, за полями — цепочку холмов и даже каждый из них

в отдельности. Но перед холмами взгляд останавливался — дальше они его не пускали.

— Жаль, что вокруг столько холмов, — сокрушалась она, — не то бы я увидела Рим, Сицилию, а может, даже Африку.

Однажды, путешествуя с родителями, она попала на огромную равнину.

— Наконец-то я проверю границу своего зрения, — сказала она.

Взгляд отправился в путь через поля и луга, миновал одну деревню, другую, пересек реку — никогда еще он не забирался в такую даль! Все вперед и вперед, снова деревня, снова поля, но вот взгляд достиг горизонта и остановился.

— Дальше, дальше! — требовала она, широко открывая глаза и напрягая зрение.

— Прости, — ответил ей взгляд, — дальше не могу.

— Ну пожалуйста, попробуй! Там впереди Флоренция, мне так хочется ее увидеть!

— Глупенькая, — сказал взгляд, — разве ты не знаешь, что Земля круглая, а я могу перемещаться только по прямой?

И тогда девочка с необыкновенным зрением поняла: надо довольствоваться тем, что видишь по эту сторону горизонта.

Что случится завтра

Никогда еще газета не пользовалась таким спросом — ведь она единственная во всем мире печатала отчет о завтрашних событиях, то есть о тех, что произойдут день спустя после ее выхода. Как это возможно? Дело в том, что в газете сотрудничал самый известный и самый информированный журналист страны. Он обладал исключительной способностью жить на день вперед, обгоняя всех во времени, и потому знал, какие завтра предстоят события, что скажет министр и где произойдет землетрясение. Чтобы не допустить его со-

трудничества с другими газетами, ему платили немислимое жалованье. Он запирался у себя в кабинете, часа за два отстукивал на машинке завтрашние новости и передавал материал из рук в руки главному редактору, а тот незамедлительно отправлял его в печать.

Однажды среди его сообщений оказалось следующее: «Завтра с известным журналистом Доменико Питти,— (так его звали),— случится несчастье: он поскользнется, ударится головой и получит серьезную черепную травму».

На следующий день, несмотря на все предосторожности, он действительно поскользнулся и повредил голову.

Главный редактор тотчас поместил его в очень дорогую клинику. Пролежав несколько недель, он поправился и вернулся в редакцию. Как обычно, два часа постучал на машинке и вручил материал главному. Тот прочел и ахнул: это были вчерашние новости, уже опубликованные во всех газетах. Травма потрясла Доменико Питти, и он стал жить вчерашним, а не завтрашним, днем. Главный устроил его в еще более дорогую клинику, созвал консилиум самых известных профессоров, но все напрасно — уникальный дар не восстанавливался. Поскольку теперь журналист не годился даже для самой рядовой редакционной текучки, главный его уволил.

Всеми забытый, Доменико Питти влачил жалкое существование.

Однажды он шел купить себе булочку, и ему на голову упала черепица. Когда он очнулся, то, несмотря на пробитую голову, завопил от радости, ибо понял, что снова перенесся в завтрашний день, стало быть, опять сможет предвосхищать события.

В полной уверенности, что его возьмут на прежнее место, он помчался в редакцию, мечтая о новом триумфе. Однако насладиться им журналисту не пришлось. Как пример информации о завтрашних событиях он напечатал следующее: «Завтра журналист Доменико Питти, широко известный несколько лет назад, скончается от последствий травмы, полученной в результате падения ему на голову черепицы».

Информация соответствовала действительности: на следующий день он в самом деле умер; и все газеты написали в некрологах, что он был самый великий, но и самый невезучий из всех когда-либо живших на Земле газетчиков.

Человек, сокращавший время

Неизвестно как, но ему это удавалось. В возрасте четырех лет, страстно мечтая о школе, он перескочил через два года и пошел в первый класс.

— Ох, как тянется время! Целый месяц до дня рождения... — И пропускал месяц, чтобы поскорее получить подарки.

Он проскакивал годы, чтобы скорее догнать старших мальчишек, стать таким же высоким и сильным и никого не бояться.

Рос он не по дням, а по часам. В четырнадцать лет, чтоб его пускали в кино на «Детям до восемнадцати...», он решил пропустить еще четыре года. На бывших сверстников он смотрел свысока: они еще дети, а у него уже борода и мощные бицепсы.

На работе из желания больше получать он сделал себя тридцатилетним и получил надбавку за стаж. Потом сорокалетним — чтобы его повысили в должности. По этой системе он без труда в кратчайший срок достиг вершин карьеры. Устав от работы, перескочил в шестьдесят пять и вышел на пенсию. Но теперь он больше не сокращает время, напротив — дорожит каждой минутой. Постарев, одряхлев, он то и дело глядит на часы.

— Не спешите! — умоляет он их, поглаживая циферблат. — Пожалуйста, не спешите!

Он слышит неумолимое «тик-так, тик-так» и вздрагивает. Тик — секунда прошла, так — о боже, еще одна пролетела!

— Помедленней, прошу вас, часы, я не хочу умирать! Ах я горемычный, как же быстро летит время!

Полчаса жизни

Некий генерал совершил государственный переворот, взял власть в свои руки и с того дня сам всем командовал. Ввел жесточайшую диктатуру: кроме власти захватил еще и время, которое использовал самым беспощадным образом.

Чтобы заставить людей без передышки работать, он вычеркнул из календаря все выходные и праздники: с пятницы все перескакивали прямо в понедельник. Даже ночь он урезал на три часа — пусть меньше спят и больше работают. Отпуска запретил, каникулы — зимние и летние — отменил, у мальчишек отнял лучшие годы жизни — с четырнадцати до двадцати одного года: кончат среднюю школу — и сразу на военную службу.

Правда, в тюрьму он не сажал. Но вовсе не потому, что в нем теплилось какое-то милосердие, просто он изобрел более страшное наказание: скажем, вместо того, чтобы присудить двадцать лет тюрьмы, человеку урезали двадцать лет жизни. К примеру, если обвиняемому сорок, он по приговору мгновенно превращался в шестидесятилетнего старика.

Не в силах больше переносить такую жестокость, народ восстал. Генерала низложили и предали суду за его преступления.

Судили его все граждане, собравшись на центральной площади. Единогласно решили в последний раз воспользоваться установленными им законами — применить их к самому диктатору. Ему дали — вернее, урезали — самый большой срок — тридцать лет, а поскольку жить ему оставалось тридцать лет и тридцать минут, то в его распоряжении было теперь всего полчаса.

Как только эти полчаса начали истекать, генерал бросился на колени, моля о пощаде. И по мере того, как продви-

гались стрелки часов на городской башне, он все отчаяннее плакал и просил прощения. Многие, памятуя причиненное им зло, оставались непоколебимыми, другие, видя такие страдания, смягчились.

— По-настоящему справедливое государственное устройство должно быть милосердным,— утверждали они.

— Милосердия заслуживает не каждый,— возражали другие.

На двадцать девятой минуте, учитывая разногласия, решили проголосовать: то ли оставить приговор в силе, то ли отменить. Голосование было открытое.

А вы за что бы подняли руку? У вас всего минута на размышление.

Бесполезная болтовня о времени

Как хорошо, в сущности, что время являет собой нечто загадочное, незримое, неосязаемое и его нельзя ни собрать, наподобие урожая, ни, скажем, приобрести. Короче говоря, время ни на что не похоже: его не рассмотришь под микроскопом, не измеришь линейкой, не изобразишь на холсте. Это столь таинственная штука, что ее даже не удастся снять в кино или показать по телевидению. В лучшем случае о времени можно сочинять сказки, и кое-кто из сказочников изображает его дряхлым старикашкой с длинной белой бородой и песочными часами в руках. Но все это чушь, ведь время даже представить себе нельзя. Ну и слава богу! Подумайте, сколько осложнений бы возникло, если б его можно было увидеть и потрогать, то есть будь оно чем-то вещественным.

Прежде всего его необходимо было бы классифицировать, так как оно очень многообразно: есть, скажем, хорошее и плохое время, то есть счастливые и горестные минуты. А в какой цвет было бы окрашено счастливое время? В желтый,

красный или розовый в голубую полоску? А несчастливое? В серый, фиолетовый или черный? А поскольку время не стоит на месте, то как бы оно перемещалось в материальном-то обличье? Ползло, катилось, летело? И какой звук издавало бы при этом? Ведь все, что движется — опадающий лист, муха или ветер, — непременно издает какой-нибудь звук. Время, наверно, посвистывало бы тоненько-тоненько...

А с какой скоростью оно бы перемещалось? Очевидно, у него должно быть несколько скоростей? Заметьте: счастливые минуты летят быстро, а унылые словно вовсе не движутся. Так сколько же скоростей было бы у него? И как измерять эти скорости, ведь пока никто еще не изобрел спидометра для времени. Если бы оно было вещественным, значит, имело бы вес, как имеют его бабочка, песчинка, пушинка. Вообразите, как измучились бы ученые, пытаясь его взвесить, — ясное дело, с обычными весами тут делать нечего, даже с прецизионными.

Если бы время было вещественным, возникла бы проблема, куда его складывать и как хранить. Каждому хотелось бы иметь личный запас, это уж точно; богачи как пить дать нахапали бы себе побольше на черном рынке. Чтобы оно не исчезло из оборота, государству пришлось бы время от времени выпускать новое время. А следовательно, потребовались бы колоссальные склады: шутка ли — разместить бесконечность!

И как его хранить, чтобы не испортилось? В холодильнике, под нафталином или в спирту?

Пришлось бы хранить и древнее время — эпохи египетских фараонов, пирамид и Римской империи. За столько-то веков его уж наверняка подъела бы моль, и кто знает, сколько стоит его отреставрировать?

Будь оно вещественно, что помешало бы спекулировать временем, особенно старикам, у которых его в избытке? А как определить цену дню или часу? На засыпку вопрос, верно? А еще транспортировка: как его грузить — в баллоны, в короба, в бочки?

Пока что мы с вами приняли во внимание только про-

шедшее и настоящее время. А будущее? Если бы оно было вещественным, то откуда бы поступало? Где бы его можно было получить: на вокзале, в аэропорту? И сколько платить таможенной пошлины?

Видите, как все сложно! Радуйтесь, что мы не можем представить себе время, и не будем больше говорить об этом!

Переводчик

Он был самым известным переводчиком в городе. Хотя не синхронил на конференциях, не переводил речей зарубежных министров и бизнесменов, не сопровождал высокопоставленных туристов. Он не мог всего этого делать, потому что знал один-единственный язык, на котором к тому же никто из людей не говорит,— язык муравьев.

Во всем мире только он понимал этот язык, и потому на него, разумеется, был большой спрос. Если в квартире заводились муравьи, за ним немедленно посылали, и, пошептав им что-то вроде «тип-чип-чилип», он уговаривал их переселиться из дома в близлежащий садик. Мирмекологи— ученые, занимающиеся этими насекомыми,— очень его ценили: ну еще бы, не заманчиво ли получить из первых рук сведения о быте и нравах муравьев!

Богатый и всеми уважаемый, он тем не менее считался человеком со странностями. Когда его спрашивали, как ему удалось освоить этот язык, он лишь неопределенно пожимал плечами:

— Ну-у... Ммм...

— Вы окончили университет за границей?

— Ммм...

— Вы изучали язык по древним манускриптам или по лингафонному курсу?

— Ну-у...

Да, поистине странный тип: он ни с кем не дружил, не посещал салоны и клубы, стоило ему закончить работу, он тут же спешил домой, где жил один и никогда никого не принимал.

По счастливой случайности я раскрыл его тайну. И эта случайность не что иное, как отверстие, которое я обнаружил в стене его дома и сквозь которое можно было подглядывать.

Вот знаменитый переводчик возвращается домой. Крепко-накрепко запирает двери и ставни, включает свет.

— Чао, Агата! — говорит он вполголоса.

К кому это он обращается, в доме же никого нет.

— Иди сюда, Агата! — зовет он, глядя на пол.

Маленькая черная точка движется ему навстречу. Он бережно устанавливает на полу миниатюрные стол и стул, на стол ставит малюсенькую тарелочку, а перед ней — уж совсем крохотный микрофон.

Муравьишка усаживается, он в изобилии кормит свою Агату ее любимыми лакомствами: хлебными катышками, крупинками сахарного песка, семенами растений.

Агата ест, затем строго спрашивает в микрофон:

— Так, что было задано на сегодня? Стихи выучил?

— Конечно, Агата.

— Читай!

Он начинает старательно декламировать на муравьином языке:

— Трип-крим-ли-ли...

— Работай больше над произношением, — перебивает Агата. — Вот послушай... — И сама читает ему некоторые фразы. — Повтори!

Он повторяет.

Совершенно ясно, что это она, Агата, научила его муравьиному языку. Но как муравью удалось выучить наш?! Этого я до сих пор не разгадал.

Машинист перекошенного поезда

Был на свете поезд, который ходил по пути из одного рельса. Когда прокладывали этот путь, на второй рельс не хватило средств, а может, их неразумно потратили или еще того хуже.

Сам себе купить второй рельс поезд не мог, вот и приходилось как-то приспособливаться. Но это нелегкая задача — мчаться по одному рельсу на правых колесах, а левые держать на весу. Особенно тяжело бывало на стоянках: разогнавшись, он еще мог, подобно велосипеду, удерживать равновесие, но без движения, чтобы устоять, от него требовалась поистине акробатическая ловкость.

Пассажиры, конечно, тоже испытывали неудобства: съезжали с сидений на одну сторону вагона, валились друг на друга, но ничего не поделаешь, надо привыкать, ведь билеты на этот дефективный поезд вдвое дешевле.

А вот машинист, учитывая трудные условия работы, получал ежемесячную надбавку и мог позволить лишний бифштекс для своих детишек. Причем страдал он не потому, что водил поезд наперекосяк, а от последствий этого. В самом деле, после того как целый день занимался эквилибристикой, он уже не мог, пересеживаясь в автомобиль и отправляясь домой, ехать, как все, на четырех колесах. Дома он не сидел нормально на стуле, а удерживался в равновесии на двух ножках, и в довершение всего жена не желала спать на наклонной кровати и перебралась на диван.

Ничего удивительного, что он все время жаловался на жизнь:

— Не могу так больше, подам заявление, пусть переведут на другой поезд. Честное слово, уйду!

Но никуда он, конечно, не уйдет. Ни за что на свете не променяет свой перекошенный поезд ни на какой другой. Нет, вы не подумайте — не из-за надбавки. Просто он привязан к своему вечному поезду, словно к больному ребенку.

Как фальшивомонетчик разорился

Жил да был один человек, который выбрал себе ремесло не просто странное, но, прямо скажем, недостойное: он занимался изготовлением фальшивых денег, иначе говоря, был фальшивомонетчиком.

Если б этот одаренный и работоспособный человек честно трудился, то непременно бы разбогател, но поскольку он жил нечестным трудом...

— ...то попал в тюрьму, — скажете вы.

А вот и нет: далеко не всегда те, кто живут нечестным трудом, попадают в тюрьму.

Так как же сложилась судьба этого фальшивомонетчика?

Прежде чем узнать, к чему он пришел, посмотрим, с чего он начал.

Решив подделывать купюры по 10 000 лир, он сперва тщательно подготовился. Снял просторное подвальное помещение, чтобы работать в спокойной обстановке и не бросаться в глаза полиции. Приобрел все необходимое, чтобы отгравировать изображение банкнота, печатный станок и резальную машину, достал отличные литографские краски, специальную бумагу и прочее. На расходы не скупился: оборудование было первосортное, на что полностью ушли его наличные сбережения, а сверх того он подписал еще кучу векселей.

Словом, организовал все наилучшим образом и стал печатать банкноты.

Как уже упоминалось, он был большой умелец, и по завершении работы в подвале скопились горы банкнотов по 10 000 лир, как две капли воды похожих на настоящие. Правда, в результате всех затрат каждая купюра обошлась ему в 10 250 лир. При виде новеньких хрустящих бумажек он потирал руки:

— Никому и в голову не придет, что они фальшивые, то-то я разбогатею!

Но почему-то не разбогател, а, наоборот, разорился. Стал еще беднее, чем прежде. Вот к чему приводит стремление наживаться нечестным путем.

Эксперт за «круглым столом»

Цены безудержно росли, в магазины страшно было войти. Каждый день хозяйкам приходилось от чего-нибудь отказываться, главным образом — от мяса.

Народ роптал, и телевидение решило обсудить эту проблему за «круглым столом». Речь, безусловно, шла не о накрытом столе, а о дискуссионном, к тому же он был квадратным и за него посадили эксперта и двух домохозяек.

— Цены на некоторые продукты растут, — начал эксперт, — но, в сущности, это не так уж страшно. Научно доказано, что человек чувствует себя лучше, когда потребляет простую, всем доступную пищу. Как специалист могу сказать: очень полезно есть треску. Она питательна, легко усваивается и не требует больших расходов. Содержащийся в ней фосфор стимулирует мозговую деятельность. Кормите детей треской, и они вырастут не только здоровыми, но и умными.

— Но... — попыталась вставить слово одна из домохозяек.

— Да что вы можете возразить?! Разве у вас есть медицинское или экономическое образование? Я же эксперт, где вам со мной спорить?

— А если мои дети не любят треску, они любят бифштексы, а бифштексы нам не по карману...

— Так ведь это же благо! Бифштексы плохо перевариваются, вызывают кариес и повышают содержание мочевой кислоты в организме. Знаете, что такое мочевая кислота? Предвестник опаснейших заболеваний. Вы хотите, чтоб ваши дети болели? Кстати, мою точку зрения разделяют круп-

нейшие американские, немецкие и японские специалисты.

— Но богатые едят бифштексы...

— Нашли на кого равняться! Да знаете ли вы, что они самые несчастные люди на свете? Неужели вы бы согласились взвалить на свои плечи заботы о налогах, забастовках, огромных затратах, на которые приходится идти богачам? К примеру, если кто-то из них обзаведется яхтой, то потом уже просто обязан менять ее на другую, бóльшую, чтоб не ударить в грязь лицом перед коллегами... Если у него двухэтажная вилла, ему ничего не остается, как приобрести трехэтажную. А реклама?.. Ведь они вынуждены финансировать даже футбольные и баскетбольные команды— представляете, во что обходятся нынче игроки?! А вы помимо всего этого еще хотите подорвать свое здоровье бифштексами?

— Нет, нет,— испуганно залепетала домохозяйка.

— Поверьте мне, вам повезло в жизни, так что покупайте треску.— И он повернулся к другой синьоре, которая до сих пор не проронила ни слова.— Убежден, что вы тоже согласны со мной.

Вторая домохозяйка вместо ответа пропела:

Ох, цветочек, мой цветочек,
пахнешь слишком сладко.
Кто эксперту деньги платит—
угадай загадку!

Народ у телеэкранов дружно заплодировал, и не только потому, что у домохозяйки оказался прекрасный голос, но и оттого, что все угадали ее загадку.

Антиизобретатель

Вне всяких сомнений, он был самым крупным антиизобретателем в нашем веке или даже в истории человечества по той простой причине, что являлся единственным в своем роде. У него была на этот счет целая теория.

— Изобретатели все уже изобрели, выполнили свою задачу и больше никому не нужны. Не верите? Ну пораскиньте мозгами: что еще можно изобрести? Все уже внедрено, сконструировано и запроектировано. Стало быть, нам остаются только антиизобретения. Тысячелетиями ученые изобретали без особого труда,—саркастически замечал он.— А вот попробуйте-ка заняться антиизобретательством: тут уже нужна культура, специальная подготовка, нестандартное мышление... и главное — фантазия!

Чего-чего, а этого у него было хоть отбавляй, фантазия поистине безудержная. Список его антиизобретений бесконечен, назовем лишь некоторые, наугад.

Антисамолет (никаких аварий, стопроцентная гарантия) — самолет, который не летает, а перемещается по земле, множество модификаций, самая совершенная модель — без крыльев, не мешает уличному движению, пилотировать эту машину можно при наличии обычных водительских прав.

Антилампа — без нити накаливания, не требует проводов, выключателя и — что очень важно — не расходует электроэнергию, ибо снабжена вмонтированной свечой, зажигаемой от обычной спички (обеспечивает романтическую атмосферу для «ужина при свете антилампы»).

Антигазовая плита — не допускает утечки газа, работает на угле.

Антимотоцикл — устойчивая машина на четырех колесах; самая экономичная модификация — без мотора, с педалями.

Антитрехколесный велосипед — на двух колесах, рекомендуется детям для освоения езды на двухколесном велосипеде; а также антидвухколесный велосипед — на трех колесах, для малышей, которые еще не освоили двухколесный.

Антиавтомобиль — двухколесная машина мощностью в две лошадиные силы во плоти и крови, исключает загрязнение окружающей среды выхлопными газами, обеспечивает полную экономию бензина и умеренный расход сена.

Антителега — без лошадей, исключает расход сена, множество модификаций, в том числе модель «люкс»

с двигателем внутреннего сгорания и крышками.

Короче, благодаря неистощимой фантазии он каждый день добавлял в список новое антиизобретение.

Однако его антиизобретения спросом не пользовались: никто о них и слышать не желал.

Но такого гения, как он, это не обескураживало.

— Люди начисто лишены фантазии,— говорил он.— Ретрограды и конформисты, естественно, предпочитают моим гениальным антиизобретениям устаревшие, тривиальные схемы.

Правда, по ночам он не спал, его мучил вопрос: «Интересно, я с моими антиизобретениями войду в историю или в антиисторию?»

Дегустатор

Вам приходилось обжигаться такими коварными блюдами, как треска в кляре или суп? На вид они чуть теплые, даже не дымятся, а возьмешь в рот ложку там или кусочек — так обожжет язык, что сразу выплюнешь. В связи с этим у владельца одного шикарного ресторана возникла гениальная идея. Он придумал должность дегустатора.

Меню таких ресторанов, как правило, завершается каким-нибудь экстравагантным фирменным блюдом, к примеру: «Десерт домашний пальчики-оближешь» или «Кофе вырви-глаз, крепость 95°». Меню этого ресторана, напротив, начиналось строкой: «Дегустатор — 10 000 лир».

Захочет клиент — пожалуйста, в его распоряжении дегустатор. Высокий, смуглый, тощий, словно годами не ел, он становится за спиной, и стоит клиенту к нему обратиться: «Попробуй, не горячее ли», он скромно протягивает ложку или вилку и пробует. Лицо его искажается, он краснеет, словно его живьем жгут на костре, и с трудом выдавливает из себя: «Горячее». Но никогда не выплюнет, даже если у супа или мяса температура кипящей смолы.

Находка привлекла в ресторан множество клиентов. Люди приходили специально ради дегустатора. Богачи, как известно, любят поразвлечься. Они заказывали бульон прямо с огня и требовали: «Пробуй!» А дегустатор подчинялся. Клиенты хохотали до упаду, глядя, как он обжигается.

Ресторан процветал, но и дегустатор внакладе не оставался: богачи — это также общеизвестно, — если их развлечь, на чаевые не скупятся. Но фортуна изменчива. Владелец конкурирующего ресторана, которому грозило разорение, раскопал и растрезвонил повсюду, что дегустатор не кто иной, как индийский факир, пожиратель огня, его страдания — одно притворство, для него ложка кипящего супа — пустяк, все равно что кусочек льда.

Богатые клиенты были разочарованы и перестали посещать этот ресторан.

Курильщик-за-других

Сколько людей курит? Не счесть, почти все. А ведь научно доказано, что «курить — здоровью вредить». Многочисленные кампании против курения, которые проводят в самых цивилизованных странах, не дают почти никакого результата. Люди хотя и озабочены своим здоровьем, но курить не бросают.

И вот одному отчаявшемуся безработному пришла в голову мысль. Он отправился к мэру и предложил совершенно необычную кампанию против курения. Мэр поддержал идею и объявил об этом гражданам.

Успех превзошел все ожидания: курильщики по-прежнему покупали сигареты, но, едва кто-то из них закурил, вводилась в действие необычная кампания. Безработный правильно рассчитал, что уж коль ты прикурил сигарету, то откажешься от нее, только если кто-то другой выкурит ее вместо тебя и убедительно продемонстрирует, насколько это вредно для здоровья. Такую функцию и взял на себя этот безработный. Итак, захотелось кому-то покурить, он зовет

Курильщика-за-других и передает ему зажженную сигарету, а тот немедленно ее выкуривает. Если к его услугам прибегала компания, игравшая в карты или обсуждавшая деловые проблемы, ему случалось курить одновременно по пять, а то и по шесть сигарет. Люди смотрели на него, и никто из них не испытывал желания сделать хотя бы одну затяжку. Не удивляйтесь — от непрерывного курения зубы и пальцы у безработного пожелтели, кожа сморщилась, его мучили приступы кашля и головные боли. Все наглядно видели вред никотина и в то же время на себе ощущали благотворное воздействие воздержания: бросившие курить поправлялись, укрепляли нервную систему и к тому же у них больше не пахло так дурно изо рта.

А состояние Курильщика-за-других день ото дня ухудшалось: он уже находился между жизнью и смертью. Спасся он чудом, только благодаря тому, что окружающие излечились от вредной привычки и перестали нуждаться в его услугах. Но, сохранив жизнь, он опять стал безработным.

Тогда он задумал новую кампанию — антиалкогольную, — и мэр безоговорочно ее поддержал. Так безработный стал с утра до ночи хлестать вина и ликеры за своих сограждан. Вскоре, чтоб не нажить цирроз печени, все бросили и пить, однако на сей раз хроника умалчивает о том, что случилось с беднягой безработным.

Доска объявлений

ОЧЕНЬ ДЕШЕВО — ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР! Художник, временно находящийся в стесненных обстоятельствах, предлагает услуги на дому: раскрашивание черно-белых телепередач за умеренную плату.

Предлагает свои услуги специалист по получению оплеух. Каждая полученная за вас оплеуха — 10 000 лир.

Больная желтухой, не утратившая способности густо краснеть, предлагает свои услуги в качестве светофора. Зеленый цвет исключается.

Безработный ищет любую работу, желательно пенсионера.

Генерал в отставке, кавалер многих орденов, дает уроки стратегии детям из благородных семей, играющим в оловянных солдатиков или в электронные игры. Претензии скромные. Гарантия полной конспирации.

У-у-у. Чистокузовный маукиз ставит ауистокуатическое пуоизношение с мягким «эу». Номеу телефона 37141.

Интересная женщина (высшее образование, десятилетний стаж работы в офисе) ищет хорошо оплачиваемое место безработной.

Б-Б-Б-Б-БИЗНЕС!!! Неимущие, хотите разбогатеть? Специалист по финансовым операциям готов поделиться гениальными идеями в области предпринимательства. Обращаться, имея значительный капитал для вклада.

Вам жмут новые ботинки? Бывший скороход разносит их для вас. Ежедневное мытье ног гарантируется. Оплата по тарифу: 100 метров — 300 лир.

Обладатель крепких зубов предлагает свои услуги в качестве сторожевого пса на роскошной старинной вилле. Вы

экономите: на мясо не претендую, только на спагетти. И еще на цепь.

Против комаров и мух предлагаем блестящих стрелков из пистолета, завербованных на Дальнем Западе. Ликвидация в течение нескольких минут.

Отчаявшимся родителям предлагаю мальчика для битья. Претензии скромные. Возвратить в целости, годного к употреблению.

Сочинение

Опиши, что интересного с тобой случилось в воскресенье.

За весь день с ним не произошло ничего достойного упоминания, и он написал:

Сочинение

Ничего.

В понедельник утром он сдал работу, а учительница сказала:

— Неужели за весь день не было ничего интересного?

Он подумал: нет, пожалуй, ничего.

— А ты припомни получше, прямо с утра начинай.

— Умылся.

— Нет, ты интересные события вспоминай.

— Позавтракал.

— Тебе это кажется важным?

— Утром ходил с бабушкой в церковь. Потом обедал.

— А после обеда?

— Поспал немного, потом смотрел телевизор.

— Что-нибудь интересное показывали?

— Нет, скучища.

— Ну хорошо, ты напрягись, вспомни, что еще ты делал?

— Смотрел, как родители играют в карты с друзьями, мне велели сидеть тихо, и я чуть не умер со скуки. Вот видите, госпожа учительница, вчера ничего со мной такого не случилось.

— Так не бывает. Ты просто ненаблюдателен.

Он заметил, что учительница начинает сердиться, и сказал:

— Вообще-то если подумать, кое-что было.

— Что?

— Эскадрилья самолетов чуть не спикировала на наш дом, и пилоты помахали мне рукой.

— Ну вот, это и опиши!

Он написал.

— Так, теперь еще что-нибудь вспомни.

Ну, раз вранье ее вполне устраивает, то надо совсем немного, чтобы ей угодить.

— Потом я высунулся из окна и заметил четырех бандитов в масках, они грабили банк напротив нашего дома. Я сразу позвонил в полицию, полицейские примчались...

— И что дальше?

— Началась перестрелка, мама кричала, бабушка упала в обморок... К тому же началось землетрясение, и я изо всех сил подпер стену, чтоб не рухнула.

— Молодец, обо всем этом и напиши.

Он написал. Учительница поставила ему хорошую оценку.

С того дня он начал писать в сочинениях ложь.

Дальний ящик

То, что объясняли ей в школе, она складывала в дальний ящик своей памяти и не вспоминала больше. Так было в начальных классах, и в старших тоже. Когда она выросла и за-

кончила учебу, оказалось, что в дальнем ящике только пыль и труха.

Ничего она не знала и ничего не умела.

— Это все школа,— негодовала она,— меня не научили там самому главному.

— Чему же?

— Что нельзя складывать знания в дальний ящик.

Громоотвод — любитель детективов

До сих пор на крыше господствовал он, громоотвод.

— Эй, ты кто такая?— спросил он, глядя свысока на странную конструкцию, установленную рядом с ним.

— Я— чудо техники, запатентованная антенна,— ответила она.— Принимаю телевизионные программы.

Нашла чем хвастаться! Велика важность— телевизионные программы принимать! Попробовала бы глотать молнии! И он живо поставил ее на место:

— Подумаешь, я тоже смогу.

И в самом деле, стоило ему немножко потренироваться, как у него получилось.

— Пустяки!— сказал он.— Совсем не трудно!

Но, принимая передачи— тележурналы, обозрения, спектакли,— он так вошел во вкус, что уже не мог оторваться от этого занятия. А о своих обязанностях забыл. Однажды вечером разразилась гроза, но он в это время смотрел предпоследнюю серию детектива и не заметил, как сверкнула молния.

Радуюсь, что путь свободен, молния проникла в дом и порезвилась на славу.

Жильцы, видя, что громоотвод не действует, решили его заменить. Пришел рабочий, снял громоотвод, и бедняга оказался на свалке, в металлоломе.

— Какое невезение!— сетовал громоотвод.— Хоть бы

установили вертикально, а то валяюсь без пользы среди сломанных машин и железок...

Какой позор, какой бесславный конец блестящей карьеры! Но, по правде говоря, он совсем забыл о молниях, его огорчало другое:

— Как же теперь быть с последней серией? Так я и не узнаю, кто убийца.

Пародист

Он был отличным пародистом. Его концерты на телевидении пользовались огромным успехом.

Он пародировал президента Республики, главу правительства, политических деятелей, певцов, известных актеров.

Он так точно умел передавать мимику, голос, что зрители сразу угадывали, кого он изображает:

— Это министр иностранных дел!

— А это актер Помпонацци!

Но заключительный номер приводил всех в недоумение: никто не мог угадать, что это за персонаж.

— Чья же это кретинская рожа? И надо придумать такой дурацкий текст!

Никто не понимал, что он говорит от себя, что это пародия на самого пародиста.

Читай, болван!

— Хватит тебе таращиться до одури в телевизор! Лучше почитай!

Ребята решительно не понимали, почему родителей и учителей так раздражает телевизор.

А те не унимались:

— Портишь глаза, забиваешь голову всякой ерундой! А книги приносят пользу, воспитывают!

— Вот меня в детстве не оторвать было от книжки. Я их просто глотал.

Разумеется, это они заливали, но взрослые, как известно, считают себя вправе приврать, если «ложь во спасение».

Словом, в этой стране творилось то же самое, что и везде, где есть телевизор. И творилось до тех пор, пока некто — из взрослых, конечно, — не придумал одну штуку. Этот дяденька был убежден, что дети обязаны любить книги, но, чтобы они их любили и покупали — в этом была суть идеи, — надо предложить им нечто бесспорно захватывающее.

И ему это удалось. Его книжную продукцию ребята и в самом деле начали глотать. В стране возникло повальное увлечение книгами.

Если до сих пор родители покупали книги и навязывали их детям («Читай, болван! Может, ума наберешься!»), то теперь их стали покупать сами дети. Они не только тратили на книги все свои сбережения, но и без конца клянчили у родителей. Некоторые покупали и заглатывали по две-три книги в день. Причем без разбору — неважно, кто автор, какой жанр, какая тематика. К примеру, нарасхват шла тяжеловесная — на триста двенадцать страниц — поэма о жестокорылых насекомых. Ее тираж побил все рекорды, ведь она была первой книгой, удовлетворявшей любым запросам: каждая страница, подобно некоторым сортам мороженого, имела смешанный вкус — фисташек с кремом, фундука с ментолом и так далее; а верхом изысканности были страницы, сочетавшие в себе вкус шоколада, лимона и жасмина. В общем, обнаружив такие качества книг, дети сделались настоящими их пожирателями: кто вгрызался в них целиком, кто скатывал из страниц шарики, а кто жевал главу за главой.

Книги были не только вкусны, но и питательны, легко усваивались, и дети росли на них здоровыми, крепкими, жизнерадостными. Короче говоря, польза от книг была очевидна.

Но, как всегда, стоит детям найти себе что-то по вкусу, как взрослые начинают волноваться. Сначала они ворчали, потом перешли к нотациям и в конце концов перестали давать деньги.

— Не надо злоупотреблять! Ты слишком много читаешь!
Посмотри лучше телевизор!

Они договорились до того, что начали внушать своим детям:

— Разве ты не знаешь, что книги вредны для здоровья?
Это, разумеется, тоже была «ложь во спасение».

Телевидение для зверей

В зоопарке одни звери метались из угла в угол, принюхивались, искали, как бы улизнуть, и даже пытались перегрызть железные прутья клетки. Другие, напротив, хирели, теряли аппетит, линяли, забивались в угол и лежали там без движения. Запертые в клетках, они тосковали по свободе, но у одних тоска эта выливалась в яростный протест, а у других оборачивалась полнейшей апатией: они предпочитали умереть, чем жить в неволе.

Директору зоопарка больно было смотреть на муки своих питомцев, и он нашел выход из положения. Что, освободил их? — спросите вы. Нет, он установил в каждой клетке телевизор, по которому передавали программы, снятые специально для животных.

С этого момента жизнь зоопарка кардинально изменилась. Звери перестали жаловаться и протестовать. Они увлеклись телевизором. Им демонстрировали документальные фильмы о саванне, джунглях, пустынях, девственных лесах, то есть об их родине, и все как будто обрели второе дыхание. Естественно, восприятие было неоднозначно: антилопы, козули, зебры, серны считали ролики о львах фильмами ужасов, а для львов фильмы об антилопах, козулях, зебрах, сернах служили как бы аперитивом. Короче говоря, звери проводили целый день у экрана и смотрели все программы подряд.

Но директор на этом не успокоился: он придумал серию фильмов, которая снискала еще больший успех. Одни назва-

ния чего стоили: «Как забодать охотника», «Как я загрыз дрессировщика», «Великая любовь нильского крокодила» и тому подобное. Съемки были настолько захватывающими, что звери забывали обо всем на свете, вживались в образы героев, плакали и аплодировали. Чтобы довести свою идею до совершенства, директор выпустил новый сериал под названием «Как прекрасна жизнь в клетке!». Животным внушали, что жить в зоопарке — большое преимущество: полезно для здоровья и есть гарантия безопасности и независимости.

Просмотрев сериал, звери расчувствовались.

— До чего же нам повезло, что мы живем в зоопарке!.. — говорили они.

Музыкальный автомобиль

Жил на свете четырехцилиндровый автомобиль, не слишком большой, не слишком маленький, голубоватого цвета, как сотни других. Необыкновенной у него была лишь выхлопная труба в форме фанфары. Вместо удушливых выхлопных газов оттуда вырывались окутанные ароматом ментола мелодии, эстрадные песенки, симфоническая музыка — словом, репертуар на все случаи жизни.

Гудки на улицах города запрещены, а этот автомобиль предупреждал прохожих о своем приближении звуками симфонии Бетховена. Перед школой из выхлопной трубы несся тревожный сигнал горна, чтобы ребята осторожнее переходили улицу. Если на дороге образовывалась пробка, автомобиль успокаивал расхившиеся нервы водителей ангельским пением. Регулировщика на перекрестке он приветствовал такой зажигательной самбой, что тому ничего не оставалось, как пуститься в пляс. А собираясь идти на обгон, возвещал об этом маршем берсальеров.

На редкость воспитанный автомобиль! Правда, тоже не без изъяна: засыпая на стоянке, он похрапывал и выводил рулады совсем как тромбон.

Рекламный лозунг

Лозунг для новой рекламной кампании телефонная фирма долго и тщательно обдумывала. Наконец фраза замелькала в газетах, на плакатах и была встречена всеобщим энтузиазмом. «Осчастливьте человека телефонным звонком!» — великолепная находка, благодаря ей многие установили у себя аппараты именно этой фирмы, аппараты нежно-розового цвета, радующих глаз очертаний и к тому же отличающиеся техническим совершенством, что для любого механизма означает прежде всего серьезное и ответственное отношение к своим обязанностям. Однако руководство фирмы не приняло этого в расчет, для него фраза «Осчастливьте человека телефонным звонком!» была всего лишь рекламным трюком, приманкой, на которую должны были клюнуть покупатели, ведь те, кто занимаются рекламой, никогда сами не верят в то, что пропагандируют.

Но на этот раз лозунгу поверили не только покупатели. В силу своего серьезного и ответственного характера ее поняли буквально и телефонные аппараты.

Никогда они не работали так плохо. И не потому, что были неисправны, как думали все, просто они проводили в жизнь лозунг и категорически отказывались огорчать абонентов. Стоило кому-нибудь завести по телефону неприятный разговор, трак! — и аппарат отключался. Благодаря телефону плохие вести: сообщения о болезнях, несчастьях, гнусные сплетни, злословие, оскорбления — не доходили. Аппараты же, установленные в похоронных бюро, пожарной охране, налоговом управлении, отделах уголовной хроники, и вовсе не работали. Посыпались жалобы, и, поскольку, несмотря на все старания фирмы, телефоны продолжали работать плохо, абоненты стали отказываться от ее услуг. Руководство не могло понять, в чем дело. Административный совет день и ночь обсуждал эту проблему:

— А не сочинить ли другой рекламный лозунг?

— Да разве в этом дело?! Лозунг отличный! Тут явно технические неполадки...

— Что вы, аппараты безукоризненны, наши специалисты не обнаружили ни одной поломки.

— Однако же телефоны работают плохо, значит, есть какой-то дефект! Необходимо обнаружить его любой ценой, не то мы обанкротимся!

И обанкротились.

Граждан просят...

В одном городе заметили, что строгий запрет на преступления не очень-то действует. Как и повсеместно, закон гласил: «Красть запрещено», «Граждане обязаны платить налоги» и т. д. Но граждане продолжали красть и уклоняться от уплаты налогов, чтобы не сказать большего.

Тогда знаменитый психолог изучил ситуацию и предложил на рассмотрение городских властей свой проект. По мнению психолога, законы оказываются неэффективны именно в силу того, что сформулированы они в стиле приказа, запрета, угрозы. А положительные результаты могло дать только предельно вежливое обращение с гражданами.

Проект был принят; законы теперь сочиняли поэты и писатели.

Статья I. Граждан просят по возможности не брать без разрешения чужих вещей, то есть не совершать того, что, грубо выражаясь, именуется воровством.

Статья II. Гражданам советуют без малейшего принуждения платить государственные налоги.

И так далее.

Изменили даже обращение к пассажирам в автобусе: «Если вас не затруднит, пройдите, пожалуйста, вперед, чтобы освободить место гражданам, которые тоже хотели бы войти в автобус!»

Отныне вся жизнь города строилась на основе любезности и предупредительности. Как и ожидал психолог, результат оказался ошеломляющим. Думаете, преступления прекратились? Ничего подобного, их по-прежнему совершали,

и в очень большом количестве, но в такой приятной, культурной форме, что любо-дорого.

Пример. Вооруженные бандиты в масках врываются в банк и выхватывают пистолеты.

— Глубокоуважаемые синьоры, прошу минуточку внимания,— звучит нежный, как флейта, голос злоумышленника.— Ради бога, не пугайтесь, извините за резкость выражений, в вашем банке происходит ограбление с самыми дружескими намерениями. Не откажите в любезности передать нам деньги из кассы.

Как не удовлетворить такую вежливую просьбу? Кассир выполняет ее незамедлительно и с поклоном.

На следующий день газеты и телевидение распространяют заявление полиции: «Синьоры, ограбившие вчера банк, вас сердечно просят отжаться в руки правосудия. Если вас не затруднит и вы не связаны другими обязательствами, загляните в квестуру ровно в пять часов. Комиссар сочтет за честь угостить вас чаем с пирожными». И, чтоб не показаться неучтивыми, бандиты являются в назначенный час в квестуру и тут же идут под суд.

— Господин судья,— говорит адвокат,— я от души прошу вас не наказывать моих подзащитных, ибо по отношению к ним это было бы крайне нелюбезно.

После такой речи у судьи рука не поднимается вынести обвинительный приговор. Он безоговорочно оправдывает бандитов и приглашает их к себе на ужин.

Жители города очень довольны. Кому вздумается украсть—крадет, но, как и предполагал психолог, вежливость снимает все проблемы.

Новые законы

В другом городе, принимая во внимание, что суровые законы и приказы не останавливают злоумышленников, и основываясь на опыте, изложенном в предыдущем расска-

зе, обратились к еще более знаменитому психологу. И он пришел к выводу, весьма отличному от вывода своего коллеги.

— Люди, — заявил ученый, — совершают преступления и злонамеренные поступки оттого, что испытывают острую потребность нарушать законы. А те, кто этого не делают, просто подавляют движения своей души. Думаю, мы должны не только понять эту потребность, но и удовлетворить ее.

Фактически его метод сводился к тому, чтобы дать возможность не только преступникам и правонарушителям, но и всем благонамеренным гражданам испытать острое, волнующее ощущение при нарушении закона, причем это не должно грозить нежелательными последствиями.

Решить эту проблему гениальный психолог также предлагал путем соответствующего изменения законов. И вскоре новый свод был обнародован.

Статья I. Каждый гражданин, проходящий мимо банка, обязан взломать кассу и совершить ограбление.

Статья II. Закон предписывает всем разряжать оружие, выпуская полную обойму в любого неприятного человека.

Статья III. Образцовым гражданином считается любой уклоняющийся от уплаты государственных налогов. Своевременная выплата налогов уголовно наказуема.

И тому подобное.

Как только новые законы вступили в силу, жизнь в городе стала сущим раем: никогда еще люди не испытывали такого морального удовлетворения.

— Чихал я на эти законы — взял и уплатил все налоги до последнего.

— А я опять нынче преступление совершил — ни одного банка не ограбил.

— Нашел чем хвастаться! Вот я — это да: сегодня целых семь человек не убил!

Короче говоря, все наконец-то удовлетворили свою потребность безнаказанно нарушать законы и к тому же горди-

лись своей находчивостью, стойкостью, ловкостью. Словом, все шло как по маслу.

Но вдруг попал в тот город бандит из-за границы и, не ведая о новых законах, вышел на дело. Ворвался в банк с pistolетом и крикнул:

— Ни с места! Ограбление!

Служащие и клиенты поглядели на него с нескрываемым презрением.

— Слизняк! — сказал кто-то. — Закон нарушать кишка тонка?

— Срам! — пристыдил его кассир. — Я бы давил таких трусов. На, держи, выполняй свой долг. — И брезгливо протянул деньги.

Озадаченный бандит поспешно скрылся, а когда вскоре услышал по радио: «Приказ по поводу сегодняшнего ограбления банка. Всем полицейским строжайше соблюдать закон, любыми силами не арестовывать преступника!», у него совсем голова кругом пошла.

Но, наконец познакоившись с уголовным кодексом и обнаружив, что граждане обязаны грабить банки, обязаны не арестовывать виновных, обязаны принимать краденые купюры на законном основании, ни в коем случае не заявляя в полицию, бандит воспрянул духом.

«В какую чудесную страну я попал!» — сказал он себе и преспокойно отправился тратить награбленные деньги.

Через несколько минут ему надели наручники и привели в суд. Естественно, он тут же сослался на закон.

— Господин судья, — запротестовал он, — это несправедливо, вы нарушаете городское законодательство!

Откуда было знать бедняге, что самым большим удовольствием горожан именно и было нарушать закон? Что в этом городе все его нарушают: и те, кто не должны были заявлять в полицию на предъявителя ворованных купюр, и полицейские, которым было запрещено арестовывать преступника, и судья, который не должен был его осуждать.

Уникальный памятник

При въезде в этот город — по-моему, он называется Эдинбург — находится памятник, перед которым останавливается каждый туристический автобус и экскурсовод сообщает:

— Здесь, дамы и господа, вы можете полюбоваться уникальным, единственным в своем роде памятником...

Подходит другой автобус, и повторяется та же самая фраза:

— Здесь, дамы и господа, вы можете полюбоваться уникальным, единственным в своем роде памятником...

Короче говоря, нет такого автобуса, который не остановился бы перед этим памятником, нет экскурсовода, который не объявил бы о нем, и нет туристов, которые не сфотографировались бы на фоне единственного в мире памятника и не растрогались бы до слез.

Зрелище это собирает огромные толпы. А между тем монумент крайне прост: мраморная колонна высотой примерно два метра и на ней — небольшая скульптура, изображающая — кого бы вы думали? — собаку. Сидит мраморная собака с тоскливой мордой, и каждый экскурсовод объясняет:

— ...посвящен собаке, которая после смерти хозяина четырнадцать лет не отходила от его могилы, пока сама не умерла. Перед нами возвышенный пример любви и самопожертвования!

Эти слова никого не оставляют равнодушным.

— Какая преданность! Какое самоотречение! Вот если бы и моя собака...

Туристы фотографируются у памятника, утирая слезы, садятся в автобус, а тем временем подъезжает следующий — в общем, сплошной поток растроганных туристов. Людской поток — собак там не бывает. В целом мире ни одна особь этой породы не пользуется таким признанием, но собаки этого города, который, по-моему, называется Эдинбург, не устаивают памятник даже взглядом. Только ночью, бы-

вает, кто-нибудь из них приближается к колонне и поднимает заднюю лапу.

— Дура! — обращается этот пес к статуе. — Какой пример щенкам подаешь! Вместо того чтоб четырнадцать лет убиваться о хозяйине, радовалась бы лучше свободе.

Бум

Промышленность была на крутом подъеме, специалисты назвали это явление «бум», и это действительно был бум, мощный, как канонада.

Фабрики выпускали несметное количество кофеварок, у каждого в доме было по меньшей мере три — на одну, на две и на шесть чашек. Производилась масса холодильников и стиральных машин, и потребители, подхлестнутые рекламой, считали своим долгом приобрести хотя бы по одной штуке. Магазины были завалены телевизорами, и каждый гражданин пусть в кредит, но покупал один с экраном в полметра и один переносной. С конвейера сходили автомобили, и все, подписывая векселя, хватали — уж один-то обязательно. Наступил момент, когда промышленность уже не знала, что бы ей такое еще произвести. Как выражаются эксперты, назревал кризис.

Хозяева предприятий собрались обсудить сложившуюся ситуацию.

— Бум должен продолжаться, иначе не получим прибыль.

— Чтобы получить прибыль, надо продавать...

— ...и сокращать расходы. Подумайте, сколько мы тратим на зарплату рабочим и служащим!

Один промышленник поднял руку.

— У меня мысль. Уволим рабочих и сэкономим на зарплате. Сконструируем роботы, и они будут трудиться бесплатно.

— Прекрасно! — одобрили все.

Промышленность начала выпускать безукоризненных роботов, живая рабочая сила больше не требовалась.

Вскоре предприниматели собрались снова.

— Теперь буму зеленая улица.

— В самом деле, производи все что душе угодно.

— Но кто будет покупать? Рабочие и служащие не зарабатывают, значит, у них нет денег.

Один промышленник поднял руку.

— У меня мысль. Создадим роботов, которые будут покупать все, что мы производим.

— Правильно! — поддержали все.

И действительно: если кроме бесплатной рабочей силы появятся еще и роботы-потребители, скупающие все товары подряд, даже ненужные, тогда можно будет производить и продавать до бесконечности.

Запустили в производство роботов-потребителей, и начался супербум. Чего только не производили: металлическую траву, двухэтажные автомобили, куски хрустального неба, консервные банки с искусственным мясом, бутылки с туманом, — и все шло нарасхват.

Бум в этой стране продолжается до сих пор, он все набирает силу, ведь там живут теперь одни роботы. Роботы-эксперты металлическим голосом постоянно твердят:

— Такого бума не было во веки веков!

Скандал в Академии

После минутного замешательства все академики в один голос возмутились: да как он посмел, новоиспеченный профессор, юнец, только-только принятый в Академию, произнести подобную ересь?

Ему первый раз предоставили слово на этой высокой кафедре, и он высказался так:

— Глубокоуважаемые коллеги, я против науки...

Не только в Академии, но и во всей стране ничего подобного еще не слышали: в этом высокоразвитом, технически ор-

ганизованном и экономически запрограммированном обществе все граждане обладали безупречной научной подготовкой.

Во всех сферах царил автоматизация. В каждом доме обязательно имелись посудомойка, автоматическая кухарка, машина для выполнения домашних заданий, пылесос и электронный мозг. Нажимаешь кнопку — и он выдает тебе комплексную программу воскресного отдыха, в том числе наиболее удобный маршрут и встречающиеся по пути достопримечательности; или, скажем, засосало у тебя под ложечкой, нажимай другую кнопку, и сразу узнаешь, какой бутерброд тебе лучше съесть — с ветчиной, сыром или колбасой. Электронный мозг подскажет, какой фильм больше соответствует твоему сегодняшнему настроению. Если у тебя возникнет сомнение, куда свернуть на перекрестке, — пожалуйста, на каждом углу кабина общественного электронного мозга на случай затруднения: он мгновенно тебя направит куда надо, и мало того — определит, чего тебе в данный момент больше хочется — потанцевать, навестить приятеля или, к примеру, отправиться в игровой зал. Игровых залов множество, и в них широчайший ассортимент электронных аппаратов: одни развивают интеллект, другие выявляют и корректируют твои склонности...

Пользоваться электронным мозгом обучают с самого раннего возраста, поэтому дети всегда знают, какой гимнастический комплекс выполнять для укрепления бицепсов или икроножных мышц и какие игры тренируют способность научно прогнозировать исход спортивных матчей. Нет девушки, которая не выяснила бы у электронно-вычислительной машины, какими качествами должен обладать ее избранник.

Из жизни людей были полностью исключены импровизация и случайность, научно-технический уровень страны был так высок, что граждане по праву считали себя авангардом человечества. Можете себе представить, какой скандал вызвала такая фраза в стенах Академии наук. Ученые мужи пришли в крайнее негодование.

— Он не в своем уме! Как он смеет? Вон его, вон!

Президент с трудом восстановил тишину.

— Коллега,— сказал он сурово,— извольте объяснить.

Юный профессор несколько раз открыл рот, но не вымолвил ни слова. Было ясно: на душе у него такое накипело, в голове был такой вихрь мыслей, что выразить это ему трудно. Красный от напряжения, он наконец излил все в одной фразе:

— А как же быть с фантазией?..

В зале воцарилась гробовая тишина.

После продолжительного, тягостного молчания президент, сраженный таким открытием, едва слышно прошептал:

— Уважаемые коллеги, я полагаю, необходимо коренным образом пересмотреть всю систему нашей научной организации.

Стефано Бенни

Золушек

СКАЗКА ДЛЯ ОФИЦИАНТОВ

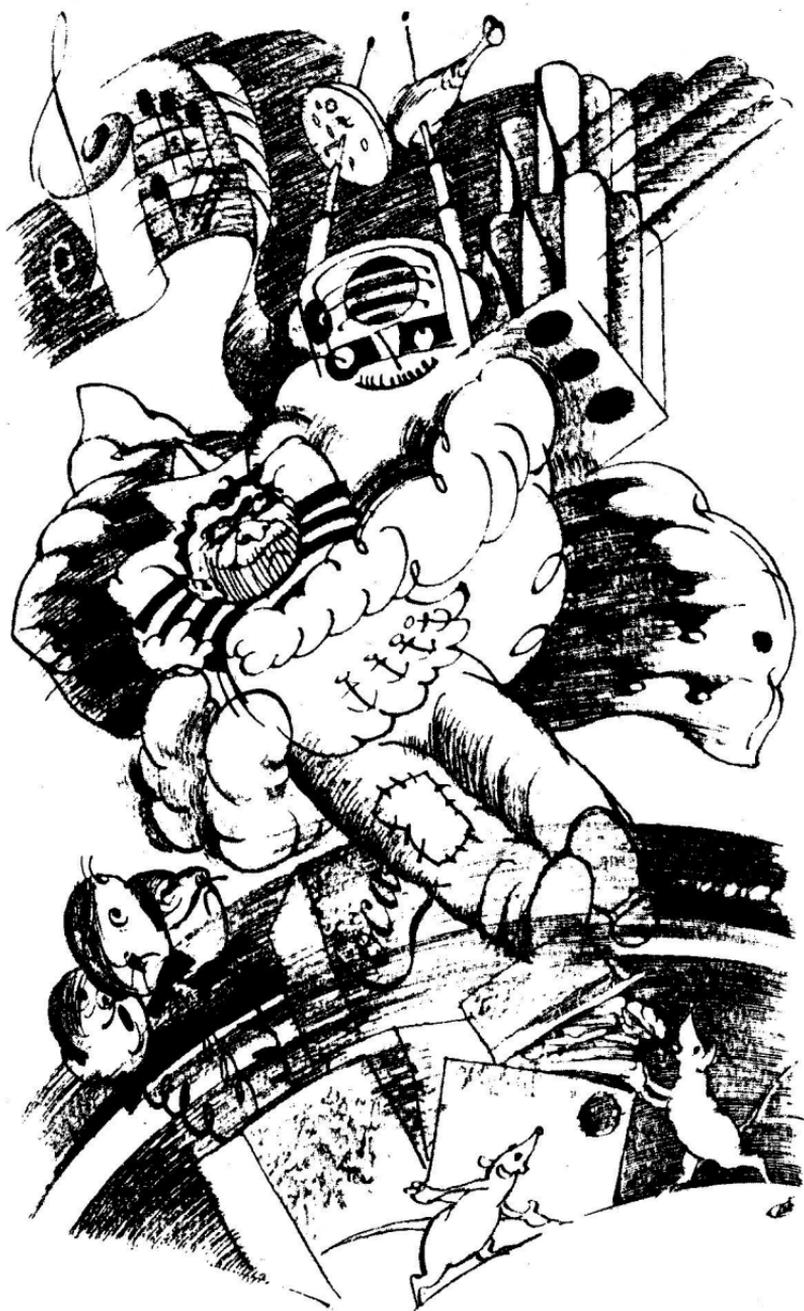
Был когда-то на свете шикарный бар.

За шикарными столами сидели шикарные посетители и пили из больших бокалов зеленый напиток с ломтиками лимона. У всех посетителей лица загорелые, пиджаки сидят как влитые, в баре приятно пахнет лосьоном после бритья, хвойным экстрактом для ванн и сумками из крокодиловой кожи. Официанты — в белоснежных куртках, баки у них аккуратно подстрижены, улыбки лучезарные, но без тени фамильярности. Зовут официантов Тони, Руфус и Луис.

Единственным диссонансом в этом шикарном баре был низкорослый, невзрачный официант по имени Антонио Золушек, уроженец Трапани. Он носил не белоснежную куртку, а грязный-прегрязный передник, сандалии на босу ногу и кулек вместо шапочки. Владелец бара, синьор Оттавио, строго-настрого запретил Антонио показываться на глаза клиентам — больно уж он неказист.

— Ты, Золушек, — говаривал он, — судомойка, судомойкой и останешься. Куда тебе в официанты, не тот у тебя фа-

сад! Твое дело — вставлять зубочистки в маслины, раскладывать семгу по бутербродам, выносить ведра, мыть ложки и тому подобное.

Золушек был очень добрый малый и делал все, что прикажут, за тридцать пять тысяч лир в месяц, двухразовое питание и матрас, втиснутый между ящиками с пивом. Он работал с удовольствием, напевая «Неблагодарное сердце» таким приятным тенорком, что все воробьи и ласточки слетались его послушать, а потом, восхищенные, оставляли визитные карточки.

Тони, Руфус и Луис издевались над ним, для забавы брызгали на него сельтерской водой из сифона, выдергивали из его густых бровей волоски, чтобы сделать свои редкие усы попышнее. Но Золушек не обижался. Он даже любил Тони, Руфуса и Луиса, потому что они были всегда элегантно одеты и умели носить много-много рюмок между пальцами. Ах, вот бы и ему разливать кока-колу в стаканы клиентов, не давая ей пениться, и носить белоснежную куртку с карманами, оттопыренными от бутылочных пробок! Но стоило ему замечаться, голос синьора Оттавио возвращал его к действительности.

У Золушка было трое друзей, с ними он делил закуток за ящиками с пивом. Двое из них — мыши, те самые, что заводятся везде, где есть пищевые отходы. Очень милые мыши. Один, по имени Кавикки, весом в двадцать пять килограммов, помогал Золушку таскать тяжести; другой, Эмануэле, весьма образованный мыш, усердно готовился к экзаменам на морскую свинку, надеясь пристроиться на факультете биологии. С ними обоими Золушек, просунув голову в нору через дырку в стене, мог часами беседовать о футболе и женщинах.

Третьим другом Золушка была радиопередача «Три — один, три — один», которую он слушал каждый день, умиляясь до слез. Ночами ему снилось, будто ведущий передачи, синьор Каваллина, держит его на коленях и рассказывает изумительные истории.

Однажды в шикарном баре устроили коктейль; предполагалось мясо на вертеле, шашлыки, горячий вюрстель, виски и для желающих — игра в кегли. Собрались сливки общества. А принцесса Сперелли — дочь короля стали и королевы чугуна — выглядела вишенкой, украсившей эти сливки. Дед ее был магнатом олова, сестра напоминала несгораемый шкаф, а тощий брат — гвоздь.

У шестнадцатилетней Сперелли с ангельским личиком за плечами были диплом лингвиста и девять абортгов. Жизнь одарила ее всем, но принцесса тем не менее скучала. Лучшие женихи города были у ее ног, а она всех отвергала. Но именно здесь, на коктейле, она должна была выбрать себе спутника жизни. По этому поводу весь город был в ажиотаже: ателье, парикмахерские и сауны ломались от клиентов, гудели кварцевые лампы, массажисты трудились в поте лица, а кандидаты в мужья лихорадочно твердили наиболее употребительные французские фразы.

Так что в шикарном баре в тот вечер чувствовалось необычное оживление. Синьор Оттавио порхал от стола к столу, расставляя пепельницы. Тони расчесывал бакенбарды. Руфус подкручивал усы ножом для масла. Луис смазывал волосы брильянтином «Севилла Мармаладе». Золушек подглядывал в просвет между тремя стопками тарелок, не замечая, что Кавикки уже давно стоит наготове с моющим средством фирмы «Вим».

— Ах! — вздыхал Золушек. — Вот бы и мне прислуживать там, в зале!

— Слышу, слышу! — немедленно отозвался синьор Оттавио. — Ради бога, не показывайся на глаза посетителям, не срами меня. Залезай-ка для верности в холодильную камеру! — И запер его среди свиных окороков.

Золушек сидел смиренно и прислушивался к грохоту подкатывающих «хонд», звяканью драгоценностей, взрывам смеха и мелодии «Когда садится солнце»; даже в холодильнике чувствовался божественный аромат духов «Герлен».

Крупная слеза скатилась на его заиндевевшую бровь: Золушек привык ронять слезы наверх, чтобы не пачкать пол.

И тут произошло невероятное. Радио, по волшебству, само включилось, и голос ведущего Каваллины сказал:

— К нам обратился официант Антонио Золушек, родом из Трапани. Перед нами вполне понятное движение души. Золушек, вы меня слышите?

— Да-да, синьор,— отозвался взволнованный Золушек.

— Вы, если не ошибаюсь, очень хотели бы обслуживать коктейль Сперелли?

— Да, синьор.

— Мы пригласили в качестве эксперта главу Всеитальянской ассоциации барменов синьора Торелли. Передаю ему микрофон.

— Вы слышите меня, Золушек?

— Да, синьор.

— Где вы находитесь?

— В холодильной камере.

— Отлично! Повторите три раза: «По пути домой и в школу пейте, дети, кока-колу!», потом закройте глаза и сосчитайте до десяти. Поняли?

— Да, синьор.

Один, два, три, четыре...

— Ну что, Золушек?

Золушек открыл глаза и... о чудо! У ног его голубой атласный смокинг, подарок читателей «Радиокоррьере», а Кавикки и Эмануэле превратились в хорошеньких гёрл-коккетт — разносчиц сигарет.

На секунду Золушек лишился дара речи.

— Спасибо, спасибо, синьор! — воскликнул он, опомнившись.

Но радио, по волшебству, уже передавало сводку морских приливов и отливов.

Коктейль был в разгаре, но синьор Оттавио испытывал тревогу. Принцесса Сперелли отказывалась что бы то ни было потреть. Напрасно Луис, Руфус и Тони суетились вокруг ее стола. Красавица надкусила маслину, да и то нехотя, попросила стакан минеральной воды, отпила глоток и сказала, что слишком много газа. Принесли другую бутылку, в ней оказалось слишком мало газа. Синьор Оттавио едва не разрыдался.

В этот момент откуда ни возьмись появился сияющий, изящный, безукоризненный Золушек, весь в голубом. Ропот пронесся по залу.

— Кто этот мэтр? — вполголоса спрашивали почтенные синьоры. — Мы его первый раз видим.

— Какая непринужденность, какой лоск! — с придыханием шептали светские дамы. — Должно быть, англичанин.

Золушек приблизился к столу Сперелли. В одной руке он держал бокал с обыкновенной водой, в другой — вазочку с порошком шипучки.

— Сколько ложечек, мадемуазель?

— Две, спасибо, — ответила, просветлев, принцесса и залпом выпила воду на глазах восхищенной публики.

— Вот это обслуживание! — сказал король стали.

— Черт побери! — произнесли по-французски все присутствующие, кое-кто даже с набитым ртом.

Минуту спустя принцесса взяла ложечку и, снова ошеломив всех, принялась стучать ею по стакану, призывая:

— Официант! Официант!

Золушек проскользнул между столами.

— Что угодно?

— Шесть бутербродов с вареной ветчиной! — потребовала Сперелли.

— Что с ней происходит? Она помешалась! — проворчал король стали.

— Оставь ее в покое, оставь! — посоветовала королева чугуна, которая была себе на уме.

С этого момента Золушек не отходил от принцессы. Он нарезал ей ананас, советовал, какое шампанское пить, вывел пятно на рукаве. Она смеялась, шутила, пила и ела за обе щеки. Один раз даже рыгнула и тут же заказала рагу из кролика.

— Может, хватит? — нахмурился король стали. — В какое положение она нас ставит!

— Детские шалости, — благодушно заметила королева чугуна, которая была себе на уме.

— Хочу фасолевой похлебки! — под общий ропот заявила Сперелли.

— Ни с места! Ни с места! — предостерег синьор Оттавио.

Но Золушек уже стоял возле стола с дымящейся похлебкой.

— Фасоль в полночь! — удивилась королева чугуна. — Дорогая, возьми себя в руки...

— Полночь! — спохватился Золушек и побледнел. — А я еще не разыграл карточку спортивной лотереи! — Он повернулся на каблуках и, обходя столы, словно игроков противника, ринулся к двери.

— Официант, принесите пармезан! — завопила Сперелли. — Куда же вы?

Но Золушек уже пулей устремился в привокзальный бар.

— Ушел! — разразилась слезами Сперелли и вне себя от отчаяния выплеснула похлебку в лицо городскому судье.

— Этот мэтр слишком много себе позволяет! Почему он не несет пармезан моей девочке?! — возмутился король стали.

— Потому что к фасолевой похлебке полагается оливковое масло, а не пармезан, — пояснила королева чугуна, которая была себе на уме.

Принцесса Сперелли безутешно плакала, и горькие

слезы, смешиваясь с тушью для ресниц, капали на пол.

— Миллион тому, кто найдет этого мэтра! — провозгласил король стали. — Два миллиона! Три миллиона! Все мои литейные заводы.

— Какой скандал! — говорили добропорядочные дамы. — Где это видано, чтоб мэтр прервал обслуживание, и заметьте — мы не знаем, кто он и откуда.

Тогда королева чугуна, которая была себе на уме, сказала:

— В супе волосок!

Все хором закричали:

— Это его волосок! Волосок загадочного официанта.

— Волос невероятно жирный, кудрявый и грязный, — высказал компетентное мнение парикмахер Александер, обслуживавший кинозвезд. — Такой попадается один на миллион.

— Это мой, мой, мой! — хором сказали Тони, Руфус и Луис.

Но их тотчас же обвинили в фальсификации многочисленных присутствующие генералы.

Король стали отправился в профсоюз, потребовал списки и проверил три тысячи официантов, но ни у кого не было таких волос. Золушек не платил взносов и в списке не числился, ему предстояло до смерти мыть тарелки, напевая «Неблагодарное сердце», и болеть за футбольную команду «Наполи».

Но судьба была благосклонна к юным героям. «Мазерати» принцессы сбил Золушка, когда тот на велосипеде развозил клиентам торты.

— Это он! — воскликнула Сперелли, заметив его под колесами.

Она его выходила и наняла за сто двадцать тысяч лир

в месяц плюс оплата страхового полиса — включила в свою свиту наряду с двумя сомалийскими мажордомами, кормилицей, уроженкой Фриули, и поваром из Франции. И зажили они все в счастье и довольстве — все, кроме Золушка.

Джузеппе Брунамонтини

Спонсоры

Он ловким движением подровнял клумбу с цинерариями в центре парадного зала, затем осмотрел прямоугольные вазоны с декоративным кустарником, словно бы на часах стоявшие по бокам стола жюри. Стол был установлен на деревянном возвышении, покрытом синим паласом, на фоне которого очень красиво смотрелись листья в желтую полоску. Вдоль стен на одинаковом расстоянии друг от друга выстроились вазы с пышно разросшимися филодендронами: широкие мощные стебли тянулись вверх до потолка, напоминающая зеленые колонны.

Обход обходом, но одновременно Дзампелли с явной озабоченностью слушал своего авторитетного коллегу.

— В сущности, что такое спонсорство? — говорил тот. — Это обыкновенный контракт: я тебе плачу, а ты меня рекламируешь. И всякие сценические эффекты тут ни к чему.

— А что, контракт их исключает?

— В контракте это не оговорено.

— Ну а раз не оговорено, значит, не запрещено! — не сдавался Дзампелли.

В своем деле он был настоящий профессионал, но с аван-

тюрной жилкой; вот и теперь повышенное внимание к цветам было отнюдь не случайным.

В клумбе Дзампелли спрятал корзину с гадюками, да так умело ее замаскировал, что никто из участников конкурса при всем желании ничего бы не заметил. Однако действовать в одиночку он все-таки не решился, ожидая от коллеги если не поддержки, то по крайней мере одобрения.

— Извини, но твоя этика хороша лишь для крупных спортивных мероприятий. Скажем, для наиболее популярных футбольных или баскетбольных турниров с участием нашей сборной, когда ее реорганизуют, или для европейских чемпионатов по легкой атлетике, плаванию и биатлону. Вот там в твоем распоряжении богатейший набор рекламных средств, начиная от плакатов, афиш, логотипов, фирменных маек, наклеек, брелоков для ключей и кончая видеорепортажами, когда оператор как бы невзначай задерживает камеру на рекламных объявлениях. И ты можешь, таким образом, предлагать любой товар: от мозольных пластырей до зубной пасты, от бульонных кубиков до электроприборов. А здесь наши возможности ограничены.

— Зачем же нам тогда понадобился этот контракт? — спокойно спросил коллега.

Звали его Даль Понте, и все в нем — стройная моложавая фигура, загорелое лицо, а особенно голос, ровный и глубокий, — внушало людям доверие. Одет он был в полотняную куртку-сафари, а под ней — белоснежная шелковая рубашка. На ногах сапоги из грубой кожи, но поверх выпущены идеально отглаженные брюки.

— Дельце очень выгодное, сам знаешь, мы благотворительностью не занимаемся, — возразил Дзампелли.

— Вот и будем строго придерживаться условий контракта, — заключил Даль Понте. — Стоит ли нарывать на неприятности?

— Да пойми ты: сюрприз будет хорошей рекламой и оживит церемонию. А то ведь тут как на кладбище.

Тем временем стали прибывать первые участники. В зале загорелись восемь огромных люстр — по четыре в каждом

ряду,— и в их свете присутствующие мирно беседовали, собиравшись группками. Старые приятели после долгой разлуки смогли наконец лично выразить друг другу свое восхищение.

С минуты на минуту должно было состояться награждение победителей общенациональных состязаний, для чего со всех концов страны съехались специалисты по выучке легавых, гончих, такс, борзых.

Рядом со столом жюри стоял другой, маленький, на котором были разложены золотые, серебряные, бронзовые медали и соответствующие дипломы. Ослепительно сверкали микрофоны. Члены жюри заняли свои места. Две девушки разносили прохладительные напитки.

Спонсором мероприятия выступала фирма по производству сыворотки против змеиных укусов, что как нельзя более подходило к случаю. Но, по мнению Дзампелли, не мешало бы нарушить некоторую статичность атмосферы, складывающейся из монотонных речей, вручения призов, дипломов, картинных объятий и позирования перед фотокамерами.

Свою сыворотку фирма и так рекламирует всюю. Сельские жители непременно держат на всякий случай пузырек в холодильнике, хотя змей уж давно никто из них не встречал. Змеи вообще крайне редко нападают на человека — разве что с целью самозащиты, когда путь к отступлению отрезан. А врагов у змеи и кроме человека хватает — и ежи, и барсуки, и ночные птицы и дневные. Все это, увы, не повышает спрос на сыворотку.

Весьма удручало спонсоров и то, что операторы телевидения, несмотря на неофициальную договоренность с телекомпанией, так и не появились.

— Представляешь, какой поднимется переполох, если мы откроем корзину, — сказал Дзампелли.

В корзине был спрятан металлический ящичек, а в нем клубилось десятка два гадюк длиной полметра каждая.

Репортеры (их было всего трое), с трудом подавляя зевоту, помечали имена награжденных в розданном им заранее пресс-бюллетене. Одновременно фирма вручила им по спор-

тивной сумке с отпечатанными на ней именами победителей чемпионата и красочной рекламой сыворотки; в сумке находились охотничья ветровка и наручные часы. Надо же было, чтоб репортеры сподобились написать хотя бы заметку в двадцать строк.

— Да уж, они только и ждут такой сенсации,— саркастически заметил Дэль Понте.

Эта неосторожная реплика решила все. Для Дзампелли она послужила сигналом к действию. Выглянув в коридор, он взмахнул рукой. И в ту же секунду двенадцать девушек в элегантных тупоносых сапожках из сафьяна тихонько вошли и встали по трое у свободных столов в глубине зала. Каждая держала наготове чемоданчик с медикаментами.

Дзампелли заранее проверил, нет ли в дверях щелей. А теперь запер двери все до одной и ключи положил в карман.

Председатель жюри торжественно провозгласил:

— Атилио Мусколини награждается золотой медалью за выучку собак для охоты на кабана.

Дзампелли в плотных перчатках уже стоял возле клумбы. Молниеносно повернув ключ, он откинул крышку металлического ящика. Гадюки на миг оцепенели от яркого света. Тогда Дзампелли чиркнул спичкой, поджег весь спичечный коробок и швырнул его в скопище змей. Гадюки стремительно расползлись во все стороны.

Девушки синхронно открыли чемоданчики и, выхватив шприцы, наполненные сывороткой, приготовились оказывать первую помощь. Все было организовано безукоризненно.

Гадюки почувствовали себя в западне, и потому им ничего не оставалось, как атаковать. Они жалили врага в лодыжку, чуть выше носков. Сначала никто даже не понял, что происходит. Разве кто-нибудь мог подумать, что в общественном здании устроили серпентарий! Некоторое время змеи действовали совершенно безнаказанно. Но вскоре присутствующие, почувствовав жгучую боль в ногах, взглянули вниз и увидели там змеиный клубок.

— Гадюки! Берегитесь, тут гадюки!

Вопя и толкаясь, все полезли на стулья и столы. К счастью, двери были заперты! Иначе люди опрометью кинулись бы вон и выпустили бы гадюк на лестницу, в лифты, в кабинеты и те быстро расплозились бы по всему зданию, а то и по всему городу. Если уж поднимется паника, ее потом остановить трудно. Обезумевшая публика штурмом брала столы и прочие возвышения, сбрасывая своих ближних, а те в свою очередь пытались отвоевать себе место. Присутствующий здесь же страж порядка выхватил наган, снял с предохранителя и, словно волшебную палочку, нацелил в ноги собравшимся. По выражению лица, растерянному и одновременно кровожадному, чувствовалось: он вот-вот откроет огонь. Но тут железная рука Дзампелли легла на его запястье и заставила опустить пистолет.

— Ты понимаешь, что делаешь? В кого ты целишься? Это же тебе не бандиты, а всего лишь гадюки!

Полицейский в полном замешательстве спрятал наган.

— Простите,— пробормотал он и вдруг, как утопающий за соломинку, схватился за калорифер.

По мнению двух спонсоров, это была единственная неадекватная реакция на происходящее. Остальные привыкли жить на природе, среди лесов, полей, болот и каменистых плоскогорий, в соседстве с дикими зверями и, конечно же, змеями, а потому все, кроме полицейского, повели себя разумно с экологической точки зрения. Прежде всего попытались забраться как можно выше, хотя и проделали это несколько сумбурно. Как известно, гадюка может подняться не более чем на половину своей длины, то есть на двадцать-тридцать сантиметров.

Правда, пострадавших оказалось немало. С громкими стонами они силились ухватить себя за лодыжку, но вскоре сообразили, что удобнее отсасывать яд друг у друга.

Тут микрофоном завладел Даль Понте.

— Прошу прощения,— обратился он к председателю жюри, который, сидя в кресле, сохранял полнейшую невозмутимость.— Я бы хотел сделать заявление.

— Пожалуйста.

— Господа,— услышали все внушающий уверенность голос Даль Понте.— Довожу до вашего сведения, что в глубине зала действует пункт «Скорой помощи». Двенадцать опытных медицинских сестер введут всем пострадавшим противоядие.

Несчастные выстроились у столов. Операция осуществлялась быстро и четко. Медицинские сестры с ослепительной улыбкой ловко орудовали шприцами, дезинфицировали и перевязывали раны. Кое-кто даже решил уколоться для профилактики, хотя его гадюка и не кусала.

— Обслуживание на высшем уровне!— выразил кто-то общее мнение.

— Оставайтесь здесь, и с вами ничего не случится,— заверил Дзампелли троих журналистов, кое-как примостившихся на столе видеозаписи.

Те, приободрившись, лихорадочно застрочили в своих блокнотах. Фотографы с других возвышений то и дело щелкали вспышками. Как было упустить такую сенсацию!

После непредвиденной заминки торжественная церемония возобновилась в соответствии со своей нелепой программой. Паника улеглась, хотя растревоженные гадюки еще ползали по залу. Участники, как уже упоминалось, были привычны к опасностям, подстерегающим человека в лесу, и довольно ловко обходили гадюк стороной, готовые, однако, в любую минуту нанести им сокрушительный удар ботинком в челюсть.

Даль Понте снова подошел к микрофону.

— Bravo, господа! Мы знали, что подобный эксперимент можно проводить только с отважными и опытными людьми. Но на такой успех даже мы не рассчитывали! Когда гадюки стали на вас охотиться, вы — уж простите мне нехитрый каламбур — охотно дали им отпор. Это только подтверждает ваш высокий профессионализм. И в то же время мы получили возможность продемонстрировать превосходные иммунологические качества нашей сыворотки.— Выдержав многозначительную паузу, он продолжал:—

Однако, прежде чем мы продолжим торжественную церемонию, необходимо выполнить еще одну непростую задачу. По залу ползают двадцать гадюк. Если среди вас есть опытные змееловы, то просим вас выловить и уничтожить этих тварей.

Десять участников ринулись на гадюк; остальные со столов и стульев указывали, где их искать. Между тем из коридора уже барабанили в двери.

— Минутку! — крикнул Дзампелли. — Не беспокойтесь, скоро откроем.

На истребление гадюк потребовалось всего четверть часа. Потом в зале был наведен порядок. Медицинские сестры спрятали свои инструменты в чемоданчики. Председатель жюри вновь стал выкликать имена призеров. Дзампелли отпер двери. На пороге появились телеоператоры.

— Обычная церемония награждения? — спросили они.

— Пожалуй, не совсем обычная, — отозвался Дзампелли.

Он извлек из дипломата несколько весьма изящных кожаных футляров.

— Все-таки принес? — с легким упреком сказал Даль Понте.

— Надо же вознаградить людей за испуг.

Когда церемония подошла к концу, Дзампелли объявил в микрофон:

— А теперь, господа, если не возражаете, мы вручаем вам подарок фирмы! В каждом футляре находится гадюка и восемнадцать доз противоядия.

Награжденные мгновенно расхватили футляры. Журналист и телеоператоры сперва не поверили своим глазам, а потом, опомнившись, схватились за блокноты и камеры.

Содержание

<i>Л. Вершинин. В стране волшебников и чудаков</i>	5
--	---

Карло Эмилио Гадда

Короткие басни. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	21
---	----

Альберто Моравиа

Когда К. Ит был маленьким-маленьким. <i>Перевод Э. Двин</i>	25
Хороший муравей императорского трона стоит. <i>Перевод Э. Двин</i>	30
Когда мысли замерзали в воздухе. <i>Перевод Э. Двин</i>	36
Зря бедный Пин Гвин надеялся на лед. <i>Перевод Э. Двин</i>	41
Не пристало Фи Лину любить Жу Равку. <i>Перевод Э. Двин</i>	47
Вселенский Потоп, конец света и так далее... <i>Перевод Э. Двин</i>	54
Чудища из матушкиных снов. <i>Перевод Э. Двин</i>	59
Как храбрых пожарников сон сморил. <i>Перевод Э. Двин</i>	64
Ну и лодыри были эти А. Дам и Е. Ва. <i>Перевод Э. Двин</i>	70
Беда, коль Вс. Е. Вышний проснется. <i>Перевод Э. Двин</i>	79
Происшествие с Нос О'Рогом. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	85
Прыжок Дино Завра. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	91
Рога Вер Блюда. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	93
Как При Рода переделывала мир. <i>Перевод Э. Двин</i>	97

Луиджи Малерба

Был когда-то на свете город Луни. <i>Перевод Э. Двин</i>	103
Дела давние, дела славные. <i>Перевод Э. Двин</i>	109
Как собака стала другом человека. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	122
Черви в Сеттекамини. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	126
Башковитые курицы. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	130

Сказка Орестоне. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	161
Два диковинных зверя. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	161
Старик и палка. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	162
Хитроумный бык. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	163
Гипотенуза слона. <i>Перевод Э. Двин</i>	164
Улитки. <i>Перевод Э. Двин</i>	165
Шутка над потомками. <i>Перевод Э. Двин</i>	166
Плевок паука. <i>Перевод Э. Двин</i>	166
Черненький червячок. <i>Перевод Э. Двин</i>	168
Перья архангела. <i>Перевод Э. Двин</i>	168
Морковка и луковица. <i>Перевод Э. Двин</i>	169
Как Марионе наводил в мире порядок. <i>Перевод Э. Двин</i>	170
Пять мух. <i>Перевод Э. Двин</i>	173
Экскурсовод из Рима. <i>Перевод Э. Двин</i>	174
Дядюшка в аду. <i>Перевод Э. Двин</i>	174
Звон и камни. <i>Перевод Э. Двин</i>	176
Что съедобно, а что — нет. <i>Перевод Э. Двин</i>	178
Башмаки для сороконожек. <i>Перевод Э. Двин</i>	179
Тонтолино и облака. <i>Перевод Э. Двин</i>	181
Грязное небо. <i>Перевод Э. Двин</i>	183
Китайская пословица. <i>Перевод Э. Двин</i>	185
Доисторическое колесо. <i>Перевод Э. Двин</i>	186
Головы и лапки. <i>Перевод Э. Двин</i>	187

Карло Бернари

Перевод Л. Вершинина

Восклицательный Знак	188
Дело в бороде	198

Итало Кальвино

Судок. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	210
Ядовитый кролик. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	214
Сад неистовых котов. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	222
Три Далеких острова. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	232

Дино Буццати

Перевод Р. Хлодовского

Нападение на Большой Конвой	242
---------------------------------------	-----

Очарованный буржуа 258

Джанни Родари

Влюбленный мотоциклист. *Перевод Л. Вершинина* 268
Билл Пианино и тайна огородных пугал. *Перевод Л. Вершинина* 275
«Бум!», «Трах!», или Прилетели марсиане. *Перевод Л. Вершинина* 282
Война поэтов. *Перевод Л. Вершинина* 289
Чью нить прядут три старушки? *Перевод Л. Вершинина* 295
У каждого месяца своя история. *Перевод Л. Вершинина* 302
Портрет командора Корнелиуса. *Перевод Л. Вершинина* 308
Колдовская пластинка. *Перевод Л. Вершинина* 312
Тайна острова Сан-Джулио. *Перевод Э. Двин* 318

Примо Леви

Спящая красавица в холодильнике. *Перевод Л. Вершинина* 326

Гuido Рокка

Фазан Гаэтан. *Перевод Т. Блантер* 343

Джузеппе Бонавири

Попугай. *Перевод Л. Вершинина* 373
Сын портного. *Перевод Е. Дмитриевой* 377

Мария Корти

Перевод Л. Вершинина

Метаморфозы Маркольфо 382
Почему закат багровый 393

Тонино Гуэрра

Перевод Л. Вершинина

Лев с седой бородой 400

Сломанный Буратино 403

Рене Реджани

Пугало. *Перевод Т. Блантер* 410
Ателье «Паутинка». *Перевод Т. Блантер* 415
Суд над Кукушкой. *Перевод Е. Дмитриевой* 419

Серджо Дзаволи

Тише едешь... *Перевод Л. Вершинина* 425

Эрманно Либенци

В селении Глупеня. *Перевод Л. Вершинина* 430

Рафаэле Ла Каприа

Томé. *Перевод Л. Вершинина* 436

Джузеппе Понтиджа

Убежище. *Перевод Л. Вершинина* 442

Марчелло Арджили

Адриатическое море берет отпуск. *Перевод Е. Дмитриевой* 448
Каникулы Эйфелевой башни. *Перевод Е. Дмитриевой* 449
Одышка терпит поражение. *Перевод Е. Дмитриевой* 451
Без определенного имени. *Перевод Е. Дмитриевой* 452
Единственный недостаток. *Перевод Е. Дмитриевой* 453
Граница зрения. *Перевод Е. Дмитриевой* 454
Что случится завтра. *Перевод Е. Молочковской* 455
Человек, сокращавший время. *Перевод Е. Молочковской* 457
Полчаса жизни. *Перевод Е. Молочковской* 458
Бесплезная болтовня о времени. *Перевод Е. Молочковской* 459
Переводчик. *Перевод Е. Молочковской* 461
Машинист перекошенного поезда. *Перевод Е. Молочковской* 464
Как фальшивомонетчик разорился. *Перевод Е. Молочковской* 465

Эксперт за «круглым столом». <i>Перевод Е. Молочковской</i>	466
Антиизобретатель. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	467
Дегустатор. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	469
Курильщик-за-других. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	470
Доска объявлений. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	471
Сочинение. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	473
Дальний ящик. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	474
Громоотвод — любитель детективов. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	475
Пародист. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	476
Читай, болван! <i>Перевод Е. Молочковской</i>	476
Телевидение для зверей. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	478
Музыкальный автомобиль. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	479
Рекламный лозунг. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	480
Граждан просят... <i>Перевод Е. Молочковской</i>	481
Новые законы. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	482
Уникальный памятник. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	485
Бум. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	486
Скандал в Академии. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	487

Стефано Бенни

Золушек. <i>Перевод Е. Молочковской</i>	490
---	-----

Джузеппе Брунамонтини

Спонсоры. <i>Перевод Л. Вершинина</i>	499
---	-----

Истории из предыстории

Сказки для взрослых

Составитель Вершинин Лев Александрович

Редактор И. М. Заславская
Художники В. И. Смирнов, Ю. А. Боярский
Художественный редактор В. Б. Тихомиров
Технические редакторы О. Ю. Кочан, Е. И. Золотова
Корректор В. Ф. Пестова

ИБ № 5429

Сдано в набор 8.09.89. Подписано в печать 11.06.90. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная. Условн. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,30. Уч.-изд. л. 24,29. Тираж 100000 экз. Заказ № 1177. Цена 3 р. 40 к. Изд. № 6147. Издательство «Радуга» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 119859, Москва, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17. Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

История из Предыстории

Карло Эмилио Гадда
Альберто Моравиа
Луиджи Малерба
Карло Бернари
Итало Кальвино
Дино Буццати
Джанни Родари
Примо Леви
Гuido Рокка
Джузеппе Бонавири
Мария Корти
Тонино Гуэрра
Рене Реджани
Серджо Дзаволи
Эрманно Либенци
Рафаэле Ла Каприа
Джузеппе Понтиджа
Марчелло Арджилли
Стефано Бенни
Джузеппе Брунамонтини

